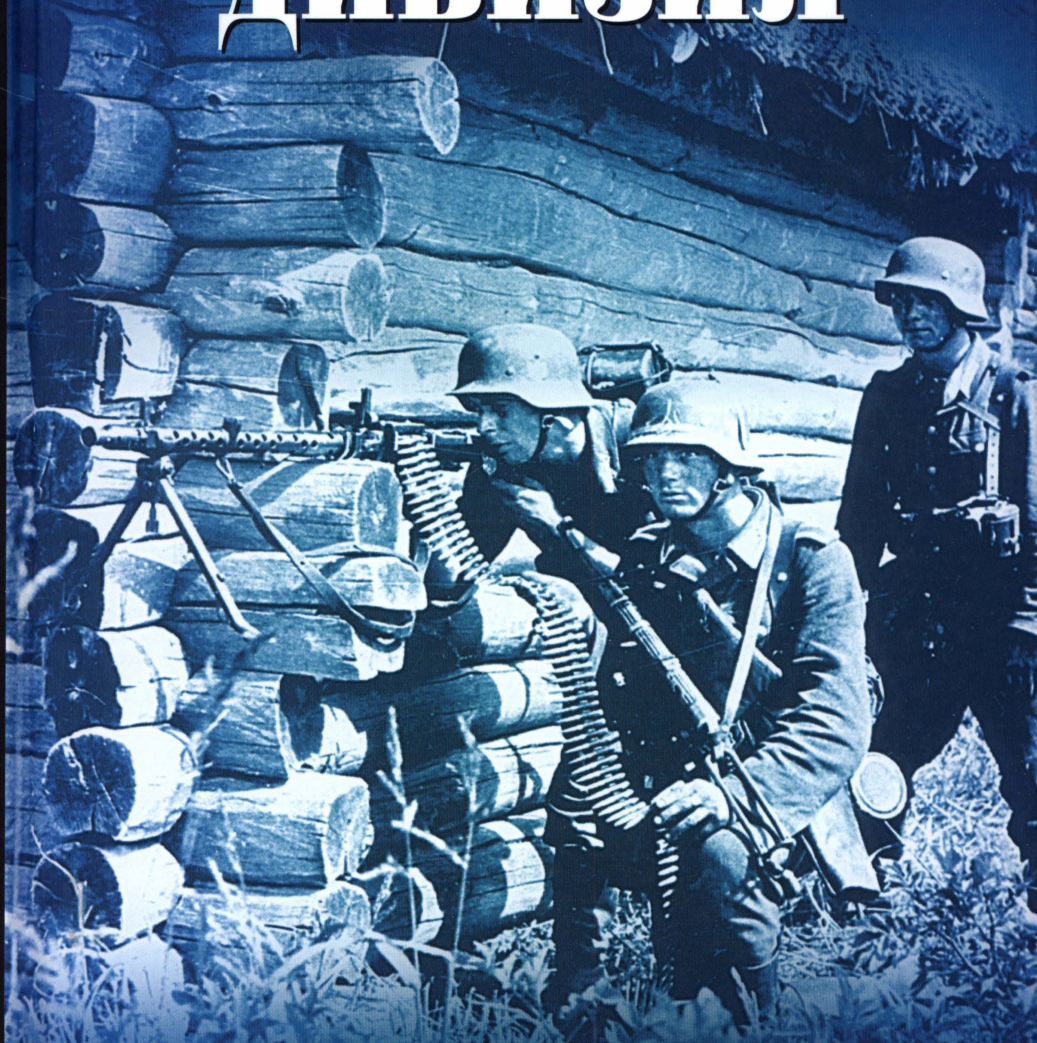

ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА
НА ВОСТОЧНОМ
ФРОНТЕ

В. Мейер-Детринг 137-я пехотная дивизия

ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА
НА ВОСТОЧНОМ
ФРОНТЕ

137-я пехотная дивизия

Вильгельм Мейер-Детринг

**ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Wilhelm Meyer-Detring

Die 137. Infanterie- Division

Im Mittelabschnitt der Ostfront

**ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Вильгельм Мейер-Детринг

137-я пехотная ДИВИЗИЯ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
М45

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
высказывается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Е. Ю. Шурлаповой*

Серия «Дивизии вермахта на Восточном фронте»
выпускается с 2013 года

Мейер-Детринг В.
М45 137-я пехотная дивизия. 1940—1945 / Пер. с нем. А.Г. Николаева. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. — 348 с. — (Дивизии вермахта на Восточном фронте).

ISBN 978-5-227-04611-6

История 137-й пехотной дивизии вермахта типична для многих пехотных соединений, составлявших основу германских сухопутных сил на Восточном фронте. С первого дня войны с Советским Союзом дивизия, укомплектованная изначально в основном австрийцами, принимала активное участие во многих важнейших операциях Восточной кампании: в Белостокско-Минском и Смоленском сражениях, боях под Вязмой и Рославлем, Орлом и Севском. После разгрома немецких войск на Курской дуге 137-я дивизия вела тяжелые оборонительные бои на Десне, Днепре и Припяти. С октября 1943 г. поредевшая дивизия существовала в форме боевой группы, а в декабре 1943 г. и вовсе была расформирована ввиду небоеспособности. Символично, что дивизия закончила свой боевой путь там, откуда она отправилась за легкой (как считали многие немецкие генералы) победой в Россию — в районе польского города Седлице. После расформирования отдельные ее подразделения воевали в составе других соединений до своего горького конца в мае 1945 г.

За написание истории 137-й пехотной дивизии еще в конце 1950-х гг. взялся В. Мейер-Детринг, бывший начальник оперативного отдела штаба дивизии, прошедший с ней боевой путь от Буга до Калуги. Он использовал не только боевые донесения и приказы той поры, журналы боевых действий отдельных подразделений дивизии, но и обширный корпус личных дневников офицеров, унтер-офицеров и рядовых, которые принимали участие в Восточной кампании в рядах 137-й дивизии. Эти записи помогли дополнить анализ событий с точки зрения командования дивизии личными впечатлениями простого солдата и офицера. Для наглядности автор использовал большое количество схем отдельных боев и сражений, а также десятки фотографий военной поры. Наверняка эта книга вызовет интерес не только у историков и специалистов, но и у простых читателей, интересующихся военной историей.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Copyright © Podzun-Pallas-Verlag GmbH,
Eggolsheim
© Перевод, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2013
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2013
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2013

ISBN 978-5-227-04611-6

«...Мы не должны клеветать на павших, не должны забывать их, а обязаны чтить их память. Но мы не должны использовать это для патетического возвеличивания собственного душевного благородства и разжигания таких настроений и убеждений, которые могут быть вновь использованы в преступных целях...

...Всякий раз, когда я думаю о примерах необычайного самопожертвования, невиданного повиновения душевному порыву на службе ближнему, с которыми мне приходилось сталкиваться в жизни, я вспоминаю события и людей военной поры. Имевшие место ужасные злоупотребления ничего не меняют в благородстве поступка как такового, когда ночью, в метель, под обстрелом советских танков человек возвращается назад, чтобы взвалить себе на спину раненого боевого товарища и, с трудом переводя дыхание, доставить его в безопасное место».

Из доклада «Солдат и история» профессора, доктора философских наук Вильгельма Камла, руководителя философского семинара Эрлангенского университета. Опубликовано в журнале «Вервиссеншафтliche рундschau», № 7 за 1961 год.

Предисловие

Когда в 1956 году благодаря активности нашего боевого товарища Зеппа Затльбергера было создано «Дивизионное товарищество генерала Бергманна (137-я пехотная дивизия)»¹ и за короткий период времени под старой эмблемой дивизии смогли встретиться около трехсот ветеранов войны, разбросанных не только по всей Федеративной Республике Германии, но и в Австрии, возникло желание изложить на бумаге события фронтовой жизни, связавшие всех нас едиными узами.

Так в 1958—1962 годах возник этот труд, написанный в сотрудничестве со многими однополчанами всех воинских званий и землячества. Около шестидесяти из них доверили мне свои фронтовые дневники и записки объемом около трех тысяч страниц, что явилось первой предпосылкой написания данной книги. Примерно еще столько же человек приняли посильное участие, передавая мне нужные адреса, сообщая необходимую информацию, знакомясь с черновым вариантом, работая над отдельными главами, читая корректуру и передавая фотографии из собственных архивов. Здесь хочу выразить всем им

¹ В 1962 году название было изменено, см. главу 18.

свою искреннюю благодарность. Их сотрудничество постоянно побуждало автора продолжать однажды начатую работу. Однако особую благодарность дивизионное товарищество и автор выражают товарищам Гельмуту Бону (448-й пехотный полк), доктору Фердинанду Ару (137-й артиллерийский полк) и Вильгельму Шаупу (137-й артиллерийский полк) за выполнение всей технической работы по изданию книги, а также доктору Максу Айзенбергеру (137-й артиллерийский полк) за советы и финансовую помощь.

Какие трудности возникают при написании такой работы, с научной точки зрения подробно изложил известный специалист по истории войск, старший советник-архивист доктор Эрих Муравски, которому, пользуясь случаем, выражаю огромную благодарность за его ценные советы¹. Определенные трудности возникли и при написании данного труда. Тем не менее автор надеется, что сумел создать такое произведение, которое не только будет интересно бывшим военнослужащим 137-й пехотной дивизии, но и сумеет выдержать критику со стороны неспециалистов. Несмотря на некоторую неполноту сведений, источник описания был в такой степени достаточным, что при написании всех существенных разделов не приходилось прибегать к использованию только чьих-то воспоминаний с их большой вероятностью погрешности. Очень часто возникала возможность проверки излагаемого материала путем сравнения разных источников информации. При этом особенно большую услугу оказали личные дневники тех боевых товарищей, которые принимали участие в Восточной кампании в низших воинских званиях. Их сотрудничество помогло дополнить описание событий с точки зрения командования дивизии типичными личными впечатлениями с точки зрения простого солдата.

Проблема упоминания фамилий в подобной истории дивизии совершенно неразрешима, когда правдивость и живость описания приходится сочетать с полнотой изложения. В таких случаях приходится идти на компромисс. Автор ясно отдает себе отчет в том, что читатель напрасно будет искать фамилии многих боевых товарищей, погибших и выживших, которые заслуживают того, чтобы их фамилии были упомянуты в этих ме-

¹ Доктор Муравски Э. Истории дивизий времен Второй мировой войны // Веркунде. Вып. 6. № 7 и Истории войск старого и нового типа // Веркунде. Вып. 8. № 4.

муарах. В рамках данного произведения просто невозможно назвать всех однополчан поименно. Поэтому автор был вынужден произвести отбор, который мало говорит о заслугах того или иного бойца. В книге были названы фамилии тех боевых товарищей из 137-й пехотной дивизии, которые

а) благодаря своей должности были известны широкому кругу людей;

б) сумели выделиться благодаря необычным поступкам, о которых стало известно автору;

в) названы поименно в цитируемом источнике как представители сотен или тысяч бойцов в подобных случаях;

г) принимали участие в написании данного произведения.

Все было подчинено стремлению привести в более или менее сбалансированное соотношение упоминание воинских частей и воинских званий, кроме того, автор старался вести описание живым языком.

137-я пехотная дивизия являлась типичным образцом воинских формирований, которые составляли основу германских сухопутных войск в годы Второй мировой войны. История формирования этой дивизии не базировалась на каких-либо более или менее старых традициях, как у некоторых известных дивизий, что давало определенные преимущества при укомплектовании личным составом. Ее обеспечение вооружением не шло ни в какое сравнение с оснащением прославленных танковых и моторизованных дивизий. Но, как и сотни других таких же пехотных дивизий, она сражалась как единое формирование в течение тридцати месяцев в России, шестнадцать из них — в самых горячих точках Восточного фронта. После расформирования дивизии ее отдельные воинские подразделения сражались в составе других соединений до горького конца. Таким образом, судьба этой состоявшей в основном из австрийцев дивизии в то же время может олицетворять судьбу многих других пехотных дивизий, которые сражались во время Второй мировой войны на Восточном фронте¹.

137-я пехотная дивизия прекратила свое существование как единое боеспособное соединение в конце 1943 года. Но дух настоящего солдатского товарищества, который воодушевлял ее на достижение больших успехов и на преодоление тяжелейших

¹ Из 524 немецких дивизий, принимавших активное участие во Второй мировой войне, до апреля 1959 года только 46 смогли опубликовать историю своей дивизии (то есть около девяти процентов). Ср.: *Муравски Э.* Указ. соч.

испытаний, жив и поныне. Благодаря ему в наших сердцах продолжают жить и наши павшие — среди них два командира дивизии: генерал-лейтенант Фридрих Бергманн и генерал-лейтенант Ганс Камеке.

Им, как и всем боевым товарищам, пережившим войну, посвящена эта работа.

Мейер-Детринг

Глава 1

ОТ ДУНАЯ ДО БУГА

5 октября 1940 — 21 июня 1941 года

Военная кампания во Франции была закончена. Победоносные германские дивизии были готовы выполнить новые задачи. По слухам, предстояло решающее сражение с Англией.

Но все сложилось иначе. В конце сентября 1940 года многочисленные воинские эшелоны отправились обратно в рейх. Некоторые из этих эшелонов разгружались в северо-западной части федеральной земли Нижняя Австрия в регионе Вальдфиртель рядом с армейским учебным плацем Дёллерсхайм. Это были батальоны, роты и батареи 44-й и 262-й пехотных дивизий, подразделения хорошо зарекомендовавших себя полков, закаленных в боях в Польше и во Франции. Они образовали основу новой дивизии 11-й волны¹, нашей 137-й пехотной дивизии. 5 октября 1940 года был отдан приказ о ее формировании. В приложениях наглядно показано, каким образом дивизия была сформирована и какие подразделения входили в ее состав. Командиром дивизии был назначен 57-летний генерал-лейтенант Фридрих Бергманн. Прослуживший в армии тридцать восемь лет седовласый генерал, хорошо зарекомендовавший себя на разных командирских и штабных должностях, как в мирное, так и в военное время, едва ли был в восторге от своего нового назначения. Ведь еще в мирное время он принимал непосредственное участие в формировании, обучении и подготовке кадровой 27-й дивизии, которой успешно командовал во время похода во Францию. После того как она была преобразована в моторизованную дивизию, высшее командование посчитало необходимым поставить во главе дивизии более моло-

¹ Наименование по «волнам» служило только для упрощения в обозначении подготовительных работ по мобилизации и характеризовало различные типы дивизий; оно не преследовало цель показать хронологическую последовательность мобилизации или дать оценку дивизий.

дого командира. А пожилой генерал должен был опять начинать все сначала.

Однако еще до того момента, как 137-я дивизия впервые вступила в бой под его командованием, командир дивизии успел привязаться к ней всем сердцем. Он чувствовал себя прекрасно в этом коллективе, состоявшем из представителей разных германских народностей, но в основном из жителей Австрии. Эмблема дивизии, белый шахтерский молоток на красном фоне, символизирует ее название и австрийские цвета.

В течение нескольких следующих недель в районе армейского учебного плаца Дёллерсхайм царило необычайное оживление. Прибывали офицеры, унтер-офицеры и личный состав пополнения из всех уголков рейха, но главным образом из 27-го военного округа (Вена). Поступало вооружение, материальная часть и транспортные средства. Из вновь прибывших военнослужащих вокруг имевшейся основы формировалась недостающая треть дивизии. Началась тяжелая учеба в суровых климатических условиях земли Вальдфиртель, которая продолжалась четыре месяца, чтобы сплотить новые воинские формирования.

В период с 15 по 21 февраля 1941 года дивизия была передислоцирована пешим маршем по обледенелым дорогам и под пронизывающим ветром в западную часть Верхней Австрии в район города Рид в земле Инфиртель. Впервые бойцы могли продемонстрировать свою выдержку, выносливость, закаленность и другие навыки, которые они приобрели за месяцы интенсивной учебы. У ворот Линца дивизия провела свой первый учебный бой, в котором противник стрелял пока еще холостыми патронами.

Верхняя Австрия — земля обетованная, страна молочных рек и кисельных берегов! Разве можно забыть гостеприимство и радушие ее жителей? Никто не горевал по учебному плацу Дёллерсхайм, за исключением, может быть, нескольких венцев, которые потеряли возможность уезжать по воскресеньям в увольнение домой в Вену.

Обучение личного состава успешно продолжалось, а вот оснащение дивизии транспортными средствами оставляло желать лучшего. Поступивший в марте 1941 года приказ о направлении дивизии в Польшу положил конец гаданиям о будущем районе боевого использования дивизии. Многие надеялись, что нас направят во Францию или на Балканы. Велико же было наше разочарование!

В период с 24 по 29 марта дивизия была переброшена по железной дороге в район Лицманштадт (Лодзь) — Томашув (исключая) — Нове Място — Скерневице (исключая); колонны тыла и снабжения, имевшие в своем распоряжении гужевой транспорт, разместились в районе Гостынин. Там дивизия поступила в распоряжение 13-го армейского корпуса, а на время обучения — в распоряжение 9-го армейского корпуса, который в свою очередь входил в состав 4-й армии генерал-фельдмаршала фон Клюге. Старослужащие бойцы, принимавшие участие в Польской кампании, уже успели рассказать немало неутешительного об этой стране, но для многих действительность оказалась еще хуже, чем они ожидали. Бесконечные песчаные и грунтовые дороги, ставшие кое-где непроходимыми из-за топкой грязи, обнищавшее население в пришедших в запущенное состояние избах, избыливающих паразитами, стали для нас с этого момента повседневным явлением. Но, как это часто бывает, и здесь хорошее и плохое соседствовали рядом. Ефрейтор Вильрадер из 5-й роты 448-го пехотного полка записал в свой дневник:

Я навсегда запомню деревню Воля Тарновска¹. В этой грязной деревушке я провел как прекрасные, так и ужасные часы. Там я подстрелил свою первую коосулю и там же отсидел первое взыскание на гауптвахте.

Правда, трети дивизии повезло больше, бойцы встретили более или менее цивилизованные условия в самом Лицманштадте и его окрестностях.

Продолжалось обучение личного состава отдельных подразделений. В дополнение к обычному обучению были организованы специальные курсы, как, например, для взвода радиоразведки батальона связи дивизии при команде слухачей «Восток» в Варшаве. Из Франции, Бельгии и рейха в дивизию поступили автомобили, личному составу был роздан первый комплект боеприпасов.

В период с 25 мая по 2 июня дивизия, которая отныне полностью находилась под командованием 9-го армейского корпуса генерала пехоты Гейера, за семь или восемь ночных маршей выдвинулась через Варшаву на 250 километров дальше на восток в район города Соколов, вблизи русской границы. Как же приятно было наблюдать за дивизией на марше. Полностью

¹ Деревня, находящаяся в 15 километрах севернее Томашува.

укомплектованные личным составом и обеспеченные новейшим вооружением полки, лошади и автомобили в наилучшем состоянии — великолепная картина военной мощи! Проведенные учения показали, чему научились подразделения с момента формирования дивизии. Последнее испытание: учения по преодолению водной преграды — реки Пилица — при максимально плохих дорожных условиях. Оно снова доказало, что дивизия может уверенно смотреть в будущее.

Каким окажется это будущее, наверняка знали очень немногие. Все еще действовал пакт о ненападении, заключенный с Россией. Однако тогда никому не было известно то, что историки знают сегодня, а именно, что уже с июля 1940 года Гитлера занимала мысль о нападении на Россию, которая в ноябре 1940 года обрела форму окончательного решения.

Конечно, и раньше командование дивизии обращало внимание на некоторые признаки приближающейся войны, которые настораживали. Так, например, в январе 1941 года командование 2-й армии, которому мы подчинялись в Австрии, провело в Мюнхене штабное учение для командиров дивизий на тему с пророческим названием «Бой на обширной территории». 9 мая наводчики артиллерийских расчетов и баллистики были впервые ознакомлены с русскими картами. Тут же возникли вопросы: «Зачем нам изучать эти карты? Ведь у нас нет никаких противоречий с Россией»¹.

С апреля благодаря устным приказам и распоряжениям вышестоящих инстанций, но особенно после большого совещания командиров при штабе 4-й армии в Варшаве 20 мая возможность военной кампании против России приобрела уже более конкретные очертания. Однако эта информация была спущена в войска до уровня не ниже командиров батальонов. Задание войскам включало в себя и переход к обороне в случае нападения русских. Это должно было произойти после передачи ключевой фразы «Внимание, Берта». И только с середины июня наше Верховное командование начало действовать в открытую. В журнале боевых действий 3-го батальона 447-го пехотного полка появляется следующая запись:

16.06.1941. Совещание у командира дивизии, объявлен приказ о наступлении.

¹ Сообщение полковника Кюльманна, в свое время командира 3-го дивизиона 137-го артиллерийского полка.

«Берта» и «Барбаросса»
22.06.1941. Полоса наступления 137-й пехотной дивизии

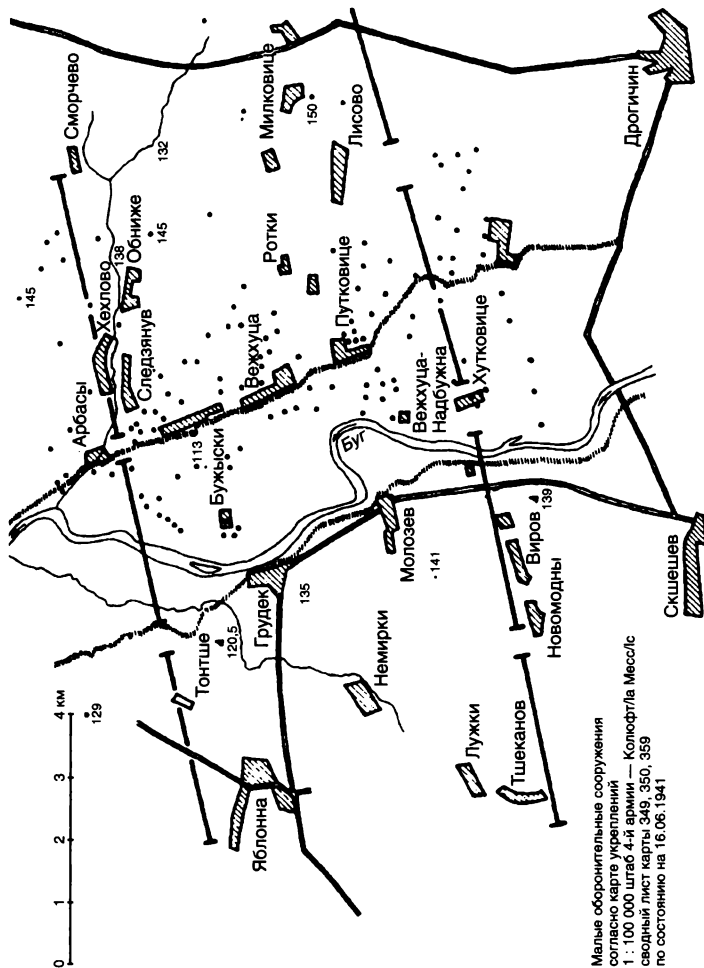

Схема 1

На следующий день об этом знал уже каждый боец дивизии:

С сегодняшнего дня мы уже не занимаемся охранением, а готовимся к наступлению. Капитан¹ выступил с отличной речью².

19 июня командиры полков объявили личному составу день «Б» и время «Х».

Как же обстояли дела на другом берегу Буга, высокая вода которого спала только в начале июня и река вернулась в свое обычное русло шириной около 150 метров? Тщательно организованное наземное наблюдение, топографическая съемка и аэрофотосъемка свидетельствовали о том, что вдоль всего берега на глубину до пяти километров русские возводили полевые оборонительные сооружения, бетонированные доты, рыли траншеи и окопы. Число этих строительных объектов, на которых наряду с солдатами работали и гражданские лица, постоянно увеличивалось. Работа велась даже ночью, сначала при ярком свете прожекторов и очень громко, позднее — только при экранированном свете и почти бесшумно. Были обнаружены бетонированные долговременные огневые сооружения облегченной и прочной конструкции, траншеи и полевые позиции, а начиная с 10 июня — проволочные заграждения и противотанковые рвы. К 16 июня в полосе ведения боевых действий дивизии были обнаружены около 110 оборонительных объектов, часть из которых еще не была полностью готова (схема 1).

Но и на нашей стороне велись активные фортификационные работы. Каждую ночь рабочие бригады дивизии покидали свои места расквартирования и отправлялись к границе. Там они рыли траншеи и окопы, готовили позиции для тяжелого оружия и тотчас маскировали все свежим дерном. Вынутая земля доставлялась в тыл. С помощью конной тяги или вручную на позиции устанавливались орудия. Все проходило беззвучно. Ни один огонек, ни один стук саперной лопатки о штык, пристегнутый к поясу, не выдавал нашу ночную бурную деятельность.

С рассветом каждого нового дня все снова замирало. Лишь время от времени на берегу реки появлялись одиночные разведчики или команды наводчиков самолетов на цель, замаскированные под пограничников или под крестьян в соломенных

¹ Капитан фон Ширмайстер, командир 2-го батальона 448-го пехотного полка, погиб в звании полковника в апреле 1945 года в Кёнигсберге, в Восточной Пруссии.

² Дневник ефрейтора Вильрадера (17.06.1941).

Развертывание войск группы армий «Центр». 22.06.1941

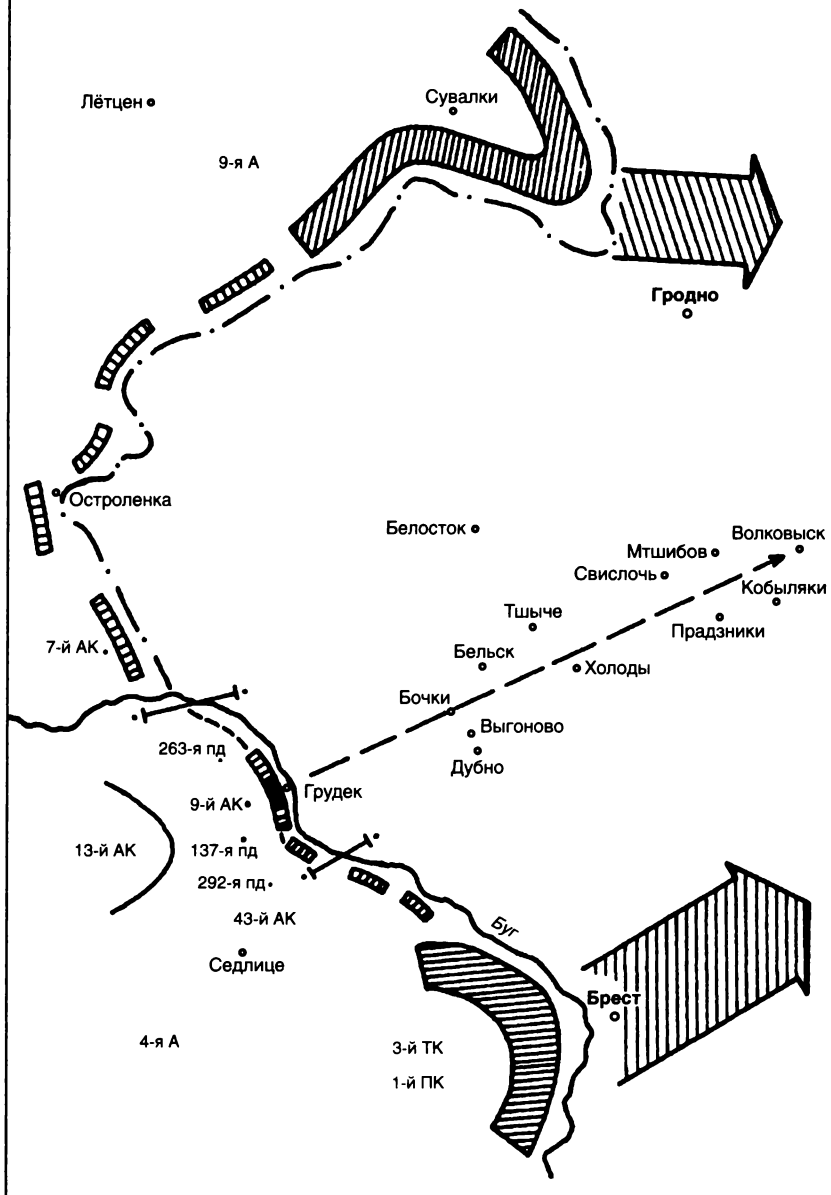

Схема 2

шляпах и с косами на плечах, как это сделал командир 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка.

Наконец, вечером 21 июня 1941 года после оглашения обращения Гитлера в качестве Верховного главнокомандующего вермахта для всех наступила полная ясность. Его аргументы, достоверность которых фронтовики не могли проверить, убедили всех в неизбежности войны с Советами. Сегодня нам известно гораздо больше.

После энергичных указаний генерала пехоты Гейера был подготовлен подробный план наступления дивизии, приведенный в соответствие с общим планом наступления 9-го корпуса (схема 2). Все три пехотных полка, занимавшие позиции на переднем крае, должны были 22 июня в 3.15 утра форсировать Буг, обходя с двух сторон местечко Грудек, и стремительно наступать как можно дальше на восток. Находящаяся на направлении главного удара 9-го корпуса 137-я дивизия получила в свое распоряжение для форсирования реки около 50 батарей¹ под общим управлением генерал-майора Вальтера Лухта, находившегося в подчинении дивизии еще с 4 июня, а также три саперных батальона с соответствующими понтонно-мостовыми парками.

¹ 12 батарей 137-го артиллерийского полка, 12 батарей 17-го артиллерийского полка, по 3 батареи из 841-го и 856-го артиллерийских дивизионов и из 1-го дивизиона 109-го артиллерийского полка и 1-й роты 226-го батальона штурмовых орудий, 3 батареи 263-го артиллерийского полка, 28-й батальон артиллерийских наблюдателей, штаб 622-го артиллерийского полка особого назначения (полковник Узингер).

Глава 2

БЕЛОСТОКСКО-МИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

22 июня — 9 июля 1941 года

После тщательно проведенной подготовки ударные роты полков дивизии в ночь с 21 на 22 июня выдвинулись на западный берег Буга. Для форсирования водной преграды там уже были приготовлены надувные лодки и десантные катера. Сразу после 3.00 утра генерал Бергманн прибыл на передовой командный пункт дивизии, находившийся на береговом откосе Буга. Телефонист¹ на коммутаторе в тесном блиндаже свидетельствует:

Дело немного осложнялось еще и тем, что в спешке от волнения мы забыли клапанный коммутатор, и нам пришлось устанавливать связь с помощью телефонных аппаратов. Мы подключили обе соседние дивизии, начальника 44-го артиллерийского командования и 9-й армейский корпус. Следующие часы для меня, простого солдата, были незабываемыми. Спокойная, приятная манера поведения генерала произвела на меня сильное впечатление. И с военной точки зрения этот день стал для меня большим событием, ведь позднее в наш блиндаж прибыли командир корпуса и командующий артиллерией.

Наступление началось на рассвете 22 июня в 3.15 утра с огневого налета в течение одной минуты с использованием оружия всех видов и всех имевшихся калибров. Под защитой этого огня из почти двухсот орудий калибром от 100 до 210 мм первые подразделения пехоты начали переправляться через реку и без всякого сопротивления со стороны противника достигли противоположного берега. Где-то горела деревня. Наша артиллерия продолжала вести непрерывный огонь. Согласно плановой таблице огня теперь она обстреливала цели, лежавшие в глубине

¹ Г. Ауффенфельд, 1-я рота батальона связи 137-й дивизии.

обороны противника, и через 25 минут перешла к корректируемому огню. Уже значительная часть пехоты переправилась на противоположный берег, а противник все еще не подавал никаких признаков жизни. Фактор внезапности сработал полностью!¹ Примерно через час после начала нашего наступления русские стали оказывать первое сопротивление из отдельных уцелевших дотов и дзотов, которое, однако, было быстро и решительно подавлено. Вопреки ожиданию вражеская артиллерия молчала, и мы смогли немедленно начать наведение моста. Восемь часов спустя тяжелое пехотное оружие дивизии уже перевозилось по готовому мосту.

Вместе с первыми немецкими пехотинцами на восток устремились авиационные эскадры германских люфтваффе. Ближе к обеду появилась первая эскадрилья вражеских бомбардировщиков. Она медленно подлетала к только что возведенному мосту, но ее уже обнаружили наши истребители и немедленно атаковали, а наши зенитки открыли плотный заградительный огонь. Ни один вражеский бомбардировщик не ушел от своей судьбы. Объятые пламенем, советские крылатые машины одна за другой падали вниз! Это было первое убедительное доказательство германского превосходства².

Первые трудности нам доставила местность восточнее Буга. Большие, занесенные песком пространства значительно затрудняли продвижение вперед и тем самым тормозили и движение по мосту. Перед мостом уже скопилась многокилометровая очередь из стоявших впритык друг к другу автомобилей, бронетранспортеров, гужевых повозок и другой военной техники. Эта огромная колонна могла двигаться вперед только шагом, так как постоянно приходилось вытаскивать застрявшую в песке технику. Уже первые сотни метров русской земли дали нам представление о тех огромных трудностях, которые нам предстояло преодолеть на бескрайних просторах России с ее бездорожьем.

Слабое сопротивление противника побудило командира дивизии ввести в действие передовой отряд (истребительно-противотанковый батальон, 3-ю роту саперного батальона и батарею

¹ Сразу после начала атаки взвод радиоразведки 2-й роты батальона связи 137-й дивизии перехватил радиограмму открытым текстом какого-то русского майора: «Немцы атакуют, что я должен делать?» (Сообщение унтер-офицера Кнайдингера.)

² Согласно записи в журнале боевых действий 2-го дивизиона 137-го артиллерийского полка (Капфхаммер), было сбито 12 самолетов.

841-го артиллерийского дивизиона) под командованием майора Вуппера. Но из-за трудностей, возникших на мосту, этот отряд смог начать боевые действия только ближе к вечеру и сразу же натолкнулся на возросшее сопротивление противника.

Во второй половине дня, 10—12 часов спустя после форсирования Буга, сопротивление противника перед наступающими пехотными полками и разведывательным батальоном значительно усилилось, особенно в лесах. Мы очень быстро поняли, что бои в лесистой местности были русским гораздо больше по душе, чем немцам. Уже с первого дня войны в донесениях все чаще встречались слова «снайперы на деревьях», «партизаны», «коварная тактика» и т. д. Правда, они не всегда соответствовали фактам. И внезапно вспыхнувшая яростная ночная перестрелка на левом фланге дивизии явилась всего лишь очередным доказательством нервозности, охватившей всех в первый день Восточной кампании.

Становившееся все более упорным сопротивление русских войск было поддержано несогласованными контрударами первых вражеских танков. Все они были без труда отражены. Эти легкие танки и разведывательные бронев автомобили не могли противостоять нашему противотанковому оружию. Если у русских нет ничего лучше, то наша кампания не могла закончиться плохо! Такой представлялась картина с точки зрения командования дивизии. Для обычного пехотинца, который не мог видеть важные причинные связи и обстоятельства дела, первая встреча с русскими танками проходила следующим образом:

22.06. Во второй половине дня танковая атака. Обер-ефрейтор Глазер получил прямое попадание. Погиб мгновенно. Сейчас мы достигли цели сегодняшнего наступления и залегли в березовой роще. В данный момент попытаюсь поспать. Никак не могу заснуть. Поэтому продолжу писать. Наконец, к нам подошли и наши танки (видимо, имеются в виду штурмовые орудия 226-го батальона. — Авт.). Теперь страх исчез. Я на всю жизнь запомню эту танковую атаку. Я еще никогда не испытывал такого ужаса. Как обычный пехотинец, чувствуешь себя абсолютно беззащитным. Но наши противотанковые орудия первоклассные. (Ефрейтор Вильрадер, 5-я рота 448-го пехотного полка.)

Вечером первого дня наступления дивизия продвинулась на 20 километров по территории совершенно ошеломленного противника, который лишь в отдельных местах оказывал слабое

сопротивление. Несомненно, это был большой успех ввиду того обстоятельства, что сегодняшний день стал для многих бойцов днем боевого крещения, а для дивизии в целом — первым боевым днем, когда пришлось форсировать реку и преодолевать очень тяжелые дорожные условия. Поэтому для многих рот эти 20 километров по прямой означали на самом деле 30 и более километров по пересеченной местности.

Первым доказательством достигнутого успеха были несколько сот пленных. Собственные потери¹ оказались вполне терпимыми, например во 2-м батальоне 449-го пехотного полка они составили 22 человека.

На рассвете 23 июня было продолжено преследование беспорядочно отступавшего противника, которое сопровождалось частыми перестрелками и боевыми столкновениями в населенных пунктах и лесах. Задача заключалась в том, чтобы постоянно следовать по пятам за отступавшим противником и не позволить ему перейти к организованной обороне. Это прекрасно понимали как командиры, так и рядовые бойцы. Хотя преодоление больших пространств по разбитым песчаным дорогам в палящий зной требовало от личного состава, от лошадей и машин постоянного напряжения всех сил, а привалы устраивались крайне редко, стремление двигаться вперед помогало победить все трудности.

Во второй половине дня сопротивление противника снова возросло, и возникла опасность, что ему удастся создать сплошной фронт на реке Нурец, протекавшей поперек направления наступления. Чтобы предотвратить это, надо было немедленно взять населенный пункт Бочки, деревню, лежавшую на другой стороне реки и господствовавшую над окружающей местностью. Для наступления на этот важный плацдарм был направлен 448-й пехотный полк (командир подполковник Фибиг). Все прошло безупречно. Около 22.00 штурмовые группы 11-й роты 448-го пехотного полка ворвались в деревню. Деревня Бочки оказалась в наших руках, и все попытки русских перейти там к обороне потерпели неудачу. Правее, между населенными пунктами Выгоново и Дубно, вел бой за переправу через реку Нурец 449-й пехотный полк (командир полковник Ноак), в то время как 447-й пехотный полк (командир подполковник Мундорфф) вынужден был преодолевать беспокоящее сопротивление противника в глубине, при этом был захвачен склад боеприпасов.

¹ Под словом «потери» всегда следует понимать убитых и раненых.

Не позволив противнику, который все еще вел бой с 449-м пехотным полком, задержать себя, 24 июня дивизия во главе с передовым отрядом Вуппера продолжила наступление через горящую деревню Бочки в направлении города Бельск-Подляски. Во второй половине дня после короткого боя она совместно с подошедшими с запада частями 263-й пехотной дивизии сумела взять этот важный населенный пункт, стоявший на пересечении нескольких дорог. Тем самым был отрезан основной путь к отступлению противника! В наши руки попали крупные склады боеприпасов, а также хранилища горючего, что было особенно важно для нас. Но наш передовой отряд не мог из-за этого задерживаться и продолжил наступление.

Несмотря на достигнутые успехи во время этого наступления, положение штаба дивизии, прибывшего в первой половине дня в деревню Бочки, было не очень надежным. Ефрейтор Хаберль так описывает оборудование нового командного пункта:

Новый командный пункт дивизии предполагалось разместить на северной окраине деревни Бочки. Во время поездки мы обогнали многие подразделения нашей дивизии. В кюветах лежат подбитые вражеские танки и грузовики. В деревне еще осталось много вражеских снайперов. Большинство домов, разрушенных артиллерийским огнем, все еще продолжает гореть. От палящего солнца и объятых пламенем домов так жарко, что чувствуешь себя как в аду. Фронт находится довольно близко, так как хорошо слышны выстрелы. Мы с Ханакком должны явиться к майору вместе со штабс-фельдфебелем Ледерером. Продвигаемся перебежками вдоль улицы, стараясь укрываться от огня снайперов под стенами разрушенных домов. У костела мы поворачиваем налево, так как расположение командного пункта дивизии хорошо просматривается противником, там уже был ранен осколком снаряда ефрейтор Риглер — водитель майора. Повернув налево, мы неожиданно слышим в воздухе шипение и свист и тотчас бросаемся в придорожную канаву. Русские начинают обстрел местности в нашем направлении. Очевидно, они ведут пристрелку. Мы бросаемся вперед к укрытию, где уже лежат унтер-офицер Фогль и два наших штабных мотоциклиста. Мы тотчас снова падаем ничком на землю, так как в воздухе опять раздается шипение, а вслед за этим позади нас и перед нами гремят взрывы — некоторые совсем близко. Так продолжается некоторое время. Несколько минут мы в страхе ожидаем — будет взрыв или нет!

Так прошло мое первое боевое крещение. Ты не можешь думать ни о чем другом, а только напряженно прислушиваешься к звуку выстрела, шипению в воздухе и разрыву снаряда. Да, через 20—25 минут на командный пункт прибыли оба генерала, и мы сразу вышли из зоны обстрела и направились к нашим машинам, оставленным на главной площади деревни Бочки. Едва мы успели сделать несколько шагов, как позади нас разорвался снаряд. Совсем близко от того места, где мы только что лежали.

Я поступил в распоряжение майора. Командный пункт дивизии будет оборудован на южной окраине деревни. Вместе с господином майором мы промчались в открытой машине по объётому пламенем переулку. Языки пламени от горящих домов почти достигали бортов нашей машины. Я остаюсь на новом командном пункте при генерале. Со стороны моста вблизи нашего командного пункта все еще продолжают вести огонь снайперы. Вскоре был схвачен один из снайперов в гражданской одежде (у него была винтовка с оптическим прицелом).

В Бельск-Подляски, выполняя полученный приказ и отклоняясь от направления общего наступления, передовой отряд Вуппера повернул на восток, чтобы прикрыть правый фланг наступающей дивизии. При этом он уничтожил под местечком Холоды несколько вражеских танков, атаковавших его, и захватил плацдарм за речкой Орлянка, в 10 километрах восточнее города Бельск-Подляски. В этом бою себя прекрасно зарекомендовала наша самодельная «самоходная артиллерийская установка» истребительно-противотанкового батальона — 37-мм противотанковая пушка, временно установленная на повозку с передком. Новый плацдарм, находившийся почти в тылу русских войск, все еще сражавшихся к юго-западу от него, должен был доставлять противнику особые неприятности. И ожидаемые контратаки не заставили себя долго ждать. Когда русские подтянули танки и артиллерию, некоторое время казалось, что для небольшого отряда истребителей танков все закончится плохо. Однако тем временем к ним на подмогу подошли подразделения роты самокатчиков 448-го пехотного полка и саперного батальона 137-й дивизии. С их помощью удалось отбить многократные атаки русских. Мы продолжали прочно удерживать в своих руках плацдарм на речке Орлянка, при этом в бою было уничтожено 12 танков противника. Это был первый большой успех передового отряда Вуппера!

На следующий день (25 июня) мы снова убедились в том, что находимся на пути отхода русских войск. Вражеская группировка численностью около 800 человек с танками и артиллерией, отходившая восточнее городка Бельск-Подляски на восток и двигавшаяся в одном направлении с нашей дивизией, неожиданно атаковала под местечком Тшыче наш разведывательный батальон, находившийся на марше. Бойцы эскадрона самокатчиков попали в тяжелое положение. Однако 2-й батальон 448-го пехотного полка и подразделения 3-го и 4-го дивизионов 137-го артиллерийского полка тотчас повернули на юг и прибыли вовремя, чтобы отбить атаку противника. Часть наших гаубиц, выдвинутых на открытую огневую позицию, нанесла противнику огромный урон. 1-й батальон 449-го пехотного полка был развернут на север из правой походной колонны дивизии навстречу отступавшему на юг противнику. Подразделения 447-го пехотного полка вместе с 1-м дивизионом 137-го артиллерийского полка атаковали противника с запада. Тем самым его судьба была предreshена! И в этом случае пехота атаковала прямо из походной колонны, артиллерия 1-го дивизиона 137-го пехотного полка вела огонь прямой наводкой с расстояния 1600 метров:

Артиллеристы, которые обычно редко видят результаты своей стрельбы, находясь у орудий, были так воодушевлены, что мне пришлось изрядно гостараться, чтобы остановить огонь. Все это представляло собой редкую картину для современной артиллерии: батареи на открытой огневой позиции, передки в десяти шагах позади них, командир батареи отдает приказы, сидя верхом на своем жеребце, все это было как в 1870 году¹.

Другой немецкий маршевый эшелон, который вел бой впереди справа, видимо, никак не мог понять, кто ведет огонь в направлении его фланга, и тогда одна из его батарей взяла нас в вилку. В ответ на это мы тотчас выпустили белые сигнальные ракеты, они сразу все поняли и прекратили огонь².

В ходе атаки с трех сторон подразделение противника было полностью уничтожено. Классический «бой на окружение» в малом масштабе! Противник потерял 500 человек убитыми,

¹ Во время Франко-прусской войны. (*Примеч. пер.*)

² Из дневника капитана Р. Майера, командира 3-го дивизиона 137-го артиллерийского полка.

150 были взяты в плен, было подбито 18 танков и захвачена одна батарея — отличный успех, которого добились совместными согласованными действиями все полки дивизии. В уничтожении вражеских танков принял активное участие и 137-й артиллерийский полк, и прежде всего 8-я батарея.

Но наша главная цель — шоссе Белосток—Минск — находилась гораздо дальше к северо-востоку. Командир 9-го армейского корпуса, который постоянно курсировал между передовыми отрядами дивизий, снова и снова напоминал нам об этом. Но сначала наша дивизия должна была пересечь северную часть Беловежской Пуши. Мы должны были рассчитывать на то, что в этом огромном, местами непроходимом лесном массиве нас ожидают тяжелые бои со значительными, хотя и разрозненными силами отступавшего противника. Песок, трясины, дремучий лес, непроходимые дороги и русские снайперы на деревьях — вот такая тягостная перспектива ожидала германские войска, которые, в отличие от русских, не обладали опытом ведения боя в лесистой местности. Словно в подтверждение этих опасений уже вечером 25 июня 449-й пехотный полк натолкнулся на вражеское сопротивление на западной опушке леса. Понятно, что у полка не было никакого желания ввязываться в ночной бой в незнакомом лесу. Планировалось взяться за дело на рассвете следующего дня. Но когда уже все было готово к атаке и все детали были уточнены, высланные вперед разведывательные дозоры принесли радостную весть: «Под прикрытием темноты противник отступил». Поэтому без существенного сопротивления со стороны противника можно было начинать марш через лес.

Ввиду огромных размеров леса наш разведывательный батальон вынужден был вести себя осторожнее и не рисковать, как это обычно делали кавалеристы, поэтому командиру дивизии и командиру корпуса приходилось даже «подгонять» их.

На следующий день (26 июня) наши разведчики удивили нас тем, что уже в 7 часов утра оказались на пути отступления русских севернее лесного массива под местечком Мтшибов. Критическое положение, в котором они оказались, удалось исправить только благодаря наличию у отделения радиосвязи — стоваттного передатчика из 2-й роты батальона связи дивизии. В этот день радисты сумели передать более 100 закодированных радиogramм, которые позволили командованию дивизии принять необходимые ответные меры¹.

¹ Из сообщения Р. Корнхофера.

Катастрофические дорожные условия в густом лесу вынудили нас направить все полки дивизии по одному маршруту. Нам предстояло преодолеть отрезок пути длиной около 15 километров по зыбучему песку! Казалось, что это напрасная затея, и из нее ничего не выйдет, но другого выхода у нас просто не было. Мы должны были во что бы то ни стало преодолеть этот участок, даже если специальным командам бойцов с тягачами приходилось то и дело вытаскивать застрявшие в песке машины и подводы.

В. Крист, обер-ефрейтор и командир подразделения снабжения 13-й роты 448-го пехотного полка, свидетельствует:

На четвертый день (26 июня 1941 года) после форсирования Буга — было около 12 часов пополудни — я двигался со своим подразделением по болотистой лесной просеке. Неожиданно лошадь, впряженная в третью повозку, увязла задними ногами по колено в трясине. Нам не оставалось ничего другого, как разгрузить 20 снарядов к полковому орудью, чтобы облегчить повозку. Только мы начали разгрузку, как прозвучала команда: «Равнение направо, идет генерал!» Эту команду подал унтер-офицер, но что должен был делать я, если моя лошадь застряла в трясине вместе с повозкой? Унтер-офицер схватил палку и так огрел мою лошадь по хребту, что она громко заржала от боли. Я лучше не буду рассказывать, какая перепалка началась между мной и этим унтер-офицером, хотя я в то время был всего лишь обер-ефрейтором. Но лошади всегда были моими лучшими боевыми товарищами. Неожиданно раздался строгий окрик: «Прекратите!» Я поднял глаза и увидел красные лампасы, этого было достаточно. Перед нами стоял генерал Бергманн собственной персоной. Сначала он яростно напустился на меня, так как я толкнул в грязь штабного унтер-офицера. Но когда я доложил ему суть дела, он взял в оборот унтер-офицера и прочитал ему нотацию, что значит бить лошадь. От ударов палкой у лошади остались кровавые рубцы на спине, что привело генерала в ярость. Он приказал унтер-офицеру немедленно помочь разгрузить снаряды и перенести их на 200 метров вперед. Мой ездовой, обер-ефрейтор Карасек, и я взяли каждый по снаряду, и работа закипела. Когда мы возвращались назад, чтобы взять новые снаряды, мы не поверили своим глазам: наш генерал взвалил себе на плечо снаряд (50 килограммов весом!), чтобы нам помочь. Жалко, что у нас не было времени, чтобы сделать фотографию. Да, вот такой была тогда настоящая фронтовая дружба!

Заметки, которые генерал пехоты Гейер сделал по поводу марша соседней дивизии (263-й пехотной дивизии, командир генерал-майор Хекель), двигавшейся по открытой местности, могли бы в полной мере касаться и нашей 137-й пехотной дивизии:

Здесь, страдая от невыносимой жары, пробивалась вперед дивизия. Повсюду стояли застрявшие моторные и гужевые транспортные средства. Между ними, утопая по щиколотку в песке, двигались колонны пехотинцев и ползли автомобили, совершенно не соблюдая походный строй. Не имело никакого смысла устраивать из-за этого разнос командирам. Каждый и так делал все, что было в его силах. Военный порядок — это не самоцель. Неплохо было уже то, что мы вообще двигались вперед.

Сильно растянувшись, дивизия продвигалась вперед, преодолевая трудности бездорожья. От этого можно было прийти в отчаяние: никакого сопротивления со стороны противника и тем не менее никакой возможности двигаться быстрее. Моторизованные подразделения не могли обогнать медленно ползущие колонны пехотинцев. Уже через несколько километров пришлось отказаться от попытки использовать полотно железной дороги, ведущей в сторону Волковыска, для быстрого преследования отступавшего противника силами истребительно-противотанкового батальона, усиленного штурмовыми орудиями и подразделением саперов. Очень быстро выяснилось, что полотно железной дороги оказалось слишком ухабистым для транспортных средств и крюки станин орудий могли сломаться.

В районе восточнее Белостока в ходе операций группы армий «Центр» скопились крупные силы отступавшего противника. Отдельные подразделения 263-й пехотной дивизии — нашего соседа слева — уже вышли им в тыл. Требовались немедленные решительные действия, чтобы блокировать пути отхода противника, ведущие из района вокруг Белостока на восток. Поэтому 448-й пехотный полк вместе с 3-м дивизионом 137-го артиллерийского полка, шедшие в авангарде при марше через лес, были направлены ускоренным маршем к местечку Мтшибов, где уже с 7.00 находился разведывательный батальон дивизии, с вечера 27 июня взявший под контроль два главных пути отхода.

Желание как можно скорее двигаться вперед воодушевляло не только передовые части дивизии, но и тяжелую артиллерию. В стремлении во время марша между реками Нарев и Свислочь

срезать дугу на пути следования 137-й пехотной дивизии, чтобы скорее подготовиться к открытию огня и дать личному составу необходимую передышку, командир 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка перешел на путь следования левого соседа, 263-й пехотной дивизии, которая ушла уже далеко вперед. Однако попытка прорыва русских танков со стороны северного фланга заставила последний полк 263-й пехотной дивизии повернуть на юг, и оказалось, что маршрут движения 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка проходит перед самым фронтом этого полка. Правильно оценивший сложившуюся ситуацию командир полка приказал передвинуть свое охранение на несколько сот метров вперед. Тем не менее и ночью сохранялся большой риск для 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка с его тяжелыми малоподвижными орудиями. И только в тот момент, когда командование дивизии с радостью поздравило артиллеристов с ранним прибытием дивизиона и сняло с его командира груз ответственности, он смог наконец облегченно перевести дух. Этот пример свидетельствует о том, какие тяжелые и ответственные решения должны были постоянно принимать командиры отдельных подразделений во время Восточной кампании.

На участке фронта дивизии в распоряжении противника все еще находилась одна дорога для отхода на восток. Передовая рота нашего истребительно-противотанкового батальона под командованием обер-лейтенанта Ноака, усиленная несколькими отделениями пехотинцев 448-го пехотного полка, посаженными на автомашины, получила задание прорваться дальше на север, чтобы блокировать и эту дорогу.

Однако во второй половине дня 27 июня положение изменилось кардинальным образом. Офицер для поручений из штаба 4-й армии, прибывший в штаб 9-го армейского корпуса, передал карту, согласно которой 137-я и 263-я пехотные дивизии в одиночку занимали широкий коридор!¹ Соседние корпуса слева и справа сильно отстали. Продолжение наступления на север было невозможно, так как сначала надо было установить контакт с соседями. С другой стороны, возникла опасность, что вражеские войска, скопившиеся под Белостоком, могут попытаться прорваться на юго-восток через брешь слева. Поскольку к этому времени в штабе 9-го армейского корпуса ничего не было известно о правом соседе (292-й пехотной дивизии), то

¹ *Гейер*. 9-й корпус в Восточной кампании. С. 36.

наша 137-я дивизия должна была наряду с обороной своего северного фронта обеспечивать и охранение с востока и юго-востока¹. Тем не менее нашей артиллерии удалось сохранить прежние позиции, с которых она могла вести эффективный огонь по вражеским путям отхода в сторону города Волковыск. Отвод назад роты истребительно-противотанкового батальона, которая сумела прорваться на север, был уже невозможен.

Эта рота, словно одинокий волнорез, храбро сражалась в самой гуще отступавших русских войск на важнейшем участке фронта. За этот бой ее командир, обер-лейтенант Ноак, был представлен к награждению дубовыми листьями к Рыцарскому кресту, которые он позднее и получил.

В эти дни (27 июня) дивизия понесла первую тяжелую потерю. Во время ночной перестрелки с группой красноармейцев, которые на своем грузовике пристроились ночью к нашей колонне и некоторое время следовали в ней, был тяжело ранен католический священник дивизии пастор Амплатц. Были потери и среди бойцов роты штабной охраны.

Постепенно крупные силы противника, все еще упорно сражавшиеся в районе Белостока, начали понимать, что им грозит охват с тыла. На рассвете 28 июня соединение противника, состоявшее из танков и кавалерии, неожиданно атаковало с севера позиции 448-го пехотного полка. Видимо, эта атака преследовала цель помешать дальнейшему наступлению наших войск и позволить вражеским силам, отступавшим из-под Белостока, отойти на восток. Создалось критическое положение из-за слабого обеспечения левого фланга 3-го дивизиона 137-го артиллерийского полка, позиции которого атаковали пытавшиеся прорваться подразделения русских. Правда, нам удалось сохранить все наши орудия². После упорного трехчасового боя вражеская атака была отбита, большая часть кавалерии и шесть танков — уничтожены.

На дорогах, ведущих с запада и северо-запада на Волковыск, постоянно наблюдалось интенсивное движение вражеских войск, однако огонь нашей артиллерии не мог полностью блокировать эти важные транспортные артерии. Единственной воз-

¹ Согласно Г. Ниц («292-я пехотная дивизия». С. 37), к вечеру 27 июня вышли: передовой маршевый эшелон (509-й пехотный полк) к населенному пункту Прадзники (15 километров южнее городка Мтшибов), передовой отряд — к селу Кобыляки (15 километров юго-восточнее Мтшибова).

² Сообщение майора Кюльманна, командира 3-го дивизиона 137-го артиллерийского полка.

можностью лишить противника этих путей отступления было взятие Волковыска. С падением этого важного транспортного узла противник лишался возможности организованного отвода своих соединений на восток.

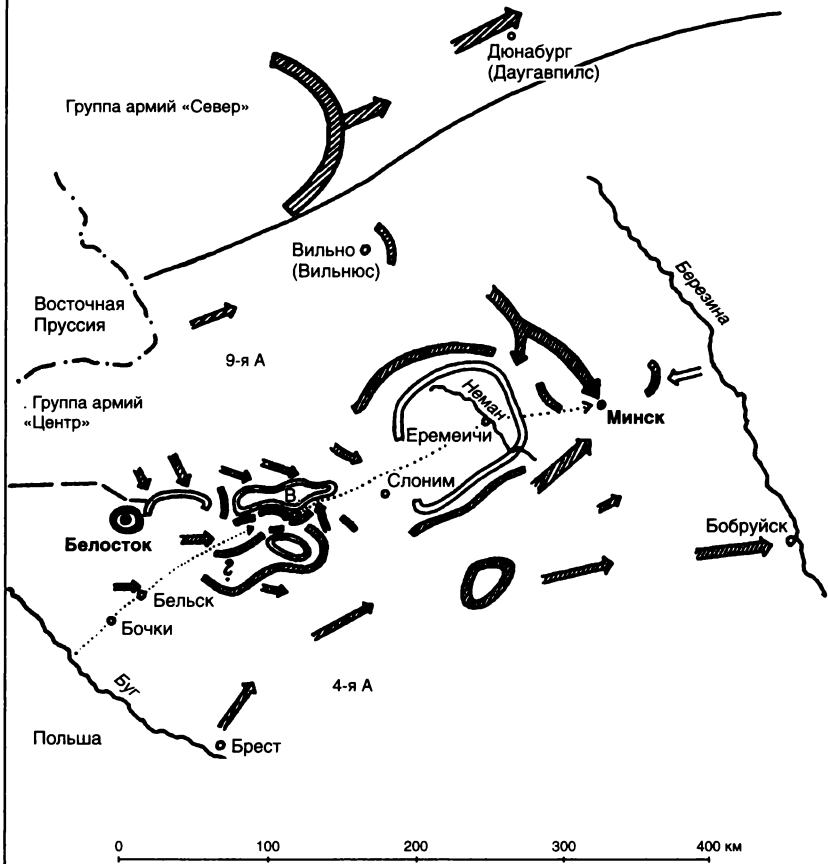
Когда после подхода 449-го пехотного полка и прояснения положения в 43-м армейском корпусе напряжение спало, штаб нашего корпуса разрешил 137-й пехотной дивизии нанести внезапный удар по Волковыску, который был полностью подготовлен еще в первой половине дня. В 18.00 передовой отряд дивизии под командованием командира истребительно-противотанкового батальона ворвался в город, в котором еще совсем недавно находился командный пункт командующего 10-й русской армией. Однако передовой отряд сумел захватить только его повара и штабные документы. Достигнутый успех был, к сожалению, омрачен гибелью командира отряда, майора Вуппера.

Наибольшая нагрузка и наибольший успех этих дней боев за Мтшибов и Волковыск выпали на долю следующих подразделений дивизии: 448-го пехотного полка (подполковник Фибиг), разведывательного батальона (майор фон Вагнер), истребительно-противотанкового батальона (майор Вуппер), 137-го артиллерийского полка (полковник Кистнер). 3-й (моторизованной) роте саперного батальона удалось уничтожить четыре вражеских танка. Два из них подбил связками ручных гранат отважный фельдфебель Опитц.

Городок Волковыск, в котором до войны проживало около 20 тысяч жителей и имелось несколько небольших машиностроительных предприятий, консервная фабрика и кожевенный завод, сильно пострадал в ходе боев. Еще за несколько дней до вступления наших войск в город он подвергался массированным налетам германских пикирующих бомбардировщиков, которые атаковали скопления вражеских войск. В центре города не осталось почти ни одного целого дома. Впервые у солдат дивизии была возможность увидеть собственными глазами последствия воздушных налетов на города. В то время никто даже не предполагал, что такая же судьба ожидает в недалеком будущем и города Германии.

С взятием города дивизия в основном выполнила задачу, поставленную перед ней в рамках Белостокского сражения на окружение вражеских войск (схема 3). За первые девять дней войны дивизия взяла в плен более 3700 солдат и офицеров противника, уничтожила или захватила 80 танков и 87 орудий. В наши руки попали два склада боеприпасов, многочисленные

Дежурная карта главного командования сухопутных войск по состоянию на вечер 29.06.1941 (упрощенный вариант)

Белостокско-Минское сражение 22.06—09.07.1941

Слева — котел, созданный пехотой с участием 137-й пд под Волковыском (В.)

Справа — котел, созданный танковыми и моторизованными подразделениями

(В.) — Волковыск Русские войска Немецкие войска 137-я пд Путь следования 137-й пд

склады с продуктами, одеждой и запасами горючего, а кроме того, в Волковыске — 50 паровозов и несколько товарных поездов. Потери дивизии убитыми и ранеными составили к этому времени 705 человек.

Не заботясь о ликвидации Белостокского котла, многочисленные танковые подразделения вермахта устремились дальше на восток, оставляя далеко позади себя остальной фронт сухопутных сил. Некоторые из этих танковых подразделений взяли в железные клещи вражескую группировку, находившуюся западнее Минска. Перед 9-м армейским корпусом и дивизией была поставлена задача как можно быстрее сменить эти моторизованные соединения. К этому времени передовые отряды танковых частей 4-й армии сражались уже в 200 километрах дальше на восток и срочно нуждались в моторизованных подразделениях, оставленных для блокирования противника.

Смена танковых частей! Для дивизии это означало, насколько позволяло вражеское сопротивление и дорожные условия, как можно быстрее присоединиться к этим танковым дивизиям. Личному составу дивизии и лошадям приходилось прилагать все силы, чтобы непременно выполнить поставленную задачу дня. Каждый день, который выигрывали танковые соединения, мог принести бесценную выгоду. Над походными колоннами стояло густое облако пыли, установилась изнурительная жара. Всех мучила жажда. Мелкий песок, в котором ноги утопали по самую щиколотку, проникал во все поры и оседал в легких. И тем не менее мы справились. Хотя в некоторые дни уже наступала полночь, когда войска выполняли поставленную задачу дня, а уже в предрассветные сумерки надо было снова выступать, но это не беда, ведь мы двигались вперед!

Особенно трудно в эти дни нашего стремительного наступления пришлось саперам. Им приходилось постоянно ремонтировать дороги, чинить старые, обветшавшие или строить новые мосты через реки Неман, Щара, а также другие, более мелкие речушки, или укладывать бревенчатые настилы и гати над заболоченными и топкими местами и зыбучими песками. В основном саперы работали по ночам, так как на следующее утро дивизия должна была продолжать наступательный марш. Хорошо подготовленный, всегда мобильный саперный батальон под командованием своего командира, капитана запаса Мюллера-Штайнфарта, отлично зарекомендовал себя в этих тяжелых условиях.

Моторизованные подразделения дивизии были направлены по хорошему шоссе в обход через город Слоним. По словам

бойцов, они никогда не забудут картину, представшую перед их взором. За 36 часов до них немецкие танковые дивизии и самолеты люфтваффе разгромили отступавшие по этому шоссе колонны русских и оставили после себя лишь груды покоренной техники и горы трупов.

День за днем продолжался марш. Достойное упоминания сопротивление противник оказал только 29 июня в коротком, но ожесточенном бою с 3-м батальоном 449-го пехотного полка, в лесу северо-восточнее Волковыска, причем майор Витт был ранен. К сожалению, подчиненный дивизии для противотанковой обороны взвод 88-мм зенитной артиллерии потерял 16 человек убитыми¹, так как он по собственной инициативе слишком самонадеянно выдвинулся вперед. Ежедневно в лесах мы отлавливали около тысячи перебежчиков и пленных, чаще всего без командиров и сильно изголодавшихся. 5 июля передовые части дивизии форсировали Неман у деревни Еремеичи.

На левом фланге наша дивизия поддерживала слабую связь с 9-й армией. Какие сюрпризы может преподнести жизнь в Восточной кампании, узнал на собственном опыте начальник оперативного отдела дивизии, когда при установлении связи с соседом (8-й пехотной дивизией) первым солдатом, которого он случайно встретил в лесу, оказался его родной брат.

Серьезные заботы нам начали доставлять наши четвероногие товарищи. Дневные переходы на участке между Волковыском и Минском часто были им не под силу. Часть артиллерии на гужевой тяге далеко отстала от основных сил дивизии. Например, 2 июля 1-й дивизион 137-го артиллерийского полка растянулся на три часа хода, скорость марша упала сначала до двух километров в час, а к концу дня и до одного километра. 8-я батарея 137-го артиллерийского полка была доставлена до места назначения только с помощью тягача корпусной артиллерии (841-й артиллерийский полк).

Особую осмотрительность и осторожность в уходе за своими лошадьми проявил как раз тот артиллерийский дивизион, о котором больше всего беспокоилось командование дивизии из-за их тяжелых орудий, — 4-й (тяжелый) дивизион 137-го артиллерийского полка. Вплоть до 28 июня у них не было ни одной потери среди лошадей, хотя они чаще всего двигались в арьергарде дивизии и находили только что отремонтированные мо-

¹ Журналы боевых действий 11-й роты 449-го пехотного полка и 3-го батальона 449-го пехотного полка.

сты и тяжелые участки дороги снова в совершенно разбитом состоянии.

Постоянная необходимость как можно быстрее установить контакт с танковыми дивизиями и быстро меняющаяся обстановка не позволяли принимать во внимание жалобы и предложения¹ командира дивизиона о другом включении подразделений в порядок движения и о придании дивизиону саперов. Там, где саперы могли помочь тяжелой артиллерии, они всегда делали это.

Ангелы-спасители — наши саперы — снова вытащили своим тягачом мой грузовик со снаряжением. Отношения с саперами складываются как нельзя лучше, они всегда приходят на помощь, где только могут, и делают это максимально быстро. Иногда они сами контролируют движение через ездовых, спрашивая у них, нужна ли какая-нибудь помощь. Особенно сердечные бойцы в 3-й роте².

Вот как выглядел марш 12-й батареи 137-го артиллерийского полка³:

Орудийные номера всех расчетов берутся за длинные канаты, заведенные за ступицы. «Взялись!», «Трогай!», «Все разом!» После двух-трех попыток тяжелое орудие наконец-то сдвигается с места. Но стоит бойцам ослабить натяжение канатов, и орудие опять застревает в песке. Так продолжается на протяжении нескольких километров, пока слой песка не становится тоньше. Тем временем сзади опять застряли тяжелые орудия. Орудийные расчеты с канатами в руках снова возвращаются назад и вместе с упряжкой в 14 лошадей вытаскивают из песка следующее орудие. Плетки хлещут по спинам обессиленных лошадей, по покрытым потом, вздрагивающим бокам бедных животных. Из охрипших глоток вырываются подбадривающие крики, то и дело раздаются команды: «Трогай!», «Все разом!». Картину дополняют скрюченные тела артиллеристов, которые изо всех сил тянут за канаты и у которых от напряжения на лбу набухли жилы. И это продолжается целый день на всем пути следования колонны. При этом с неба безжалостно палит солнце, пышут жаром стволы сосен, светлый песок отража-

¹ По рассказам майора доктора Айзенбергера, испытавшего это на себе.

² Запись в дневнике командира 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка от 01.07.1941.

³ Из дневника Вольраба.

ет солнечные лучи прямо нам в лицо. Мы все с ног до головы покрыты пылью, от которой дерет горло. В этот день мы потеряли несколько своих лучших лошадей.

Начиная с 7 июля дивизион тяжелых орудий начал использовать для их транспортировки отремонтированные собственными силами трофейные трактора, что позволило перевозить другие орудия упряжками по 12—16 лошадей.

Французские автомобили имели для местных дорожных условий слишком низкую посадку, недостаточно упругую подвеску и мало-мощный двигатель. Это же относилось и к мотоциклам, за исключением машин марки «Пух» и NSU¹.

Быстрее всего выходили из строя, становясь жертвами русских дорог, небольшие автомобили и танкетки на гусеничном ходу французского производства (компания «Женилет») наших истребительно-противотанковых рот, входивших в состав пехотных полков². Железные обозные повозки пехоты на резиновом ходу тоже оказались слишком тяжелыми для российских дорог. Некоторые батальоны обзавелись трофейными обозными повозками, которые были похожи на австрийские повозки M18³.

Перед самым Минском наш разведывательный батальон натолкнулся на моторизованные подразделения нашей дивизии, которые оцепляли Минский котел фронтом на запад. По имевшейся информации в лесах перед ними скрывались отдельные вооруженные группы противника из рассеявшихся подразделений. Поэтому дивизия получила задание прочесать некоторые из этих лесных массивов. При этом 5-я рота 447-го пехотного полка натолкнулась на противника с тяжелым пехотным оружием, который, вопреки ожиданию, оказал яростное сопротивление и был опрокинут только после ожесточенного боя. К сожалению, в этих тяжелых лесных боях не удалось избежать потерь с нашей стороны. Остальные зачистки местности прошли гораздо спокойнее, и без боя было захвачено большое количество пленных.

¹ Из дневника Маска, 1-й дивизион 137-го артиллерийского полка, запись от 08—10.07.1941.

² Запись в журнале боевых действий 3-го батальона 449-го пехотного полка от 28.06.1941: «Автомобили 14-й роты вышли из строя. Батальон предоставляет в распоряжение подчиненного взвода упряжных лошадей».

³ Запись в дневнике Штайскаля, командира 1-го батальона 448-го пехотного полка от 18—19.07.1941.

Однако тщательное прочесывание огромных лесных массивов было исключено, поэтому приходилось быть постоянно готовым к встрече с группами красноармейцев, отбившихся от своих частей. Были ли это бойцы эскадрона самокатчиков, которые высылались вперед для разведывания дороги и обычно находились на расстоянии одного дневного перехода от основных сил дивизии, или команды, занимавшиеся реквизицией лошадей, связные-мотоциклисты, связисты батальона связи, устранявшие повреждения на линии, или бойцы службы тыла и снабжения — для всех действовало одно правило: всегда держать «ушки на макушке» и постоянно быть готовыми к отражению неожиданного нападения противника.

9 июля передовые отряды дивизии вошли в Минск, столицу Белоруссии, с населением около 300 тысяч жителей. Это был важный железнодорожный узел, стоявший на пересечении основных дорог, ведущих с запада в глубь России, с хорошо развитым машиностроением, предприятиями авиационной промышленности и легкой индустрии, который сильно пострадал от воздушных налетов германской авиации. Лишь закопченные печные трубы в центре города свидетельствовали о том, что когда-то здесь стояли деревянные дома. Безотрадно контрастировали с ними руины нескольких полностью выгоревших изнутри монументальных зданий, принадлежавших Красной армии, партийным и советским органам. Особенно страшная картина наблюдалась в районе железнодорожного вокзала. Здесь наши пикирующие бомбардировщики буквально перепахали всю землю. Сгоревшие дотла поезда, разрушенное полотно железной дороги, изогнутые и спутанные рельсы, торчавшие во все стороны, олицетворяли картину полного разорения и опустошения. Толстые железные опоры привокзальных строений были сломаны, словно спички. Колонны беженцев покидали город, направляясь в ближайшие деревни и села. В заплечном мешке у этих бедняг было то немногое из имущества, что им удалось спасти в этом невообразимом хаосе.

С захватом города моторизованные соединения дивизии освободились, а задачи, поставленные перед дивизией в рамках Белостокско-Минского сражения, были выполнены. С учетом пленных, перебежчиков и трофеев, которые дивизия добыла в лесах за 10 дней наступления, общий результат составил: около 14 тысяч пленных, 137 танков, 154 орудия, из них около 60 процентов было добыто в бою.

Русским нигде не удалось оказать нашим войскам организованное сопротивление, которым бы руководили высшие ко-

мандные инстанции. «Какой же беспорядок должен был царить в войсках, если в полосе наступления одного корпуса за 17 дней была обнаружена 31 вражеская дивизия!»¹ Встречавшееся довольно часто ожесточенное сопротивление и отчаянные попытки вырваться из окружения объяснялись, скорее всего, желанием спасти собственную жизнь. Об этом же говорило и огромное количество брошенной военной техники.

Наши собственные потери составили около тысячи бойцов (около 750 убитыми и ранеными и примерно 250 больными). Это означало, что боевой состав, прежде всего пехоты, снизился примерно на 20 процентов.

За 18 дней после начала Восточной кампании дивизия продвинулась почти на 400 километров в глубь вражеской территории (если считать по прямой). Это означало, что каждый пехотинец преодолел маршем почти 500 километров², что соответствовало ежедневному переходу протяженностью около 28 километров, и все это с боями и в крайне тяжелых дорожных условиях.

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок в своем приказе от 8 июля 1941 года, после перечисления достигнутых успехов в численном выражении, отметил достижения подчиненных ему войск следующими словами:

Этот огромный успех, достигнутый в боях с сильным, часто ожесточенно сражавшимся до последнего бойца противником, стал возможен только благодаря вашей верности и отваге!

Всем войскам и командным инстанциям, а также тыловым соединениям и рабочим формированиям выражаю свое искреннее признание за образцовое неустанное исполнение долга и выдающиеся успехи. Наша особая благодарность самоотверженным пилотам люфтваффе, которые постоянно подтверждали свою верность фронтовому братству.

Теперь надо воспользоваться плодами достигнутой победы! Я знаю, что и в дальнейшем группа армий сделает все, что в ее силах; нельзя успокаиваться, пока не достигнута полная победа!

¹ Второй обзор Восточной кампании, сделанный командиром 9-го армейского корпуса, от 10.07.1941 (*Гейер*. Второй обзор Восточной кампании).

² Расстояние, пройденное 448-м пехотным полком, согласно подлинной таблице Франца Крибера (военного писаря в штабе 448-го пехотного полка), за период с 22.06 по 11.07.1941, составило 510,5 километра.

Глава 3

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

10—31 июля 1941 года

После однодневного марша по проселочным дорогам севернее Минска командир 9-го армейского корпуса добился от штаба армии, что пехотным дивизиям его корпуса было разрешено продолжить марш по четырех- или пятиполосной автострате Минск—Москва, которая до сих пор была закрыта для пехоты и использовалась только как «танковое шоссе». Конечно, согласно приказу мы всякий раз уступали преимущественное право проезда танковым колоннам, но на автострате оставалось достаточно места и для нас. В период с 11 по 16 июля дивизия шла маршем через Борисов к Орше, не вступая в соприкосновение с противником. Какое же это прекрасное чувство, когда после трех недель мучений на песчаных проселочных дорогах Белоруссии ты можешь впервые маршировать по этой роскошной автострате российской дорожной сети! Вскоре были забыты все трудности последних недель, теперь все давалось гораздо легче, и почти играючи дивизия каждый день достигала очередного пункта назначения. Эта автострада сразу же придавала войне совершенно другой образ. На восток непрерывным потоком стройными рядами двигались колонны служб тыла и снабжения танковых корпусов, а им навстречу спешили на запад пустые грузовики и автоцистерны. Немецкие истребители и самолеты-разведчики контролировали воздушное пространство и огромные лесные массивы по обе стороны от автострады. Теперь это была самая настоящая маневренная война! Теперь снова доставляло удовольствие быть водителем и гнать по асфальтированному шоссе со скоростью 50—60 километров в час. «Впервые с начала войны рота самокатчиков смогла двигаться вперед быстрее, чем пешие войска»¹. Если при обходе

¹ Из журнала боевых действий 3-го батальона 449-го пехотного полка.

взорванного моста некоторым подразделениям приходилось задерживаться несколько дольше, то при этом можно было приятно провести время, о чем свидетельствует следующая запись от 16 июля в дневнике одного из бойцов:

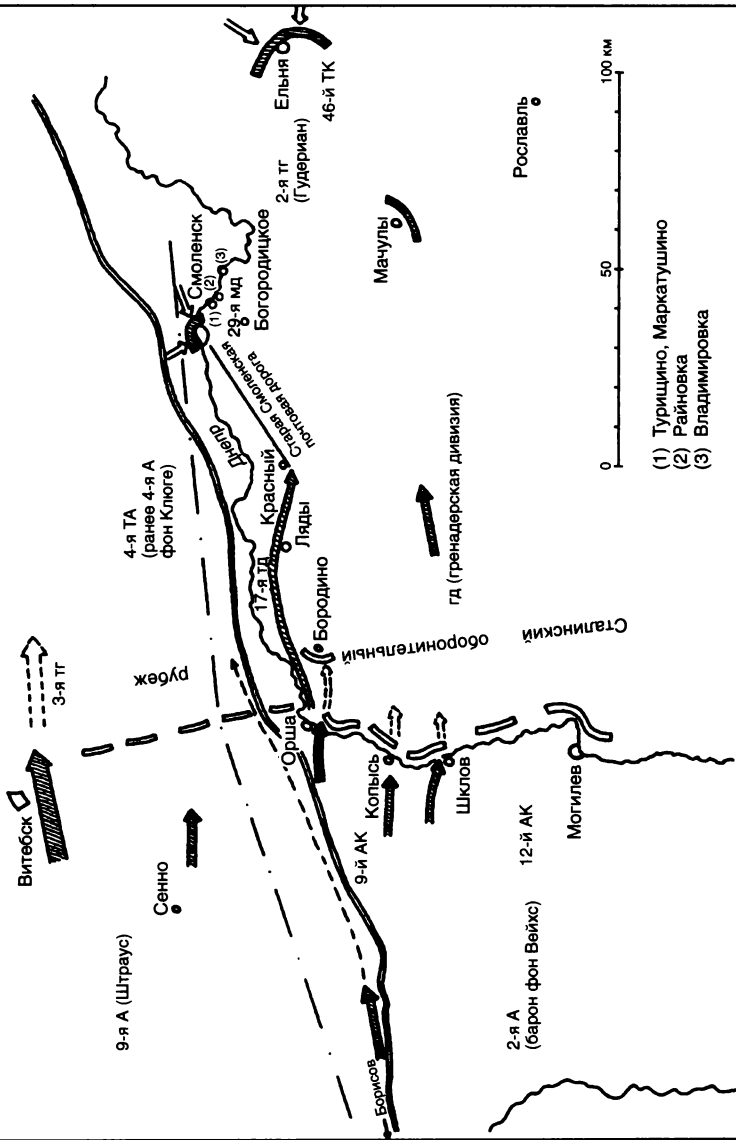
В одном месте разъезда встречных колонн нам пришлось ждать около трех часов, так как нужно было настелить гать через заболоченный участок дороги. Мы решили искупаться в маленькой речушке. Семь русских девушек тоже искали спасения от жары в воде. При этом они очень смущались, тем самым обратив на себя наше внимание, и мы заметили, что некоторые из них вошли в воду полураздетыми (мы сделали три фотографии).

Во время этих маршей заметно отдохнули и наши лошади. Поскольку мы передвигались только в ночное время, их не мучила летняя жара и не возникало трудностей с водопоем (схема 4).

В то время как мы были заняты ликвидацией Минского котла, 2-я танковая группа под командованием генерал-полковника Гудериана опередила нас на 180 километров и вышла к так называемой Сталинской линии обороны на реке Днепр. Несмотря на первоначальный успех, ей не удалось с ходу прорвать этот оборонительный рубеж, так как значительные силы танковой группы были заняты окружением Минского котла и обеспечением флангов. Зато вторая попытка, предпринятая 11 июля, удалась как нельзя лучше. До 15 июля 2-я танковая группа прорвалась до Ельни и Смоленска. Для унификации руководства она была объединена вместе с 3-й танковой группой (Витебск) в 4-ю танковую армию под командованием генерал-фельдмаршала фон Клюге, который до этого командовал 4-й армией. Руководство пехотными дивизиями, которые до сих пор входили в 4-ю армию, приняло командование 2-й армии (командующий генерал-полковник барон фон Вейхс). 137-я пехотная дивизия, входившая в состав 9-го армейского корпуса, подчинялась ему с 8 по 23 июля 1941 года.

Четыре бреши, пробитые 2-й танковой группой в Сталинской линии, южнее Могилева, под Шкловом, населенным пунктом Копысь и Оршей, не смогли заставить русских отойти с оборонительного рубежа на Днепре. Артиллерийским огнем и многократными контратаками противник пытался закрыть бреши и тем самым отрезать наши танки от подразделений тыла и снабжения. 9-й армейский корпус, как наступавший в самых

Смоленское сражение. Положение на 16—18.07.1941

- (1) Туришино, Маркатушино
- (2) Райновка
- (3) Владимировка

Схема 4

первых рядах, получил приказ — как всегда, «в ускоренном темпе» — идти на помощь моторизованным подразделениям. 137-я пехотная дивизия была направлена под Оршу.

Для облегчения положения танковых дивизий уже 8 июля по автостраде на восток было направлено заградительное формирование дивизии под командованием полковника Узингера, начальника штаба 622-го артиллерийского полка. В это формирование вошли следующие подразделения: истребительно-противотанковый батальон, 3-я рота саперного батальона и подразделения тяжелого 841-го артиллерийского дивизиона. Это формирование смогло выполнить свое задание без существенного соприкосновения с противником и взяло большое число пленных. Это заградительное формирование было первой помощью для генерал-майора Штрайха, который командовал частями 17-й танковой дивизии, введенными в действие для охранения Орши, пока 17 июля генерал-лейтенант Бергманн не получил задания полностью взять на себя оборону города и сломить сопротивление советских войск севернее и южнее Орши.

Роты самокатчиков пехотных полков, разведывательный батальон и посаженная на грузовики 1-я рота 447-го пехотного полка были ускоренным маршем переброшены в Оршу и усилили имевшиеся там охранные подразделения, которые почти не располагали пехотными частями. Вражеская артиллерия целый день обстреливала город с севера и юга. Русские делали все возможное, чтобы давлением на жизненно важные коммуникации остановить опасный танковый прорыв. Однако их попытка после артиллерийской подготовки прорвать наше кольцо охранения потерпела неудачу.

Силами разведывательного батальона и частей истребительно-противотанкового батальона противник был отброшен назад¹, а 3-я рота саперного батальона немедленной контратакой ликвидировала локальный прорыв.

Тем временем капитан Хюбнер, второй офицер Генерального штаба и квартирмейстер дивизии, организовал погрузку 3-го батальона 447-го пехотного полка на грузовики двух автомобильных колонн под командованием начальника службы тыла дивизии. В первой половине дня 17 июля батальон был переброшен на расстояние 63 километров под Оршу, на южную окраину города, где возникла опасность прорыва.

¹ При этом был тяжело ранен обер-лейтенант граф фон Мервельдт, командир 2-й роты разведывательного батальона (по сообщению доктора Грюнвальда).

Организация согласованной атаки таких разных и наскоро собранных соединений, как группы Штрайха и Узингера, требовала, конечно, больше времени, чем атака подразделений, уже успевших притереться друг к другу. Так, ударная группа, образованная из заградительного формирования Узингера и 3-го батальона 447-го пехотного полка, приступила к атаке в южном направлении только в 20.00, она отбросила остатки войск противника и заставила их отступить. Однако основные вражеские силы, по-видимому, уже успели отойти. Атака и зачистка местности, произведенные на следующий день, принесли около 150 пленных и четыре орудия, при этом наши потери составили всего лишь 14 человек. Характерной для боевых столкновений в тот период является запись в журнале боевых действий 3-го батальона 447-го пехотного полка от 17 июля 1941 года:

Впервые за всю Восточную кампанию батальон попал под артиллерийский обстрел.

Тем самым положение на южной окраине города было исправлено. Занимавшие позиции к северу от города более слабые подразделения противника отошли без боя назад. Орша оказалась прочно в наших руках.

После Орши нам снова предстояло как можно быстрее сменить подразделения 2-й танковой группы, чтобы высвободить их для выполнения новых заданий. Однако из-за узких мостов с односторонним движением и подъездных путей с крутыми подъемами и съездов с крутыми спусками автострада перед нами была так забита, что колонны в три и даже в четыре ряда часами простаивали в этих узких местах. Для генерала Бергмана это было слишком долго! Он хотел попытаться быстрее пройти вперед по проселочным дорогам южнее автострады. В этом районе вряд ли можно было ожидать серьезного сопротивления противника, так как уже много дней по автостраде беспрепятственно двигались колонны служб тыла и снабжения. Когда 19 июля около 22.00 дозоры разведывательного батальона, шедшего в авангарде маршевого эшелона дивизии, после того как она свернула с автострады, доложили об обнаружении в лесу южнее села Дубровка по обе стороны от деревни Бородино противника, никто не ожидал встретить там крупные вражеские силы. Все решили, что речь шла об остатках разбитых подразделений русских, которые скрывались в лесу в стороне от оживленной автострады.

На следующее утро началось планомерное построение в походную колонну (схема 5). Однако вопреки ожиданию атака 448-го пехотного полка прямо из походной колонны натолкнулась на такое ожесточенное вражеское сопротивление по обе стороны от деревни Бородино, что нам не сразу удалось отбросить хорошо окопавшегося противника. Теперь здесь уже не могло быть и речи об остатках рассеянных подразделений. Как жарко там было, очень хорошо помнит даже сейчас, 17 лет спустя, Йозеф Энцельбергер из 8-й батареи 137-го артиллерийского полка, который пишет:

...Чтобы в 8 часов утра занять предписанную огневую позицию, нашей батарее пришлось гнать лошадей галопом под плотным артиллерийским огнем противника¹.

Другой боевой товарищ² из 5-й роты 448-го пехотного полка записывает в свой дневник:

20.07.1941. В 3.45 построение. Печальное воскресенье для роты. Сегодня снова что-то происходит. Русские обстреливают дорогу, по которой мы наступаем. Сейчас уже 8 часов утра. Страшная перестрелка. Очевидно, мы атакуем. Ужасная атака! Русские не собираются уступать. Мы выбили их из полевых позиций. Сейчас уже без четверти два, ужасно хочется есть. Но бой еще не закончился. Из дотов и дзотов русские продолжают вести по нас огонь. Вместе с унтер-офицерами Кошликом и Гоштони и ефрейтором Купфером я уничтожил вражеский блиндаж. Взяли 7 пленных.

Но у нас очень, очень большие потери... (Следуют фамилии 12 убитых и 26 раненых бойцов роты.)

Многие смелые бойцы отличились в этом бою удалью и наступательным духом, как, например, лейтенант Букс, командир взвода 3-го батальона 448-го пехотного полка, который сражался во взаимодействии со штурмовым орудием 226-го батальона. Но, к сожалению, вскоре он скончался от тяжелых ран, полученных в бою под Бородином.

20 июля 1941 года стал также днем испытания и для 1-й санитарной роты дивизии под командованием капитана медицин-

¹ Запись в личном дневнике.

² Ефрейтор Вильрадер.

Наступательные бои в районе Бородино под Оршей 20—21.07.1941

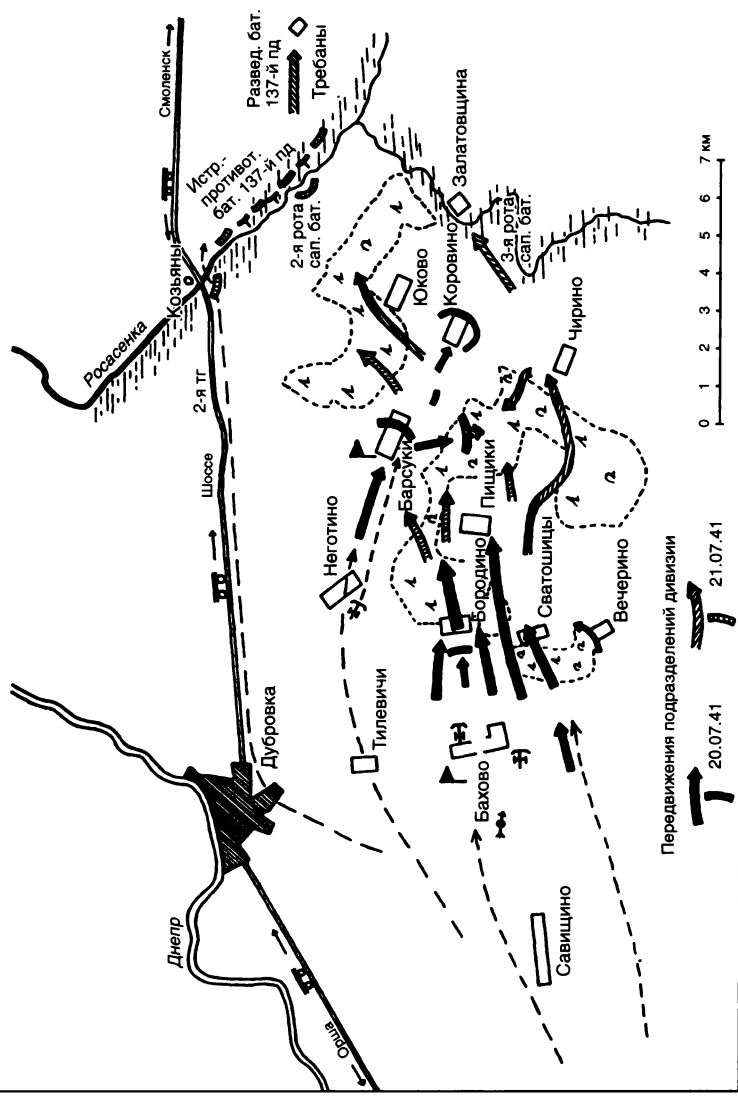

Схема 5

ской службы запаса доктора Гесса. Благодаря тому что рота оказалась в нужное время в нужном месте, она совершила настоящий подвиг, сумев за 30 часов оказать помощь 348 солдатам (70 процентов от личного состава 448-го пехотного полка). При этом отличился весь личный состав санитарной роты — от хирургов Зайлера и Фуксига до простых санитаров-носильщиков. Пастор Хаусманн, католический священник дивизии, наряду со своими прямыми обязанностями по спасению душ неустанно помогал принимать и утешать раненых.

Развитие боя вскоре показало, что атакой силами только одного 448-го пехотного полка не удастся опрокинуть противника. Поэтому в 11.35 449-й пехотный полк получил приказ охватывающим маневром слева атаковать деревню Барсуки. А 448-му пехотному полку было приказано прекратить атаку, чтобы дождаться результата этого охватывающего маневра.

Чтобы добиться как можно более полного разгрома противника и принимая во внимание, что находящаяся на марше в одной походной колонне дивизия не сможет сегодня перейти к двойному охвату вражеских войск, в адрес наступавшей южнее 292-й пехотной дивизии была направлена радиограмма с просьбой атаковать своими подразделениями на север. Однако командование корпуса приняло иное решение. Поэтому 447-й пехотный полк получил в 13.17 приказ перейти к охвату противника с юга. Но из-за тяжелых дорожных условий нельзя было рассчитывать на прибытие полка раньше вечера сегодняшнего дня.

Тем временем разведывательный батальон в обход через Дубровку зашел в тыл противника и занял позиции на восточном берегу реки Росасенка, развернувшись фронтом на запад. Чтобы, оказывая давление с запада, помешать прорыву противника на северо-восток, в 15.40 истребительно-противотанковому батальону было приказано блокировать путь отхода противника через реку Росасенка. Из-за заторов на автостраде батальон вышел в этот район только 12 часов спустя — 21 июля в 3 часа ночи, — однако он прибыл вовремя, чтобы выполнить полученное задание. После прибытия истребительно-противотанкового батальона разведывательный батальон продолжил разведку в восточном и юго-восточном направлениях.

С наступлением темноты, не встречая значительного сопротивления, передовые части 449-го пехотного полка продвинулись до деревни Коровино. В лесах севернее и южнее этой деревни противник оказал упорное сопротивление и даже предпринял контратаку с участием нескольких танков.

Около 20.00 447-й пехотный полк начал наступление на село Сватошицы и при слабом сопротивлении противника добился решающего успеха, а затем продолжил наступление до деревни Пишки. Благодаря такому двойному охвату ближе к вечеру и 448-й пехотный полк сумел сломить сопротивление противника. При отличной поддержке 1-го и 3-го дивизионов 137-го артиллерийского полка он смог прорваться через раскинувшийся перед ним лес и захватил большое количество пленных и разнообразной боевой техники.

Ночью на позициях, которые занимали передовые части 449-го пехотного полка, временами было беспокойно. Под прикрытием темноты противник неоднократно пытался прорваться в северо-восточном направлении, что приводило к ожесточенным перестрелкам с выставленным там охранением.

С рассветом следующего дня (21 июля) нам надо было продолжать атаки и зачистки. Когда около 10 часов утра командир дивизии прибыл на командный пункт 449-го пехотного полка в деревне Коровино, повсюду уже снова полным ходом шли бои. И в лесном массиве севернее Коровино укрывался противник, располагавший даже артиллерией.

Стремительная атака 449-го пехотного полка расколола русскую группировку. Чтобы добиться как можно более полного уничтожения вражеских сил, полк должен был атаковать одновременно на север и на юг. Перед выдвинутой близко к переднему краю 2-й батареей 137-го артиллерийского полка возникли трудные, постоянно меняющиеся задачи по ведению стрельбы. Едва она успела открыть огонь на уничтожение в южном направлении, как поступила команда поддержать артиллерийским огнем атаку на север. Огонь по отступавшему на восток противнику на расстояние 5—10 километров то и дело сменялся огнем прямой наводкой с открытой огневой позиции в южном направлении.

Мой командир орудия, лейтенант Х., оказался в трудном положении и только качал головой, получая приказы на ведение такой странной стрельбы, —

отмечает в своем боевом донесении от 21 июля 1941 года командир 5-й батареи, обер-лейтенант Кляйн¹.

Офицер связи 2-го дивизиона, лейтенант Затлер, который во время боя в лесу руководил артиллерийским огнем с передовой,

¹ Передано М. Капфхаммером.

укрываясь за штурмовым орудием 3-го батальона 449-го пехотного полка, был тяжело ранен.

Мы не могли себе даже представить, с какой радостью пехотинцы всякий раз встречали поддержку артиллерийским огнем и как это необходимо было для них. Тогда мы впервые оценили, как необходим в бою самый обычный радист¹.

Ожнее Барсуков 3-й батальон 449-го пехотного полка смог сломить ожесточенное сопротивление противника только после огневой поддержки 2-го дивизиона 137-го артиллерийского полка и введения в бой трех САУ 226-го батальона штурмовых орудий. О взаимодействии с ними сообщается в журнале боевых действий 3-го батальона 449-го пехотного полка, запись от 21 июля 1941 года в 14.00:

Штурмовые орудия остановились, чтобы пополнить запас боеприпасов. Командир батальона понимает, что от их дальнейшей поддержки зависит успех боя. Командир штурмовых орудий говорит, что он будет действовать вопреки своим основным приказам, если направит свои САУ не по дорогам, а напрямую через лес. Тем не менее удается уговорить его. Бойцы собираются вокруг штурмовых орудий. САУ оказывают как на нас, так и на противника огромное моральное воздействие. Вскоре удается собрать весь батальон вокруг штурмовых орудий и перестроить его для атаки.

447-й пехотный полк провел зачистку лесного массива восточнее деревни Пишики в ходе тяжелого кровопролитного боя, в котором погибли капитан Штробль, командир 1-го батальона², и командир 2-й роты лейтенант Зауэр. Это позволило 1-му и 3-му батальонам зайти в тыл противнику, который сдерживал 449-й пехотный полк. Русские явно не ожидали такого поворота событий. Мощной, стремительной атакой они были выбиты со своих полевых позиций и большей частью уничтожены или взяты в плен.

К 16 часам дня, после семичасового упорного боя, 449-й пехотный полк также смог пробиться через лесистую местность севернее деревни Юково. В этом бою особо отличилась меткой

¹ Из донесения ефрейтора Леопольда Валла, рота передовых наблюдателей 2-го дивизиона 137-го артиллерийского полка, от 05.12.1942.

² Подполковник Шлэйзингер временно возглавил полк.

стрельбой в сложных условиях тяжелая батарея 1-го дивизиона 109-го артиллерийского полка. Остатки разгромленных подразделений противника попытались спастись паническим бегством на северо-восток и на юго-восток через реку Росасенка. Теперь все зависело от того, смогут ли там устоять заградительные отряды истребительно-противотанкового батальона. И они выстояли! И хотя в некоторых местах дело дошло до рукопашных схваток, но попытки противника осуществить массовый прорыв потерпели неудачу. Последняя брешь, позволявшая русским уйти на восток, у деревни Залатовщина была закрыта 2-м батальоном 447-го пехотного полка, усиленного ротой самокатчиков того же полка и 2-й ротой саперного батальона. Более мелким группам противника удалось прорваться на север к автостраде, где они напоролась на саперов 9-го армейского корпуса, которые захватили в плен около 300 красноармейцев.

В разгроме другой группы русских, которая 22 июля во время своего прорыва через автостраду на север нанесла чувствительные потери штабной батарее 137-го артиллерийского полка и, вопреки нормам международного права, расстреляла пленных артиллеристов, приняли участие истребительно-противотанковый батальон, саперный батальон и роты самокатчиков пехотных полков. Этот бой произошел 23 июля у деревни Козьяны.

Мы добились большого успеха! Были уничтожены основные силы 18-й стрелковой дивизии русских и части 73-й стрелковой дивизии. Дивизия взяла в плен 2600 красноармейцев, захватила 50 орудий, среди них и 210-мм мортиры, большое количество грузовиков и другой военной техники. При захвате этого имущества подразделениями тыла и снабжения часто возникали перестрелки, приводившие к жертвам с нашей стороны. Всего потери дивизии в этих ожесточенных боях в лесистой местности под Оршей и Бородином составили около 500 человек убитыми и ранеными.

Была устранена значительная опасность, грозившая жизненно важной для снабжения войск коммуникации — автостраде Минск—Смоленск. О том, какое большое значение имеют протяженные коммуникационные линии на незащищенной территории, свидетельствовала колонна из 50 сожженных бензовозов 2-й танковой группы на поле битвы у деревни Бородино (западнее Чирино).

О том, что высшее германское руководство было очень заинтересовано как можно скорее взять под контроль положение в тылу передовых отрядов танковых частей, свидетельствует и

использование пропагандистских средств. Правда, приведенная ниже немецкая листовка на русском языке, относящаяся ко второй половине июля 1941 года, изображает положение русских войск более пессимистично, чем это было на самом деле, так как котлы по обе стороны от Днепра восточнее линии Могилев—Орша—Витебск не были такими уж замкнутыми и там имелось достаточно брешей. В этих листовках говорилось:

Командиры и красноармейцы!
Вы окружены со всех сторон!
Ваше положение безнадежно!
Бросайте оружие и переходите к нам!
Мы вас напоим и накормим!
Все, что ваши комиссары вам говорят, —
это наглая ложь! Освобождайтесь от них!
Эта листовка служит каждому из вас
ПРОПУСКОМ к нам.

К сожалению, необходимо сказать, что воинские заслуги дивизии в сражении у деревни Бородино не нашли того признания, которого они заслуживали. Правда, командир 9-го армейского корпуса отдал им должное в своем «Обзоре Восточной кампании». Но в дни боев под Бородином он сам был так сильно занят командованием на левом фланге севернее Днепра, что об истинном положении дел в 137-й пехотной дивизии узнал только задним числом. Со 2-й армией, к которой мы относились в течение 14 дней, мы поддерживали слабый контакт. В течение одного дня после боев под Бородином мы подчинились 4-й танковой армии (фон Клюге), которая все свое внимание уделяла захвату Смоленска и Ельни и которая оценивала наши достижения только по тому, насколько быстро мы окажемся под Смоленском. Их передовые танковые отряды уже в течение десяти дней топтались на месте и были вынуждены вести тяжелые оборонительные бои.

Очевидно, русские повсюду оказывали более организованное сопротивление, чем это было до сих пор, так как и все другие пехотные корпуса, с которыми мы были в контакте на флангах, сильно отстали от нас. Дивизии 9-го армейского корпуса (137-я, 263-я, 292-я) проникли на территорию противника дальше всех из пеших воинских формирований, принимавших участие в Восточной кампании (650 километров по прямой), и теперь они находились ближе всех к танковым дивизиям. На-

ряду с несокрушимой волей войск заслуга в этом не в последнюю очередь принадлежит командиру 9-го армейского корпуса генералу Гейеру, которому мы подчинялись в течение четырех месяцев. Свой принцип: «Вперед без оглядки на соседей, нанося противнику кинжальные удары моторизованными передовыми отрядами» — он сумел вдолбить в голову каждому командиру, находившемуся в его подчинении. При этом генерал Гейер на личном примере показывал, как претворить этот принцип в жизнь.

Однако теперь, кажется, возникли некоторые трудности с этим девизом: «Вперед!» Вышестоящие командные инстанции сообщили нам, что необходимо пополнить моторизованные войска. В штабах ходили слухи, что в верховном руководстве возникли разногласия относительно продолжения операций. Вот только никто не говорил о необходимости пополнения «шерстяных мундиров» — так генерал-полковник Гудериан называл пешие воинские части. Видимо, даже наш стремившийся продвинуться как можно дальше вперед командир корпуса чувствовал, что здесь собирались перегнуть палку, если в своих мемуарах «9-й корпус в Восточной кампании» он пишет¹:

Нужно было пополнить и освежить их (моторизованные части), прежде чем они смогут продолжить наступление с прежним размахом. А мы, у которых хотя и были меньшие потери, чем у моторизованных частей, но которые потратили гораздо больше сил, вместо ожидаемого отдыха получили задание взять на себя оборону, чтобы дать остальным короткую передышку.

Это было жестко. И у нас все считали, что заслужили хотя бы несколько дней отдыха для пополнения своих рядов. Но каждый, кто мыслил оперативно и не думал только о своих интересах, прекрасно понимал, что ввод нас в действие, очевидно, был единственной возможностью вскоре снова продолжить наступление. Поэтому мы настроились на самоотречение и были готовы отказывать себе во всем. То, что мы пережили, с военной точки зрения было временем исполнения задуманного. Теперь наступала пора чего-то нового.

Это «самоотречение» коснулось нашей 137-й дивизии сразу же после двух дней тяжелых боев под Бородином, оно выразилось в форме прямого приказа 4-й танковой армии как можно

¹ Гейер. 9-й корпус в Восточной кампании. С. 64.

скорее сменить 29-ю (моторизованную) дивизию, стоявшую в Смоленске. Там она занимала южный фронт малого котла, создаваемого севернее города подразделениями 9-й армии и 3-й танковой группы.

«Это было жестко, — пишет генерал Гейер. — За плечами нашей дивизии были не более легкие дни, чем у дивизии, которую мы должны были сменить. Тем не менее, само собой разумеется, что 137-я дивизия выступила ускоренным маршем по направлению к Смоленску. Начало смены 24 июля было очень хорошим результатом»¹.

Мы снова двигались по широким песчаным проселочным дорогам и по забитому транспортом плохому шоссе Ляда—Красный. Просто счастье, что, несмотря на возросшую активность русской авиации, германские люфтваффе продолжали господствовать в воздухе. Под палящими лучами безжалостного июльского солнца походные колонны двигались к Смоленску, окутанные плотным облаком пыли; снова было пролито много пота, но... дивизия шла вперед!

В ходе наступательного марша необходимо было сменить охранение танковой дивизии, стоявшее на участке шириной около 20 километров вдоль Днепра. Для этого дивизия направила туда вновь сформированную группу под командованием полковника Узингера (штаб 622-го артиллерийского полка особого назначения, истребительно-противотанковый батальон, разведывательный батальон, 10-я рота самокатчиков 447-го пехотного полка, одна батарея 1-го дивизиона 109-го артиллерийского полка). Западнее Смоленска их фронт должен был продолжить 1-й батальон 449-го пехотного полка.

24 июля около 12 часов дня командир дивизии прибыл на командный пункт 29-й дивизии² в Смоленске, находившийся в гостинице «Молоховская»³. В последние дни вражеское давление на город значительно уменьшилось. Слабые, разрозненные атаки на город с севера были успешно отбиты. Правда, мосты и выезды из города, как и прежде, все еще находились под постоянным беспокоящим огнем русской артиллерии с северо-западного и северо-восточного направлений.

¹ Гейер. 9-й корпус в Восточной кампании. С. 61.

² Командир генерал-лейтенант фон Больтенштерн.

³ Сейчас гостиница «Смоленск». (Примеч. пер.)

Город сильно пострадал в ходе боевых действий и воздушных налетов. Центр города представлял собой груды развалин, многие дома все еще продолжали гореть. Большая часть городского населения, составлявшего около 200 тысяч человек, бежала.

Для смены 29-й (моторизованной) пехотной дивизии сначала было выделено семь и три четверти батальона пехоты, артиллерия и саперы. По имевшимся сведениям о противнике, которые генерал Бергманн получил на командном пункте 29-й дивизии, казалось, что все пройдет без особых осложнений, и поэтому все совершенно спокойно ожидали наступления ночи, когда должна была произойти смена войск. Однако вскоре выяснилось, что такая оценка положения была слишком оптимистичной, так как при замене 15-го (моторизованного) пехотного полка 449-м пехотным полком (без 1-го батальона) 25 июля в период с 0.30 ночи до 4.30 утра произошли непредвиденные инциденты. Полк прибыл в Смоленск совершенно измотанным, а командир 3-го батальона 449-го пехотного полка был ранен уже в момент самой смены.

Замена 29-го артиллерийского полка 137-м артиллерийским полком прошла гладко, все было передано очень тщательно. По просьбе дивизии ей была передана группа наблюдателей, которая осталась на своих боевых позициях. К сожалению, на огневой активности нашей артиллерии негативно сказался выход из строя многих раций и нехватка боеприпасов.

Мы впервые испытали это страшное чувство, что не можем ничем помочь... Наши передовые наблюдатели, находившиеся в самой гуще боя среди пехотинцев, то и дело теряли связь; это было самое ужасное.

Обширная заболоченная местность создавала такие сильные радиопомехи, что радиосвязь становилась почти невозможной. На всех частотах звучали русские женские голоса, музыка и мешающие посторонние передатчики. Длинные проводные линии, проложенные до передовой, часто рвались...

За три дня из строя вышли четыре рации... Радисты не знали ни сна, ни отдыха... Мы были счастливы, когда удавалось накрыть позиции русских. Тогда мы открывали по ним скорострельную стрельбу!.. Наверное, Мать Божия направляла нашу руку, когда мы стреляли вслепую...¹

¹ Из донесения лейтенанта Цанкля, 2-й дивизион 137-го артиллерийского полка. Составлено 05.11.1941.

В самый разгар смены войск, которая и без того была затруднена вражеским артиллерийским огнем, русские многократно поднимались в ночные атаки. Контратаки все еще занимавших свои позиции подразделений 29-й (моторизованной) дивизии позволяли снова восстановить передний край обороны — насколько можно было судить об этом в темноте.

Вскоре после проведенной смены войск в хаосе руин привокзальной территории русские снова атаковали левый фланг 449-го полка, и отдельным подразделениям противника удалось прорваться до скотобойни, находившейся южнее вокзала. Еще незнакомому с непросматриваемой местностью полку не удалось провести контратаку. К тому же выяснилось, что двух батальонов недостаточно для взятия под контроль участка, который занимал целый полк 29-й дивизии, оснащенный более мощным оружием, таким, например, как штурмовая артиллерия, огнемётные танки и реактивные минометы.

Приближение к городу тыловых дивизий по обе стороны от Днепра позволило командиру дивизии еще 25 июля снова упразднить группу Узингера и поручить охранение всего участка западнее Смоленска одному разведывательному батальону. Поэтому и 1-й батальон 449-го пехотного полка снова поступил в распоряжение своего полка. В ночь с 26 на 27 июля 137-я дивизия взяла командование на себя.

Отвод 1-го батальона 449-го пехотного полка затягивался, так как днем невозможно было отвести основные силы батальона со старых позиций. Командир батальона, находившийся на передовой, после получения указаний от своего командира полка не смог днем прибыть на командный пункт из-за прорыва русских. Поэтому в течение дня только незначительная часть 1-го батальона смогла проследовать маршем через позиции дивизии к своему полку. Поскольку до этого момента на Восточном фронте царил затишье, а положение на участке 449-го пехотного полка оставалось критическим, на помощь этому полку предусмотрительно был направлен дивизионный резерв: 2-й батальон 447-го пехотного полка (без 6-й роты).

Положение здесь оставалось сложным вплоть до полудня 27 июля. Полк никак не мог выбить прорвавшихся русских, которые закрепились на участке между железнодорожными путями и Днепром. Правда, полк помешал их дальнейшему продвижению, в первую очередь благодаря искусной стрельбе 4-й батареи 137-го артиллерийского полка (капитан Тренк-

вице). Этот участок вызывал у командования дивизии определенную озабоченность, особенно ночью.

Два остальных полка сумели своевременно прибыть на место. Так 448-й пехотный полк смог по плану заменить 71-й (моторизованный) полк, занимавший позиции в северо-восточной части города. На этом участке русские предприняли серьезную атаку только 26 июля, однако полк смог повсюду удержать передний край обороны. И здесь сторожевое охранение вело бой с переменным успехом, о чем свидетельствует запись от 26 июля в дневнике участника боя¹ из 5-й роты 448-го пехотного полка:

Еще ночью наша и вражеская артиллерия вела интенсивный огонь. Здесь мы держим оборону. Противник провел атаку. Наши отступили, и теперь нам надо опять наступать... Мы отбросили русских назад. Целый день продолжается перестрелка.

Но самый большой сюрприз ожидал нас на восточном участке фронта дивизии. До сих пор на этом участке царило полнейшее затишье; у занимавшего здесь позиции мотоциклетного батальона не было соприкосновения с противником, так говорили предшественники. Несмотря на такое благоприятное положение, генерал-лейтенант Бергманн в целях безопасности приказал 447-му пехотному полку (без 2-го батальона) заступить на охранение восточного фланга дивизии у Днепра. Однако вечером из полка поступило донесение, что посланные на разведку смены командиры батальонов и рот не встретили наши войска, зато обнаружили, что западнее реки у деревни Маркатушино и южнее окопались русские, численность которых пока не удалось установить. Кажется, здесь затевалось что-то серьезное! По всей видимости, русские заметили, что здесь не было выставлено охранение или имелись только отдельные дозоры, и собирались атаковать Смоленск с юго-востока.

Занимавший свою позицию 3-й батальон 447-го пехотного полка (без 10-й роты) был неожиданно атакован у деревни Туришино. Стремительным контрударом противник был отброшен, однако батальону не удалось выйти на западный берег реки. Из показаний пленных следовало, что южнее через Днепр переправилось еще 1500 русских, и к переправе готовились другие воинские части.

¹ Франц Вильрадер.

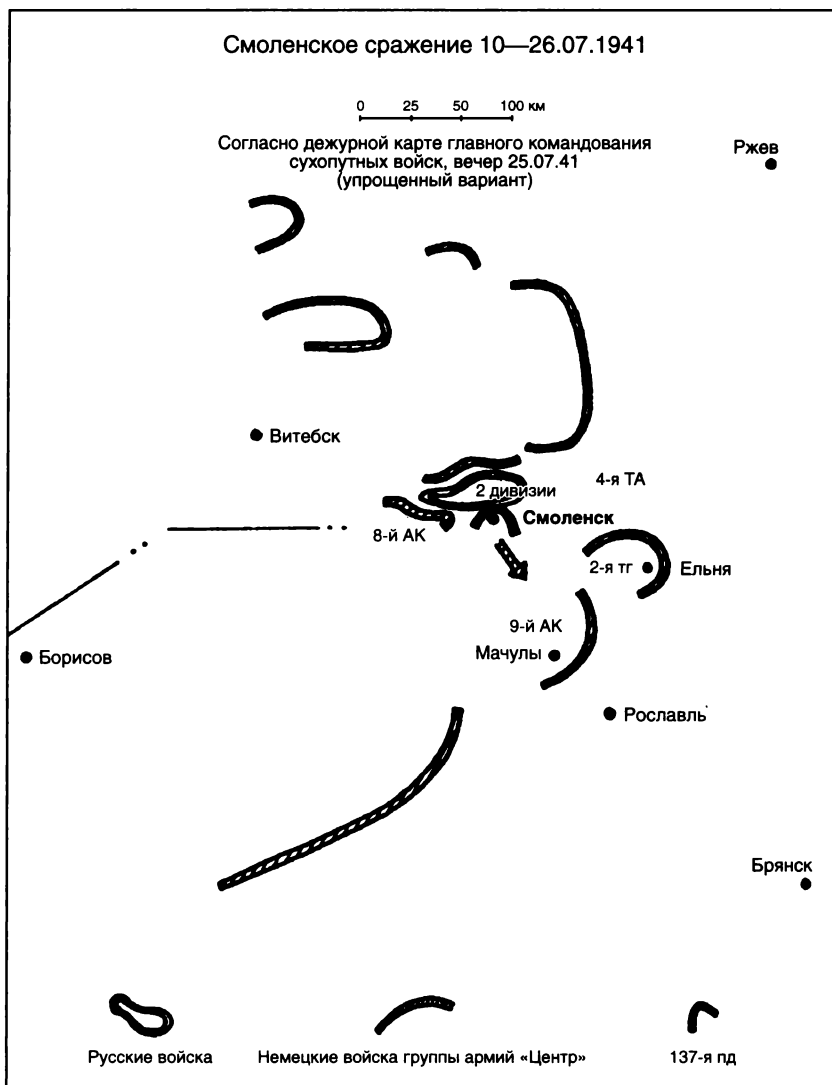

Схема 6

Наши войска, оперировавшие севернее Днепра, продвинулись далеко вперед. У тесного противника возникло вполне объяснимое желание ослабить охват путем возврата всемирно известного города Смоленска (схема 6). На следующий день наш самолет-разведчик обнаружил, что у деревни Райновка противник наладил переправу через реку и пытается навести мост.

Для ликвидации этого вражеского плацдарма сил двух батальонов 447-го пехотного полка было явно недостаточно. Для надежности командование армии обещало сформировать у села Богородицкого ударную группировку с артиллерией. Тем самым была бы устранена непосредственная опасность для восточного фланга дивизии. Около 16 часов дня на командный пункт дивизии прибыл командующий 4-й танковой армией генерал-фельдмаршал фон Клюге и ознакомился со сложившейся обстановкой. В случае крайней нужды всегда можно было для поддержки повернуть на Смоленск 268-ю пехотную дивизию, которая находилась на расстоянии одного дневного перехода от города. Это звучало обнадеживающе, но мы надеялись, что до этого не дойдет, и оказались правы.

Ситуацию на восточном фланге дивизии невозможно было держать под контролем длительное время. Огонь вражеской артиллерии усилился. Хотя наша артиллерия и мешала противнику переправляться через реку, но не могла полностью воспрепятствовать этому. Поэтому армейское командование подтянуло в район села Богородицкого 15-й (моторизованный) пехотный полк, чтобы 27 июля совместным ударом с 447-м пехотным полком отбросить противника за Днепр.

Из-за необходимости введения 15-го пехотного полка в курс дела, начало атаки было перенесено на 11.30 утра 27 июля. Главные силы артиллерийского полка были перегруппированы на восток. После интенсивной артиллерийской подготовки и налета пикирующих бомбардировщиков 15-й пехотный полк, усиленный штурмовыми орудиями и огнемётными танками, перешел в атаку. И атака увенчалась полным успехом! С первой же попытки противник был везде отброшен. К 17 часам оба полка уже стояли на западном берегу Днепра. Были взяты в плен более 850 красноармейцев, из которых около 350 пленил 447-й пехотный полк. После этого боя была окончательно устранена угроза Смоленску с востока.

После успешно проведенной атаки на участке фронта Владимировка—Райновка 15-й (моторизованный) пехотный полк был заменен соединением Руксера (штаб 2-го батальона 447-го пехотного полка, 6-я рота того же полка, подразделения истребительно-противотанкового батальона и 3-я рота саперного батальона), так как позади такого естественного препятствия, каким являлся Днепр, было вполне достаточно и более слабого охранения.

Первая крупномасштабная смена моторизованных соединений прошла не совсем гладко. 15-й (моторизованный) пехотный

полк был, конечно, не в восторге оттого, что во время и после замены ему пришлось дважды снова вступать в бой. По телефону в наш адрес прозвучало несколько грубых реплик. Контрудар, необходимость в котором возникла при смене 15-го (моторизованного) пехотного полка нашим 449-м пехотным полком, был совершенно нормальным процессом, предусмотренным даже уставом. А вступление в бой 15-го полка в полном составе на восточном фланге произошло вообще не по вине 137-й дивизии. Во-первых, переданные сведения о расположении противника не соответствовали действительности, а во-вторых, преждевременный отвод охранения с берега Днепра противоречил основным правилам проведения смены войск в боевой обстановке¹.

В ходе великолепного наступательного броска 15-й пехотный полк совместно с 447-м пехотным полком уладил дело. Но какая же огромная разница наблюдалась в оснащении полков вооружением! Сколько у них было тяжелого оружия! Например, огнеметные танки мы вообще никогда не видели. В одном моторизованном полку было больше штурмовых орудий, чем когда-либо имелось на вооружении всей 137-й пехотной дивизии. В этой связи хотелось бы с благодарностью вспомнить батарею отличного 226-го батальона штурмовых орудий (командир капитан запаса Притцбуер), которая в течение пяти первых недель Восточной кампании являлась нашим единственным броневым помощником, всегда готовым прийти на помощь. Конечно, при наличии такого оружия и при такой мобильности применялся совершенно иной способ ведения боевых действий и открывались более широкие возможности боевого использования. Пешие войска не могли без внесения определенных изменений брать на себя оборону занимаемого участка фронта, что негативно сказывалось на процессе смены войск. И наконец, последнее замечание: «шерстяные мундиры» преодолели столько же километров пешком, сколько моторизованные части проехали на автомобилях и других транспортных средствах. Мы искренне восхищались их успехами, которые часто были достигнуты с большими потерями, чем это происходило у нас; поэтому мы не согласны с опрометчивыми оценками. Всему нужно учиться, в том числе и смене мотори-

¹ Шмидт Ю. 29-я дивизия. С. 135. Разведывательный и мотоциклетный батальоны 29-й дивизии были переведены для охранения вдоль Днепра дальше на юг еще 24 июля.

зованных соединений пешими войсками. В те же дни и у других подразделений, например у 263-й пехотной дивизии, возникли трудности у деревни Мачулы. Во время следующей смены 2-й дивизии СС «Рейх» под Ельней все прошло без осложнений.

Тем временем 28-я пехотная дивизия пробилась к Смоленску с запада. Она вышла к городу севернее Днепра. В этот момент сопротивление русских неожиданно прекратилось и началось бегство на восток. 137-й артиллерийский полк открыл огонь на преследование. В 11.45 449-й пехотный полк, а немного позднее и 448-й пехотный полк доложили о встрече с передовыми частями 28-й дивизии. Смоленск окончательно перешел в руки германских войск, а тем самым наша дивизия выполнила поставленную перед ней задачу. Поэтому с продвижением 28-й пехотной дивизии на восток наши отдельные батальоны могли расположиться на отдых на своих прежних участках. Начальник 44-го артиллерийского командования и штаб 622-го артиллерийского полка, которые в течение пяти недель успешно помогали дивизии, были возвращены в 263-ю пехотную дивизию.

Вот так дивизия в течение четырех дней удерживала плацдарм в Смоленске, который подвергался ожесточенным атакам противника с трех сторон. Ни в одном месте русским так и не удалось добиться значительного успеха. Ширина фронта, на котором дивизия держала оборону, составляла 19 километров, а участок охранения западнее города протянулся еще на 20 километров. Наряду с большими потерями убитыми и ранеными противник потерял 800 человек пленными и большое количество оружия и боевой техники всех видов. Наши собственные потери составили 750 человек убитыми и ранеными, 400 из них — только в одном 449-м пехотном полку¹, что свидетельствовало об ожесточенности боев. Генерал Бергманн отметил успехи дивизии в следующем приказе по дивизии от 28 июля 1941 года:

Во всех предыдущих боях подразделения дивизии с честью выполнили свой долг; все полученные задания были выполнены в полном объеме.

Особое испытание пришлось выдержать всем нам в последние дни.

¹ Из дневника Иммерфоля.

Если уже бои за Бородином потребовали от нас напряжения всех сил, то новое задание — удержать важный город Смоленск — мы смогли выполнить только благодаря величайшей отваге каждого отдельного бойца на передовой и полной боевой готовности служб снабжения и тыла.

Я не могу найти для выражения своей благодарности и признания лучших слов, чем вот эти: «Я горжусь тем, что стою во главе такой дивизии».

Я убежден, что и в предстоящих боях дивизия не ударит лицом в грязь и сумеет постоять за себя, как она делала это до сих пор.

Глава 4

БИТВА ПОД РОСЛАВЛЕМ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ НА ДЕСНЕ

1—18 августа 1941 года

Войска получили только несколько часов заслуженного отдыха, вскоре поступил новый приказ армейской группы Гудериана на развертывание для битвы под Рославлем.

137-я дивизия приняла участие в этой битве в составе 9-го армейского корпуса под командованием создателя германских танковых войск генерал-полковника Гудериана. Мы радовались этой подчиненности, однако вскоре заметили, что сражаться под руководством такого страстного поборника танковых войск для пехотной дивизии было совсем не просто. О некоторых разногласиях, существовавших между Гудерианом и нашим прежним командующим армией, генерал-фельдмаршалом фон Клюге, стало известно и командованию дивизии. Уже 9 июля фон Клюге сказал командующему танковыми войсками: «Ваши операции всегда висят на волоске!»¹

Такие же конструктивные, но ожесточенные споры между генерал-полковником Гудерианом и генералом Гейером по поводу проведения операции предшествовали и нашему введению в бой под Рославлем, где нашей 137-й дивизии суждено было стать тем самым «волоском». Эти споры показали, как же мало ценились часто успехи пехотных дивизий. Гудериан: «Прежде всего, с моими методами атаки приходилось знакомить только что подчиненные мне пехотные корпуса, которые до сих пор почти не вступали в бой с русскими»². В ответ на это генералу Гейеру пришлось настойчиво указать на то, что его 9-й корпус с 22 июня постоянно был в контакте с противником и что, например, 137-я пехотная дивизия к этому моменту уже потеряла убитыми и ранеными 2050 человек³.

¹ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 153.

² Там же. С. 166—167.

³ *Гейер.* 9-й корпус в Восточной кампании. С. 73, 161.

Бои под Рославлем

Положение на 05.08.1941

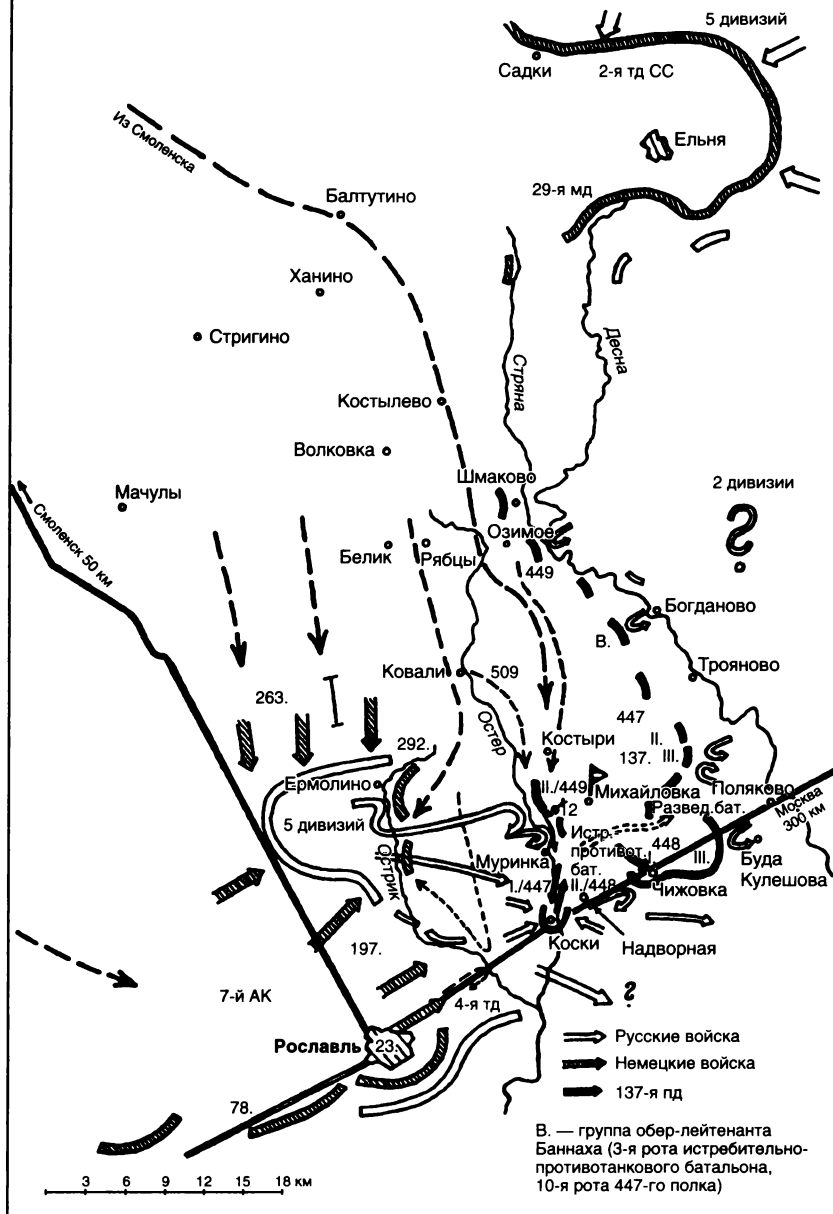

Схема 7

Смысл новой операции заключался в том, чтобы использовать наступательное эшелонирование армейской группы Гудериана (прежней 2-й танковой группы) для уничтожения у деревни Мачулы русской группировки, которая стойко держалась против южного крыла 4-й армии и постоянно контратаковала (схема 7).

137-я пехотная дивизия должна была выйти в район юго-восточнее села Балутина. Был подтянут 2-й батальон 449-го пехотного полка, оставленный в Смоленске в качестве караульного батальона, а также 447-й пехотный полк, занимавшийся охранением вдоль Днепра южнее города. Но сначала для принятия участка охранения на реке Стряна юго-восточнее села Балутина были направлены маршем подразделения истребительно-противотанкового и разведывательного батальонов. Предпосылки для атаки оказались самыми благоприятными. Прошедший 1 августа ливень прибил пыль, поэтому удалось — в основном ночью — скрытно от противника провести все передислокации и замены воинских частей, необходимые для подготовки атаки. На раннее утро 2 августа была назначена атака подходившего с севера 9-го армейского корпуса. Подходивший с запада 7-й армейский корпус должен был изготавиться к наступлению еще за день до этого. Противник действовал как нельзя лучше для нас: в этот день он атаковал в западном и северном направлениях активнее, чем когда-либо прежде, и не только не заметил грозившего ему охвата, но еще глубже влез в подготовленный котел.

1 августа все подразделения дивизии прибыли в район сосредоточения, а охранение, которое осуществляли истребительно-противотанковый и разведывательный батальоны, взяли на себя подразделения танковой дивизии. 449-й пехотный полк занял полковую полосу наступления на левом фланге 292-й пехотной дивизии, которая находилась на направлении главного удара.

Стремительный удар, нанесенный 292-й пехотной дивизией в 5 часов утра 2 августа, оказался для противника совершенно неожиданным. Сначала 137-я пехотная дивизия продвигалась слева, будучи эшелонированной назад, с заданием прикрыть левый фланг и отразить атаку, развернувшись к Десне. Вместе с 292-й пехотной дивизией в атаку перешел и 449-й пехотный полк. Не встречая сопротивления противника, он вышел к деревням Шарлановка и Рябцы и, отбросив несколько вражеских разведывательных дозоров, повернул на восток по направлению к Десне. Час спустя вслед за 449-м пехотным полком выступил

448-й пехотный полк. Он прошел через те же деревни, которые до поворота на восток проходил 449-й полк, и без соприкосновения с противником продолжил движение в передней линии дальше на юг. Примерно в 13.00 из штаба корпуса поступил приказ силами передового отряда и усиленного полка блокировать важное шоссе Рославль—Москва в районе деревни Коски. Что же явилось причиной этого нового задания?

В то время как левофланговый полк 292-й пехотной дивизии при слабом сопротивлении противника уже к 11 часам утра вышел к деревне Ковали, правофланговый полк этой дивизии натолкнулся на упорное сопротивление. Ему пришлось позабыть о собственном наступлении, так как он был вынужден отражать танковую атаку русских.

Подошедшие с запада немецкие войска тоже добились лишь незначительного успеха в северной части приготовленного котла. Поэтому командование 9-го армейского корпуса посчитало необходимым сначала сломить упорное сопротивление противника перед правым флангом 292-й дивизии, повернув для этого левый фланг атакующей дивизии. А задание прорыва до шоссе Рославль—Москва перешло к 137-й дивизии, в дополнение к имевшемуся у нее заданию осуществлять охранение со стороны Десны.

Как всегда, задание требовалось выполнить быстро. Для этого сначала был создан передовой отряд¹ под командованием подполковника фон Рёмера. Заболоченные участки дороги, взорванные мосты, густые лесные заросли, минные поля и позднее прибытие моторизованной батареи (в 17.30) сорвали план стремительного наступления. К вечеру 2 августа передовые дозоры дошли только до деревни Костыри. Здесь они натолкнулись на первых русских, которые под нажимом 292-й дивизии отходили на юго-восток. Ночью и на следующее утро то и дело вспыхивали короткие перестрелки с отступающими русскими подразделениями, а потом состоялся даже короткий бой, в котором было уничтожено семь танков противника.

Невообразимые дорожные условия и сложность рельефа местности, а также необходимость преодолевать заболоченные участки кружным путем, на что уходило много времени, тормозили продвижение вперед и усиленного 448-го пехотного полка, который должен был следовать за передовым отрядом. Несмо-

¹ Истребительно-противотанковый батальон (без 3-й роты), 10-я рота самокатчиков 447-го пехотного полка, 3-я рота саперного батальона, 7-я батарея 88-го артиллерийского полка 18-й танковой дивизии.

тря на давление всех командиров, вплоть до командующего армейской группой генерал-полковника Гудериана, который вечером 2 августа посетил дивизию, передовой отряд вошел в деревню Коски¹ только в 17.00 3 августа, а 448-й пехотный полк занял деревню Надворную еще позже, только к 20 часам вечера. Теперь оба этих подразделения смогли наконец взять под контроль шоссе на Москву.

Как выглядели эти дорожные условия и какие усилия потребовались для их преодоления, свидетельствуют записи в личных дневниках. Командир одного из батальонов²:

01.08.1941. Деревня Волковка... Марш по заболоченным проселочным дорогам. Обоз безнадежно отстал. Сильный дождь. Продовольственное снабжение в бидонах доставляют верховые. Марш с материальной частью, все измотаны.

Ефрейтор из штаба дивизии³:

03.08.1941. Идет дождь, который начался совсем недавно, но колонна уже увязла в топкой грязи. Дорогу совсем развезло, поэтому нам приходится все чаще толкать, чтобы наш рыдван снова поплыл по жидкой грязи. Во второй половине дня мы зашли в настоящее болото. При ходьбе земля уходит из-под ног. Временами болото подступает к самому краю дороги. Конечно, здесь не может быть и речи о дороге в общепринятом смысле этого слова, это скорее разъезженная колея, которую в самых опасных местах укрепляют наши саперы. На подъезде к одному из мостов мы сами соорудили настил из бревен. Для этого недолго думая мы разобрали недостроенную бревенчатую хату... Ну вот, тут мы проехали, чтобы снова застрять в другом месте. Теперь мы двигались посреди болота. Одна из верховых лошадей неосторожно ступила за край бревенчатого настила и тут же завязла по самую шею в трясине...

На мосту скопился слой грязи по колено. Только там, где растет густая осока, можно некоторое время стоять, но при ходьбе вся земля качается и вибрирует. Большой автобус попытался совершить обгон на мосту и съехал в болото. Он сразу увяз в трясине всеми четырьмя колесами выше осей.

¹ Гудериан отмечает, что 292-я пехотная дивизия находилась в деревне Коски, но в действительности она стояла западнее от деревни, на берегах реки Острик. (Гудериан Г. Указ. соч.)

² Капитан Штайскаль, 1-й батальон 448-го пехотного полка.

³ Хаберль.

С занятием деревень Коски и Надворная была создана важная предпосылка успеха битвы на второй день наступления. Наступавшие с запада войска почти без боя взяли Рославль. У речки Острик разведывательный батальон 292-й дивизии установил контакт с разведывательной группой 4-й танковой дивизии. Казалось, что противник полностью окружен!

К сожалению, это было не так. 292-я дивизия, которая должна была изолировать котел по речке Острик, сильно растянулась. Поэтому, чтобы сдержать пытавшиеся вырваться из котла русские войска у деревни Ермолино, 292-й дивизии пришлось отвести назад свои подразделения, прорвавшиеся до моста через речку Острик на Московском шоссе. Командование 9-м армейским корпусом разрешило этот маневр в надежде на то, что 7-й армейский корпус сможет продолжить ожидаемое наступление из Рославля на северо-восток. Однако неожиданно танки 4-й танковой дивизии были отведены от речки Острик, и потребовалось личное вмешательство генерал-полковника Гудериана, чтобы снова закрыть возникшую брешь подразделениями 4-й танковой дивизии и 7-го армейского корпуса¹. Отдельные подразделения окруженных русских войск смогли вырваться из котла на восток и юго-восток через редкие оборонительные линии 292-й дивизии и через временную брешь. Теперь они угрожали неизбежным ударом в спину 137-й дивизии, которая была развернута фронтом на восток и юг, чтобы отразить ожидаемые попытки со стороны русских деблокировать котел. Дивизия занимала полосу фронта шириной 50 километров, противник угрожал ей одновременно с трех сторон, а четыре батальона еще не успели подойти!

Это были самые напряженные часы в штабе дивизии и в войсках. Во многих местах возникало крайне неприятное положение, но всякий раз удавалось в самый последний момент благодаря своевременному подходу отставших подразделений дивизии ликвидировать опасность и избежать катастрофы. Самое тяжелое положение сложилось, когда 4 августа противник неожиданно появился с запада у деревень Барсуки и Утехово. Последний резерв, имевшийся в распоряжении дивизии, 1-й батальон 447-го пехотного полка, был выдвинут сначала для охранения к деревне Костыри. Даже штабу саперного батальона пришлось выручать в деревне Утехово некоторые подразделения батальона связи и начальника оперативного отдела дивизии,

¹ Гудериан Г. Указ. соч. С. 172—173.

неожиданно натолкнувшегося на противника в глубоком тылу дивизии.

Несмотря на бои и сложные ситуации, возникавшие на западной линии обороны дивизии, главное внимание по-прежнему уделялось востоку. Если бы противник действовал хотя бы мало-мальски разумно, он должен был попытаться оказать извне помощь своим дивизиям, попавшим в окружение. Поэтому нужно было готовиться к тому, чтобы отразить отвлекающие атаки русских. Тем временем силами 449-го пехотного полка там был создан фронт из опорных пунктов. С юга к ним примыкали подразделения 447-го пехотного полка, группа оберлейтенанта Баннаха и разведывательный батальон дивизии (схема 7).

После того как противник пришел в себя после нашей неожиданной атаки на юг в непосредственной близости от его фронта на Десне, он начал все чаще проводить разведку боем в направлении на запад. Первая такая атака подразделения русских численностью около 160 человек в 1.30 ночи 4 августа южнее деревни Шмаково не без труда¹ была отбита 449-м пехотным полком. В расположении группы Баннаха была проведена еще одна разведка боем с применением установки залпового огня неизвестной в то время конструкции². Временами было горячо и на участках 3-го батальона 447-го пехотного полка и разведывательного батальона. В журнале боевых действий первого из вышеуказанных батальонов есть записи от 5 августа о массированных атаках противника с применением танков и артиллерии с востока и юго-востока, а также упоминается об интенсивном зенитном огне по нашим самолетам с позиций вдоль Десны. Там же встречается такая интересная запись:

«В батальон поступила памятка о злоупотреблении алкоголем!!!»

Между тем 448-й пехотный полк (без 2-го батальона) вместе с подчиненным ему 3-м дивизионом 137-го артиллерийского полка в ходе семичасового боя против упорно оборонявшегося противника восточнее деревни Коски сумел расширить узкую

¹ Запись в журнале боевых действий 2-го дивизиона 137-го артиллерийского полка (Капфхаммер) (внесено на командном пункте в деревне Озимое 04.08.1941): «Русские неожиданно атакуют в 3 часа ночи. Вынуждены оставить наблюдательные пункты».

² Имеется в виду знаменитая «Катюша». (*Примеч. пер.*)

полосу заграждения на Московском шоссе и продвинулся почти вплотную к Десне. Запись в дневнике командира 1-го батальона 448-го пехотного полка:

04.08.1941. Деревня Надворная. Только крепкими выражениями можно было заставить бойцов действовать. Надо выдвинуть вперед стрелковые роты.

05.08.1941. Западнее деревни Буда Кулешова: очень устали, нет воды, нет хлеба... Связь с тылом прервана. Вечером в сопровождении танков привозят питание, русские танки атаковали штаб полка.

И вот при таком положении в дивизии 5 августа в 15.30 поступает приказ: «Командующий танковой группой ожидает, что 137-я пехотная дивизия еще сегодня выйдет на рубеж Десны, внезапной стремительной атакой захватит мосты и доложит о расположении противника».

То есть нам было приказано атаковать подготовленный, хорошо укрепленный оборонительный рубеж противника на Десне с позиции протяженностью 55 километров тремя разными фронтами. Кроме того, большой мост через Десну у деревни Поляково по данным воздушной разведки был уже взорван русскими.

У командования дивизии сложилось впечатление, что этот приказ действительно был составлен без учета возможностей дивизии. Очевидно, пехотной дивизией командовали так, словно она была моторизованной.

Поэтому самое большое, чего дивизия могла бы добиться, напрягая все силы, — это попытаться немного расширить на восток и на юг круговую оборону, которую 448-й пехотный полк занимал вокруг шоссе, а также в ходе внезапного налета попытаться захватить мост, находившийся восточнее деревни Богданово. Что касается захвата моста, то вскоре пришлось временно отказаться от этого намерения, так как направленные туда три роты были вынуждены перейти к обороне, чтобы отразить ночную атаку русских.

В это же самое время — 5 августа — в районе деревень Мурина и Коски начали появляться все более многочисленные группы красноармейцев, отбившихся от своих частей. В ходе боя у деревни Коски группа фон Рёмера рассеяла и частично уничтожила несколько вражеских моторизованных колонн. Создалось впечатление, что деревня Коски становилась главным очагом боя,

так как данные разведки свидетельствовали о том, что следовало ожидать отвлекающих атак русских войск с юга. Противник подтянул в этот район свою артиллерию. Это были трудные часы для группы фон Рёмера, усиленной 2-м батальоном 448-го пехотного полка, когда противник нанес главный удар с юго-востока. Однако, несмотря на довольно редкую линию охранения, нашим подразделениям удалось удержать ее.

С наступлением темноты возник новый очаг напряженности, когда в ходе многочисленных атак на этот раз с запада на деревню Коски противник попытался вырваться из котла. После того как все атаки русских были отбиты, отважная группа Рёмера была вынуждена отойти на север и восток, чтобы избежать окончательного разгрома. Унтер-офицер Хайдер, 14-я рота 448-го пехотного полка, который принимал участие в боях у деревни Коски в составе 2-го батальона 448-го пехотного полка, так описывает этот бой:

Сегодня 5 августа 1941 года. Во второй половине дня мы заметили, как вблизи леса, раскинувшегося перед нами, проехало несколько русских упряжек лошадей, но это не вызвало у нас особого беспокойства.

Около 18.00 на правом фланге неожиданно раздалось несколько одиночных выстрелов, шальные пули залетели даже к нам. Казалось, что нас ждет веселенький вечер. Тем временем застрочил русский пулемет, в ответ наши пулеметы тоже открыли огонь. В воздухе засвистели короткие пулеметные очереди, и лес принял на себя смертоносный огонь. Это был сигнал. Тяжелая артиллерия русских открыла интенсивный огонь, снаряды с воем пронеслись в воздухе и рвались, сея смерть и разрушения, на нашем правом фланге. Русские минометы вступили в соревнование с артиллерией, извергая огонь и железо. Как блуждающие огоньки, вспыхивали взрывы снарядов и мин, похожие на фейерверк, освещавший все вокруг в наступавшей ночи. К вою и взрывам снарядов добавились уже знакомые нам крики «ура!». Это поднялась в атаку русская пехота. Наш правый фланг укрепляется за счет левого. Но русские сразу же замечают эту передислокацию и переносят направление главного удара на левый фланг. Наша противотанковая пушка и горстка пехотинцев ожидают удара. В отблесках выстрелов на опушке леса возникают первые фигуры бегущих солдат, за ними следуют все новые и новые цепи. Первый осколочно-фугасный снаряд устремляется из жерла пушки в ревушую толпу. Но слева и справа бегущая толпа становится только гуще, из пьяных глоток

вырывается оглушающий рев. Мы ведем непрерывный огонь, разворачивая пушку то вправо, то влево. Один снаряд за другим покидает ствол орудия и устремляется навстречу врагу. Несмотря на наш огонь, вражеский напор не ослабевает. Мы производим смену позиции и перемещаемся направо. С новой позиции мы продолжаем вести непрерывный огонь, насколько позволяет раскалившийся ствол орудия. Мы будем биться до последнего снаряда, мы не собираемся дешево отдавать свои жизни.

Тем временем наш правый фланг, опережая намерение противника окружить нас, отошел за реку. Мы прекратили огонь и последовали за ним. Под защитой темноты нам удалось переправиться через реку и целыми и невредимыми добраться до другого берега. Там, выполняя приказ, мы окопались. Наступило временное затишье. Попытка русских окружить нас потерпела неудачу. Их атака снова была отражена сосредоточенным огнем пехоты. При этом они понесли тяжелейшие потери.

После тяжелой ночи наступает утро, которое приветствует нас знакомым звуком в воздухе. Это наши истребители! Они обнаружили новую исходную позицию русских. Через несколько минут над нами проносятся наши бомбардировщики и штурмовики. Быстро выпускаем в воздух три белые ракеты — «Здесь свои!». Теперь все получится. Вскоре воздух содрогается от рева пикирующих машин, земля дрожит от взрывов авиабомб. Враг уничтожен. Было взято много пленных.

Этот бой 5 августа был тяжелым и ожесточенным, кровь многих бойцов окропила землю у деревни Коски, в том числе и командира нашего взвода.

Прорвавшийся противник натолкнулся в нескольких километрах восточнее на линию охранения 448-го пехотного полка. Снова завязался ожесточенный бой; но в этот раз удалось отбить атаку, враг был рассеян и большей частью уничтожен. Бойцы 3-го дивизиона 137-го артиллерийского полка своим метким оборонительным огнем внесли свой вклад в этот большой успех дивизии. Унтер-офицер Рамль — 14-я рота 448-го пехотного полка, сражавшаяся в составе 1-го батальона 448-го пехотного полка, — рассказывает:

Мы вышли к деревне Чижовка. Это была наша задача дня. Нам надо было выставить круговое охранение с пулеметами. На въезде и на выезде из деревни на хорошо замаскированных позициях были установлены по одной 37-мм и 50-мм противотанко-

вой пушке. Наступила ночь, которая прошла спокойно. И следующий день не принес никаких неожиданностей. Только вечером к деревне приблизились несколько русских танков. Однако, попав под огонь наших противотанковых пушек, они сразу повернули назад.

Но рано утром 6 августа все обещало быть иначе. Наши дозоры сообщили о танковой опасности, несколько тяжелых танков и русская пехота приближались к Чижовке, двигаясь по нашему вчерашнему маршруту, то есть с тыла. Прошло совсем немного времени, и в бинокль уже можно было определить тип танков и подсчитать их количество. Один-два, нет, пять-шесть 32-тонных танков. За ними следовала длинная колонна вражеских грузовиков. Для наших противотанковых пушек будет работенка. Мы были хорошо замаскированы и чувствовали себя вполне уверенно. Мы решили подпустить танки как можно ближе. 300 метров — еще слишком далеко, 200 метров, 100 метров и, наконец, 50 метров, бабах! Первый же снаряд из нашей 50-мм противотанковой пушки попадает в башню танка! Выстрел следует за выстрелом! И вторая 37-мм пушка, которая стоит слева от нас рядом с дорогой, открывает огонь. Одно попадание следует за другим! Первый танк замер на месте, он уже не может стрелять, так как горит! Теперь берем на мушку второй танк. В замешательстве он съезжает с крутого откоса, однако опрокидывается и не может сдвинуться с места. Остальные танки пытаются уйти вправо.

Тем временем и вторая 50-мм противотанковая пушка заняла позицию и открыла огонь. Теперь мы стреляем по всем целям, которые можем поразить. Вот уже подбиты еще два танка, и только двум последним удастся уйти. Большая часть следовавшей за танками колонны грузовиков была уничтожена огнем 37-мм пушки и пулеметов.

Первоначально вызывавшая крайние опасения потеря транспортных средств и орудий группой фон Рёмера во время внезапной русской атаки на деревню Коски оказалась, к счастью, лишь временной. Почти все грузовики и другие транспортные средства, а также и орудия были снова обнаружены в целости и сохранности в этой же деревне, когда на рассвете 6 августа туда ворвался 447-й пехотный полк, поддержанный 12-й батареей 137-го артиллерийского полка, 7-й батареей 88-го артиллерийского полка и штурмовой авиацией. При этом был ранен командир батальона обер-лейтенант Шлёйзингер. Под командованием обер-лейтенанта Коха батальон пробился вперед к

448-му пехотному полку, захватив при этом 1500 пленных (среди них даже одного командира дивизии).

Тем временем приближались к завершению операции по уничтожению русских дивизий, окруженных севернее Рославля. Поэтому вечером 6 августа для усиления 137-й дивизии в район деревень Муринка и Коски удалось направить усиленный 509-й пехотный полк 292-й пехотной дивизии. В ночь с 6 на 7 августа окруженные русские подразделения предприняли неудачную попытку прорыва у деревни Муринка.

Оборону 509-го пехотного полка от атак с запада очень эффективно поддержала 12-я батарея 137-го артиллерийского полка. Еще во второй половине дня накануне во время поддержки атаки 2-го батальона 449-го пехотного полка на деревню Коски ее боевая позиция подверглась атаке с фланга шедших на прорыв русских подразделений. Тогда батарея открыла огонь прямой наводкой по наступавшим русским:

После того как батарея открыла огонь прямой наводкой с расстояния до 150 метров, крики «урра!» сразу стихли. Атака противника захлебнулась при огромных потерях с их стороны непосредственно перед нашей передней линией обороны, то есть перед огневой позицией батареи...

При свете дня нашим глазам открылась картина ужасного истребления. На пашне остались лежать сотни убитых и раненых, среди них большое число женщин в военной форме и в касках¹.

И на севере положение значительно улучшилось. Здесь 449-й пехотный полк и группа обер-лейтенанта Баннаха были заменены подразделениями 263-й пехотной дивизии и тоже переброшены на южный участок. И хотя 8 и 9 августа еще происходили отдельные стычки с остатками рассеянных подразделений противника, но в основном битва под Рославлем была закончена.

Находясь в довольно сложном положении, дивизия смогла выполнить такое крайне необычное для пехотного соединения задание. Очевидными признаками ее успеха явились около пяти тысяч пленных, 28 танков, 70 орудий и огромное количество другой военной техники. Дивизия потеряла убитыми и ранеными около 400 боевых товарищей. Когда в специальном сообщении

¹ Из боевого донесения командира 12-й батареи 137-го артиллерийского полка обер-лейтенанта Кюнтцеля от 25.08.1941.

по радио 9 августа было объявлено: «Соединения противника, окруженные в районе Рославля, в 100 километрах к юго-востоку от Смоленска, были уничтожены...» — можно было адресовать любому бойцу 137-й дивизии слова, которые позднее записал генерал Гейер:

Мы (9-й армейский корпус) выиграли ее (битву под Рославлем) не в одиночку... Но наш вклад в победу был решающим и самым весомым. Воинские соединения 9-го корпуса и командование корпуса не могут вспоминать ни об одном моменте Восточного похода с большим удовлетворением, чем о напряженных днях перед и во время битвы под Рославлем.

После нескольких перегруппировок дивизия получила новый участок охранения по обе стороны от шоссе Рославль—Юхнов до русского оборонительного рубежа на Десне. Противник вел себя спокойно. И хотя ежедневно происходили стычки между разведывательными группами и время от времени русская артиллерия открывала огонь, а штурмовая авиация противника наносила беспокоящие удары, в общем и целом для обеспечения охранения днем вполне хватало немногочисленных боевых постов, а основные силы дивизии получили достаточно времени для отдыха. Прибывали новые соединения¹, проводилась подготовка к новому наступлению! Мы все твердо надеялись на то, что наступление на восток вскоре будет продолжено.

Солдаты, с которыми я беседовал на передовой 137-й пехотной дивизии², говорили только о скором продолжении наступления в восточном направлении,

пишет в своей книге генерал-полковник Гудериан³.

¹ Например, 23-я пехотная дивизия в качестве нашего правого соседа.

² В частности, в 1-м батальоне 448-го пехотного полка 13.08.1941 (из дневника Штайскаля).

³ Гудериан Г. Указ. соч. С. 176.

Глава 5

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ НА ЕЛЬНИНСКОМ ВЫСТУПЕ

19 августа — 1 октября 1941 года

Уже в середине июля танковые соединения прорвали оборонительный рубеж на Десне под Ельней и удерживали выступ фронта вокруг города, ощущая сначала слабое, а потом все более сильное противодействие противника. Между Ельней и Днепром возникла брешь шириной около 50 километров, охранение которой до середины августа кое-как осуществляли моторизованные соединения. Но постепенно выяснилось, что в район бреши русские подтянули более мощные силы. Поэтому в период с 15 по 18 августа на этот участок фронта западнее Ельни был переброшен 9-й армейский корпус в составе 137-й и 263-й пехотных дивизий, который высвободился после отказа от запланированной атаки на оборонительный рубеж русских на Десне. Наши позиции на Десне заняла 23-я пехотная дивизия.

Направление главного удара германских войск сместилось на юг. Там, на Украине и под Гомелем, создавались предпосылки новых грандиозных побед, и все силы, без которых можно было обойтись, были переброшены на эти фронты, где решалась судьба Восточной кампании. Поэтому чем более крупными силами противник атаковал наши ослабленные оборонительные рубежи, тем лучше это было для других операций наших войск! Все те воинские подразделения, которые русские направили сюда, не будут участвовать в операциях на решающих участках фронта! Разумеется, никто из бойцов нашей дивизии не думал об этом тогда в передней линии траншей или в окопе, укрываясь от артиллерийского и минометного огня противника, в постоянном ожидании новых вражеских атак. Поэтому пусть теперь ему станет понятен смысл приказа тех дней: держаться до последнего человека! Более вдохновляющей является победа во время наступления, а также преследование отступающего противника, когда видны признаки разгрома врага, что мы уже не раз ис-

пытали в этой войне. Но не менее почетна и победа в оборонительных боях против превосходящих сил противника, которая очень часто требует намного больше стойкости, отваги, верности своему долгу и боеготовности.

Вот так, почти дословно, очертил генерал Гейер цель оборонительных боев на Ельнинском выступе¹.

Почти год спустя (1942) тот же генерал — будучи политически неугодным и находясь с конца 1941 года в отставке — выразился яснее о том, о чем в то время думал каждый, как в войсках, так и в штабах:

С точки зрения командира корпуса невозможно было понять ни почему так упорно удерживали Ельню, ни почему русские снова и снова безуспешно атаковали ее. Нужно было учитывать политические и оперативные соображения. Возможно, германское Верховное командование хотело, чтобы русские израсходовали здесь как можно больше сил и тем самым ослабили нажим на других участках фронта. Видимо, похожие мысли возникали и у русского командования...²

«Ельнинский выступ» — это словосочетание не забудет никогда в жизни ни один боевой товарищ из 137-й пехотной дивизии. О том, что это значит, лучше всего свидетельствует приказ по дивизии после оставления Ельнинского выступа, который отдал наш командир генерал-лейтенант Бергманн 7 сентября 1941 года:

Бойцы 137-й дивизии!

Почти три недели ожесточенных боев остались позади. С введением в бой всех подразделений дивизии и всех родов войск за 19 дней обороны правой дуги Ельнинского выступа на участке фронта протяженностью 21 километр были отражены:

В течение шести дней при умеренном вражеском артиллерийском огне ежедневно по 10—15 атак численностью до роты.

В течение восьми дней при сильном артиллерийском огне почти 15 батарей — ежедневно около 20 атак численностью до полка при иногда четырехкратном повторении атак в одном и том же месте.

¹ *Гейер*. Седьмой обзор Восточной кампании.

² *Он же*. 9-й корпус в Восточной кампании. С. 86.

В течение пяти дней при сильнейшем артиллерийском огне почти 30 батарей — согласованные атаки по всему фронту от рассвета до наступления темноты, при этом — неоднократные ночные атаки.

Потери русских убитыми и ранеными¹, по оценкам экспертов и показаниям пленных, составили несколько тысяч человек. Против нас русские бросили 18 тысяч резервистов. Нашим огнем и контрударам было уничтожено 28 танков, один самолет и, по достоверным источникам, 60 единиц тяжелого пехотного оружия. Захвачено до 800 пленных. То, что было уничтожено огнем нашей артиллерии и тяжелого пехотного оружия в ближнем тылу, по сообщениям воздушной разведки и по показаниям пленных, оказалось просто чудовищным.

Я знаю, какие огромные нагрузки пришлось выдержать каждому офицеру и каждому бойцу дивизии в эти дни самых ожесточенных оборонительных боев на всем Восточном фронте. Это было необходимо, чтобы сковать силы русских и позволить нашим войскам добиться больших успехов на других участках Восточного фронта.

Я выражаю благодарность и признательность всей дивизии, подразделениям всех родов войск и самоотверженной работе службам тыла и снабжения. Но в первую очередь это касается пехоты и всех воинских частей, сражавшихся на передовой. Здесь невозможно выделить достижения отдельных бойцов и подразделений. Однако с особой гордостью я смотрю на те воинские части, которые, несмотря на угрозу вражеских прорывов с флангов и с тыла вследствие численного превосходства, до конца стойко удерживали свои позиции или же в ходе стремительной контратаки горстки отважных бойцов вновь отбивали их у врага.

Утром 19 августа 137-я дивизия приняла на себя руководство на новом участке фронта после надлежащим образом проведенной смены 2-й дивизии СС «Рейх» (схема 8).

Некоторые офицеры СС передали нам свои исходные данные для стрельбы и с заметной поспешностью ввели нас в курс дела. Они попрощались с наилучшими пожеланиями счастья и удачи, заметив при этом, что здесь сам дьявол устроил настоящую мясорубку. В ответ на замечание одного из наших офицеров, что до сих пор все выглядело здесь не так уж и страшно, нам лишь сказали: «Подождите, скоро сами убедитесь!»...²

¹ 24-я армия Резервного фронта генерала Ракутина.

² Из дневника Вольраба.

ЕЛЬНИНСКИЙ ВЫСТУП 15.08—05.09.1941

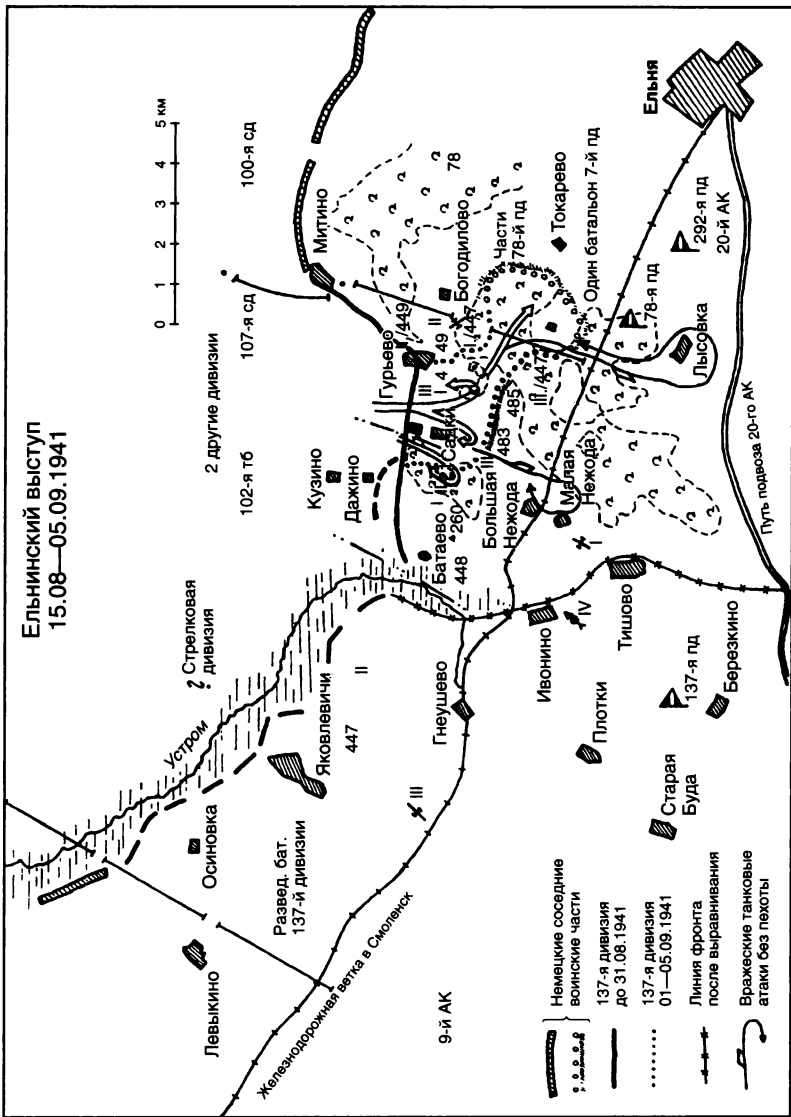

Схема 8

Более протяженную левую часть нового участка фронта, который занимала дивизия, было легко оборонять благодаря находившейся там заболоченной долине реки Устром. Правая часть участка фронта представляла собой самое опасное место всего Ельнинского выступа. Здесь нельзя было отступить ни на шаг, так как в ходе наступления русским удалось сузить выступ и выйти к деревне Садки, откуда их дальнобойная артиллерия уже могла обстреливать шоссе, ведущее в Ельню.

448-й пехотный полк, на который выпала наибольшая нагрузка в битве под Рославлем, усиленный разведывательным батальоном, в первые десять дней занимал левый спокойный участок. В качестве дивизионного резерва из его состава был выведен один батальон, а позднее и 14-я рота.

410-й строительный батальон помогал при оборудовании позиций. Сразу же в самом начале боев тяжелые дни наступили для занимавшего правый участок фронта 447-го пехотного полка, который в ожесточенных боях сумел удержать свой передний край обороны на всем его протяжении и был вынужден отвести назад только свои боевые дозоры.

В этих боях особо отличился лейтенант Пауль Брухер из 447-го пехотного полка. Вместе со своим взводом, входившим в состав 1-й роты, он занимал позицию на стыке с 448-м пехотным полком. С самого раннего утра позиции роты находились под плотным артиллерийским огнем противника. Когда наконец стало поспокойнее, неожиданно к стрелковым окопам 1-й роты приблизилась группа русских с белым флагом и, видимо, без оружия численностью около 50 человек. Поверив в то, что русские идут сдаваться, наши бойцы позволили им подойти ближе. Однако, подойдя на расстояние 30 метров к немецким позициям, большевики неожиданно выхватили из голенищ сапог ручные гранаты и пистолеты и открыли ураганный огонь. Одновременно из лощин в глубине русских позиций неожиданно выскочили плотные цепи красноармейцев и бросились в атаку на наши позиции. Мы понесли тяжелые потери, и русским удалось вклиниться в наши позиции, особенно на участке 1-го взвода лейтенанта Брухера, который находился на направлении главного удара русских. Положение стало угрожающим. Глубокий прорыв в месте стыка двух полков мог серьезно осложнить положение 447-го и 448-го пехотных полков.

В этой ситуации лейтенант Брухер решил пойти в контратаку. В сопровождении всего лишь четырех бойцов он поднялся из укрытия и бросился вперед, автоматным огнем и гранатами

они начали один за другим очищать стрелковые ячейки, захваченные прорвавшимися русскими. Уже раненому, ему удалось отбить передний край обороны взвода. Ошеломленные внезапной контратакой, русские отступили и на других участках, и рота после часового ожесточенного боя снова смогла занять свои старые позиции. За этот подвиг лейтенант Брухер был награжден Рыцарским крестом.

26 августа 448-й и 447-й пехотные полки поменялись своими участками фронта, кроме того, еще за несколько дней до этого на правый участок был введен 449-й пехотный полк. После временного ослабления боев — очевидно, это время русские использовали для подготовки к генеральному наступлению — 30 августа начались атаки, которым предшествовала трехчасовая артиллерийская подготовка невиданной до сих пор интенсивности. На сделанном позднее аэрофотоснимке была видна местность, изрытая воронками от снарядов, как в Первую мировую войну. После боев с переменным успехом, когда каждая атака тут же сменялась контратакой, русским удалось прорваться по обе стороны от деревни Садки, главным образом на участке 3-го батальона 449-го пехотного полка и подчиненной ему 1-й роты. Несмотря на временное восстановление переднего края обороны усилиями 3-го батальона 448-го пехотного полка, после 31 августа дивизия уже не могла своими собственными силами выровнять линию фронта. Двум только совсем недавно смененным и сильно потрепаным полкам (485-му и 483-му) 263-й пехотной дивизии удалось добиться лишь незначительного улучшения позиции. В остальном, вместе с подразделениями 137-й дивизии, которые с очень большим риском были отведены с левого участка, им удалось только блокировать вклинение противника, причем 3 сентября на участке 3-го батальона 449-го полка снова сложилось тяжелое положение. Справа 2-й батальон 449-го полка (усиленный подразделениями 1-го батальона) и слева 448-й пехотный полк держали фронт или же после местных вклинений тотчас восстанавливали его.

В рамках данной книги невозможно подробно описать ход трехнедельных оборонительных боев, проходивших с переменным успехом. Полное представление о событиях тех дней дают отдельные записи в журналах боевых действий некоторых пехотных батальонов и 137-го артиллерийского полка, а также записи в личных дневниках офицеров и солдат. С полным правом в журнале боевых действий 137-го артиллерийского полка было записано:

В сражении на Ельнинском выступе полк внес существенный вклад в общий успех. Даже в самых трудных ситуациях каждый артиллерист оставался на своем боевом посту и, если было необходимо, защищал свою позицию с карабином и гранатой в руках. Часто во время русских атак именно артиллеристы останавливали наступление врага и контратакой отбрасывали его назад. Мы можем с гордостью оглянуться на прошедшие недели, тем более что на долю полка выпало столько благодарности и признания со стороны пехоты.

Штаб полка, 1-й, 2-й и 4-й дивизионы пережили все, что может принести с собой ожесточенное оборонительное сражение: ураганный огонь с прямым попаданием в командный пункт полка, рукопашный бой за наблюдательные и командные пункты, прорыв вражеских танков на огневые позиции и атаку обозов, угрозу огневым позициям с флангов и с тыла, непрерывное устранение обрывов на линиях связи во время сильных артиллерийских обстрелов. 3-му дивизиону, дислоцированному за рекой Устром, приходилось легче. Подавлением вражеской артиллерии руководил начальник 44-го артиллерийского командования вместе с 1-м дивизионом 109-го артиллерийского полка. Ежедневный расход боеприпасов 137-го артиллерийского полка составлял (округленно):

- с 19 по 23 августа — около 1000 выстрелов;
- с 24 по 28 августа — около 200 выстрелов;
- с 29 по 31 августа — около 2800 выстрелов;
- 1 сентября — около 5800 выстрелов.

Здесь необходимо отметить особые успехи всех штабов, подразделений и частей снабжения, принимавших участие в обеспечении фронта боеприпасами. При своевременном затребовании они отлично работали в ходе всего оборонительного сражения. Доставка на передовую полевых кухонь почти каждую ночь становилась настоящей боевой операцией, которая требовала от бойцов проявления мужества и находчивости.

Записи в журнале боевых действий 3-го батальона 447-го пехотного полка:

20.08.1941. Два перебежчика... дали показания, что нам противостоят два русских полка — 102-й и 105-й полк 110-й стрелковой дивизии. По их словам, потери во время атак были очень больши-

ми. Только за один сегодняшний день с поля боя вынесли 300 раненых. Они сообщили также, что у них было около 20 танков и что некоторые из них были повреждены огнем нашей артиллерии... Их воинская часть сначала находилась под Ельней... и затем была переброшена на этот участок фронта.

23.08.1941 — ...весь день позиции батальона подвергаются непрерывному интенсивному артиллерийскому обстрелу. В результате этого... в эскадроне самокатчиков (137-го артиллерийского полка) был убит один человек, тяжело ранен командир роты¹ и получили ранения разной степени тяжести еще восемь бойцов.

Ефрейтор В., 5-я рота 448-го пехотного полка:

30.08.1941. Район урочища Батаево... С самого утра очень интенсивный вражеский огонь. Сейчас уже 8.30, такого сильного артиллерийского огня не было даже в Смоленске. Начиная с боя у деревни Коски я ежедневно повторяю молитвы, перебирая четки. Это помогает пережить тяжелые часы. Сегодня бой никак не стихнет... Временами атакуют танки. Вечером справа от нас противник сумел прорваться. Но прорыв удалось ликвидировать. Получил почту.

31.08.1941. Воскресенье... Сейчас, ближе к вечеру, на правом фланге в атаку пошел 447-й полк. Но атака вскоре захлебнулась. Русские снова прорвались. Мы все еще удерживаем свои позиции. Целый день русская артиллерия вела по нас огонь. У нас четверо убитых: унтер-офицеры Гици, Хохшатнер и двое новеньких из пополнения — Адлер и Шмид.

Ранены: Штадлер, унтер-офицеры Бродессер и Зиннер. Всю ночь полная неразбериха. Совсем не спал.

01.09.1941. Весь день непрерывные атаки. Противник уже не знает, куда атаковать, и мы не знаем, где проходит линия фронта. Надеюсь, что скоро все закончится. Мои нервы на пределе...

Командир 1-го батальона 448-го пехотного полка записал в свой дневник:

29.08.1941. Усердно рыли окопы.

30.08.1941. Восемь средних танков прорвали передний край обороны. С 2.30 ночи вражеская атака, такой интенсивный артил-

¹ Ротмистр Орловски, командир 1-й роты 137-го артиллерийского полка, скончался на дивизионном медицинском пункте 2-й санитарной роты (по общению доктора Грюнвальда).

лерийский огонь, с каким мне еще никогда не приходилось сталкиваться¹. Попытался лично разведать обстановку впереди. Без резервов и танковый прорыв!

31.08.1941. Идет непрерывный бой, с трудом отбили атаку справа. Большая брешь в лесу. Рано утром русские прорвались оттуда через расположение 1-й роты (обошли).

Обнаружен противник у командного пункта полка. Ночью противник в непосредственной близости от командного пункта батальона. Отбились в рукопашной схватке на КП батальона. Нет питания, нет воды.

О том, какая отвага, но и какие страдания отражены в этих скупых, деловых записях, свидетельствует сообщение командира 4-й роты 448-го полка, в то время еще капитана Зигмунда:

Остатки 1-й роты собрались у командного пункта батальона, после того как погиб их командир. Русские уже продвинулись вперед до леса в 50 метрах от КП батальона. Майор Штайскаль спешно организует оборону. Я получаю приказ: с остатками 1-й роты и с полувзводом тяжелых пулеметов перейти в контратаку и снова восстановить старый передний край обороны.

Для поддержки контратаки в распоряжение батальона переходит 3-я рота саперного батальона. После того как она прибыла и подготовка артиллерии закончена, начинается наша контратака. Стремительным броском преодолевается 50-метровая полоса до леса. Однако только теперь вокруг начинается настоящий ад. Наша и русская артиллерия открывают огонь по лесу. Лесное эхо многократно увеличивает грохот разрывов. Падающие кроны деревьев, срезанные взрывной волной ветви и разлетающиеся вокруг осколки заставляют всех тех, кто еще не ранен, как можно быстрее нестись вперед. Все те, кто добрался до противоположной опушки леса, с трудом переводят дыхание, однако рады, что выбрались живыми из этой преисподней.

Но добраться до цели, определенной приказом, до старых оборудованных позиций на другой стороне лощины, не представляется возможным, так как в низине стоят четыре русских танка и кроме того там полно красноармейцев. Кажется, они занимают исходное положение для новой атаки. Я приказываю занять позицию

¹ Об этом же пишет и капитан запаса Майер, командир 3-й батареи 137-го артиллерийского полка (участник Первой мировой войны), которому пришлось покинуть свой наблюдательный пункт, когда русские танки открыли по нему огонь с расстояния 200 метров.

на опушке леса и удержать ее любой ценой. Вслед за этим я отправляюсь к радистам и передаю в штаб батальона донесение о сложившейся обстановке. Тем временем до опушки леса добралась и саперная рота, которая окапывается справа от 1-й роты. Вражеский огонь усиливается. У нас большие потери. Я приказываю вынести раненых с поля боя и доставить их на КП батальона. Оставшийся в живых последний фельдфебель 1-й роты докладывает, что русские прорвались на участке саперной роты. Я решаю лично убедиться в этом и отправляюсь к саперам. Но не обнаруживаю на позиции ни одного бойца. Справа от меня, в лесу полным-полно русских. Мне не остается ничего другого, как отвести назад 1-ю роту и оба тяжелых пулемета. Когда я возвращаюсь на позиции, то оказывается, что и они уже опустели, только оба моих радиста все еще сидят в своем окопе. Для отступления нам остается только лощина, которая ведет к другой опушке леса перед КП батальона.

Мы бросаемся бежать со всех ног, насколько хватает наших сил и насколько позволяют тяжелые рации. Русские заметили нас и пытаются отрезать нам путь к отступлению. Однако, несмотря на тяжелые рации, нам удается прорваться. Задыхаясь от быстрого бега, мы добираемся до остатков 1-й роты, которые заняли позиции на бывшем артиллерийском наблюдательном пункте. Несмотря на то что мы упорно защищались, нам приходится оставить и эту позицию и отойти назад в лес. При этом я получаю рикошетом слепое ранение в левое бедро. Благодаря тому что пуля пробила мое портмоне и сложенную толстую газету, рана оказалась совсем неглубокой. Русские бегут справа и слева от нас, и только небольшая часть, около 40 человек, проникает в оставленную нами траншею. Поскольку их не так уж и много и, кажется, они не отличаются особой смелостью, мы решаем взять их в плен. После многократных команд «Руки вверх!» первые красноармейцы появляются из траншеи, вскоре к ним присоединяются и остальные, тоже решившие сдаться. Но оказывается, они только делают вид, что сдаются! Неожиданно они бросаются на нас с криками «урра!». Но мы были готовы к этому и подпускаем их поближе, на бросок ручной гранаты, а затем открываем огонь из пулемета. Лишь немногие остаются в живых и тут же сдаются в плен.

По приказу майора Штайскаля мы должны отойти к командному пункту батальона, где я получаю приказ с остатками 1-й роты и с полувзводом тяжелых пулеметов занять круговую оборону, чтобы раненые, все еще находившиеся на КП батальона, не по-

пали в руки русских. Для каждого солдата это было нечто само собой разумеющееся. Никто не бросал своих товарищей в беде, полностью доверяя своему командованию в 1941 году. «Мы вас выручим», — сказали нам, и этого было вполне достаточно. Даже тогда, когда это ожидание растянулось на три дня, когда голод и жажда, стоны и крики раненых требовали от каждого бойца напряжения последних сил, каждый верил в то, что его выручат.

Бойцы располагались в окопах по двое. По ночам один бодрствовал, а другой мог немного поспать. Но часто им удавалось подремать совсем немного, так как в темноте русские, решившие пойти в атаку, натыкались на консервные банки, которые мы подвешивали на старые телефонные кабели. Тогда вспыхивала ожесточенная перестрелка с обеих сторон. Днем русские не решались атаковать наши позиции, они лишь постоянно обстреливали лощину из минометов и пулеметов. Но что нас мучило больше всего и отчего особенно страдали раненые, так это жажда. Их постоянные крики и просьбы дать воды постепенно начинали действовать нам на нервы. Особенно хрип того обер-ефрейтора, который получил сквозное ранение в полость рта и распухший язык которого торчал изо рта, как разваренная сарделька.

Наконец, утром третьего дня мы услышали шум боя, который становился все громче. Мы не знали, чего ждать. Было ли это долгожданное освобождение, или это снова прорвались русские? Нет! Неожиданно мы увидели отступавшие в панике русские танки, за которыми поодиночке и группами бежали красноармейцы. Теперь мы знали, что это наши товарищи идут нам на помощь, и мы поддержали их своим огнем, используя последние патроны, оставшиеся у нас. Вскоре показались первые немецкие солдаты, а потом и наш командир батальона, который возглавлял атаку. Он приказал, чтобы я со своими людьми присоединился к ним. Это было нелегко для обессиленных бойцов, которые почти совсем не спали в течение трех дней и у которых не было ни еды, ни воды. А теперь им было приказано идти еще и в атаку. Но они сделали это! Наши старые позиции были отбиты.

А вот несколько записей из журнала боевых действий 2-го батальона 449-го пехотного полка:

30.08.1941. 5.00. Мощная вражеская атака на позиции 5-й роты. Противник атакует такими густыми цепями, что его невозможно остановить встречным огнем, и ему удается смять роту. 5-я рота должна отбить потерянный левый фланг.

14.00 — При поддержке артиллерии (2-го дивизиона 137-го артиллерийского полка), которая вела огонь прямой наводкой, 5-я рота сумела восстановить прежний передний край обороны, понеся при этом тяжелые потери.

02.09.1941 — 5-ю роту сменяет 1-я рота 447-го полка, 5-я рота в составе двух офицеров, четырех унтер-офицеров и 36 солдат отходит со своей позиции. Три вражеских танка напали на наш обоз.

Из боевого донесения¹ командира 2-го дивизиона 137-го артиллерийского полка (майора Доллингера) следует, какой выдающийся вклад внесли артиллеристы в ликвидацию локальных прорывов у деревни Гурьево во время обороны и при контратаке.

Из-за тесного соприкосновения войск, постоянно возникавшего при прорывах и контратаках, крайне трудным было руководство артиллерийским огнем на поле боя, а особенно осуществление взаимодействия между артиллерией и пехотой при контратаках 1 сентября в лесу южнее деревни Садки. Очень трудно было избежать неприятных инцидентов²:

Вскоре после начала третьей фазы заградительного огня я слышу приглушенные крики, доносящиеся с соседней батареи, находившейся справа от нас. Я прислушиваюсь и в конце концов разбираю слова: «Стой! Прекратить огонь!» Что они там, с ума сошли?! Тут же к нам подбегает совсем запыхавшийся боец с соседней батареи и кричит: «Прекратить огонь! Мы стреляем по нашей пехоте!» Меня как будто морозом пробивает. Мне становится плохо. Неужели я неправильно передал команду? Да нет, это совершенно исключено! Не может быть и речи, чтобы из-за криков какого-то артиллериста прекращать огонь по целям, определенным приказом. Обер-лейтенант Кюнцель бросается к телефону и запрашивает полк. Ответ: «Снаряды ложатся хорошо! Продолжать огонь!» В этот момент, падая от усталости, подбегает весь мокрый от пота связной от пехоты. Не успев отдышаться, он хрипит: «Не стрелять! Прекратить огонь! Вы стреляете по своим!» Видя перед собой такое жалкое зрелище, которое представляет собой этот боец, сразу проникаешься жалостью к нему. Снова запрашиваем полк. Ответ: «Прекратить огонь! Смена цели,

¹ Изложено 07.09.1941 (Капфхаммер).

² Из дневника Вольраба, 12-я батарея 137-го артиллерийского полка.

фаза 5!» Теперь мы понимаем, что случилась беда. Это ужасно удручает. Все орудия, исполняя приказ, производят смену цели и открывают огонь на уничтожение по деревне Садки. Потом мы прекращаем стрельбу.

Совершенно подавленные произошедшим старший лейтенант Кюнцель и я снова направляемся на наблюдательный пункт. На командном пункте дивизиона мы узнаем причину несчастья. Наша пехота была не совсем точно проинструктирована относительно зон подвижного заградительного огня и поэтому попала на участок заградительного огня третьей фазы. Конечно, были зафиксированы тяжелые потери из-за огня собственной артиллерии. Во время атаки пехота продвинулась далеко вперед, но перед деревней Садки натолкнулась на массивную контратаку противника и поэтому не смогла взять Садки, как было приказано.

В журнале боевых действий 3-го батальона 449-го пехотного полка, на участке которого русским удалось осуществить прорыв, 22 августа записано, что передний край обороны, проходивший по ложине, был очень неудобным. Очевидно, это объясняется тем, что оборона моторизованных предшественников из войск СС в меньшей степени опиралась на стационарный способ ведения боевых действий и была больше ориентирована на подвижную тактику. Вот основные записи из вышеупомянутого журнала:

30.08.1941. 19.45. Уже почти совсем темно. 9-я рота 449-го полка докладывает о прорыве противника на стыке между двумя взводами. Штаб полка проинформирован. 20.00 — 9-я рота докладывает, что русские прорвались между обоими взводами и разгромили командный пункт роты и противотанковую позицию. Силы противника оцениваются в две роты. Все имеющиеся в наличии силы немедленно направлены на заграждение севернее и западнее командного пункта батальона. 20.15 — отдельные бойцы 9-й и 12-й рот 449-го полка, противотанкового батальона и артиллеристы возвращаются по ложине от Садков. Все они крайне измотаны. Противник атакует в южном направлении двумя отрядами: через высоту западнее Садков и через лес юго-западнее.

Последний отряд был обстрелян с командного пункта батальона. Русские преследуют остатки 9-й роты 449-го полка. В ходе рукопашной схватки удается их остановить. 21.00. Число бойцов, собравшихся у командного пункта батальона, выросло до 80 человек. Часть штаба, остатки 9-й и 12-й рот 449-го полка в беспоряд-

ке отступили. Бойцы так сильно потрясены, что, несмотря на энергичное вмешательство офицеров и унтер-офицеров и запрет отступать, при следующей атаке русских сразу отходят назад. Темной ночью управлять войсками почти невозможно, и люди постоянно отстают от своих воинских частей. Постоянно отражая натиск противника с севера и запада, остатки батальона отходят до лощины, по которой протекает ручей, примерно в ста метрах к юго-востоку от КП батальона. Там удастся отбить последний натиск врага, после чего наступает затишье. Попытались для усиления привлечь батарею тяжелых пехотных орудий, но она уже давно отступила. 10-я рота 449-го полка вновь овладела левым флангом и осуществляет фланговое прикрытие. Атак на позиции 10-й роты больше не было.

31.08.1941. В течение ночи противнику не удалось прорваться на участке батальона. 3-й батальон 448-го полка получает задание восстановить старый передний край обороны. В 4.15 3-й батальон прибывает на позицию тяжелого пехотного оружия. Остаткам батальона, находящимся на юго-западной окраине Садков, отдается приказ присоединиться к атаке и одновременно проинструктировать 3-й батальон 448-го полка. Для установления связи с 10-й ротой 449-го полка выслана разведывательная группа. Удаётся выйти на северную окраину Садков (5.30). Намечено взять последние 500 метров вечером, когда начнет смеркаться. Слева образовалась брешь шириной 600—800 метров. В 8.00 в штаб полка послан связной, чтобы прояснить: примыкание слева, организацию противотанковой обороны, поддержку пехотными орудиями и т. п. Вечером остатки батальона должны отвести назад в квадрат 231 и разместить там в качестве полкового резерва. В 10.30 (прежде чем 448-й пехотный полк успел организовать противотанковую оборону) вражеская атака силой до батальона при поддержке 10 тяжелых танков на позиции 9-й роты 448-го полка и 10-й роты 449-го полка. Последняя рота (без боеприпасов), которая находится перед 10-й ротой 448-го полка, организовано отходит назад.

Невозможно установить, когда рота 448-го полка покинула передний край обороны, случилось ли это раньше или произошло позже¹. В дикой панике все бегут назад. Только в зарослях южнее позиции тяжелых пехотных орудий удастся остановить 3-й батальон 448-го полка и остатки 9-й и 10-й рот 449-го полка. 10-я рота

¹ Запись в дневнике левого соседа (командира 1-го батальона 448-го полка) от 31.08.1941. 11.45: «При поддержке восьми танков противник прорвался на участке 3-го батальона. Рота справа в панике бежит в направлении Садков».

449-го полка (самостоятельно) уже прибыла на командный пункт полка. К ней присоединились два отделения 1-й роты 449-го полка. К 12 часам дня 3-й батальон 448-го полка находится в зарослях южнее позиции тяжелых пехотных орудий, развернувшись фронтом на север. 11-я рота 449-го полка¹, введенная в действие штабом полка, была развернута фронтом на запад в лесу у командного пункта полка (от деревни Копулино до дороги в полтора километрах к северу от нее). На правом участке фронта снова образовалась брешь шириной 2 километра между правым флангом 3-го батальона 448-го полка и левым флангом 1-й роты 449-го полка. Во второй половине дня через эту брешь в лес южнее деревни Лопадилово просочилось довольно крупное подразделение русских. Вполне возможно, что более мелкие подразделения русских просочились туда еще накануне ночью, так как утром 31 августа разведывательные группы обнаружили в ложине в полтора километрах южнее деревни Гурьево свежие следы танковых гусениц и были обстреляны из танковых орудий. Вблизи командного пункта полка были собраны 9-я, 10-я и 12-я роты 449-го полка и развернуты справа от 11-й роты 449-го полка. После прибытия всех оставших солдат батальон снова насчитывает 200 бойцов, и в его распоряжении находятся 5 тяжелых пулеметов, 15 ручных пулеметов и 1 тяжелый миномет.

Не подлежит сомнению, что в эти два дня на войска и на младших командиров выпала огромная нагрузка; но нельзя отрицать и того факта, что другие подразделения дивизии, попавшие в похожие ситуации, сражались успешнее. К сожалению, нельзя не признать, что у деревни Садки мы потерпели фиаско.

В этой ситуации не было никакой возможности ликвидировать прорыв. Ни у корпуса, ни у дивизии не осталось резервов. Вопреки всем правилам военного искусства пришлось использовать в качестве пехоты даже саперный и разведывательный батальоны. Ельнинский выступ стоил дивизии 1900 человек боевых потерь, от которых было нелегко оправиться.

Поэтому Верховное командование решило пойти на сокращение линии фронта, приказ о котором поступил заблаговременно. Оно было тщательно подготовлено и прошло без потерь...

¹ Была передана 449-м полком в подчинение 2-му батальону для усиления левого фланга 30.08.1941 с 14.00 до 19.00 (журнал боевых действий 2-го батальона 449-го полка).

Приказ об отступлении был облегчением для всех участников сражения на Ельнинском выступе. Он имел благоприятные последствия с психологической, тактической и оперативной точки зрения¹.

Приказ был выполнен поэтапно. Последний этап, касавшийся 137-й пехотной дивизии, которая находилась на северном «шарнире» выступа, завершился 5 сентября 1941 года.

Генерал Гейер, который бесспорно был требовательным командиром, позднее отмечал, что дивизиям его корпуса пришлось предъявить непомерные требования. Поэтому он выразил им свое признание в следующем приказе по корпусу от 6 сентября 1941 года:

137-я дивизия и подразделения 263-й дивизии снова выстояли в очень тяжелом оборонительном бою. Я выражаю свое признание участвовавшим в этом сражении командирам и бойцам, которые упорно защищали передний край обороны, а при локальных прорывах вновь возвращали его.

На этот раз направление главного удара русских пришлось на позиции 137-й дивизии. Противник понес огромные потери, и мощь его атак иссякла. И если в конце концов нам все же пришлось оставить Ельнинский выступ, то это было сделано только по приказу Верховного командования, которое хотело сберечь наши силы.

137-я дивизия совместно с подчиненными ей подразделениями 263-й дивизии полностью выполнила поставленное перед ней задание. Она воспользуется заслуженной, но, видимо, совсем короткой передышкой, чтобы снова вернуть себе то состояние необыкновенного подъема, которое вело ее от Буга через Волковыск до Десны в тыл противника.

Командующий 4-й армией, теперь снова генерал-фельдмаршал фон Клюге, после оставления Ельнинского выступа в обращении от 15 сентября 1941 года выразил свое неодобрение батальону, в полосе обороны которого произошел прорыв. Командир полка полковник Ноак 5 октября 1941 года был снят со своей должности и отозван для использования в других целях.

Такая, не совсем свободная от предрассудков точка зрения, обусловленная более лояльным отношением к своим землякам,

¹ *Гейер*. 9-й корпус в Восточной кампании. С. 88.

вызвала в дивизии негативную реакцию, так как примерно в то же самое время созданная в традициях прусских гвардейских полков 23-я пехотная дивизия потерпела на Десне гораздо более чувствительное поражение¹. Один из составителей обращения² напишет 20 лет спустя своему боевому товарищу:

Говорят, что время лечит раны. Точно так же какое-то время спустя допущенная несправедливость начинает казаться справедливостью, и уже сам веришь в то, что это было необходимым и «тактически оправданным».

Более глубокая причина заключалась в том, что требования, предъявленные к конкретной воинской части, превысили границы ее возможностей. Такие чрезвычайные законы, которым подразделение подчинялось в течение десяти недель, были вполне оправданными во время короткой военной кампании. Однако на длинной дистанции быстрый спурт в начале кампании неминуемо должен был привести к одышке. В отборных дивизиях такой момент мог наступить несколько позднее, чем в обычных дивизиях, составлявших основную массу войск, принимавших участие в Восточной кампании; но такой момент наступал рано или поздно везде. Высшее командование тоже почувствовало это. Лучшим доказательством этого является приведенное ниже письмо главнокомандующего группой армий «Центр» от 12 сентября 1941 года:

Предложение командующего 4-й армией уделять больше внимания пехоте в отношении пополнения, наград и пропаганды я передал главнокомандующему сухопутными войсками и добавил следующие соображения:

«Пехота — это сердце и мерило ценности сухопутных войск. Она задает тон тому, что в мирное время должно достигаться в учении, а во время войны в бою. Так было и так будет до тех пор, пока существует пехота. Возможно, что развитие вооруженных сил приведет когда-нибудь к тому, что пехоту вытеснят моторизованные подразделения. Тогда стрелковые батальоны моторизованных частей будут призваны сохранить наследие пехоты. Они будут

¹ На это указал и начальник штаба 4-й армии генерал-лейтенант Блюментритт, тем самым уравновесивая заявление своего командующего. (Беседа автора с генералом пехоты в отставке Блюментриттом после войны.)

² Фриц Насс.

вправе потребовать, чтобы ее комплектовали самыми лучшими интеллектуально и физически подготовленными кадрами».

Я признаю высокие достижения представителей других родов войск, таких как кавалерия, артиллерия, моторизованные и танковые войска, саперы, подразделения связи, санитарные формирования и службы тыла, а также военно-воздушные силы, и искренне выражаю им свою признательность. Они все внесли свою лепту в наши победы, которые — и об этом нельзя никогда забывать — в конце концов завоевала пехота. Я считаю необходимым, чтобы у пехоты сохранилось гордое осознание этого. При всей тяжести стоящих перед ней задач она обязана и должна знать, что пользуется у командования безграничным доверием.

Ознакомить вплоть до пехотного батальона.

Подписано: фон Бок

Ливень превратил дороги в сплошные топи, когда 6 сентября, преодолевая бездорожье, дивизия отправилась на отдых в район юго-восточнее Смоленска. На усталых лицах бойцов все еще лежала печать пережитой смертельной опасности и гордого осознания до конца выполненного долга. Лишь после первых неуверенных шагов во вновь подаренную жизнь они смогли постепенно расслабиться. Какая же умиротворяющая картина предстала перед нашим взором, когда через день дождь совсем прекратился и сентябрьское солнце снова быстро высушило дороги. Солнце и голубое небо дышали спокойствием, возрождая всех к новой жизни после этого ада русского огня! Разве не звучал гудок паровоза на частично восстановленной железнодорожной ветке Смоленск—Рославль как привет с далекой родины?

Отдых! Действительно, он был более чем заслужен. Неделю за неделей продолжался пеший марш, бойцы шли под проливным дождем, утопая по щиколотку в грязи, или под палящим солнцем, задыхаясь в пыли, находясь в постоянной боевой готовности, отбрасывая противника назад при наступлении или отбивая его атаки при обороне. Часто приходилось бросаться врукопашную, один на один. И вот вдруг, внезапно все это прекратилось! Наконец можно было снова раздеться и спокойно выспаться, не опасаясь в любой момент услышать сигнал тревоги.

Наряду с оборудованием мест расквартирования первые дни служили прежде всего отдыху личного состава и ремонту оружия и боевой техники. Каждое подразделение дивизии получило даже возможность сходить в кино в Смоленске, находившем-

ся в 30 километрах от нас. Все еще находясь под впечатлением фронтовой жизни, бойцы смогли увидеть давно забытый мир.

К сожалению, отдых продлился для некоторых подразделений всего лишь несколько дней. Большая часть артиллерии была направлена в распоряжение 263-й пехотной дивизии, в то время как саперов пришлось передать для строительных и окопных работ частично в эту же дивизию и частично в 15-ю пехотную дивизию. Некоторые подразделения 447-го пехотного полка и разведывательный батальон¹ оставались еще некоторое время в подчинении 263-й пехотной дивизии, так что к моменту поступления нового боевого приказа только часть дивизии смогла отдохнуть полных двенадцать дней.

Исполняя новый приказ, в течение нескольких ночей — с 19 по 21 сентября — дивизия сменила 15-ю пехотную дивизию на относительно спокойном участке северо-западнее того района, который она занимала на Ельнинском выступе раньше. Незадолго до этого погода резко переменилась, стало по-осеннему холодно, а затяжные дожди снова превратили дороги в топкую трясину. Потребовались значительные усилия, чтобы добраться до нужного участка фронта.

Период ожидания и обороны еще не закончился. Потребовалось довольно продолжительное время, пока удалось направить в группу армий «Центр» войска, необходимые для начала нового крупномасштабного наступления, преследующего очень важную цель. Подготовка к наступлению шла полным ходом. Были поставлены грандиозные задачи! Поэтому в период ожидания было очень важно экономить силы и собирать их. Каждый выстрел, произведенный во время обороны, сначала необходимо было возместить для предстоящего наступления. Боеприпасы подвозились по протянувшейся на сотни километров железнодорожной сети, пропускная способность которой была ограничена.

Многие артиллеристы, которые видели «подходящие» цели и охотно поразили бы их, и многие пехотинцы, которые заметили, что русская артиллерия стреляла гораздо чаще, чем немецкая, с горечью воспринимали отсутствие ответного огня возмездия. Они поймут причину такого ведения боя и такого управления войсками в этот период ожидания только позднее².

¹ Он снова потерял еще одного командира эскадрона, ротмистра, профессора доктора Гангля, который погиб 11 октября 1941 года при контратаке на село Яковлевичи.

² *Гейер*. 9-й корпус в Восточной кампании. С. 94.

На новом участке фронта дивизии, где наш предшественник, 15-я пехотная дивизия, усердно и надлежащим образом работала над оборудованием позиций, противник вел себя относительно спокойно и тщетно пытался добиться успеха с помощью только поисковых разведгрупп. Линии фронта проходили на расстоянии от 150 до 500 метров друг от друга, и только на высоте 249,9 «Чимборасо»¹, за которую уже несколько недель шли упорные бои, с обеих сторон были открыты сапы, позволявшие приблизиться к укреплениям противника на расстояние до 20 метров. Там постоянно, особенно ночью, происходили упорные стычки с применением ручных гранат. Активность русской артиллерии тоже сильно упала по сравнению с тем, что наблюдалось во время боев на Ельнинском выступе. Передислокация войск противника на север позволяла даже сделать вывод, что противник отводит войска с участка фронта перед нашей дивизией. Однако разведка боем, проведенная поисковыми разведгруппами, всякий раз подтверждала старые сведения о противнике. Наши потери за эти две недели обороны оказались вполне терпимыми и составили 150 человек убитыми и ранеными. Поступившее пополнение позволило снова довести боевой состав стрелковых рот до 100 бойцов.

¹ Вершина в Андах. (Примеч. пер.)

Глава 6

СРАЖЕНИЕ ПОД ВЯЗЬМОЙ

2—9 октября 1941 года

Стратегическое сосредоточение и развертывание мощных танковых и моторизованных соединений в районе действия группы армий «Центр» было закончено к 1 октября 1941 года. Этой подготовке способствовала сухая солнечная погода последних сентябрьских дней. В обращении Адольфа Гитлера эта операция была названа «последней крупной решающей битвой этого года». Как и в начале Восточной кампании, войска должны были услышать это обращение только накануне сражения. План наступления в общих чертах выглядел следующим образом.

2 октября находившиеся в 40—60 километрах южнее участка 137-й дивизии главные силы 4-й армии, совместно с мощными танковыми соединениями, должны были неожиданно перейти в наступление, прорвать оборону противника, которая на том участке была слабее, чем на участке фронта под Ельней, и, двигаясь в северо-восточном направлении на Вязьму, охватить противника и окружить его. Похожим образом должна была действовать и находившаяся в 60—80 километрах севернее от нас 9-я армия, которая после охвата противника должна была встретиться с танковыми соединениями 4-й армии и замкнуть кольцо окружения с востока. Участок фронта дивизии, остававшейся в составе 9-го армейского корпуса, на западной стороне запланированного котла обещал стать спокойным участком фронта (схема 9).

2 октября совершенно неожиданно для Советов танковые группы обеих армий перешли в наступление и ворвались на вражеские позиции. Задача, стоявшая перед 137-й дивизией, заключалась в том, чтобы сковать силы противника перед фронтом дивизии. Одновременно с атакой танковых соединений были приняты такие отвлекающие меры, как интенсивный ар-

Наступательные бои 137-й пехотной дивизии в октябре 1941 г.

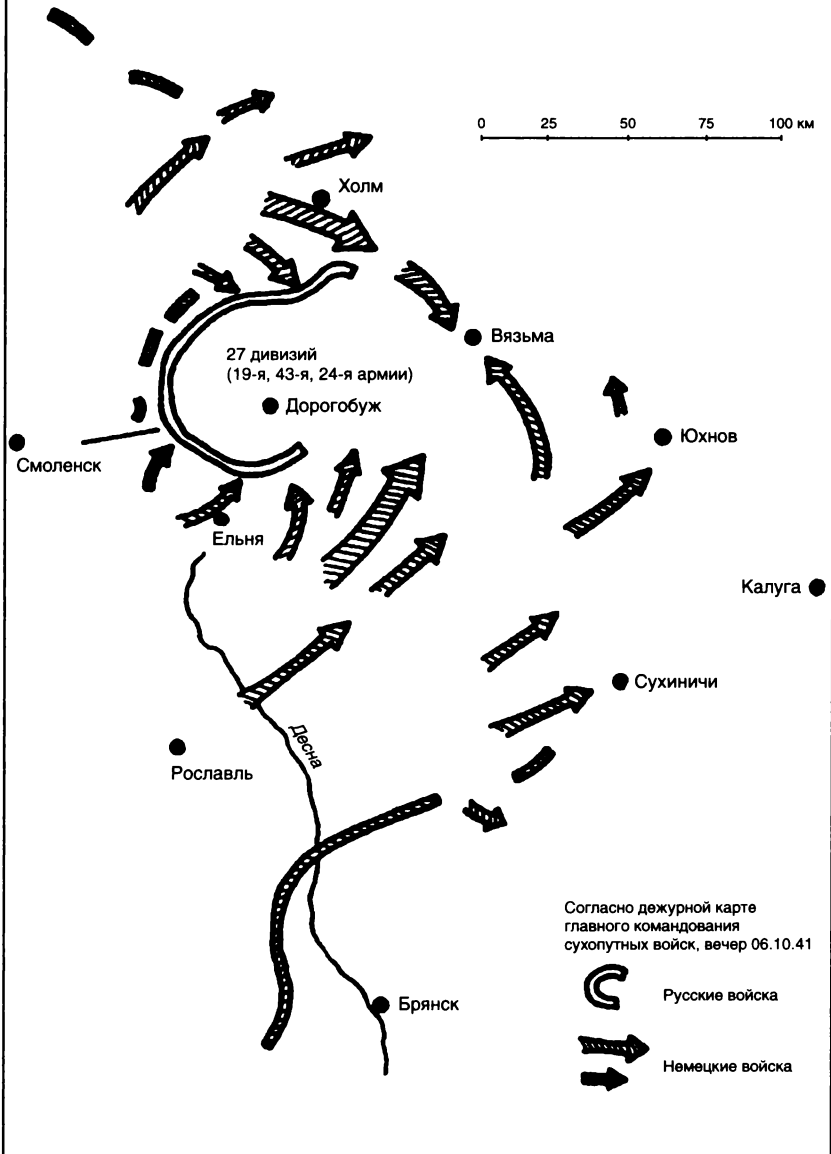

Схема 9

**Наступление 137-й пехотной дивизии
на юго-западном фронте
Вяземского котла (положение к вечеру 03.10.1941)**

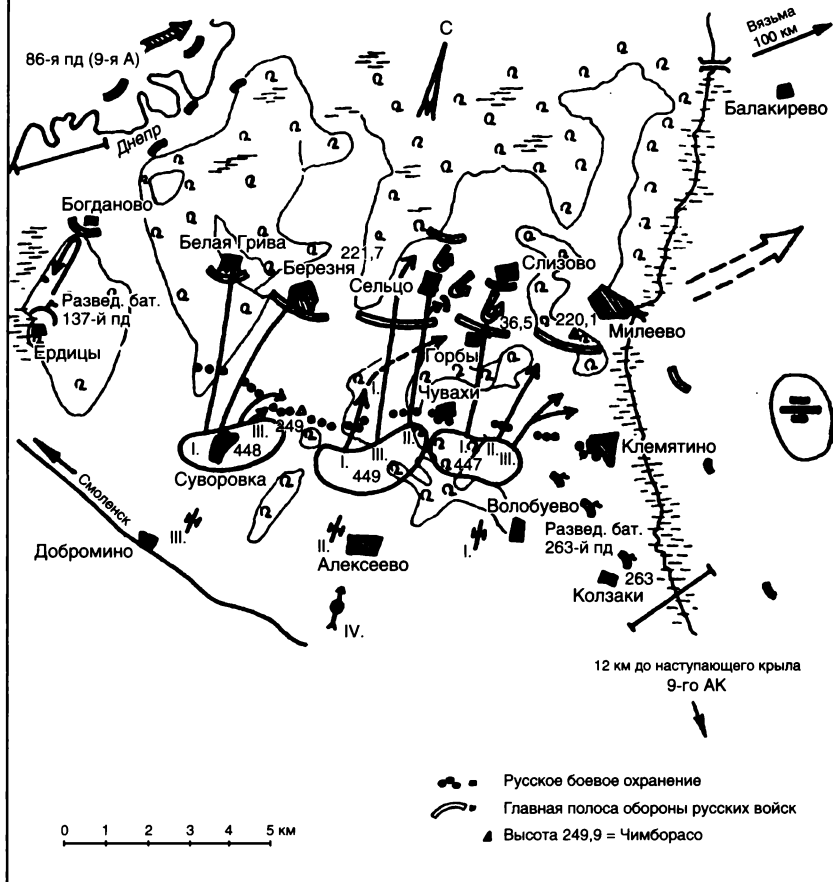

Схема 10

тиллерийский огонь несколькими волнами и многократные ложные атаки пехотных частей. В результате этих действий удалось выяснить, что нам противостояли подразделения противника в прежнем составе.

Однако атака танковых групп натолкнулась в некоторых местах на очень сильное сопротивление противника. Поэтому было бы нежелательно, чтобы русские еще сильнее укрепили там свою оборону путем отвода войск с участка фронта перед

9-м армейским корпусом. Необходимо было любой ценой помешать этому. Одних только отвлекающих мер было уже недостаточно. Поэтому 3 октября 137-я пехотная дивизия получила приказ атаковать вместе с 9-м армейским корпусом.

Дивизия была поставлена перед трудной задачей. Она должна была атаковать с оборонительных позиций в полосе наступления шириной 23 километра, не получив дополнительно ни одного орудия для усиления артиллерийской поддержки, а ведь ей противостоял по крайней мере равный по силам противник, уже несколько недель занимавший хорошо оборудованные позиции. В качестве единственного корпусного формирования в дивизию был направлен штаб 622-го артиллерийского полка особого назначения (полковник Узингер), который должен был командовать всей артиллерией дивизии. Для замены подразделений 447-го пехотного полка, занятых на участке фронта вдоль реки Устром, нашей дивизии был подчинен разведывательный батальон 263-й дивизии.

Не стоило ожидать и непосредственного участия в атаке дивизии наших соседей. Сосед справа — главные силы 9-го армейского корпуса (292-я, 183-я и 263-я пехотные дивизии) вели наступление в 12 километрах от нас. У соседа слева, 86-й дивизии (9-я армия), были предусмотрены только налеты штурмовых групп на небольшие вражеские плацдармы на западном берегу Днепра с целью их ликвидации. Форсирование реки предусматривалось только в случае слабого сопротивления противника. В действительности наш левый сосед так и не перешел к атакующим действиям. Таким образом, нам оставалось готовить атаку, опираясь только на собственные силы. Успеха в наступлении можно было добиться только при боевом сосредоточении всех трех пехотных полков в центре полосы наступления дивизии (схема 10).

Ход сражения под Вязьмой в полосе действия 137-й пехотной дивизии

Глазами командира дивизии ¹	Глазами простого пехотинца ²
02.10.1941. 6.30. Генерал Бергманн вместе с начальником оперативного отдела и первым офицером для поручений встречаются на командном пункте 137-го артиллерийского полка и наблюдают за обстановкой. Противник остается на своих позициях. Хорошие новости от танковых групп.	Последний день отдыха. В первой половине дня наш герр лейтенант выступает с докладом о сложившемся положении. Завтра рано утром мы переходим в наступление. Молим Господа, чтобы он и впредь оберегал нас. Ночью вместе с фельдфебелем Клоосом выдвинулись на исходную позицию.

03.10.1941. После планомерного подавления вражеской артиллерии с 5.10 огневые налеты на населенные пункты и обнаруженные позиции противника. В 6.30 полки пошли в атаку. На наш артиллерийский огонь противник ответил лишь слабым минометным огнем. Повсюду удалось с первой попытки вернуться на вражеские позиции. Однако здесь выяснилось, что хотя передняя линия русской обороны и была хорошо оборудована и заминирована, но ее занимали только сторожевые посты, в то время как глубоко эшелонированный главный оборонительный рубеж начался в трех километрах севернее. Главные бои были еще впереди. К сожалению, они были сопряжены с очень большими потерями из-за ожесточенного сопротивления противника в лесистой местности, на полевых оборонительных сооружениях и даже в тылу наступавших войск, а также из-за обширных минных полей и постоянно возраставшего огня русской артиллерии с восточного берега реки Устром, особенно по расположению 447-го пехотного полка. Не обходится без критических ситуаций: один батальон 449-го пехотного полка пропал на семь часов, пока не был обнаружен у деревни Сельцо, в самой глубине вражеских позиций. Это был 3-й батальон, который в ходе стремительной атаки продвинулся дальше всех и тем самым реабилитировался за свою неудачу у деревни Садки.

Чрезвычайно стойко обороняемый русскими опорный пункт на высоте 249,9, несмотря на глубокий охват справа и слева, оставался досадной занозой, пока 3-й батальон 448-го полка не взял его после ожесточенного боя до наступления темноты. Наступление разведывательного батальона дивизии на деревню Богданово на самом краю левого фланга было отражено.

Как следовало из показаний пленных, противник перебросил на участок фронта перед дивизией свежие воинские части, так что следует ожидать новых контратак. Как бы ни было для дивизии неприятным оже-

В 4 часа утра подошла вся рота. С 5.10 ведет огонь наша артиллерия. Но на нашем участке огонь совсем редкий.

В 6.30 поднимаемся в атаку. Атакуем кирпичный завод. Все проходит очень быстро, никакого сопротивления.

7.40. Бой в лесу. Первые раненые. В 8.30 выполняем первую поставленную задачу. С криками «ура» штурмуем высоту...

Короткая передышка.

Атакуем лежащую на нашем пути деревню Белая Грива. Артиллерия противника открывает по нас сильный огонь. Рота атакует, обходя деревню справа. Захвачен хорошо укрепленный дот, который обороняли 18 красноармейцев с тяжелым пулеметом.

Уже полдень. Занимаем часть деревни и обеспечиваем охранение на подступах к ней. Во время сильного артиллерийского налета хорошо повторять молитвы.

15.00. Два взвода 10-й роты 449-го полка пытаются установить связь с 448-м пехотным полком. Они продвигаются до деревни Березни и захватывают 30 пленных и две повозки с русскими ручными гранатами... Отделение (саперов) послано установить связь с полком, так как связным до сих пор не удалось пробиться (оставшие от своих частей русские солдаты в нашем тылу)³.

Ночь прошла спокойно.

В ходе наступления мы понесли следующие потери (в роте): (далее следуют фамилии одного убитого и 12 раненых).

Получил почту от 12 сентября: 4 посылки и одно письмо.

<p>сточенное сопротивление противника, но в общем и целом то, что делали русские, было наилучшим для успеха всего сражения. Непосредственная цель атаки — связывание как можно больших сил противника — была достигнута. С учетом этого обстоятельства можно было отказаться от продолжения наступления. Поэтому с согласия командования корпуса дивизия перешла к обороне на достигнутом рубеже.</p>	
<p>04.10.1941. Оборудование завоеванного рубежа, ликвидация брешей, зачистка ближнего тыла, первые контратаки русских.</p>	<p>В 4 часа утра атака русских. В некоторых местах нам пришлось отступить.</p> <p>8 часов утра. 6-я рота помогает нам во время контратаки. В 10 часов проводим зачистку леса, 43 пленных. Сейчас 11 часов. Вторая половина дня проходит спокойно.</p> <p>Потери: (следуют фамилии 4 убитых и 6 раненых).</p>
<p>05.10.1941. Отражение мощных контратак на высоте 236 у деревни Горбы (1-й батальон 447-го полка). Трудности из-за брешки между 447-м и 449-м пехотными полками. Чтобы закрыть брешь, дивизия вынуждена вводить в бой свой последний резерв (истребительно-противотанковый батальон) и использовать его как пехоту. 137-й артиллерийский полк ведет огонь по переправам на реке Устром у деревни Милеево и западнее деревни Балакирево. Новый командир полка, полковник Маак, принимает командование 449-м пехотным полком.</p>	<p>С восходом солнца новая атака русских. Но она была вовремя отражена.</p> <p>Я отметил воскресенье...</p> <p>Во второй половине дня два перебежчика. Отводил их на КП батальона. В остальном все пока спокойно. Вот только прямое попадание на позиции саперов. Вместе с герром лейтенантом хоронил боевых товарищей из саперного батальона и 6-й роты под очень сильным артиллерийским огнем. Пришлось как следует поработать.</p>
<p>06.10.1941. Поступил новый приказ о перегруппировке для продолжения наступления в восточном направлении через реку Устром на деревню Милеево, которое должно начаться рано утром 7 октября.</p>	<p>В первой половине дня сильный артиллерийский огонь, после обеда спокойно. Вечером неожиданный сигнал к выступлению. Мы отходим к деревне Суворовке, а оттуда — в район сосредоточения. Отличный ужин: две жирные курицы. Очень хорошо.</p>
<p>07.10.1941. Когда утром дивизия перешла в наступление, выяснилось, что ночью противник оставил свои позиции и разрушил переправы через реку Устром. Его арьергарды очень умело оборонялись, а потом скрылись. Преодоление заболоченной поймы реки Устром заняло много времени.</p>	<p>Продвигаемся вперед очень медленно. Немного поспал в кузове автомобиля. Противника уже и след простыл. Мы в лесу, у деревни Милеево, на берегу реки Устром.</p>

<p>Признаки охвата войск противника становятся все заметнее. Это и сказалось на поведении противника накануне. Но теперь русским уже не уйти от своей судьбы. Кольцо окружения Вяземского котла с востока уже сомкнулось.</p>	
<p>08 и 09.10.1941. В течение еще двух дней проводили зачистки в районе между реками Устром и Ужа, пока — в результате сужения котла — нас не выдавили. 10 октября мы были подчинены коменданту 559-го тылового района армии. Не очень вдохновляющее событие, однако это было необходимо, в чем мы вскоре и убедились.</p>	<p>Сегодня (8 октября) очень холодно. Во второй половине дня зачистка большого лесного массива. Реквизировали поросенка и красивые перчатки. Находимся в какой-то деревне в качестве охранения.</p> <p>9 октября. День отдыха... К вечеру пошел снег.</p>

Примечания:

¹ Согласно истории дивизии, составленной летом 1942 года на основании записей в журнале боевых действий дивизии.

² Из дневника ефрейтора Вильрадера.

³ Согласно записи в журнале боевых действий 3-го батальона 449-го пехотного полка.

Наше участие в сражении под Вязьмой и Брянском оказалось на этот раз гораздо скромнее, чем в битвах под Рославлем, Смоленском или Белостоком. На западном участке фронта Вяземской битвы невозможно было добиться почестей и славы. Тем не менее мы захватили около двух тысяч пленных, взяли в качестве трофеев десять орудий и 60 единиц тяжелого оружия и хотя бы в некоторой степени облегчили нанесение главного удара. Однако потеря 1200 боевых товарищей убитыми и ранеными была слишком большой жертвой за это. Во время ожесточенной битвы под Рославлем мы потеряли за такой же период в три раза меньше людей. При всем уважении к нашему энергичному, находчивому командиру корпуса на этот раз мы не были согласны с ним. Атаковать любой ценой было не самым верным решением. Наш сосед слева поступил в похожей ситуации иначе. К этому моменту экономия сил для сухопутных войск, сражавшихся на Восточном фронте, была уже важнее, чем «сковывание противника» атакой недостаточными силами. К сожалению, генерал Гейер остался при своем мнении¹.

¹ Похожие соображения относительно предъявления к войскам чрезмерных требований высказываются в следующих произведениях: *Хоссбах Ф.* Пехота в Восточной кампании (31-я пехотная дивизия) и *Цейтцлер.* Кризисные ситуации (1-я танковая армия).

Это расхождение во мнениях, касающихся как чисто военных, так и жизненных вопросов, не повлияло на то, что мы очень неохотно прощались — как оказалось навсегда — с 9-м армейским корпусом. Командир корпуса и его штаб знали нас в течение четырех с половиной месяцев, и мы хорошо сработались. Нам пришлось привыкнуть к его своенравному методу командования, и часто это было нам только на пользу. Генерал Гейер много требовал от своих трех пехотных дивизий, но и он сам делал для них все, что было в его силах. Но наибольшие требования он предъявлял к самому себе.

Он попрощался с нами в приказе по корпусу от 10 октября 1941 года:

137-й дивизии.

С сегодняшнего дня 137-я дивизия выходит из подчинения 9-го армейского корпуса.

С 22 июня, находясь в подчинении 9-го корпуса, 137-я дивизия совершила немало военных подвигов, продвигаясь от Буга через Бельск-Подляски и Волковыск до Минска, затем от Березины до Днепра, в Смоленске, в битве под Рославлем и на берегах Десны, в тяжелейших оборонительных боях на Ельнинском выступе и, наконец, там же, в наступлении. Многие, очень многие смелые бойцы отдали свою жизнь ради того, чтобы дивизия смогла выполнить поставленную перед ней тяжелую задачу.

Сегодня на прощание я выражаю всем военным служащим дивизии свою благодарность и признательность.

Глава 7

ОХРАНЕНИЕ РАЙОНА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ И БОИ С ПАРТИЗАНАМИ

10 октября — 6 ноября 1941 года

Это название главы, позаимствованное из официального обозначения рода боевых действий, требует дополнительного пояснения.

До сих пор нам не приходилось встречаться с партизанскими отрядами или «бандами», как было принято называть такие группы во времена национал-социализма. Большинство внезапных нападений на наши военные объекты в нашем глубоком тылу с первого дня Восточной кампании объяснялось скорее тем, что германские войска прорывали русские фронты на глубину сотен километров стремительными бронетанковыми клиньями. При этом на флангах и в тылу наступавших германских войск оставалось множество мелких и крупных групп вражеских военнослужащих, отставших от своих воинских частей. Конечно, они хотели пробиться домой к своим или же были вынуждены сражаться даже в безвыходном положении под давлением своих комиссаров. Не было редкостью и то, что за линией фронта, в нашем тылу взрывались мины, так как у нас не было времени для разминирования минных полей.

Русский человек, как дитя природы, предпочитал лес, большинству же из нас в огромных российских лесах было жутко. Там было полно «кукушек» — так мы называли снайперов, скрывавшихся в кронах деревьев и в густом кустарнике. Такой способ ведения боевых действий германский солдат считал коварным, недостойным настоящего воина. Сказывалось влияние национал-социалистической пропаганды, которая всегда делала больше, чем от нее требовалось. Хотя, действительно, иногда встречались ужасные зверства и гнусные преступления, а также действия, противоречащие международному праву, как, например, расстрел комиссарами двух немецких пленных при напа-

дении на штабную батарею 137-го артиллерийского полка у деревни Ляды 22 июля 1941 года.

Однако встречались и примеры по-солдатски порядочно-го поведения, о чем свидетельствует военврач 1-го батальона 448-го пехотного полка доктор Герлицц. Он вспоминает:

Во время боев под Минском в июле 1941 года после отступления русских мы нашли на лесной дороге наших раненых товарищей. Русские врачи надлежащим образом перевязали их раны и оставили им продукты питания.

Советское руководство прилагало все усилия, чтобы раздуть пламя партизанской войны и вызвать у германских солдат страх перед партизанами. Если бы им это удалось, то стремительное наступление германских войск должно было замедлиться. Одним из методов вражеской пропаганды были листовки, которые сбрасывались с самолетов над расположением наших войск. Уже в июле 1941 года¹ мы нашли первые листовки: это оказалась настоящая халтура, совершенно неэффективная, так как они были полны легко различимых ложных утверждений. Так, например, в листовке, датированной 5 августа, которую мы нашли 28 августа, можно было прочесть следующее:

В районе Смоленска войска Красной армии разгромили немецкую 137-ю пехотную дивизию. Немцы не выдержали смелого натиска советских войск и в панике бежали, бросив на поле боя оружие, грузовые автомобили и прочую военную технику и боеприпасы. На поле боя осталось лежать более семи тысяч убитых и раненых солдат и офицеров противника.

«Из чего видно, какие лживые методы использует большевистская пропаганда», — добавляет начальник разведки дивизии капитан Бринкманн.

Правда заключалась в том, что это русские войска были разбиты под Смоленском, а наши потери в действительности составили десятую часть от того числа, которое указано в пропагандистской листовке большевиков.

Шесть недель спустя (28 сентября) в одной из листовок с заголовком «Правда» впервые появилось такое понятие, как

¹ Согласно записи в дневнике Иммерфоля от 20.07.1941.

«партизаны», которые в сентябре в бою под городом Сураж якобы уничтожили «остатки» 137-й пехотной дивизии.

И здесь сплошное нагромождение лжи: хотя в боях под Ельней мы и понесли тяжелые потери, но к моменту появления этой листовки мы уже готовились к сражению под Вязьмой, в котором Советы потеряли три армии. А названный в листовке город Сураж находился почти в 200 километрах южнее от района дислокации дивизии, в полосе наступления совсем другой армии. Там не могли находиться даже подразделения и части снабжения 137-й дивизии. «Вершина слабоумия», — запишет фельдфебель из 449-го пехотного полка после прочтения одной из листовок, где говорилось о положении дел на родине¹. К этой грубой пропаганде с 22 сентября добавилось использование автомобилей с громкоговорителями, по которым передавались венские вальсы, — то есть с учетом национального состава нашей дивизии.

Между тем генерал Гейер очень метко отметил в своем донесении в штаб армии от 22 июля 1941 года:

В общем и целом штаб корпуса считает опасность партизанской войны при поддержке местного населения незначительной.

Позднее он добавил к этому:

Вплоть до января 1942 года практические проявления партизанской войны в зоне действия 9-го армейского корпуса оставались на удивление незначительными...² Может быть, положение могло измениться при более длительной продолжительности войны, но пока все разговоры о партизанах были скорее пропагандой, чем действительностью.

Правда, в эти, последние недели поздней осени, кажется, намечился поворот в этом вопросе и была заложена основа эффективной партизанской деятельности. 23 октября в журнале боевых действий 137-го артиллерийского полка появляется следующая запись:

¹ Из дневника фельдфебеля Иммерфоля, запись от 14.09.1941.

² К югу от нас под Брянском уже в начале сентября 1941 года гораздо серьезнее оценивали опасность партизанской войны (*Хоссбах Ф.* Пехота в Восточной кампании. С. 91).

Бургомистр населенного пункта, расположенного в двух километрах северо-восточнее деревни Морозово, которая находится недалеко от районного центра Спас-Деменск, приходит в местную гарнизонную комендатуру и сообщает, что сегодня ночью в его поселок ворвались тридцать партизан, вооруженных двумя пулеметами, и потребовали снабдить их продуктами.

Создается впечатление, что уполномоченный офицер по вопросам транспорта из штаба 4-й армии очень серьезно относился к угрозе со стороны партизан, так как он предложил на подпись командующему армией следующий приказ:

Командование 4-й армии
Штаб 4-й армии, 08.11.1941
Начальник оперативного отдела
Уполномоченный офицер по вопросам транспорта

ПРИКАЗ ПО АРМИИ

Железная дорога является жизненно важной артерией снабжения армии.

Зимой она приобретает особенно важное значение по сравнению с шоссейными дорогами. Следует ожидать, что русские будут направлять все больше партизанских отрядов с целью нарушения железнодорожного сообщения в зоне боевых действий и в ближайшем тылу армии. Так, 05.11.1941 на участке с маятниковым движением Малоярославец—Башкино во многих местах были взорваны рельсы, а на участке Киров—Вязьма — важный разъезд. Поэтому на этих участках было прервано снабжение многих воинских подразделений. Следовательно, охрана железной дороги от партизан является задачей не только специально направленных для этого воинских частей, но все воинские подразделения, дислоцированные вдоль железной дороги, должны чувствовать себя ответственными за подавление партизанского движения. Необходимо всеми средствами запрещать гражданским лицам использовать полотно железной дороги в качестве пешеходной дороги или для проезда гужевого транспорта. Особое внимание следует обращать на детей и подростков (членов советской детской организации «Пионеры»), которые бродят около железнодорожных путей. Этот запрет не распространяется на русских железнодорожников, находящихся на службе у германского вермахта, имеющих соответствующее удостоверение и белую нарукавную повязку со штемпелем. Запре-

щающие таблички выдаются армией, они должны быть установлены на всех железнодорожных переездах, на всех вокзалах и в деревнях, расположенных вблизи от железнодорожных путей. Тот, кто, несмотря на запрет, будет пойман на железнодорожной насыпи, будет немедленно расстрелян. Во всех случаях надлежит действовать беспощадно.

Довести до сведения вплоть до роты.

Командующий армией фон Клюге

Комендант 559-го тылового района 4-й армии генерал-лейтенант Вальтер фон Унру (ставший позднее известным во всей Германии как Heldenklau¹) отвел 137-й пехотной дивизии район Вязьма—Дорогобуж—Ельня—Киров—Юхнов, площадь которого в два раза превосходила территорию Люксембурга или Нижней Австрии севернее Дуная. Этот обширный район, который до сих пор был пройден германскими войсками лишь частично, необходимо было умиротворить.

Перед нами были поставлены следующие основные задачи:

1. Прочесывание лесов с целью обнаружения отставших от своих частей советских солдат, борьба с партизанами и отправка в тыл пленных.
2. Охрана дорог, мостов, железнодорожных линий и складов.
3. Конфискация трофеев, запасов сельхозпродукции, урожая и обеспечение возделывания полей.
4. Надзор за местным населением и его пропагандистская обработка, назначение бургомистров, лояльных Германии.

Находясь под впечатлением явного успеха сражения на окружение вражеских войск под Вязьмой и Брянском, когда в плен попало более 650 тысяч солдат и офицеров противника, каждый боец дивизии с оптимизмом смотрел в будущее. Многим даже показалось, что для дивизии поход в Россию закончился! Ходили слухи о так называемых «оккупационных войсках», и уже подбирались такие места для расквартирования, где можно было бы и перезимовать. Перезимовать? Отчаянные оптимисты надеялись встретить Рождество дома, в Германии. Правда, вскоре они были разочарованы и утешали себя тем,

¹ Буквально: «похититель [тыловых] героев» — офицер, которому поручено разыскивать призывников, не имеющих брони и уклоняющихся от воинской службы. (*Примеч. пер.*)

что в хорошо оборудованных квартирах можно пережить и суровую русскую зиму.

Начался период обычной для России осенней распутицы, которого все так боялись. Затяжные дожди размывали даже дороги с твердым покрытием и сделали их непроходимыми не только для автомобилей повышенной проходимости, но в некоторых местах — даже и для транспортных средств на гусеничном ходу. В таких условиях передача команд отдельным подразделениям дивизии внутри обширного района охранения была сопряжена с огромными трудностями. В большинстве случаев дальность действия переносных радиостанций была недостаточна. Из-за ужасных дорожных условий часто было невозможно посылать связных-мотоциклистов или связных на легковых автомобилях. Поэтому связные пользовались лошадьми. Тем не менее отдельные воинские части целыми днями оставались без связи.

В ходе планомерных зачисток в течение следующих двух недель было захвачено более 15 тысяч пленных — среди них командующий одной из русских армий¹, командир дивизии², семь офицеров Генерального штаба и сын самого Молотова³. Большинство из этих пленных, задержанных во время зачисток, составляли солдаты, отставшие от своих воинских частей. Обычно они были без оружия. Некоторые из них уже успели переодеться в гражданскую одежду. Примерно треть этих солдат была вооружена винтовками, и лишь у некоторых были автоматы. Эти вооруженные вражеские группы численностью от 10 до 200 человек постоянно нападали на наши дозоры и связных и повреждали телефонные линии. Однако они старались избегать серьезных стычек с нашими войсками. В качестве трофеев было добыто 10 танков, 200 автомобилей и тягачей, 55 орудий, большое количество боеприпасов и легкого вооружения.

Трудности доставляло прочесывание местами непроходимых лесов. Полки были сильно растянуты, их роты и взводы были распределены по всей контролируемой территории. Одной-единственной роте приходилось осуществлять контроль и охранение района площадью около 150 квадратных километров с 10—12 населенными пунктами. При нестабильности и обшир-

¹ Это сделал лейтенант Капля из 14-й роты 447-го пехотного полка, погиб 10.02.1941.

² Командир 113-й стрелковой дивизии (из дневника Иммерфоля).

³ Так у автора, у Молотова была единственная дочь — Светлана. (Примеч. пер.)

ности контролируемых районов снабжение и обеспечение рот заставляло нас выставлять усиленные сторожевые посты, так что, как правило, в боевых операциях были задействованы в среднем только 40—50 бойцов. При постоянной смене позиций отрядами русских партизан окончательная нейтрализация всей территории такими небольшими силами могла продолжаться несколько месяцев. Об истинном положении дел свидетельствует следующая красноречивая запись в дневнике офицера для поручений¹ 2-го батальона 449-го пехотного полка от 26 октября 1941 года:

Когда после отхода батальона двое связных из 7-й роты были отправлены назад, чтобы забрать сапоги командира роты, которые он забыл в деревне Шумихино (в 20 километрах к западу от Юхнова), то им пришлось провести одну ночь среди русских (отставших от своих частей) солдат, целая толпа которых уже снова успела вернуться в только что зачищенную деревню.

Около 250 тысяч военнопленных необходимо было отправить несколькими партиями в Смоленск и Кричев. Большие трудности возникли с обеспечением пленным питанием, так как сборные пункты² для военнопленных не были рассчитаны на внезапный наплыв такого количества пленным. Для немногочисленного конвоя это была тяжелая и неблагоприятная работа, так как им приходилось сопровождать по бездорожью в тяжелых климатических условиях эти бесконечные колонны пленным во время ежедневных переходов до конечных железнодорожных станций³. Войска делали все, что было в их силах, о чем свидетельствует нижеследующее донесение командира 2-й роты саперного батальона 137-й дивизии:

Многие военнопленные из Вяземского котла чуть не умерли с голода во время их доставки в Смоленск. Я ежедневно высылал вперед небольшие команды, которые должны были в светлое время суток отыскивать картофельные поля, находившиеся рядом с во-

¹ Лейтенант Гоппельт.

² Согласно записи в журнале боевых действий 447-го пехотного полка, через сборный пункт для военнопленных 1-го батальона полка под Дорогобужем ежедневно проходило от 30 до 40 тысяч человек.

³ Согласно записи в журнале боевых действий 447-го пехотного полка от 16.10.1941, 2-й батальон полка получил приказ доставить 60 тысяч военнопленных пешим маршем в Смоленск.

доемами. К вечеру в близлежащей деревне обычно забивалось несколько лошадей и коров. Этого было, конечно, недостаточно для 10 тысяч военнопленных, но полуголодные люди ценили такую заботу о них, так что в конце концов мы добрались до Смоленска относительно благополучно, без особых бунтов и происшествий. Моя саперная рота за это время совершенно завшивела и совсем обтрепалась и после выполнения этого задания явно нуждалась в отдыхе.

Выдержка из дневника одного из бойцов¹ стрелковой роты может дать представление о том, как жили пехотинцы в те октябрьские дни 1941 года:

13.10. ...Я сегодня квартирьер. У меня вороной жеребец, однако очень ленивый... Приготовил жаркое из двух гусей... Немного их пережарил.

14.10. ...По пути поменял своего ленивого жеребца на кобылу-трехлетку. Под моим управлением довольно обширный район. Одолжил унтер-офицеру Д. свои перчатки, он сказал, что потерял их. Очень жаль... Почта от 21, 22, 28 и 30 сентября.

18.10. Поездка с военнопленными за 25 километров в расположение батальона в Киров.

19.10. В первой половине дня ездил верхом в первый взвод с приказом на выступление. После обеда вернулся в батальон. Такая скачка ночью по болотам и лесам сильно выматывает, надо быть очень осторожным. Приходится всю дорогу читать молитвы, тогда страх проходит.

20.10. В 6 часов утра выступление, в 4 часа дня прибытие на новые квартиры. Но мне надо еще съездить в батальон за 30 километров. В 7 часов вечера доехал до какой-то деревушки. Никак не могу найти дорогу. Остаюсь здесь ночевать... Посмотрим, как пройдет ночь, совсем один вдали от своей части. Полагаюсь только на помощь Господа.

21.10. Сейчас скачу дальше. Когда прибыл в место дислокации батальона, оказалось, что все уже уехали. Один из посыльных сообщил, как их найти. У деревни Милотишино нагнал штаб батальона... Господин капитан угостил бутербродом с медом. Но наша рота еще не прибыла.

22.10. Рано утром прибыл П. и забрал нас с собой.

24.10. Теперь доставляю приказы. Нашего лейтенанта повысили в чине. Тяжелый марш. Спал в настоящей кровати!

¹ Вильрадер, 5-я рота 448-го пехотного полка.

26.10. В 12 часов прибыли уже на квартиру. Очень красиво! До сих пор я еще нигде не видел так много икон. На ужин была утка.

27.10. ...Село Перемышль. Разместились в пожарном депо вместе с командиром роты. Не очень удобно.

30.10. В дозоре. Сегодня первый раз ел молочную рисовую кашу. Теперь у нас есть автомобиль.

31.10. Наконец получил почту.

01.11. С сегодняшнего дня произведен в унтер-офицеры. Ввел в эксплуатацию молочную ферму. Ежедневно получаем 150 литров молока.

04.11. Теперь нам живется довольно хорошо. Хочется надеяться, что так оно будет и впредь.

06.11. Никогда нельзя слишком сильно радоваться. Сегодня пришел приказ на выступление. Вынуждены снова оставить здесь все хорошие вещи.

В этом месте хотелось бы вспомнить то подразделение 137-й пехотной дивизии, о котором до сих пор говорилось очень мало, но которое имело очень большое значение для сплоченности и управления дивизией и которому все остальные подразделения были обязаны очень многим: наш батальон связи. Один из бойцов¹ батальона связи пишет по этому поводу следующее:

Трудно говорить о какой-то отдельной истории батальона связи дивизии. Примерно 15—20 телефонно-эксплуатационных отделений (чаще всего это были полувзводы) и соответствующее число отделений радиосвязи постоянно поддерживали связь штаба дивизии с полками или другими самостоятельными подразделениями (саперным, истребительно-противотанковым и разведывательным батальонами)². Другие отделения занимались обслуживанием коммутаторов и радиостанций в месте пребывания штаба дивизии, поэтому их судьба была неразрывно связана с судьбой всех работников дивизионного штаба. Таким образом батальон связи был распределен среди всех подразделений дивизии. Поэтому во время боевых действий роты связи состояли только из командиров рот, которые руководили своими связистами, гаупт-вахмистров, специалистов-

¹ Генрих Ауфенфельдт, 1-я рота батальона связи 137-й дивизии.

² Некоторые из этих подразделений батальона связи 137-й дивизии, как, например, телефонный полувзвод вахмистра Гюнтера при 448-м пехотном полку в течение двух с половиной лет оставался в распоряжении того же полка (Шлёгельхёфер).

унтер-офицеров, работников кухни, портных, сапожников и т. п. Эти остатки рот всегда можно было найти вблизи штаба дивизии. Некоторым отделениям приходилось довольно часто вступать в мелкие стычки с противником. Слава богу, потери по сравнению с боевыми частями были незначительными (в моей роте всего около 30 убитых), которые явились главным образом результатом коварного нападения из засады на отдельные группы связистов. И только легкая колонна связи (ЛКС) оставалась единым сплоченным подразделением даже во время боевых действий.

5 ноября 1941 года взвод разведки средствами связи батальона связи выбыл из состава дивизии, чтобы начиная с весны 1942 года эффективнее использоваться в рамках созданной роты разведки средствами связи полка связи 3-й танковой армии¹.

Когда 18 октября — теперь уже в качестве армейского резерва и подчиняясь коменданту 559-го тылового района армии только по месту расквартирования — дивизии было предписано выдвинуться в район Калуга—Малоярославец—Медынь, уже был выполнен большой объем восстановительных и строительных работ, например, в Спас-Деменске, городе с населением около двух тысяч человек²:

Развертывание госпиталя для военнопленных с дополнительным врачебным и обслуживающим медперсоналом и обеспечение его перевязочными средствами. Оборудование квартирмейстерства. Создание плана города. Сбор трофеев. Обеспечение охраны складов с солью. Регистрация жителей. Оборудование больницы для гражданских лиц и аптеки для горожан. Передача здания церкви для религиозных нужд. Ввод в эксплуатацию парной (русской) бани. Восстановление электростанции. Разминирование водонапорной башни. Создание гражданской пожарной охраны и многое другое.

Но поставленное перед дивизией задание было еще далеко не выполнено. Ирония судьбы заключалась в том, что четыре месяца спустя вместе с другими немецкими дивизиями нам пришлось вступать в ожесточенные бои с партизанами на той самой территории, на эффективную зачистку которой из-за наступления на Москву якобы не хватило времени.

¹ По сообщению Кнайдингера, Байера и Лобергера, 2-я рота батальона связи 137-й дивизии.

² Докладная записка гарнизонной комендатуры (штаб 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка) от 27.10 1941 (майор доктор Айзенбергер).

Глава 8

НАСТУПЛЕНИЕ НА МОСКВУ. БОИ МЕЖДУ РЕКАМИ ПРОТВА И НАРА

7 ноября — 5 декабря 1941 года

Всего лишь через несколько дней после того, как дивизия прибыла по разбитым, заплывшим грязью дорогам, которые были полностью забиты застрявшими транспортными средствами стоявших перед ней дивизий, в новый назначенный ей район дислокации между Калугой и Малоярославцем, 7 ноября она была подчинена 13-му армейскому корпусу (командир корпуса генерал пехоты Ганс Фельбер). Из штаба корпуса в дивизию поступил приказ сменить подразделения 17-й пехотной дивизии и принять участок фронта западнее Серпухова (схема 11).

В огромных лесах между реками Протва и Нара, напротив наших редких линий охранения проходил оборонительный рубеж русских. По информации, полученной из штаба корпуса, в новой полосе действия дивизии оборонительный рубеж занимали два полка противника с небольшим количеством артиллерии, которые производили впечатление плохо обученного, наспех собранного резерва.

Общий план наступления предусматривал через две-три недели после перегруппировки нанесение решающего удара по Москве. При этом 13-й армейский корпус, занимавший южный фланг 4-й армии, должен был присоединиться ко 2-й танковой армии, которая наносила удар по русской столице с юга от Тулы. Но прежде в ходе локальных атак в составе корпуса вплоть до реки Нара необходимо было выйти на удобные исходные позиции для наступления на главном направлении.

Без всяких осложнений 10 и 11 сентября в районе между населенными пунктами Воронцовка и Семкино произошла смена 21-й пехотной дивизии и подразделений 17-го артиллерийского полка 17-й пехотной дивизии. Подразделения 17-го артиллерийского полка остались на своих прежних позициях в полосе действия нашей дивизии для подавления артиллерии противни-

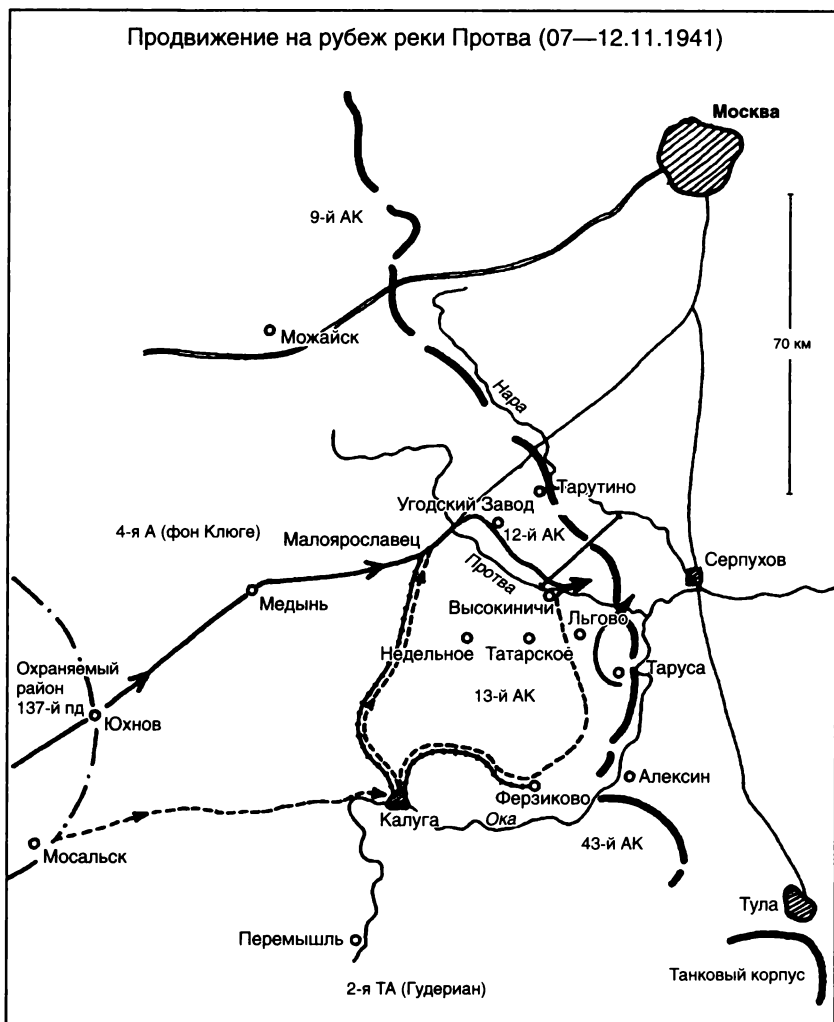

Схема 11

ка. В эти дни 448-й пехотный полк оставался в резерве корпуса и был переброшен частично по железной дороге из Калуги в район южнее села Высокиничи.

Дивизия заняла исходные позиции для наступления в направлении реки Нара в следующем боевом порядке:

справа — 447-й пехотный полк (без 2-го батальона), подразделения истребительно-противотанкового батальона дивизии;

слева — 449-й пехотный полк, 2-я рота саперного батальона и подразделения истребительно-противотанкового батальона дивизии;

позади них — весь 137-й артиллерийский полк.

В резерве дивизии оставались 2-й батальон 447-го пехотного полка, разведывательный батальон и саперный батальон (без 2-й роты).

В качестве первой цели атаки необходимо было захватить вражеские полевые позиции в деревнях Семятино, Высокое и Воронино. Повсюду атака проходила в густом лесу, небольшие просеки имелись только вокруг немногочисленных деревень. Для тяжелого оружия и транспортных средств в качестве единственной возможности продвижения вперед оставались лишь редкие просеки и отдельные лесные дороги, а также железнодорожная линия на самом краю левого фланга. Из-за этого управление дивизией было крайне затруднено. Температура воздуха опустилась до минус 15 градусов.

Атака началась 13 октября в 7.30 утра. Деревня Высокое перешла в наши руки после незначительного сопротивления, зато деревни Семятино (447-й полк) и Воронино удалось занять только после ожесточенных боев. Прорвавшуюся далеко вперед, до западной окраины деревни Неботово, 2-ю роту 447-го пехотного полка под командованием лейтенанта Памера, который, к сожалению, погиб в том бою, из-за полной изоляции пришлось отводить назад, в деревню Семятино.

Прибывший в этот момент на командный пункт дивизии генерал-фельдмаршал фон Клюге выразил дивизии свою признательность. К сожалению, из-за плотного вражеского огня и протяженных минных полей дивизия понесла тяжелые потери. Так, командир 1-го батальона 449-го пехотного полка капитан Биондино был смертельно ранен сразу же после начала атаки, а командир 449-го пехотного полка полковник Маак погиб во второй половине дня во время уличного боя в деревне Воронино, находясь на передовой. Оба офицера прибыли в дивизию всего лишь пять недель тому назад. Командование 449-м пехотным полком принял на себя заместитель командира полка подполковник фон Рёмер, возглавлявший до этого истребительно-противотанковый батальон дивизии.

Случались и неожиданности: о самой большой снова, как и 3 октября, позаботился 3-й батальон 449-го пехотного полка. Сразу после начала атаки он пропал почти на 48 часов, прежде

чем полк и дивизия узнали, что, почти не входя в соприкосновение с противником, он продвинулся далеко вперед и находился на самом краю левого фланга! А на самом краю правого фланга пересеклись пути наступления 3-го батальона 447-го пехотного полка и соседа справа (2-го батальона 480-го пехотного полка 260-й пехотной дивизии). В темном густом лесу, имея на руках неточные карты, оба батальона сбились с пути и, по всей видимости, поменялись местами. После успешного боя за укрепленную полевую позицию севернее деревни Екатериновки 3-й батальон 447-го пехотного полка оказался далеко впереди, в положении уступом вперед. Чтобы исправить сложившееся положение, командование батальона посчитало необходимым вечером отступить к деревне Семятино (схема 12).

День 14 октября начался с тревожных новостей с правого фланга. При поддержке установок залпового огня и нескольких тяжелых танков, которым не могли противодействовать ни наши противотанковые пушки, ни артиллерия, русские предприняли несколько контратак. Впервые на поле боя у русских появились 52-тонные танки. Новый командир 3-го батальона 447-го пехотного полка капитан Шмидтхальс погиб в бою. Во второй половине дня был ранен и заменивший его обер-лейтенант Ханнаппель. Из-за больших потерь численность рот уменьшалась с пугающей быстротой. 137-й артиллерийский полк потерял сразу двух командиров батареи, которые были ранены. В первой половине дня 1-му батальону 447-го пехотного полка пришлось снова оставить захваченную деревню Семятино, после того как из-за недостаточного количества собственных противотанковых средств не удалось отогнать с главной полосы обороны шесть русских танков типа Т-34.

При той большой скорости, которой обладали эти танки, было совсем не легко подобраться к ним на такое расстояние, чтобы наверняка поразить связкой гранат. Однако отважный лейтенант Шерф¹ решил, несмотря на предупреждение товарищей, сделать это и избавить нас от крайне опасных пулеметных очередей ближайшего русского Т-34. Но полумрак просеки подвел его, став его злым роком. Во время последнего прыжка лейтенанта сразила вражеская пуля, навсегда вырвав его из наших рядов².

¹ Единственный сын федерального президента Австрии доктора Шерфа (6-й федеральный президент Австрии с 1957 по 1965 год). (*Примеч. пер.*)

² Из донесения майора запаса Шойрена, командира 1-го батальона 447-го пехотного полка.

Бои между реками Протва и Нара, ноябрь 1941 г.

Атаки в лесистой местности и переход к обороне с 12 по 14 ноября

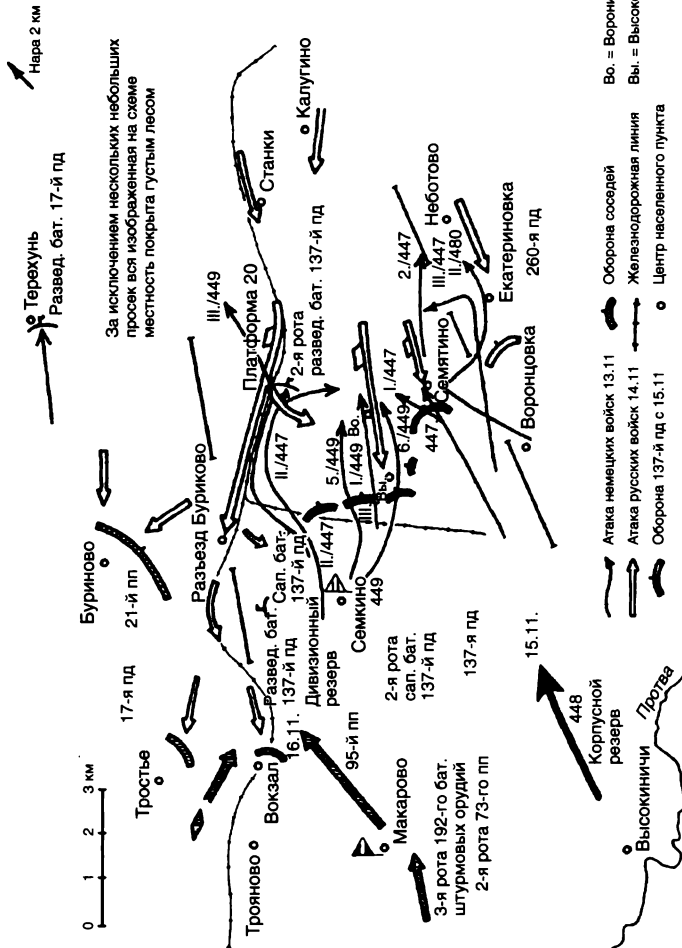

Схема 12

В центре наступление на позиции упорно защищавшихся многочисленных подразделений противника восточнее деревни Воронино было продолжено благодаря тому, что кроме лобовой атаки силами 449-го пехотного полка дивизия направила свой резерв (2-й батальон 447-го пехотного полка вместе со 2-й ротой разведывательного батальона) слева в обход деревни Воронино. Этот маневр уже близился к завершению, когда около 12 часов дня на командный пункт дивизии поступило донесение авиаразведки, проведенной в первой половине дня. Согласно полученной информации, на запад ускоренным маршем двигались русские колонны из района деревень Калугино (один батальон) и Станки (две роты). В любой момент они могли нанести удар в спину 2-му батальону 447-го пехотного полка, который только что повернул на юг. А что бы тогда было с вырвавшимся далеко вперед 3-м батальоном 449-го пехотного полка?

С помощью радиосвязи оба батальона были срочно отозваны назад, последний из них — с помощью радиограммы, посланной вслепую. Однако для 2-го батальона и для подчиненной ему 2-й роты разведывательного батальона это было уже слишком поздно. Направленный вдоль железнодорожной линии удар свежих, первоклассно оснащенных для ведения боевых действий в зимних условиях сибирских воинских частей поразил их с тыла. С тяжелыми потерями наши подразделения были отброшены назад, на рубеж железнодорожной линии север—юг. В этом бою погиб командир эскадрона 2-й роты разведывательного батальона обер-лейтенант Добеш. Вскоре после этого у села Буриново с востока и юго-востока была атакована и 17-я пехотная дивизия. Сразу бросилось в глаза, что это не был обычный контрудар оборонявшегося противника. Такую быструю реакцию русских можно было объяснить только тем, что наша атака была проведена на один день раньше их атаки. Особенно неприятным было то, что удар противника пришелся точно в место стыка между 17-й дивизией и нашей. Для того чтобы закрыть брешь у разъезда Буриково, в нашем распоряжении оставались только две роты саперного батальона и половина разведывательного батальона, так как первый из направленных сюда батальонов 448-го полка вынужден был исправлять напряженное положение у деревни Семятино. Вскоре вблизи выдвинутого командного пункта дивизии в деревне Семкино началась стрельба, так что для охраны пришлось задействовать взвод полевой жандармерии. В такой ситуации могло быть принято только одно решение: переход к обороне.

В последующие дни с 15 по 19 ноября шли ожесточенные оборонительные бои на всем протяжении фронта дивизии, а также в глубине расположения соседа слева (17-й пехотной дивизии), в полосе обороны которой противник продвинулся до деревни Тростье и железнодорожной станции Трояново. Многочисленные группы русских солдат, отставших от своих воинских частей, ужасные огневые налеты, например на деревню Семкино, а также слухи о прорвавшихся русских танках часто делали обстановку в ближайшем тылу дивизии позади переднего края обороны довольно беспокойной. Для тех дней были типичными следующие события.

Отрадным было то, что утром 15 ноября в расположение дивизии с незначительными потерями снова вернулся 3-й батальон 449-го пехотного полка, который удивительным образом дважды оказывался на направлении главного удара противника и ни разу не был втянут в серьезный бой.

Зато положение осложнялось тем, что из-за больших потерь, сильного мороза, педикулеза и плохого питания ослабленная пехота не могла больше противостоять танковым атакам противника. Даже немногочисленные 50-мм противотанковые пушки редко справлялись с тяжелыми русскими танками (Т-34 и 52-тонными «Клим Ворошилов»), которые обычно поддерживали атаку легких русских танков. Не всегда могли справиться с ними и выдвинутые на переднюю линию обороны легкие полевые гаубицы 137-го артиллерийского полка, так как единственно эффективные в борьбе с тяжелыми танками противотанковые снаряды (с красной маркировкой) по непонятной причине пришлось передать в другие воинские части. Две такие гаубицы были раздавлены русскими танками 17 ноября во время боя за деревню Высокое, так как после пристрелки они оказались слишком неподвижными, чтобы уследить за быстрыми перемещениями русских танков.

Хотя переданные корпусом два 88-мм орудия 707-го зенитного батальона с точки зрения баллистики были очень эффективными, однако при использовании их вблизи переднего края обороны из-за своей высокой конструкции они оказались слишком заметными целями. Одна из зениток вскоре была выведена из строя артиллерийским огнем противника. Так что во время боев за деревни Воронино и Высокое, несмотря на целый ряд подбитых русских танков, часто возникала паника. Правда, благодаря смелости нескольких передовых наблюдателей и командиров 2-го дивизиона 137-го артиллерийского пол-

ка и 12-й батареи того же полка, вокруг которых на противотанковом рубеже собирались отброшенные назад пехотинцы, всякий раз удавалось справиться с паникой и остановить прорыв вражеских танков.

Вторая причина серьезной озабоченности отражена в записи от 20 ноября 1941 года в журнале боевых действий 137-го артиллерийского полка:

Чтобы исключить возникавшие по непонятным причинам в последние пять дней, несмотря на все принятые меры предосторожности, случаи недолета, приказано, чтобы командиры батарей проводили пристрелку каждого орудия в отдельности и проверяли дальность его стрельбы.

В этом же журнале боевых действий находим запись от 17 ноября 1941 года:

Из-за сильного мороза возникают отклонения в дальности стрельбы, следствием которых стали два случая недолета.

Вероятно, при одном из этих недолетов и был тяжело ранен командир 2-го батальона 447-го пехотного полка майор Руксер. Наши артиллеристы неоднократно доказывали, что умеют стрелять, за что пехота была им всегда благодарна. Еще 14 ноября в журнале боевых действий 3-го батальона 447-го пехотного полка отмечается:

Во время дальнейшего развития атаки артиллеристам удалось поражать прямым попаданием цепи противника на расстоянии ста и менее метров от нашего переднего края обороны.

В дополнение ко всему из-за невероятных климатических нагрузок начала выходить из строя военная техника.

Но постепенно сила русского наступления стала ослабевать. Благодаря введению в бой на нашем участке фронта 36 пикирующих бомбардировщиков германских люфтваффе, прибытию 448-го пехотного полка в полном составе и направлению в расположение нашей дивизии 2-го батальона 73-го стрелкового полка 19-й танковой дивизии вместе с 3-й ротой 192-го батальона штурмовых орудий напряженность удалось ослабить. Положение окончательно стабилизировалось, когда в результате

выдвижения слева от нас 263-й пехотной дивизии, а справа — 268-й пехотной дивизии наш фронт стал уже. После этого удалось отвести с передовой сильно измотанные в боях 447-й и 449-й пехотные полки, а также саперный батальон, который из-за сложившегося тяжелого положения, к сожалению, использовался как пехота. 1 декабря командование 449-м пехотным полком принял на себя полковник Гейне. Оба наших пехотных полка были вынуждены объединить свои два батальона в один. Только в 448-м пехотном полку боевой состав подразделений был относительно значительным (1-й батальон 448-го пехотного полка 15 ноября насчитывал 422 бойца, 23 ноября — 382 бойца, 29 ноября — 366 бойцов).

Только за четыре дня, с 13 по 16 ноября 1941 года, дивизия потеряла убитыми и ранеными (не считая потерь из-за обморожений) 1060 бойцов, среди них 34 офицера, включая 5 командиров батальонов и 15 командиров подразделений.

Следующие две с половиной недели, с 20 ноября по 6 декабря 1941 года, прошли спокойнее, и нам удалось расширить и укрепить свои позиции. Во второй раз снова заговорили о «зимних позициях». Малочисленные беспокоящие атаки в сильный мороз с целью отвлечения русских от направления главного удара на Москву сменялись отражением таких же малочисленных русских контратак (5-й гвардейской дивизии). Например, об этом свидетельствует приказ по 448-му пехотному полку от 1 декабря 1941 года, 21.15 (командный пункт в деревне Семкино):

Сегодня на всем протяжении фронта полка противник предпринял попытку в ходе атак своих ударных групп вклиниться в расположение 3-й роты и 2-го батальона, а также стремительной атакой захватить деревню Высокое.

Однако атаки ударных групп противника в самом начале были пресечены массированным огнем нашей пехоты и артиллерии, причем в ходе решительной контратаки 3-я рота захватила 12 пленных и два ручных пулемета.

И хотя подразделению противника численностью до роты первоначально удалось закрепиться в деревне Высокое, но в ответной контратаке 3-й батальон сумел отбить свои старые позиции, нанеся при этом противнику тяжелые потери и взяв в плен одного офицера и 11 вражеских солдат.

В первую очередь этот успех обеспечил стремительный контрудар подразделений 9-й роты под командованием лейтенанта Хир-

зекорна, подразделений 11-й роты и саперного взвода под командованием лейтенанта Кольбитца.

Я выражаю всем участникам боя свою благодарность и признательность. Я твердо убежден в том, что и в дальнейшем полку удастся прочно удержать свои позиции, соблюдая верность старым традициям.

Особую благодарность полк выражает прежде всего нашим братьям по оружию — артиллеристам.

Я прошу господина командира артиллерийского полка выразить нашу благодарность тем дивизионам и батареям, которые своим метким огнем поддержали пехоту при обороне и во время подготовки и проведения контратаки.

Подписано: *Фибиг,*
подполковник и командир полка
Командный пункт полка, 02.12.1941

137-й артиллерийский полк
Командир полка

Направляю в дивизионы нижеследующую копию для доведения до сведения всех батарей.

Я горжусь деятельностью полка и твердо убежден в том, что полк с честью выполнит любое поставленное перед ним задание; а каждый боец — на своем боевом посту.

Кистнер,
полковник и командир полка

В эти дни генерал Бергманн решил, сверх своих многократных устных представлений, в подробном докладе недвусмысленно указать на последствия постоянной перегрузки вверенной ему дивизии. Такие представления в высшие командные инстанции были уже сделаны и другими командирами, однако они не нашли у Гитлера должного понимания¹.

И только одним — это откровенно подчеркивается в последнем разделе оперативной сводки — мы были обеспечены в более чем достаточном объеме — доброжелательными советами, как нам самим обеспечить себя продовольствием и вооружением со складов этой огромной страны с неограниченными возможностями.

¹ Записка генерал-фельдмаршала фон Бока от 01.12.1941.

Один из батальонных командиров¹, который случайно находился с донесением на командном пункте дивизии в деревне Макарово и получил возможность прочесть этот доклад, вспоминает:

Я был потрясен до глубины души его беспощадной недвусмысленностью и связанным с этим риском лично для нашего генерала. Так как тогда лишь немногим критически настроенным офицерам с каждым днем становилось все яснее: кто видел действительность такой неприкрашенной и, глубоко беспокоясь, делал из этого соответствующие выводы и кто с презрением отвергал общепринятое изображение действительности в розовом свете, тот вскоре наживет себе врагов и, более того, станет вызывать подозрение. Из случайных бесед с ним я знал, насколько наш генерал был выше всякого подозрения. Но иногда было достаточно, намеренно или нет, увидеть белое белым, а черное черным и, как ответственный офицер и командир, сделать соответствующие выводы.

Бои на реке Протва ясно показали, что силы дивизии были на исходе. Для последующего развития событий решающим было не начало зимы, а в течение многих месяцев пренебрежение всеми законами разумного сохранения сил при ежедневно ухудшающемся положении со снабжением.

¹ Капитан Шойрен, 1-й батальон 447-го пехотного полка.

Глава 9

ЗИМНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ НА ГРУППУ АРМИЙ «ЦЕНТР»

6 декабря 1941 — 20 января 1942 года

«Оборонительные бои под Москвой» — так звучало официальное название этого периода Восточной кампании. Оно искусно завуалировало тот факт, что группа армий «Центр» лишь с огромным трудом смогла избежать крайне опасного двойного охвата, отойдя более чем на 100 километров на запад и тем самым навсегда лишившись возможности добиться великой цели — взятия Москвы. Эти тяжелейшие арьергардные бои продолжались в течение шести недель, лишь иногда перемежаясь затяжными оборонительными битвами. Как же дошло до этого?

В первые дни декабря крупные соединения группы армий «Центр» еще раз попытались, напрягая последние силы, взять Москву. В самом начале местами удалось добиться значительных успехов, но на других участках фронта под Москвой успехи оказались довольно скромными. Как следствие этого, в период с 3 по 5 декабря наша 137-я пехотная дивизия (без нескольких своих артиллерийских подразделений) была отведена со своих довольно хорошо оборудованных позиций и заменена 17-й пехотной дивизией. В качестве армейского резерва она была передислоцирована в район села Тарутина и размещена позади 12-го армейского корпуса¹. Все еще не получившая зимнего обмундирования дивизия во время марша 5 декабря сильно пострадала от резкого похолодания, когда столбик термометра опустился до 35 градусов мороза.

В следующие дни мороз достигал уже 45 градусов! Однако уже 4 декабря силы наших атакующих войск, которые ближе всего подошли к Москве, были исчерпаны. Поэтому передислоцированная к 7 декабря в новый район дивизия получила задание за-

¹ Командный пункт 12-го армейского корпуса находился в селе Угодский Завод.

Положение 137-й пехотной дивизии к 13.00 24.12.1941

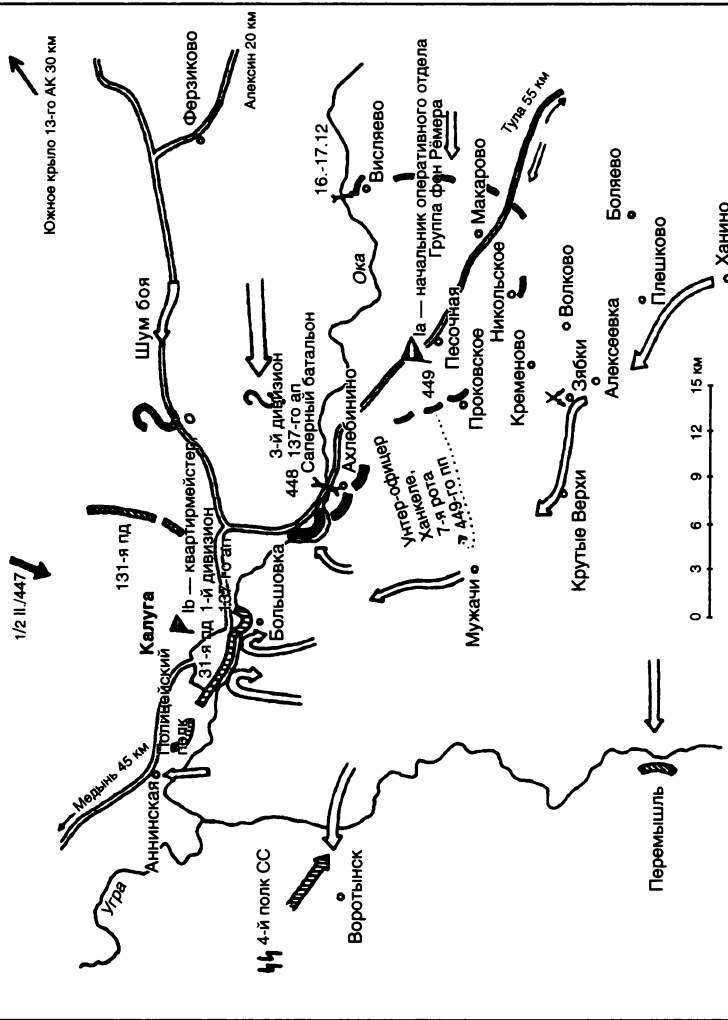

Схема 13

нять оборону на рубеже реки Нара и приступить к оборудованию «зимних оборонительных позиций». Когда во время разведки местности на реке Нара у села Тарутина генерал Бергманн вместе со своим начальником оперативного отдела и капитаном Шойреном (командиром 1-го батальона 447-го пехотного полка) неожиданно натолкнулся на памятник русскому полководцу Кутузову, это показалось нам зловещим предзнаменованием. Этот монумент был установлен в честь человека, который в 1812 году при поддержке крестьян села Тарутина и окрестных деревень в победоносной битве вынудил войска Наполеона отступить!

6 декабря внезапно началось первое крупномасштабное наступление русских войск под командованием генерала Жукова. Это были свежие войска, переброшенные под Москву из внутренних областей страны. Они нанесли удар по расположенным уступом вперед опоясывающим флангам группы армий «Центр» севернее и южнее Москвы у городов Клин и Тула.

2-я танковая армия под командованием Гудериана попала под Тулой в тяжелое положение. В ходе русского наступления образовалась брешь во фронте этой танковой армии на реке Упа между городами Тула и Алексин. Русские войска отрезали сильно потрепанный во время последнего наступления в страшный холод 5 декабря 43-й армейский корпус (командир генерал пехоты Хейнрици) от 2-й танковой армии и угрожали глубокому флангу 4-й армии в направлении Калуги.

Эти события в сочетании с тяжелым положением на участках фронта дивизии и северного соседа оказали серьезное влияние на все соединения 4-й армии. Что касается 137-й пехотной дивизии, то серьезность сложившегося положения нашла свое отражение в двух моментах: во-первых, в быстро следующих друг за другом изменениях задач, а во-вторых, в раздроблении дивизии в ходе исполнения приказов вышестоящих инстанций. Такого распыления сил дивизии не случалось никогда прежде, и его удалось полностью преодолеть только три месяца спустя. Приведенная ниже плановая таблица взаимодействия наглядно отражает сложившееся положение (схемы 12 и 13):

Дата поступления приказа в дивизию	Задание	Подчиненность
До 03.12.1941	Дивизия в полном составе осуществляет оборону северо-восточнее села Высокиничи	13-му армейскому корпусу

Дата поступления приказа в дивизию	Задание	Подчиненность
Вечер 03.12.1941	Главные силы дивизии сменяются 17-й и 268-й пехотными дивизиями и в качестве армейского резерва передислоцируются на север Штаб, 2-й и 4-й дивизионы 137-го артиллерийского полка остаются на прежних оборонительных позициях	Командованию 4-й армии 17-й пехотной дивизии
08.12.1941	Главные силы дивизии: оборудование позиций на рубеже реки Нара	12-му армейскому корпусу
09.12.1941	Главные силы дивизии: готовность к выступлению на север или на юг	Командованию 4-й армии
10.12.1941	Главные силы дивизии: выступление в южном направлении из-за прорыва противника в районе города Алексин 447-й пехотный полк (полтора батальона) остается на рубеже реки Нара в качестве резерва корпуса Полбатальона (штаб 2-го батальона, 5-я и 7-я роты) охрана железнодорожной линии на участке Калуга—Малоярославец ¹	13-му армейскому корпусу 12-му армейскому корпусу Коменданту 559-го тылового района корпуса
14.12.1941 Около 1.00	Передовой отряд (истребительно-противотанковый батальон, разведывательный батальон, 3-я рота саперного батальона, рота самокатчиков 449-го пехотного полка; командир подполковник фон Рёмер) направляется на юг через реку Ока	43-му армейскому корпусу
Около 10.30	Ускорить марш передового отряда. Положение 43-го армейского корпуса очень серьезное	43-му армейскому корпусу
12.30 вечером	Главные силы дивизии передаются во 2-ю танковую армию. Передовой отряд выводится из ее состава 447-й пехотный полк (штаб полка, 1-я, 6-я и 8-я роты) выводится из состава 12-го армейского корпуса, чтобы вернуться в состав 137-й пехотной дивизии ²	31-й пехотной дивизии 13-му армейскому корпусу
15.12.1941	137-й артиллерийский полк выводится из состава 17-й пехотной дивизии, он возвращается в состав 137-й пехотной дивизии	13-му армейскому корпусу
Около полудня	Генерал Бергманн и начальник оперативного отдела представляются генералу Хейнрици на командном пункте корпуса.	43-му армейскому корпусу

Дата поступления приказа в дивизию	Задание	Подчиненность
	Главные силы дивизии должны выставить заграждение широким фронтом на западном берегу Оки южнее Калуги до Перемышля ³ . Для этого марш на юго-запад в сторону Калуги	
16.12.1941 в первой половине дня	447-й пехотный полк и 137-й артиллерийский полк вернулись в состав не 137-й пехотной дивизии, а 260-й пехотной дивизии	260-й пехотной дивизии
16.12.1941 вечером	Штаб и 4-й дивизион 137-го артиллерийского полка остаются в составе 17-й пехотной дивизии. 2-й дивизион 137-го артиллерийского полка переводится в резерв корпуса Главные силы дивизии: согласно приказу фюрера любое отступление запрещено. Дивизия должна выйти на рубеж у деревни Макарово юго-восточнее Калуги, это означает изменение направления марша и поворот на юг	17-й пехотной дивизии 13-му армейскому корпусу 43-му армейскому корпусу
17.12.1941	2-й дивизион 137-го артиллерийского полка переходит в новое подчинение	260-й пехотной дивизии
18.12.1941	Главные силы дивизии (четыре батальона 448-го и 449-го пехотных полков, две роты саперного батальона, три батареи 3-го дивизиона 137-го артиллерийского полка) осуществляют охранение южного фланга корпуса на рубеже Крутые Верхи — Плешкэво. При встрече с противником необходимо стремительной атакой отбросить его назад	43-му армейскому корпусу

Примечания:

¹ 3-й батальон 448-го пехотного полка был также оставлен в резерве. Однако теперь невозможно с несомненностью установить причины этого.

² По всей видимости, это было сделано по настоятельному требованию генерал-полковника Гудериана (2-я танковая армия). Он вспоминает о своем разговоре с генерал-фельдмаршалом фон Браухичем и генерал-фельдмаршалом фон Клюге 14 декабря в Рославле: «Пользуясь таким удобным случаем, мы обсудили вопрос, как можно было бы закрыть брешь шириной около 40 километров, которая образовалась между 24-м танковым корпусом и 43-м армейским корпусом. Для этой цели 4-я армия должна была передать 2-й танковой армии 137-ю пехотную дивизию. Но фельдмаршал фон Клюге сначала отправил только четыре батальона во главе с командиром дивизии. Я посчитал это совершенно недостаточным, и попросил немедленно направить в мое распоряжение и недостающую часть дивизии». (Гудериан Г. Указ. соч. С. 238.)

³ Яркий пример трудностей при передаче приказа во время этого марша дает запись в дневнике командира 1-го батальона 448-го пехотного полка, который записал еще 17 декабря: «Передний край обороны реки Ока, мы должны выйти к Перемышлю», хотя этот приказ от второй половины дня 15 декабря был изменен еще вечером 16 декабря.

В ходе восьмидневного марша (с 11 по 18 декабря) протяженностью 135 километров главные силы дивизии пробились на юг, чтобы помочь попавшим в беду соседям. Температура воздуха постоянно колебалась от 30 градусов мороза до нуля. Дни с трескучими морозами сменялись метелями и туманом. Трудно сказать, что было тяжелее для личного состава дивизии и для лошадей, гладкие как зеркало автострады, на которых автомашины плотно укатали выпавший снег, или занесенные снегом проселочные дороги в тех районах, куда не могли добраться службы тыла и снабжения. В первые пять дней бодро шагавшие войска проходили более 20 километров в день, а в некоторые дни — даже 30 километров. Подразделение снабжения штаба дивизии под командованием нашего квартирмейстера раздобыло в деревнях сани, чтобы двигаться быстрее. И остальные подразделения во время марша реквизировали все сани, попадавшиеся на их пути, чтобы быть мобильнее.

Чем ближе мы подходили к Оке, тем сложнее становился марш. Упомянутые изменения в задании дивизии делали проведенную разведку пути бесполезной, приходилось проводить новую рекогносцировку местности. Глубокие овраги, встречавшиеся на нашем пути во многих населенных пунктах и о которых наверняка хорошо помнят многие наши боевые товарищи, часто ставили наших водителей, ездовых и лошадей перед почти неразрешимыми проблемами¹. Особенно большие проблемы возникали у передового отряда, у артиллеристов 137-го артиллерийского полка и у расчетов тяжелых пехотных орудий. Из-за этого темп продвижения на марше до перехода по льду через Оку у деревни Висляево (27 километров к западу от города Алексин) составлял в течение двух дней 5—8 километров, тем самым средняя маршевая скорость первых восьми дней ежедневно снижалась до 17 километров.

¹ Следующая краткая запись в журнале боевых действий 137-го артиллерийского полка от 18.12.1941 красноречиво свидетельствует о том, как плохо германские сухопутные силы были оснащены для ведения боевых действий в зимних условиях: «В штабе полка имеется всего лишь три пары цепей для движения по снегу».

Поэтому вполне объяснимо, что тяжелые транспортные средства часто оставались далеко позади колонны. Например, 1-й дивизион 137-го артиллерийского полка так и не успел подойти к началу боев южнее Оки, которые продолжались с 20 по 24 декабря. Очевидно, до него так и не дошел измененный приказ дивизии, согласно которому надо было двигаться не через Калугу на Перемышль, а следовало восточнее Калуги повернуть на юг через Оку.

Кроме того, командир 1-го дивизиона посчитал, что из-за переутомления лошадей он должен был 19 декабря устроить день отдыха в районе деревень Боброво и Лапино¹, находившемся в 12 километрах восточнее Калуги.

Насколько сильно этого дивизиона не хватало во время боя за деревню Зябки, настолько он пригодился позднее, в Калуге. В конце концов, марш дивизиона напрямую в Калугу оказался счастьем и для дивизии, когда в критический момент обороны Калуги он оказался единственной артиллерийской опорой коменданта города.

Тем более значимого успеха добился 3-й дивизион 137-го артиллерийского полка под командованием майора Райндля, который со всеми своими двенадцатью орудиями смог поддерживать постоянный контакт с дивизией. Правда, семь из этих двенадцати орудий невозможно было использовать в бою из-за постоянно возникавших неисправностей в воздушном накатнике.

Приказ армии выслать вперед передовой отряд из-за таких сложных погодных и дорожных условий оказался требованием, которое ни в коей мере не соответствовало обстоятельствам. В этих условиях колесные транспортные средства и самокатчики вряд ли могли передвигаться быстрее, чем пешие войска. Несмотря на энергичные действия командира передового отряда подполковника фон Рёмера, 14 декабря после первых восьми часов марша только малочисленный авангард смог добраться к 10 часам утра до поселка Ферзиково, опередив пехоту всего лишь на 30 километров. Этот авангард состоял из пяти противотанковых пушек, двух пулеметных звеньев и полевой кухни! Главные силы передового отряда (истребительно-противотанковый батальон, разведывательный батальон, 3-я рота саперного батальона и рота самокатчиков 449-го пехотного полка) му-

¹ Из дневника капитана запаса Майера, 3-я батарея 137-го артиллерийского полка, и журнала боевых действий 1-й санитарной роты.

чились на ужасных дорогах, продвигаясь вперед со скоростью марширующего пехотинца, и лишь постепенно они смогли присоединиться к своему авангарду. Вечером 14 декабря передовой отряд поступил под командование 31-й пехотной дивизии, которая дислоцировалась на южном берегу Оки. Во время арьергардных боев передовой отряд в конце концов образовал арьергард этой дивизии.

Уже во время первого представления генерала Бергманна на командном пункте 43-го армейского корпуса 15 декабря стало ясно, что отныне дивизия будет задействована на том участке фронта, откуда всей группе армий «Центр» грозила смертельная опасность, лежавшая тяжелым бременем на командире этого корпуса генерале пехоты Хейнрици. Положение осложнялось еще и тем, что после отставки главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала фон Браухича Адольф Гитлер взял на себя командование сухопутными войсками и в качестве первой меры запретил любой отвод войск. Поэтому 137-й пехотной дивизии было приказано после выхода в район деревни Макарово обеспечить охранение южного фланга корпуса шириной около 12 километров на рубеже Крутые Верхи — Плешково, а при обнаружении противника севернее этой линии — немедленно отбрасывать его назад.

Когда 20 декабря находившиеся в распоряжении дивизии четыре ослабленных батальона, усиленные 3-м дивизионом 137-го артиллерийского полка и саперным батальоном, повернули на юг, высланная вперед разведка обнаружила русскую кавалерию, шедшую маршем от поселка Ханино через деревню Зябки на Калугу.

Калуга! Одна из наших важнейших баз снабжения, которая еще совсем недавно находилась в 60 километрах от линии фронта! Было неясно, представлял ли собой обнаруженный противник головной отряд, или это были главные силы наступавших соединений. Поступившее в тот же день тревожное донесение убедило командование дивизии в том, что вражеский передовой отряд находился уже в 10 километрах от Калуги. Если судить по немецким указателям на карте, то дивизия находилась в самой середине наступавших русских войск. Майор Нойбахер (адъютант дивизии) только по чистой случайности не попал в руки противника.

Когда двигавшийся справа на юго-запад через деревню Кременово 449-й пехотный полк вышел к лесному массиву севернее деревни Зябки, он обнаружил, что через деревню на северо-

запад сплошным потоком проходят вражеские кавалерийские соединения, пехота, а также движутся грузовые автомобили, орудия и несколько танков. Поскольку наша артиллерия и противотанковые пушки еще не подошли, то при таком соотношении сил для ослабленного 2-го батальона не могло быть и речи о проведении атаки через заснеженное открытое поле, спускавшееся к деревне. Кроме того, дело осложнялось еще и тем, что всего лишь пять дней тому назад батальон получил нового командира, подполковника Шрибера, который до этого проходил службу в патрульном подразделении в Вене и не имел опыта ведения боевых действий в зимних условиях в России. Продвигавшийся через деревню Волки 3-й батальон 449-го пехотного полка никак не успевал подойти вовремя. Слева от них к немногочисленным подразделениям противника, находившимся в трех километрах от установленной приказом линии охранения, приближался 448-й пехотный полк (без своего 3-го батальона).

Сложившаяся за день обстановка однозначно указывала на то, что деревня Зябки была решающим местом, где, собрав достаточно сил, мы могли остановить по крайней мере северную походную колонну русских. Вечером 20 декабря командир корпуса, прибывший на командный пункт дивизии в селе Никольском, еще раз настоятельно указал на необходимость взятия деревни Зябки. «При любых обстоятельствах корпус рассчитывает на успех операции», — подчеркнул генерал Хейнрици. Правда, корпус не мог оказать нам никакой помощи; а ведь было бы достаточно одного взвода штурмовых орудий. Атака была намечена на утро 21 декабря. 2-й батальон 449-го пехотного полка должен был атаковать с севера, в то время как 3-й батальон 449-го пехотного полка и 2-й батальон 448-го пехотного полка наносили удар с юго-востока, а 1-й батальон 448-го пехотного полка должен был прикрывать фланг с юга и юго-востока¹. Огневую поддержку оказывал 3-й дивизион 137-го артиллерийского полка, одно из орудий которого было направлено для отражения танковой атаки, но, к несчастью, как и 50-мм противотанковая пушка, застряла на занесенной снегом дороге, а позднее из-за замерзшего замка вообще не смогло стрелять. Генерал Бергманн решил, несмотря на предостережение полковника Гейне, лично присутствовать при атаке 2-го батальона 449-го пехотного полка, в то время как

¹ Из дневника Штайскаля: «20.12.1941 — 3-я рота взяла 16 пленных. 22.12.1941 — Советы прощупывают обстановку лыжными дозорами».

полковнику Гейне было приказано отправиться с этой же целью в 3-й батальон 449-го пехотного полка.

В ходе начавшейся на рассвете атаки сначала удалось почти без сопротивления со стороны противника продвинуться вперед до первых домов деревни Зябки. И только в этот момент завязался уличный бой, который сначала вела только слабая пехота противника, правда, при поддержке двух танков. Ворвавшиеся в деревню бойцы 2-го батальона 449-го пехотного полка никак не могли вывести из строя эти танки. Батальон понес тяжелые потери. Такие же тяжелые потери заставили залечь и 3-й батальон 449-го пехотного полка, наступавший на деревню Зябки с юго-востока по открытой заснеженной местности. Когда генерал Бергманн, находившийся на командном пункте 2-го батальона в лесу севернее деревни Зябки, заметил, что атака батальона захлебнулась, он еще раз подбодрил резерв, собравшийся у штаба, словами: «На вас смотрит весь мир!»

«Мы не могли в это поверить», — запишет в свой дневник офицер для поручений лейтенант запаса Гоппельт. Но генерал оказался прав: 19 лет спустя появится военно-историческое произведение¹, в котором подробно разбираются решающие битвы Второй мировой войны и в котором указывается на решающее значение задания, стоявшего перед 137-й пехотной дивизией. Правда, дивизия была слишком ослаблена, чтобы в одиночку справиться с такой сложной задачей. Чтобы попытаться использовать последнее средство, генерал вышел на опушку леса, которая находилась под огнем русских танков, двигавшихся по открытому заснеженному полю. Здесь он был смертельно ранен пулеметной очередью. Два дня спустя генерала похоронили на солдатском кладбище в Калуге среди многих павших бойцов его дивизии. А в это время его родной род войск, артиллерия, в котором он 40 лет тому назад стал солдатом, салютовала ему 1-м дивизионом 137-м артиллерийским полком, посылавшим над его могилой во врага залп за залпом во время обороны Калуги.

Еще оставалась надежда спасти положение в деревне Зябки путем наступления 2-го батальона 448-го пехотного полка через деревню Алексеевку. Но, несмотря на артиллерийскую поддержку, батальон так и не смог взять Алексеевку. Наступательные силы дивизии, численность которой была меньше, чем у любого усиленного пехотного полка, были исчерпаны. В 19.15 в

¹ Хофманн Р. Битва под Москвой 1941.

штаб корпуса поступило донесение о том, что атака потерпела неудачу. Штаб корпуса сообщил командованию дивизии, что из-за неблагоприятного развития положения на всем участке фронта принято решение отвести весь корпус за Оку. Поэтому ночью все подразделения, вместе с ранеными, были выведены из деревни Зябки и отошли на свои исходные позиции. Потери во 2-м батальоне 449-го пехотного полка составили 42 бойца, в остальных подразделениях — неизвестно. Тем временем походные колонны противника были разгромлены штурмовиками наших люфтваффе.

Чтобы в этой критической ситуации не лишать полк его старейшего командира, полковника Гейне, подразделения 137-й пехотной дивизии, находившиеся южнее Оки, с полудня 21 декабря до полудня 24 декабря, до момента, когда полковник Гейне прибыл на командный пункт дивизии в восточном районе Калуги, были подчинены командиру 31-й пехотной дивизии генерал-майору Бертольду. Он отдал прибывшему к нему 22 декабря первому офицеру Генерального штаба 137-й пехотной дивизии только один приказ. Этот приказ гласил:

31-я дивизия немедленно отходит на северный берег Оки через деревню Ахлебинино, чтобы взять на себя оборону южного участка фронта под Калугой. 137-я дивизия отходит в арьергарде. Для этого в ее подчинение вновь переходит группа фон Рёмера, состоящая из передового отряда 137-й дивизии и отдельных воинских частей 31-й и 137-й дивизий. Оказывать противнику сковывающее сопротивление в контакте с отступающими севернее Оки германскими войсками вплоть до 27 декабря, до выхода в район южнее Оки.

После этого штаб 31-й пехотной дивизии устремился за Оку на север, чтобы вплотную заняться выполнением своего нового трудного задания.

Порядок подчинения в последующие два дня был таким же необычным, как и все положение. С предварительно полученного согласия старшего по должности командира, полковника Гейне, начальник оперативного отдела дивизии майор Генерального штаба Мейер-Детринг отдал вытекающие из вышеприведенного приказа генерал-майора Бертольда боевые распоряжения непосредственно воинским подразделениям 137-й пехотной дивизии. Такое решение в тяжелом кризисном положении явилось свидетельством взаимного доверия между штабом дивизии и команди-

рами отдельных воинских подразделений, чему способствовала деятельность только что павшего командира дивизии. И хотя такое решение не соответствовало предписаниям, но оно могло служить всем тем, кто постоянно старается находить противоречия между войсками и Генеральным штабом, ярким доказательством обратного. Спустя 48 часов оно полностью оправдало себя, когда речь зашла о том, чтобы без малейшего промедления принять единственно верное решение, которое спасло от неминуемой гибели почти две тысячи бойцов 137-й пехотной дивизии и несколько сот бойцов из соседних подразделений.

Сначала речь шла о том, чтобы обеспечить охрану ключевого места всей позиции южнее Оки после отвода 31-й пехотной дивизии. Для обороны и для поддержания в надлежащем состоянии единственной переправы по льду через Оку в районе деревни Ахлебино были направлены маршем 448-й пехотный полк и саперный батальон нашей дивизии. 449-й пехотный полк осуществлял охранение юго-восточнее у села Проковского и вел разведку на пути наступления противника на Калугу. Унтер-офицеру Ханкеле вместе со своей 7-й ротой 449-го пехотного полка в ходе разведывательного поиска единственному из всех дважды удалось достичь поставленной цели, деревни Мужачи, удаленной на 12 километров, и добыть бесценную информацию. Группа фон Рёмера обеспечивала охранение по широкой дуге на юго-восток и восток примерно в 10 километрах восточнее деревни Макарово. Все тяжелые транспортные средства были своевременно отведены через деревню Ахлебино. Противник преследовал наши отходившие войска нерешительно и малыми силами. Зато он оказывал гораздо более сильное давление с юго-запада на самое опасное место, на зимнюю переправу на Оке.

На южной окраине Калуги разгорелись жаркие бои. Первый удар 21 декабря пришлось принять на себя временным боевым формированиям из подразделений и частей тыла, к которым относились и бойцы нашего подразделения снабжения. Под командованием обер-лейтенанта Шёнрока (военного техника) они сформировали штурмовую группу, которая храбро сражалась, но, к сожалению, понесла и большие потери. 1-й дивизион 137-го артиллерийского полка находился здесь с 8 часов утра 21 декабря и вместе с батареей 109-го артиллерийского полка представлял собой первый артиллерийский костяк. Как обстояло дело в Калуге в тылу дивизии, наглядно свидетельствует запись в дневнике командира 3-й батареи 137-го артиллерийского полка (капитана запаса Майера) от 21 декабря 1941 года:

Сначала капитан медицинской службы со своей санитарной ротой выбил русских из одного из пригородов Калуги. 1-я батарея заняла позицию на деревянной сторожевой башне, которая стояла на краю территории завода, на берегу Оки. Шуллер и я перешли по льду через замерзшую Оку и поднялись в деревню Большовку¹, которая лежала на возвышенности, и оборудовали здесь свои наблюдательные пункты. Наше пехотное охранение состояло из 42 вооруженных рабочих разных мастерских. Позднее к нам присоединились еще почти 50 бойцов одной из батарей 109-го артиллерийского полка, у которых не осталось больше ни одного орудия, и теперь орудийные расчеты использовались как пехота².

Отсюда нам было хорошо видно, как по дороге по направлению к Калуге двигались многочисленные санные упряжки противника, которые мы тотчас подвергли интенсивному артиллерийскому обстрелу.

Неожиданно нас атаковали с севера, а вскоре после этого с востока на деревню двинулись танки. С севера по деревне вел огонь миномет, который вскоре в нескольких местах повредил наш телефонный кабель. Примерно в 15 часов я заметил, что Шуллер вместе со своими наблюдателями отошел назад. Он сказал мне, что отходит за Оку, так как мы остались без прикрытия пехоты. Рота вооруженных рабочих мастерских и артиллеристы 109-го артиллерийского полка уже тоже отошли за Оку. Они боялись, что русские отрежут их с севера. Моя батарея подбила еще два русских танка, и после этого я тоже свернул свой наблюдательный пункт, так как с батареи открывался почти такой же сямый обзор.

Вчера и сегодня³ пикирующие бомбардировщики и «Мессершмитты» атаковали протянувшийся вдоль реки нижний район Калуги, который уже был занят русскими, и подвергли его бомбовому удару.

24 декабря из нашего дивизиона отозвали двух офицеров. Лейтенант Краатц и лейтенант Ламанн получили приказ возглавить хлебопекарную роту во время уличного боя в Калуге. После удачно проведенного боя сегодня утром они вернулись в дивизион. Со склада боеприпасов лейтенант Краатц доставил два русских 75-мм орудия, которые могли вести настильный огонь и обладали

¹ На некоторых картах она обозначена как деревня Пучково.

² Остальными защитниками Калуги 21 декабря 1941 года были ветеринарная рота и рота охраны. (Из дневника Маска, 1-й дивизион 137-го артиллерийского полка.)

³ 21 и 22 декабря 1941 года.

большим осколочно-зажигательным действием. Из этих двух орудий он подверг обстрелу санную дорогу русских и поджег те дома, в которых закрепились подразделения противника. Половина наших артиллеристов используется как пехота для охраны в районе лесопильного завода или патрулирует территорию перед позициями батареи.

С вечера 22 декабря оборона перешла к переброшенным по воздуху полицейским частям¹ и к прибывающей поэшелонно 31-й пехотной дивизии, командир которой 25 декабря принял командование южным фронтом обороны Калуги. Русское стремительное наступление на деревню Аннинскую (северо-западнее Калуги) угрожало, кроме всего, отправленным в тыл транспортным средствам 3-й роты саперного батальона нашей дивизии. Все эти автомобили, с таким трудом переправленные 21 декабря через Оку, пришлось сжечь.

В полдень 24 декабря на всей территории, которую занимал арьергард 137-й дивизии южнее Оки, царила зловещая тишина, когда начальник оперативного отдела дивизии проезжал на санях обер-ефрейтора Рошера вместе с радистами батальона связи по шоссе у деревни Песочной, чтобы прояснить обстановку в 448-м пехотном полку. Еще в течение трех дней дивизия должна была в одиночку оставаться в этом расположенном уступом вперед просторном мешке на южном берегу замерзшей Оки, о крутых берегах которой мы хранили недобрую память еще с 16 декабря. Только с северо-запада сюда доносился приглушенный грохот битвы за Калугу. Было приятно осознавать, что 31-я пехотная дивизия продолжает вести бой за город, а подполковник Фибиг со своим полком² прочно удерживает в своих руках единственную зимнюю переправу через Оку. О соседе севернее Оки нам было известно совсем немного, но мы предполагали, что он занимает позиции гораздо восточнее, на уровне группы фон Рёмера³.

Совершенно неожиданно с севера раздался грохот орудий и прочий шум близкого боя. Конечно, все это было очень серьез-

¹ Полицейский полк «Центр», полковник Монтуа.

² Отведенный с линии фронта на реке Протва 3-й батальон 448-го пехотного полка 23 декабря снова присоединился к своему полку.

³ В действительности на южном фланге 13-го армейского корпуса, который согласно записи в журнале боевых действий 137-го артиллерийского полка находился в это время северо-западнее Тарусы, зияла почти не охраняемая брешь шириной около 30 километров.

но, так как могло означать только одно, а именно, что русские продвинулись вперед гораздо быстрее и дальше, чем мы ожидали. Казалось, что они находились всего лишь в 10 километрах от ледяной переправы у деревни Ахлебинино. Группа фон Рёмера находилась в 30 километрах от места боя, 449-й пехотный полк занимал позиции на удалении 10 километров от него, а, согласно полученному приказу, нам надо было продержаться еще три дня! Времени на запросы совсем не оставалось, так как если мы не будем действовать немедленно, то окажемся в ловушке. Поэтому решение и приказы 449-му пехотному полку и группе фон Рёмера были краткими и простыми: немедленно выступить ускоренным маршем в направлении деревни Ахлебинино, там ожидать следующих приказов.

Но как добраться до отдаленной группы фон Рёмера и, кроме того, успеть своевременно вернуться к зимней переправе, чтобы организовать дальнейшую оборону? Бедная лошаденка никак не могла справиться с этим в одиночку. И тут совершенно неожиданно появился ангел-спаситель в образе огромного гусеничного автомобиля понтонно-мостового парка какого-то чужого подразделения, который одиноко двигался в сторону Калуги. Его экипаж был рад, что ему удалось спасти такое ценное транспортное средство. Правда, он не возражал, когда получил приказ повернуть и в качестве легкового автомобиля послужить начальнику оперативного отдела дивизии, который таким необычным способом смог передать приказ находившейся в наибольшей опасности большой группе подполковника фон Рёмера.

Когда во второй половине дня 24 декабря полковник Гейне взял на себя командование дивизией, с отрядной точностью были выполнены все необходимые маневры. 448-й пехотный полк успешно отразил все атаки противника с юго-западного направления. Капитан Браунсбергер со своими саперами тщательно поддерживал в рабочем состоянии зимнюю переправу через Оку и одновременно готовил ее к подрыву. Вскоре после полуночи 24 декабря оперативный отдел штаба дивизии последним перешел через реку. На рассвете за ним последовали группы охранения и подрывная команда. Трудное Рождество, но мы отпраздновали его с благодарностью Господу, так как приготовленная для нас ловушка не успела захлопнуться.

Малым просветом в мрачной череде тяжелых событий оказалось то, что оперативному отделу штаба дивизии во главе с его начальником 24 декабря удалось отвести от села Детчина

половину 2-го батальона 447-го пехотного полка, которым командовал обер-лейтенант Кох. С 25 декабря эта часть батальона перешла в подчинение 449-го пехотного полка.

Коренные изменения в высшем военном руководстве, как следствие первой большой неудачи на Восточном фронте, вскоре сказались и на фронтовых частях, что довольно часто приводило к противоречивым последствиям. Так, запрет любого отхода без разрешения высшего командования подверг 137-ю пехотную дивизию опасности попасть в окружение южнее Оки, которого ей удалось избежать только с огромным трудом в самый последний момент. Приказ покидающего свой пост главнокомандующего группой армий «Центр» и указ Адольфа Гитлера дошли до войск сначала из радиосообщения, затем в копиях, размноженных от руки на временных командных пунктах, и позднее в виде распечатанных обращений, датированных 19 декабря 1941 года. В указе фюрера говорилось, что он берет на себя верховное командование сухопутными силами, полностью лишая тем самым всякого влияния всех тех военачальников, которые, несмотря на беспредельность его требований, вели сухопутные войска на Восточном фронте от победы к победе. Наш сосед справа и командующий во время сражения под Рославлем генерал-полковник Гудериан 26 декабря 1941 года был отстранен от должности. Из-за самовольно принятого решения о сокращении линии фронта генерал-полковник Хёпнер (4-я танковая армия) был в оскорбительной форме отправлен в отставку. И наш командир корпуса, в состав которого мы входили во время наступления, генерал Гейер тоже был отправлен в отставку вместе с целой группой других заслуженных командиров. Главнокомандующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок 20 декабря ушел на больничный. Место главнокомандующего занял генерал-фельдмаршал фон Клюге.

Простому солдату на фронте, которому на протяжении нескольких недель приходилось бороться с пронизывающим холодом, изматывающими снежными буранами и явно недооцененным, серьезным противником, смена командующего могла не только наглядно показать всю серьезность сложившегося положения, но и вряд ли могла явиться моральным стимулом. Все это время фронтовики сражались, не имея почти никакого зимнего обмундирования и из-за протяженных коммуникаций испытывая постоянные перебои со снабжением продуктами питания и боеприпасами, несмотря на самоотверженные усилия всех подразделений снабжения и тыла. Фронтовикам было

непонятно, почему только теперь, в самом конце года, с огромных складов в Калуге начали поспешно отпускать хранившиеся там продукты и теплую одежду, в то время как уже несколько недель на фронте многого не хватало. Но самое печальное заключалось в том, что многие склады пришлось просто сжечь. Многие из фронтовиков согласились бы с тем сияющим от счастья солдатом 137-й пехотной дивизии, который, стоя перед распахнутыми воротами военного склада в Калуге и загружая при свете пожарищ в свои сани новенькие сапоги и плитки шоколада, сказал проходившему мимо начальнику оперативного отдела дивизии: «Сразу видно, что теперь войсками командует сам фюрер!»

«Фюрер теперь рядом с нами», — записывает в свой дневник ефрейтор Ф. в рождественский сочельник! И хотя к нам прибыли резервисты, но у них не было опыта ведения боевых действий в зимних условиях, да еще к тому же в России. Но какое значение могли иметь полицейский полк «Центр» и 4-й отдельный полк СС, как бы храбро они ни сражались¹, при наличии бреши в 60 и более километров и перед лицом противника, который 30 декабря вклинился в наш фланг уже на глубину 50 километров, в сущности уже зашел нам в тыл (схема 14)!

Самое вредное воздействие нового метода управления войсками исходило от пагубного требования оказывать «фанатичное сопротивление» и «не уступать ни пяди земли». Разумеется, каждый фронтовик и сам знал, что часто нужно было держаться любой ценой, даже ценой больших потерь. 137-я пехотная дивизия доказала это в боях под Смоленском, Ельней и в лесах под Серпуховом, как и все войска в целом, занятые в Восточной кампании. Разумеется, солдат не понимал, когда ему десятки раз указывали на то, что вот эта «зимняя позиция» окончательная. С огромными, невыразимыми усилиями он взрывал мерзлую землю, чтобы оборудовать полевые позиции, блиндажи и огневые точки, а уже через несколько дней приходил новый приказ на отступление, хотя он успешно отбил все атаки противника. Он не мог понять, как можно было гнать в неподготовленную атаку по глубокому снегу обескровленные роты, насчитывавшие от 30 до 40 бойцов, при нехватке боеприпасов, при отсутствии штурмовых орудий и слабой противотанковой обороне, которая почти полностью была лишена мобильности,

¹ Запись в дневнике Штайскаля от 26.12.1941: «Справа от нас... уже в течение шести дней действует полицейский полк — они уже говорят о смене!»

Оборонительные бои под Калугой и на Угре

Битва за Калугу с 25 по 29 декабря 1941 г.

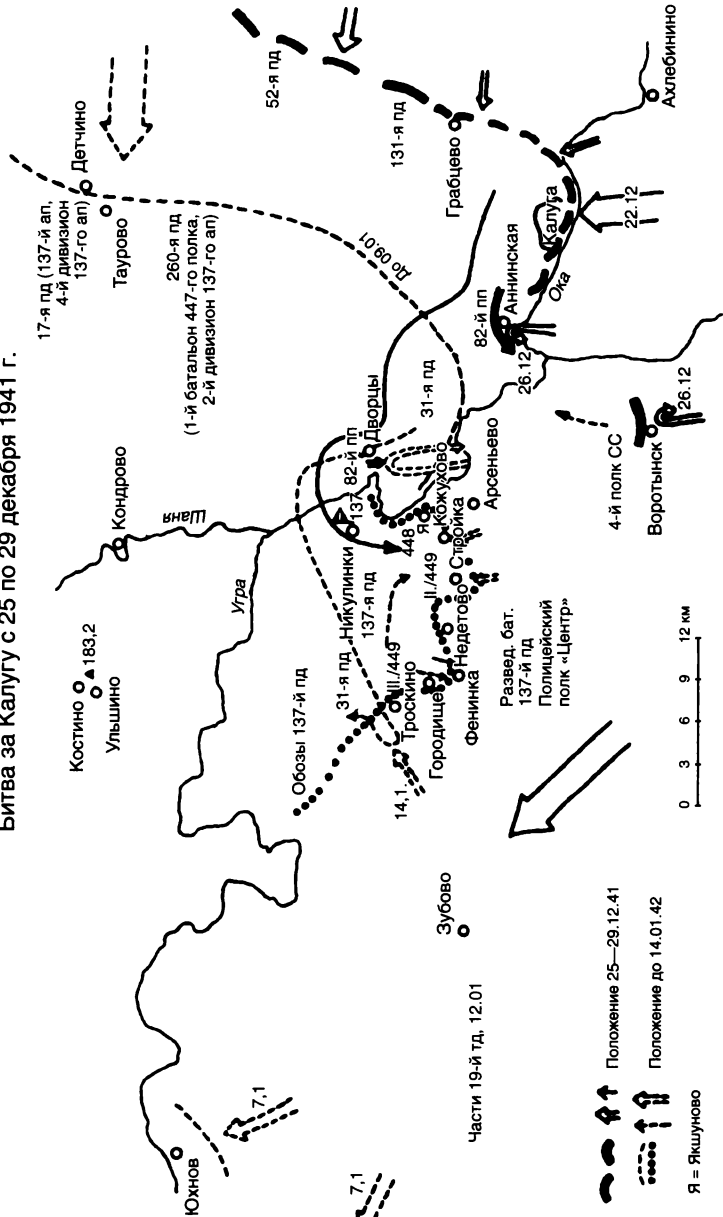

Схема 14

чтобы через день снова отступить, или, как с плохо завуалированными пропагандистскими целями сообщали в сводках вермахта, «отвести наши войска от противника» или «пробиться с боем назад».

Уже в первые недели декабря вера войск в искренность Верховного командования подверглась трудному испытанию. Тяжелое положение со снабжением войск, сложившееся осенью, позволяло полевой почте доставлять только письма. Посылки и газеты, отправленные в октябре, попали в войска только в декабре. И вот фронтовик читал сообщения о великой победе под Вязмой и Брянском со следующим комментарием: «Война в России является всего лишь прогулкой», в то время как он, с трудом пробиваясь сквозь снег и лед, пытался вырваться из смертельно опасного окружения!

Постепенно военные приказы наполняются содержанием, известным из немецкой политической пропаганды. Формально они превращаются в пустые фразы. Кто здесь остается еще в живых, становится богобоязненным, даже самые закоренелые грешные члены НСДАП. У «Езака» и «Казака» (евангелического и католического военных священников) много дел, и их мессы и проповеди воспринимаются как укрепление духовных сил¹.

Несмотря на все лишения и длительное перенапряжение, немецкий солдат Восточного фронта оставался морально не сломленным. Часто он был смертельно усталым, апатичным и иногда не справлялся с местными трудностями, но все еще сохранял доверие к своим офицерам и командирам. Он последовал за ними во время широко задуманного и хорошо организованного отхода, соблюдая образцовый порядок и верность долгу, так как уже сотни раз на собственном опыте убеждался, что в этом походе только постоянная сплоченность подразделения являлась самой надежной опорой для каждого отдельного бойца. И день отступления 24 декабря еще раз подтвердил это: ни один автомобиль, который мог еще двигаться, не остался на месте, ни один раненый товарищ не был брошен. И даже если раньше в кризисных ситуациях приходилось бросать большое количество военного имущества, как это случилось с военными складами в Калуге, то метод управления войсками Гитлера с его слишком

¹ Из дневника капитана Дихтля, командира хлебпекарной роты 137-й дивизии.

поздно отданными, но тем не менее ставшими необходимыми приказами на отход, с его опрометчивыми контратаками, обреченными на провал, стоил нам гораздо больше крови. Но прежде всего такие методы подрывали доверие к Верховному командованию.

Вот несколько выдержек на эту тему из личных дневников:

16.01.1942. Эти постоянные приказы и контрприказы угнетающе действуют на настроение личного состава — никто не знает, что же, собственно говоря, происходит. Нигде не видно давно обещанных резервов, справа и слева все те же самые старые дивизии, которые так же измотаны, как и наша собственная. Между ними время от времени появляются поспешно брошенные на передовую мелкие формирования из Германии, от которых нет никакой пользы и которые через день-два будут «проглочены»¹.

08.01.1942 начальник оперативного отдела дивизии майор Мейер-Детринг прибыл на командный пункт батальона и на лыжах обошел наши позиции. Мы слышали, что запланирована атака на деревню Недетово, и рассказали ему о наших сомнениях. Эта деревня была отделена от нашей деревушки крутым косогором, покрытым снегом, толщина покрова которого местами составляла более 1,2 метра. Майор Мейер-Детринг рассказал нам: «Из трех приказов на атаку, которые приходят сверху, два мы сразу отклоняем; что касается третьего приказа, то это было бы чистое неповиновение приказу». Но в душе мы очень надеялись, что он сможет отклонить и этот приказ. Так и случилось².

Наши соседи (82-й пехотный полк 31-й пехотной дивизии) испытывали похожие чувства, когда 12 января получили приказ атаковать в направлении деревни Зубово³.

После того как дивизии, входившие в состав 43-го армейского корпуса, вплоть до 29 декабря 1941 года успешно обороняли Калугу, полоса фронта 31-й и 131-й пехотных дивизий была отодвинута на 10—12 километров назад. 131-я пехотная дивизия была переброшена на западный берег реки Угра, где она с 2 по 16 января 1942 года осуществляла охранение фланга корпуса от атак противника с юга и юго-запада в полосе фронта шириной около 40 километров (схема 14). Часть этой протяженной обо-

¹ Журнал боевых действий 137-го артиллерийского полка.

² Из дневника лейтенанта Гоппельта, офицера для поручений 2-го батальона 449-го пехотного полка.

³ *Хосбах Ф.* Пехота в Восточной кампании. С. 188—192.

ронительной линии пришлось взять на себя даже нашему обозу под командованием квартирмейстера, второго офицера Генерального штаба дивизии, капитана Мюллера.

«Один боец ухаживает за 20 лошадьми, все остальные с оружием в руках должны отправиться на передовую... Я сам теперь командир отделения из 12 человек...» — так записал в своем дневнике 6 января 1942 года один унтер-офицер¹ и одновременно бухгалтер финансовой части.

Русская зима еще раз обрушилась на нас всей своей мощью:

2 января –30 °С Прибыли первые лыжи

4 января –32 °С

5 января –13 °С Обморожение у 15 человек

6 января –11 °С Метель

10 января –10 °С Метель

12 января –25 °С

19 января –23 °С

В ночь с 20 на 21 января –43° С. До сих пор самая холодная ночь².

Уже начиная с 20 декабря военные действия практически свелись исключительно к боям за населенные пункты. При таких погодных условиях редко удавалось строить полевые укрепления. Это происходило только тогда, когда мы несколько дней оставались на одной позиции, а саперы могли помочь нам взорвать промерзшую на метр землю. Снежные валы были всего лишь несовершенным вспомогательным средством. В глубине оборонительной позиции стояла только артиллерия и немногочисленные слабые резервы. Бойцы противотанковых частей и саперы часто сами были вынуждены удерживать отдельные участки линии охранения или оборонительного рубежа, так как из-за безвозвратных потерь убитыми и ранеными, а также из-за обморожений боевой состав пехоты сильно сократился.

Обеспечение обороны редкой линии охранения только в опорных пунктах предоставляло лучше оснащенным к зиме русским возможность просачиваться через нее. Часто это приводило к возникновению кризисных ситуаций, которые образцовым образом устранялись силами отдельных отважных бойцов, возвращавших потерянные позиции.

¹ Унтер-офицер Критч, штаб 449-го пехотного полка.

² Из дневника капитана Штайскаля, 1-й батальон 448-го пехотного полка.

Ночью противником был атакован поселок Арсеньево и оставлен нами (3-я рота). Фельдфебель Отте (командир взвода), будучи тяжелораненым, отстреливался из тяжелого пулемета, установленного в одном из домов, и прикрывал отход 3-й роты, пока не был погребен под руинами рухнувшего дома¹.

Поскольку вследствие своей естественной защиты от непогоды населенные пункты являлись ключевыми позициями как для атакующих, так и для обороняющихся, они сильно страдали в ходе ожесточенных боев. Везде, где могли, русские расстреливали из орудий покрытые соломой избы, в которых мы укрывались. Чтобы выжить, защитники должны были сжигать или разрушать населенные пункты в полосе обеспечения или при отступлении, так как в противном случае они стали бы для противника естественными исходными позициями для наступления.

И в других сферах война принимала необычные формы. Капитан Карренштайн свидетельствует:

2-я рота 448-го пехотного полка заняла деревню Якшуново. Она протянулась почти на 800 метров и под прямым углом упирается прямо в Угру, в нижней части ее пересекает глубокая балка². Там на левом фланге нашей позиции окопалась группа стрелков-мотоциклистов, без своих «железных коней» (2-я рота 53-го мотоциклетного батальона). Свирепые парни во главе с лейтенантом. Они подчинялись мне. Их часовые стояли на краю фруктового сада. Перед садом — заснеженное поле шириной около 1500 метров. За полем лес, в нем русские.

На командный пункт поступило донесение от стрелков-мотоциклистов. В сгустившихся сумерках к деревне почти на 300 метров приблизился русский разведчик, очевидно штатский. Часовой выстрелил в него и попал. Он лежит там в снегу. Я приказал, чтобы его нашли, когда совсем стемнеет. Когда я позднее обходил позиции, в этот момент вернулась поисковая группа. Они никого не нашли. «Промахнулся», — сказал я часовому, который между тем уже сменился. Однако часовой настаивал на том, что попал. Тогда я распорядился организовать еще один поиск на рассвете.

Едва начало светать, как на командном пункте зазвонил телефон. Телефонист доложил, что мотоциклисты нашли раненого.

¹ Из дневника Штайскаля, запись от 03.01.1942.

² Овраг, который разделяет очень многие деревни в России.

Когда я вошел в избу, то увидел, что на полу на одеяле лежала симпатичная девушка лет шестнадцати. Ее глаза лихорадочно блестя. От высокой температуры лицо покраснело. Пуля попала ей в бедро и раздробила кость. Видимо, она испытывала ужасную боль. Однако девушка была в сознании, она улыбнулась и поздоровалась со мной: «Гутен таг». Бойцы хлопотали около нее. Оказывается, вчера вечером поисковая группа не дошла до нее всего лишь несколько метров, а девушка не позвала их. Вскоре я отправил ее в тыл на санях, на которых нам привозили продовольствие.

Вечером мне позвонил командир полка полковник Фибиг и поздравил с «уловом». Девушка призналась, что является сотрудником военной разведки русских и что она получила задание разведать огневые позиции нашей артиллерии в долине реки Угра.

В период с 3 по 14 января 1942 года в подчинении дивизии находился целый ряд чужих воинских частей, которые храбро сражались и оказали ей существенную помощь при обороне протяженной линии охранения, при проведении контрударов и атак с ограниченной целью. Это были следующие подразделения:

1. Полицейский полк «Центр» с 32-м полицейским батальоном и полковыми подразделениями под командованием полковника полиции Монтуа, с 10 января — полковника полиции Шимана (03.01.1942—18.01.1942).

2. Тяжелый батальон «Вольф» — сводное соединение 20-й танковой дивизии, у которого уже не осталось боевых машин (03.01.1942—16.01.1942).

3. 2-я рота 53-го мотоциклетного батальона (03.01.1942—16.01.1942).

4. 3-й батальон 84-й пехотной дивизии (19.01.1942—21.01.1942).

5. Подразделения 4-го полка СС (11.01.1942—18.01.1942)¹.

6. Тяжелый дивизион 445-го артиллерийского полка (03.01.1942—09.01.1942).

7. 2-й дивизион 131-го артиллерийского полка (12.01.1942—16.01.1942).

Некоторое облегчение в период с 9 по 18 января принесла нам 31-я пехотная дивизия (с подразделениями 2-го батальона 447-го пехотного полка и 131-й пехотной дивизии), которая вы-

¹ Подробнее об этом полке рассказывается в конце данной главы.

двинулась из района у деревни Троскино для атаки в направлении на деревню Zubovo. Однако, несмотря на успешное начало, атака захлебнулась, так как и эта активная, смелая и очень дисциплинированная в походном движении дивизия была так же измотана, как и наша.

Благодаря этой передышке 137-й пехотной дивизии удалось атакой полицейского полка «Центр» и разведывательного батальона отбить у противника населенные пункты Городище и Фенинка.

В те дни командование дивизии неоднократно менялось. С полудня 21 декабря до 30 декабря 1941 года дивизией командовал полковник Гейне, с 30 декабря до своей болезни 6 января 1942 года — полковник Муль (до этого командир 133-го артиллерийского полка).

7 января 1942 года на командный пункт дивизии в деревне Никулинки прибыл только что назначенный новый командир дивизии генерал-майор Камеке, который в 20.30 принял командование дивизией. Ему пришлось приложить определенные усилия, чтобы через единственный узкий проход в окруженный с трех сторон котел добраться до своей новой дивизии. Ведь к этому времени русские уже вплотную подошли к Юхнову с юга и — прорвавшись с востока — находились всего лишь в 30 километрах севернее города.

Новый командир сразу всем сердцем привязался к своей дивизии.

«На своей новой должности я чувствую себя очень счастливо, хотя сейчас временами складывается не очень легкое положение», — отмечает он в письме своей жене от 8 января 1942 года.

5 января 1942 года дивизия, но прежде всего находившиеся при ней оба артиллерийских дивизиона (1-й и 3-й) испытали большую радость. В качестве первых выведенных из ее состава подразделений вернулись штаб 137-го артиллерийского полка и 2-й дивизион 137-го артиллерийского полка. Эта радость была взаимной, о чем свидетельствует журнал боевых действий 137-го артиллерийского полка:

04.01.1942 — в 12.30 после сердечного прощания с 4-м дивизионом (все еще остается в подчинении 17-й пехотной дивизии), который, надеемся, вскоре тоже последует за нами, штаб полка и штабная батарея выступают маршем. Мы возвращаемся домой, в свою родную дивизию! Мы чувствуем себя так, словно отправля-

емя в долгожданный отпуск. Чудесным зимним днем мы маршируем с песней и свистом.

05.01.1942 — около 17.00 командир полка прибывает в деревню Никулинки. Представление в штабе дивизии, где штаб полка приняли очень сердечно, так что у нас у всех действительно возникло такое чувство, что мы вернулись «домой».

На долю этой половины дивизионной артиллерии, отсутствие которой в эти более чем четыре недели ощущалось крайне болезненно, тоже выпали тяжкие испытания. Все это время, начиная с 5 декабря 1941 года, штаб 137-го артиллерийского полка под командованием полковника Кистнера вместе со штабной батареей и 4-м дивизионом под командованием майора запаса Айзенбергера подчинялись 17-й пехотной дивизии, которая вела тяжелые оборонительные и арьергардные бои между Протвой и Угрой. Полковник Кистнер командовал всей артиллерией 17-й пехотной дивизии вместо используемого по другому назначению командира 17-го артиллерийского полка. В этот период полковнику Кистнеру подчинялись:

2-й дивизион 137-го артиллерийского полка (с 05.12.1941 по 17.12.1941)

4-й дивизион 137-го артиллерийского полка (с 05.12.1941 по 04.01.1942)

1-й дивизион 17-го артиллерийского полка (с 05.12.1941 по 17.12.1941 и с 30.12.1941 по 04.01.1942)

3-й дивизион 17-го артиллерийского полка (с 05.12.1941 по 04.01.1942)

2-я рота 53-го (мот.) артиллерийского полка (с 05.12.1941 по 04.01.1942)

4-й дивизион 152-го артиллерийского полка (с 27.12.1941 по 28.12.1941 и с 01.12.1942 по 04.01.1942)

3-й дивизион 268-го артиллерийского полка (с 25.12.1941 по 29.12.1941 и с 30.12.1941 по 04.01.1942)

4-й дивизион 137-го артиллерийского полка был выведен из состава 17-й пехотной дивизии и возвращен в 137-ю пехотную дивизию только три недели спустя, 29 января 1942 года, а его артиллерийские расчеты, откомандированные в пехоту 17-й пехотной дивизии, вернулись в родной дивизион только в марте. В качестве зримого протеста против такой длительной задержки исполнения приказа о возвращении их в родной дивизион

все артиллеристы отпустили окладистые бороды! Этот дивизион понес тяжелые потери, самые тяжелые из всех четырех артиллерийских дивизионов дивизии, из офицеров в строю осталось только четверо. До 5 января 1942 года из своих двенадцати тяжелых гаубиц они смогли сохранить одиннадцать, а за следующие три недели из-за полного истощения лошадей и частых поломок муфт дышла дивизион потерял семь из них. Невзгоды русской зимы при отступлении под давлением противника еще больше усилились, так как «из-за возникшей в последние дни вследствие противоречивых приказов неразберихи лошади совсем не отдыхали»¹. Существенная нехватка боеприпасов, прежде всего снарядов для тяжелых полевых гаубиц, а также полное отсутствие снабжения телефонными кабелями и рациями очень сильно затрудняли использование артиллерии в бою.

Состояние лошадей, за которыми неустанно ухаживал наш ветеринар доктор Криг, трогало до глубины души даже тех, кто не имел непосредственного отношения к лошадям².

В последние дни декабря 1941 года во время ночной смены позиции, когда мы шли маршем по широкой дороге, ведущей в село Недельное, мы встретили колонну 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка. Даже сегодня я не могу без жалости вспоминать бедных, когда-то сильных упряжных лошадей. На их впалых боках проступали ребра, и просто чудо, что они могли еще тянуть за собой тяжелые орудия, мерно ступая по разбитой дороге. Я думаю, что уже несколько недель они не получали по целой кормушке сена и полагающейся им мере овса, а обычные еловые ветки могли насытить разве что наших жалких лошадеенок, а не чистокровных рейнских тяжеловозов.

2-й дивизион 137-го артиллерийского полка (майор Доллингер) после расставания со штабом своего полка числился в течение одного дня в резерве 13-го армейского корпуса. Затем, с 17 декабря 1941 по 4 января 1942 года, он был подчинен 260-й пехотной дивизии и сражался в ее рядах вместе с 447-м пехотным полком и формированиями войск СС (Парсеваль) в районе между реками Протва и Угра. В этих ожесточенных боях

¹ Журнал боевых действий 137-го артиллерийского полка, запись от 19.12.1941.

² Из воспоминаний майора Шойрена, 1-й батальон 447-го пехотного полка.

дивизион понес тяжелые потери в живой силе и технике. Следующая запись в дневнике командира дивизиона свидетельствует о том, как дивизион провел Рождество 1941 года:

Эсэсовцы, как раз возвращающиеся с большого рождественского праздника, избавляются от всего лишнего перед маршем. Все подарки, полученные с родины к Рождеству: отличные шерстяные носки, теплое нижнее белье, фотоаппараты, множество особенно ценных здесь мелочей, прежде всего незаменимые теплые вещи — буквально все послушно и даже с восторгом складывается в кучу, которая растет прямо на глазах. Потом эту кучу ценных вещей обливают бензином и сжигают дотла. Как бы нам пригодилось многое из того, что сейчас пылает ярким пламенем! Удивительное глубокое уважение перед этим героическим поступком удерживает наши дрожащие пальцы от того, чтобы попытаться хотя бы прикоснуться к этому великолепию, обреченному на уничтожение. В глубоком смущении мы стоим вокруг догорающего костра. При этом мы с особой остротой осознаем свою оторванность от далекой родины, так как до нас не доходит полевая почта (с рождественскими поздравлениями).

Так мы проводим рождественский сочельник в каком-то промерзшем вонючем хлеву под непрекращающимся минометным обстрелом, не имея никакого курева. От безысходности некоторые пытаются курить какую-то не поддающуюся определению траву. Смена позиции происходит почти ежедневно. Приходится оставлять все больше телефонных кабелей.

Незадолго до возвращения в 137-ю пехотную дивизию, 2 января 1942 года, погиб известный повсюду своей выдающейся меткостью стрельбы и особенно уважаемый пехотой командир 4-й батареи капитан Тренквитц, один из старослужащих 137-го артиллерийского полка, который вместе со своим полком принимал участие еще в военных походах в Польшу и Францию. Тем самым выбыли из строя все командиры батарей 2-го дивизиона. Оставшиеся средства связи и кадровый состав делали правильное управление огнем невозможным. А так как из-за ослабевших от голода и совсем измученных лошадей пришлось оставить и взорвать два орудия, то командир дивизиона отдал решительный приказ о распределении личного состава дивизиона между двумя батареями. Это была вынужденная мера, которую канониры восприняли очень тяжело. Подразделения снабжения, доставлявшие на батареи боеприпасы, еще раньше были

преобразованы в санные колонны, в которых в каждые сани была запряжена только одна лошадь. Одной из заново сформированных батарей командовал особенно уважаемый пехотой опытный передовой наблюдатель лейтенант Хандке, фамилия которого была внесена в почетный список германских сухопутных сил.

В крайне тяжелое положение попали подразделения 137-й пехотной дивизии (137-го артиллерийского полка) и 447-й пехотный полк, которые использовались по отдельности в составе 13-го армейского корпуса, когда 23 декабря русские ворвались на южный фланг корпуса, из-за недостатка сил охранявшийся лишь малочисленными сторожевыми дозорами. Корпусу пришлось в боях отвоевывать путь к отступлению по шоссе Калуга—Малоярославец. Это была та же самая вражеская группировка, которая 24 декабря угрожала ударом с тыла главным силам 137-й пехотной дивизии, стоявшим южнее Оки¹.

Тяжелые недели в период расставания с дивизией пережил также и 447-й пехотный полк. Он был оторван от основных сил дивизии дважды, первый раз с 15 декабря 1941 года по 31 января 1942 года, а затем с 1 февраля по 11 февраля 1942 года, то есть в общей сложности восемь недель. 15 декабря 1941 года во время оборонительных боев на реке Нара в его состав входили:

штаб полка во главе с подполковником Мундорффом, который 21 января заболел, но до февраля 1942 года оставался вместе со своим полком; штабная рота;

1-й батальон (капитан Шойрен), в состав которого были включены и подразделения расформированного 3-го батальона;

2-й батальон (обер-лейтенант Кох), сильно ослабленный с 11 ноября;

13-я рота (без 1-го взвода) и 14-я рота без орудий.

Все обозы, за исключением легких боевых обозов, были отправлены в тыл. Ставшие обузой из-за слишком глубокого снежного покрова 50 самокатов остались во 2-й роте.

Но даже это ослабленное соединение, боевой состав которого составлял всего лишь около 600 бойцов, было раздроблено. Половина 2-го батальона под командованием обер-лейтенанта Коха была направлена в поселок Детчино для охраны железной дороги. Позднее эта половина батальона присоединилась к дивизии в Калуге. Остатки 2-го батальона были включены в состав 1-го ба-

¹ Эта вражеская группировка в ночь с 25 на 26 декабря уничтожила у деревни Ширяево (в 20 километрах севернее Калуги) около 200 транспортных средств, часть которых принадлежали 137-й дивизии. Эти автомобили отводились в тыл на север (из дневника майора Нойбахера).

тальона 447-го пехотного полка. Усиленный 1-й батальон, подчиненный с 16 декабря 260-й пехотной дивизии, с 22.40 17 декабря был брошен в бой у деревни Льгово, в 13 километрах северо-западнее города Таруса. Вплоть до 30 января 1942 года батальон (боевой состав сначала 500 человек, в конце всего лишь 140) отступал в условиях суровой русской зимы, пройдя с боями более 100 километров. Все это время батальон сражался частично как самостоятельная боевая группа, частично в составе одного из пехотных полков 260-й пехотной дивизии. Он многократно направлялся в самые горячие точки фронта 13-го армейского корпуса, такие как: с 18 по 22 декабря 1941 года у деревни Льгово, с 24 по 26 декабря у деревни Татарское, с 1 по 8 января 1942 года в районе Детчино—Таурово и с 21 по 27 января в городе Кондрово и в районе Ульшино—Костино (высота 183,2).

О том, что представляли собой обещанные подкрепления, прибывавшие на фронт, где шли ожесточенные бои, свидетельствуют воспоминания командира батальона:

Накануне памятного Рождества 1941 года на мой командный пункт в деревне Татарское прибыло несколько отделений с тяжелым вооружением из батальона Витцтума 4-го полка СС, чтобы помочь нам при обороне деревни. После нашего осеннего наступления 4-й полк СС был передислоцирован в Западную Галицию для пополнения и отдыха. Бойцов, находившихся в прекрасной физической форме и предусмотрительно экипированных для зимних условий, перебросили на самолете из Кракова в Малоярославец (у некоторых из них в кармане был отпускной билет до Кёльна на рождественские каникулы), а оттуда доставили на грузовиках к нам, в нашу снежную пустыню. Еще никогда прежде мне так не бросалась в глаза разница между подразделением, ведущим в течение нескольких месяцев тяжелейшие бои, и свежим подразделением, только что прибывшим с родины, как в тот рождественский сочельник. Но и никогда прежде я не убеждался так быстро и таким страшным образом в бессмысленности подобного мероприятия, когда неподготовленное подразделение, даже если оно и было хорошо оснащено материально, бросалось бы из благополучия западной цивилизации в такие сложные боевые условия. 24 часа спустя из этих великолепных бойцов на позициях не осталось ни одного человека. В своем тяжелом обмундировании — а они все были одеты в толстые шоферские пальто на теплой подкладке — при 35-градусном морозе и метровых сугробах они были слишком неповоротливыми, чтобы сдерживать русских, которые были

одеты в белые маскировочные халаты и шли в атаку на лыжах. Утром на рассвете они оказались захвачены врасплох, и если бы мои последние резервы вместе со штабом батальона и 14-й ротой под командованием лейтенанта Каппля не бросились в контратаку, нам бы пришлось оставить деревню Татарское.

Как в таких кризисных ситуациях делалось все, что в силах человека, чтобы спасти раненых, свидетельствует приведенный ниже рассказ одного из бойцов¹ взвода автоперевозки раненых 1-й санитарной роты 137-й дивизии. Этот боец был откомандирован в 1-й батальон 447-го пехотного полка в качестве санитара, после того как его санитарный автомобиль не удалось вытащить из глубокого снега:

1-й батальон 447-го пехотного полка дислоцировался тогда в деревне Татарское. Поскольку мы могли вывозить раненых на санках только по ночам, то во второй половине дня 25 декабря у нас уже скопилось много раненых, которых мы уложили в большой избе на солому. В то время в деревню только что прибыло подразделение эсэсовцев, которое было переброшено на Восточный фронт по воздуху из Кракова. Я стоял у окна, снаружи почти не доносился шум боя. В этот момент я увидел, как мимо нашего дома пробегает какой-то эсэсовец. Тогда я говорю скорее самому себе: «Однако он, кажется, здорово спешит». Наш обер-лейтенант медицинской службы спрашивает меня: «Кого ты имеешь в виду?»

В эту минуту мимо дома пробегает еще один эсэсовец с пулеметом на плече. «Да эти парни дают деру!» — кричит военврач, хватая одну из винтовок К98, выбегает с ней на улицу и кричит на эсэсовца: «Немедленно занимай здесь позицию со своим пулеметом, у нас целый дом битком набит ранеными, его надо удерживать любой ценой!» Поскольку эсэсовец останавливается не сразу, доктор направляет на него свою К98, и это сразу подействовало.

Тем временем командир батальона с пистолетом в руке гонит перед собой тех эсэсовцев, которые только что пробежали мимо нашего дома. Он заставляет их занять позицию перед нашим домом с ранеными. Когда раненые услышали, что происходит, они начали, подняв руки, просить нас не оставлять их в беде. Между тем пулемет был уже установлен на исходную позицию, а мы, стрелки, залегли вокруг дома, заняв круговую оборону и приготовив ивану теплый прием. После того как пулеметчик и мы открыли

¹ Унтер-офицер Антон Брахингер.

огонь по наступавшим русским, который поддержали наши товарищи на другой стороне улицы, русская атака захлебнулась. Поскольку в этот момент пулеметчик стал громко звать санитаря, я спрятал свою винтовку с примкнутым штыком за печку в доме для раненых и поспешил к раненому эсэсовцу. Оказав ему первую помощь, я с помощью другого санитаря затащил раненого в дом. Когда я после этого хотел снова вытащить свою винтовку из-за печки, там ее уже не было. В такие напряженные моменты обладатели пистолетов всегда стремились раздобыть себе К98. Но у меня не было времени раздумывать об этом, так как снаружи снова позвали санитаря. Тем временем на деревенской улице появилось наше штурмовое орудие, с помощью которого в ходе стремительной контратаки русские были отброшены назад. Наш доктор с винтовкой в руках тоже бросился в контратаку, в которой он получил сквозное ранение в бедро. Чтобы скорее привозить раненых в наш дом, я раздобыл себе большие санки.

04.01.1942 — не осталось ни одной противотанковой пушки и ни одного пехотного орудия; у нас только 6 легких пулеметов, 4 тяжелых пулемета, 2 легких миномета; нет тяжелых шанцевых инструментов. Бойцы валяются с ног от усталости, земля промерзла на метр и стала как стекло. Когда все это закончится?¹

Переформированная 12 января в две роты и время от времени пополняемая выздоравливающими бойцами боевая группа Шойрена, которая 20 января была усилена полковым взводом связи, надеется на скорое возвращение в свою 137-ю пехотную дивизию, о чем неустанно хлопочут подполковник Мундорфф и его адъютант, старший лейтенант Фогт. Наконец, 30 января 1942 года эта мечта — к сожалению, всего лишь на несколько часов — исполнилась, когда радостно приветствуемый всеми командир батальона доложил о своем возвращении на командном пункте дивизии. Командир 260-й пехотной дивизии попросился с боевой группой Шойрена в следующем приказе:

260-я пехотная дивизия

КП дивизии, 30.01.1942

1-му батальону 447-го пехотного полка

1-й батальон и подразделения 2-го батальона 447-го пехотного полка с 15 декабря 1941 года были подчинены 260-й пехотной дивизии и сегодня выбывают из состава дивизии.

¹ Запись в дневнике капитана Шойрена.

За это время батальон под отличным, осмотрительным командованием своего командира капитана Шойрена превосходно зарекомендовал себя в ожесточенных оборонительных боях против превосходящих сил противника, в тяжелейших погодных условиях. Он особо отличился в критических ситуациях во время боев за деревни Льгово и Аулово и в значительной мере способствовал тому, что удалось предотвратить прорыв многократно превосходящих сил противника.

Я выражаю командиру батальона, всем его храбрым офицерам и солдатам свою особую признательность и благодарность и желаю батальону в дальнейшем солдатского счастья.

Подписал: *Гам, полковник*

После примерно двух недель оборонительных боев на переднем крае обороны (схема 14) началось новое отступление до большой излучины Угры в 20 километрах восточнее Юхнова. На этом рубеже дивизия вела оборону начиная с 20 января 1942 года. Между 18 и 20 января несколько раз возникали сложные ситуации, когда противник атаковал наши подразделения прикрытия, но, к нашему счастью, у русских не было артиллерии. Зато у него не было недостатка в минометах. Одним из побочных явлений тесного смыкания линии фронта и пересечения путей отхода дивизий в полосе действия соседей явилась катастрофическая нехватка мест расквартирования. Часто приходилось проводить ночи стоя или тесно набившись в примитивные избы, словно селедки в бочке. Опасное распространение получил педикулез; спустя четыре недели были зарегистрированы первые случаи заболевания сыпным тифом¹. К сожалению, из-за трудностей с эвакуацией больных в тыловые госпитали число смертных случаев среди больных в последующие недели существенно выросло.

¹ Запись в дневнике Штайскаля: 14 февраля 1942 года четыре случая заболевания сыпным тифом в 1-м батальоне 448-го пехотного полка.

Глава 10

ЗИМНЕЕ СРАЖЕНИЕ ПОД ЮХНОВОМ

21 января — 18 апреля 1942 года

Когда 137-я пехотная дивизия снова объединила под командованием генерал-майора Камеке почти все свои существовавшие на тот момент воинские части, под давлением происходивших трагических событий и при отсутствии каких-либо резервов¹ Верховного командования начались новые дополнительные испытания для германских войск, сильно измотанных в последних кровопролитных боях.

23 января дивизии пришлось расстаться со своим прекрасно зарекомендовавшим себя во многих сражениях командиром артиллерийского полка полковником Кистнером, который с 12 января 1942 года был назначен начальником 147-го артиллерийского командования. Конечно, это была почетная должность, но все в дивизии сожалели, что он получил новое назначение. Его преемник, подполковник фон Калиновски, быстро освоился на новом месте в трудных фронтовых условиях, хотя уже 26 января он получил новое задание, которое имело мало общего с руководством артиллерией дивизии. С 26 по 29 января 1942 года ему было поручено командовать обороной восточного сектора фронта дивизии в районе большой петли Угры. Для этого ему были подчинены 3-й батальон 448-го пехотного полка (вплоть до 27 января 1942 года), саперный батальон, разведывательный батальон², истребительно-противотанковый батальон и 1-й дивизион 137-го артиллерийского полка. Этот участок фронта оставался

¹ Войска слишком охотно верили слухам о «белой» армии генерал-полковника Бласковица, которая якобы была полностью экипирована зимним снаряжением и высланные вперед команды которой уже якобы прибыли в Юхнов из Франции! (Журнал боевых действий 137-го артиллерийского полка.)

² Здесь 22 января погиб пятый за последние семь месяцев командир эскадрона разведывательного батальона лейтенант Линднер (по сообщению доктора Грюнвальда).

спокойным, не считая нескольких атак противника на южном фланге.

Тем временем главные силы дивизии были побатальонно отведены через Юхнов и дислоцированы в 15—20 километрах юго-западнее города, но, к сожалению, сначала они были полностью раздроблены. Здесь положение развивалось чрезвычайно серьезно (схема 15).

Два вражеских прорыва ввергли 4-ю армию, которой теперь командовал генерал пехоты Хейнрици, в довольно опасное положение. Ее главная жизненная артерия, шоссе Рославль—Юхнов, в северном направлении была уже пересечена 1-м гвардейским кавалерийским корпусом генерала Белова. Очевидно, он стремился соединиться с парашютно-десантными подразделениями, которые сбрасывались в районе севернее шоссе, начиная с начала января и вплоть до начала февраля. Подготовкой площадок для приема десантников и их охраной занимались партизаны. Это был тот район, для тщательной зачистки которого в октябре 1941 года 137-я пехотная дивизия не получила достаточно времени.

Самое опасное место на шоссе находилось у деревни Барсуки (в 20 километрах юго-западнее Юхнова). Продвинувшиеся по речной долине вдоль замерзшей речки Лидия (схема 16) подразделения русской 10-й армии временами держали здесь шоссе под прицельным огнем своего стрелкового оружия. К юго-западу от этого места держала оборону сильно растянутая 10-я пехотная дивизия (моторизованная), а северо-восточнее занимала позиции 19-я танковая дивизия, которая сдерживала противника всего лишь в нескольких километрах от шоссе. Русские, окружившие Юхнов с трех сторон и находившиеся в радиусе 15—20 километров от города, пытались взять его штурмом. А как нам было известно, в тот момент в городе находилось более 2500 одних только раненых немецких солдат.

Здесь следует добрым словом вспомнить транспортные эскадрильи люфтваффе, которые на своих «Юнкерсах» (Ю-52) летали на бреющем полете над шоссе и в тяжелейших условиях приземлялись в Юхнове. Они были верными товарищами для обескровленных пехотных дивизий, доставляя так необходимые им боеприпасы и вывозя раненых.

Севернее Юхнова на запад прорвались формирования русской 33-й армии. В довершение всего с севера к городу Вязьма приближался русский кавалерийский корпус Белова.

Единственным просветом в эти мрачные дни было деблокирование соединениями 2-й танковой армии группы фон Гильза

Зимнее сражение под Юхновом

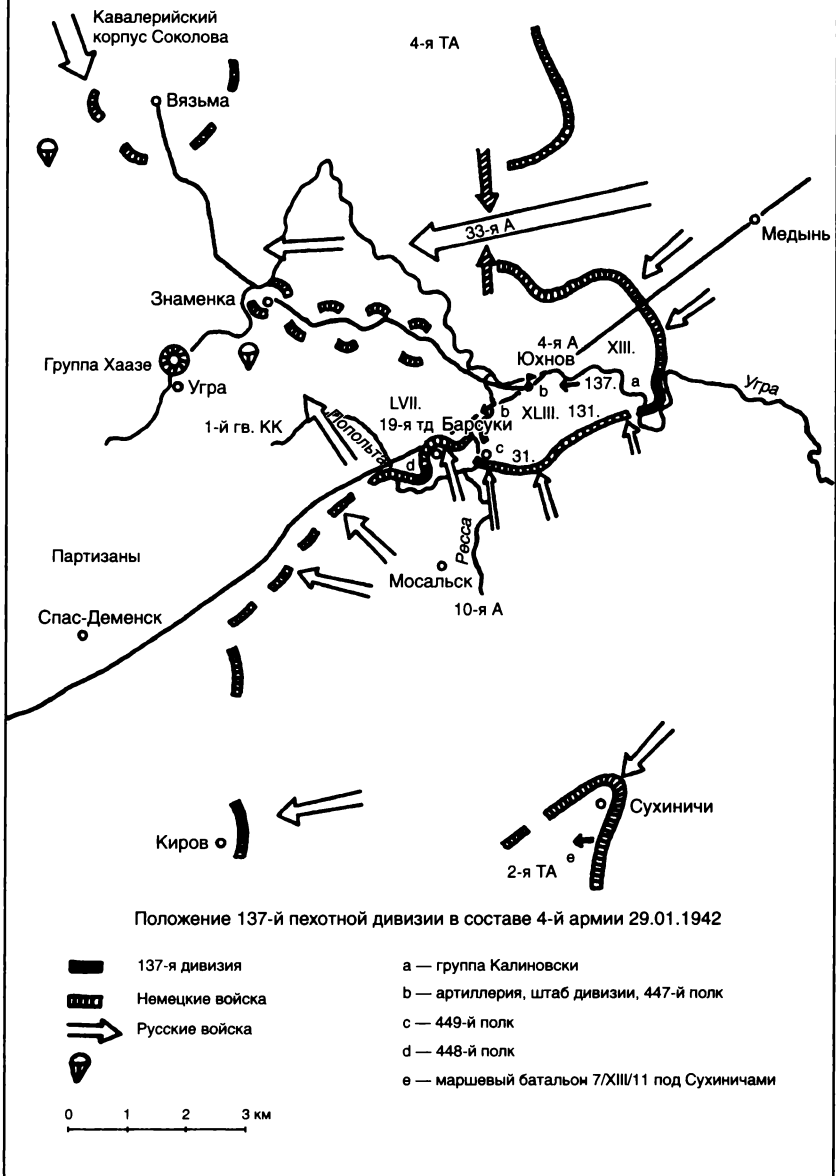

Схема 15

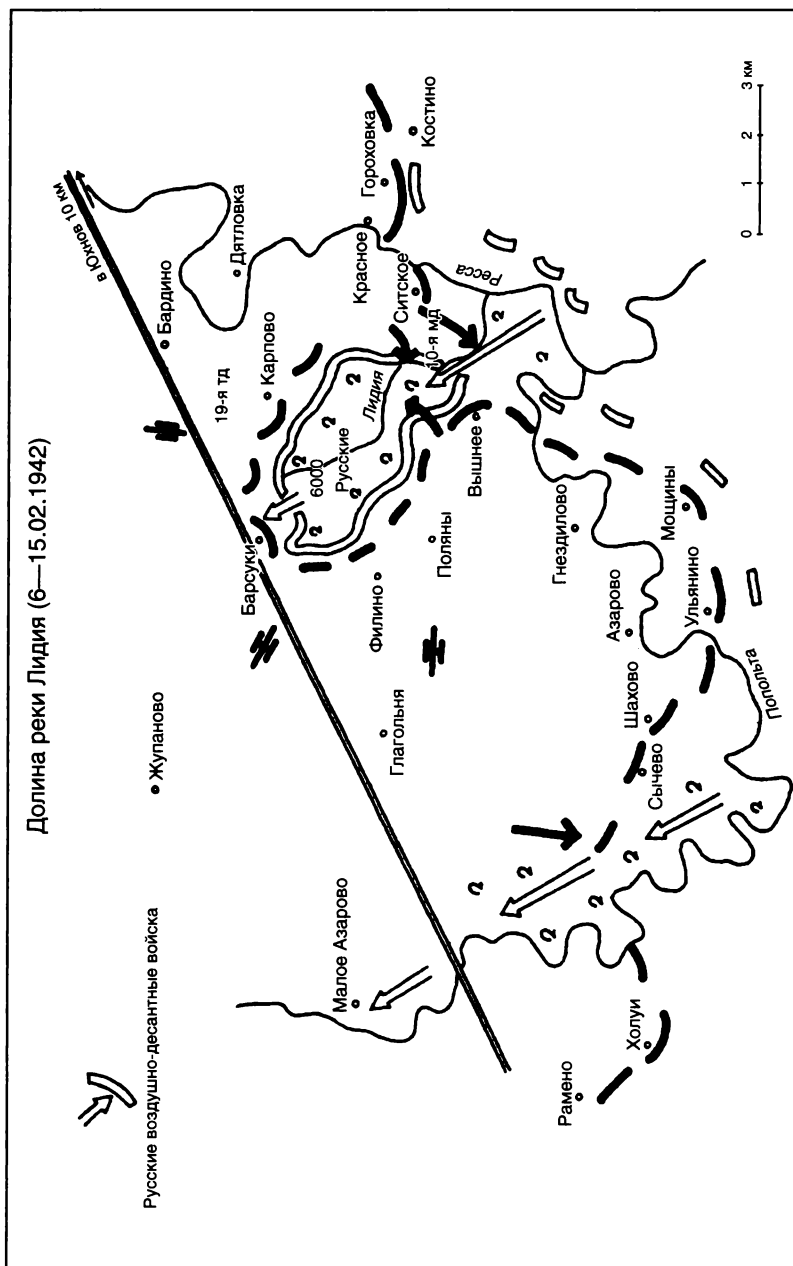

Схема 16

(около четырех тысяч бойцов 216-й пехотной дивизии), окруженной в районе города Сухиничи. Среди окруженных войск находились и две маршевые роты с таким нужным пополнением для 137-й пехотной дивизии, которое она, к сожалению, так никогда и не получила. Один из боевых товарищей¹ записал в свой дневник:

После моего излечения (от ранения) я попал в город Крумау²... 10 декабря 1941 года вместе с 7-й маршевой ротой 13-го армейского корпуса (маршевый батальон капитана Денкмайера) нас снова направили на фронт — конечная цель — 137-я пехотная дивизия. 27 декабря 1941 года наш эшелон прибыл в город Сухиничи, и здесь мы сразу попали в окружение.

Сразу же после нашего прибытия³ со станции в сторону Калуги отправился состав с артиллерией (пополнение для нашей дивизии). Примерно через полчаса мы слышали громкий шум боя, который доносился со стороны железнодорожной линии на Калугу. Через некоторое время на станцию вернулись некоторые артиллеристы из того эшелона, который совсем недавно отправился в сторону Калуги. Они совершенно выбились из сил и рассказали, что русские захватили следующую железнодорожную станцию (примерно в 4 километрах от Сухиничей) и там напали на их эшелон. Кто не мог защищаться и не смог пробиться назад, имел мало шансов остаться в живых. Ведь артиллеристы, как и мы, являлись пополнением, поэтому только каждый четвертый из них имел личное оружие для обеспечения охраны эшелона. По этой причине они не могли оказать противнику достойного сопротивления. Эта ситуация показалась нам совершенно непонятной, так как линия фронта проходила как минимум в 80 километрах от нас. Раздача пищи была тотчас прервана, и нас выгрузили из вагонов. Каждому из нас вручили трофейный карабин с патронами. Все это быстро организовал генерал⁴, который находился в то время в Сухиничах. Наш маршевый батальон был разделен на два отряда, и ему было поручено занять два населенных пункта, которые находились в нескольких километрах от Сухиничей по обе стороны от железнодорожной линии на Калугу...

Во вторую ночь давление русских усилилось, и на рассвете нас отвели назад в Сухиничи. Там мы заняли позицию на окраине

¹ Густав Винтер, унтер-офицер медицинской службы, штаб 1-го батальона 447-го пехотного полка (выдержка из дневника).

² Городок в Верхней Австрии. (*Примеч. пер.*)

³ Из воспоминаний Альфреда Шёберля, 12-я рота 449-го пехотного полка.

⁴ Фон Гильза.

города и стали ждать окружения, которое и произошло в новогоднюю ночь...¹

4 января поступил первый приказ фюрера: надо удержать Сухиничи любой ценой, это важный железнодорожный узел. Самолеты люфтваффе ежедневно сбрасывали нам продукты, оружие и боеприпасы, а истребители и пикирующие бомбардировщики в течение дня не давали русским передышки. И лишь по ночам нам приходилось рассчитывать только на самих себя. Уже в первом «приказе фюрера» говорилось, что пополнение спешит нам на помощь. Но как бы сильно мы ни прислушивались, с запада не доносилось ничего обнадеживающего. Так проходили дни и ночи при более или менее настойчивых атаках русских в ночное время. Людские потери в ходе боев и в не меньшей степени из-за обморожений постоянно росли, и в нашей оборонительной цепи все чаще появлялись бреши. У нас не было никакого пополнения. Так мы держались, пока 20 января не пришла радиограмма, что к нам на помощь идет танковая группа Моделя, чтобы прорвать кольцо окружения. Из-за перенесенных лишений в этом котле нас уже ничто не могло тронуть, и мы уже слабо надеялись на помощь извне. Нам уже и прежде много раз обещали нечто подобное, но обещания так и оставались обещаниями. Однако 24 января дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Радиограммой нам сообщили, что упомянутая танковая группа пытается пробиться к нам и находится уже в 9 километрах от нашего котла. Нам надо было сформировать штурмовую группу, чтобы вечером установить связь с танкистами. Это сообщение придало новые силы тем боевым товарищам из маршевого батальона, кто еще оставался в живых. Кто бы из них не захотел добровольно записаться в штурмовую группу? В 21.30 первые танки уже входили в Сухиничи.

29 января мы окончательно вышли из котла, но вот только так и не попали в 137-ю дивизию. Остатки 6-й и 7-й маршевых рот были направлены в 216-ю пехотную дивизию (в 396-й пехотный полк)².

Следующая добрая весть поступила 3 февраля: в ходе контратаки удалось закрыть брешь севернее Юхнова между 4-й армией и 4-й танковой армией.

Хотя положение тогда и выглядело опасным, да и на самом деле было таковым, но русское командование не смогло воспользоваться своим преимуществом. Шаг за шагом нам удалось

¹ Согласно данным Якобсена/Ровера, это произошло только 3 января 1942 года.

² Из дневника Густава Винтера, 1-й батальон 447-го пехотного полка.

устранить очаг напряженности и укрепить слабые места. Но это потребовало от измотанных войск приложения огромных усилий.

Первый эшелон 137-й пехотной дивизии, который 23 января был высвобожден с участка фронта на Угре, состоял из 449-го пехотного полка с двумя очень слабыми батальонами (2-м и 3-м)¹ и 2-го дивизиона 137-го артиллерийского полка с подчиненной ему 9-й батареей. Поскольку вместо заболевшего 28 января адъютанта дивизии майора Нойбахера в штаб дивизии был вызван командир 3-го дивизиона 137-го артиллерийского полка майор Райндль, полк поручил 1-му и 2-му дивизионам временно командовать батареями 3-го дивизиона. К этому времени артиллерийский полк имел в своем распоряжении следующее количество готовых к бою орудий:

- 1-й дивизион — 7 орудий,
- 2-й дивизион — 6 орудий,
- 3-й дивизион — 5 орудий,
- 4-й дивизион — 4 орудия.

Большинство повреждений возникало в системе воздушных накатников. Так, например, 11 января 3-й дивизион погрузил на железнодорожные платформы на станции города Кондрово пять орудий с повреждениями такого типа. Около 15 орудий артиллерийского полка пришлось взорвать при отступлении из-за истощения лошадей, а 1-й дивизион потерял два орудия во время боя с русскими танками под Калугой.

По приказу вышестоящих командных инстанций первый эшелон дивизии был задействован следующим образом:

3-й батальон 449-го пехотного полка — для атаки на позиции прорвавшихся русских в деревне Дятловке, юго-западнее Юхнова, которая после потери 23 бойцов захлебнулась; потом для охраны деревни Барсуки на шоссе под командованием 19-й танковой дивизии. В батальоне осталось всего лишь три офицера, включая штаб батальона.

9-я батарея стояла на северной окраине Юхнова с направлением стрельбы северо-запад. 2-й дивизион 137-го артиллерийского полка передислоцировался по шоссе на запад к деревне

¹ Заменены 1-м батальоном 448-го пехотного полка и одной саперной ротой. Запись в дневнике Штайскаля от 23.01.1942: «Мы должны закрыть участок фронта шириной 4 километра, имея в своем распоряжении всего лишь 160 бойцов и 60 саперов».

Бардино, в полосу действия 19-й танковой дивизии, где он оставался до 5 февраля.

2-й батальон 449-го пехотного полка под командованием капитана Малкса был отведен из Юхнова на юго-западный фланг 31-й дивизии (17-й пехотный полк). Его боевой состав в момент прибытия составлял 7 офицеров и 137 бойцов¹, после трехнедельного подчинения другой дивизии и выбытия 23 бойцов убитыми и ранеными и 15 человек в результате обморожения в батальоне осталось 105 человек. В журнале боевых действий батальона имеются следующие записи этого периода (выборочно):

25.01.1942. При поддержке 50-мм противотанковой пушки 5-я рота занимает до 9.30 восточную окраину деревни Гороховки. В ложине остаются лежать около 70 убитых русских... 6-я рота отправляется на усиление подразделений 2-го батальона 17-го пехотного полка, охраняющих южную окраину деревни. Дозоры 7-й роты принимают на себя охранение долины реки Ресса. 26 января сама рота переводится в деревню Красное; оттуда возможна смена постов без воздействия противника.

27.01.1942. Дозоры охранения 7-й роты опрокинуты русской атакой и отброшены в Красное. После точной артиллерийской подготовки из тяжелых минометов и артиллерии 7-я рота в ходе контратаки возвращает прежнюю линию охранения.

29.01.1942. Ближе к вечеру русские занимают деревню Костино², поэтому 5-я и 6-я роты вынуждены по очереди прекращать охранение на опушке леса севернее деревни Костино.

31.01.1942. В 3 часа ночи отбита атака силой до одной роты на участке 5-й роты.

04.02.1942. В 3 часа ночи отбита атака силой до одной роты на участке 6-й роты. На поле боя русские оставили 25 убитых.

06.02.1942. В 3 часа ночи отражена атака силой до двух русских рот на участке 6-й роты. Противник оставил на поле боя 45 убитых.

В 15.00 в лесу, примерно в 100 метрах от своей линии охранения, 7-я рота пулеметным и минометным огнем разбивает исходную позицию русских численностью до 150 человек.

08.02.1942. Около 20 русских попытались перейти реку Ресса у деревни Ситское. Все они были уничтожены.

¹ Хосбах Ф. Пехота в Восточной кампании. С. 202.

² Деревню оборонял истребительно-противотанковый батальон 31-й пехотной дивизии.

Командир дивизии генерал-лейтенант Бергманн

Генерал-лейтенант Камеке

Памятный обелиск в Ягенбахе в честь формирования 2-го батальона 448-го пехотного полка

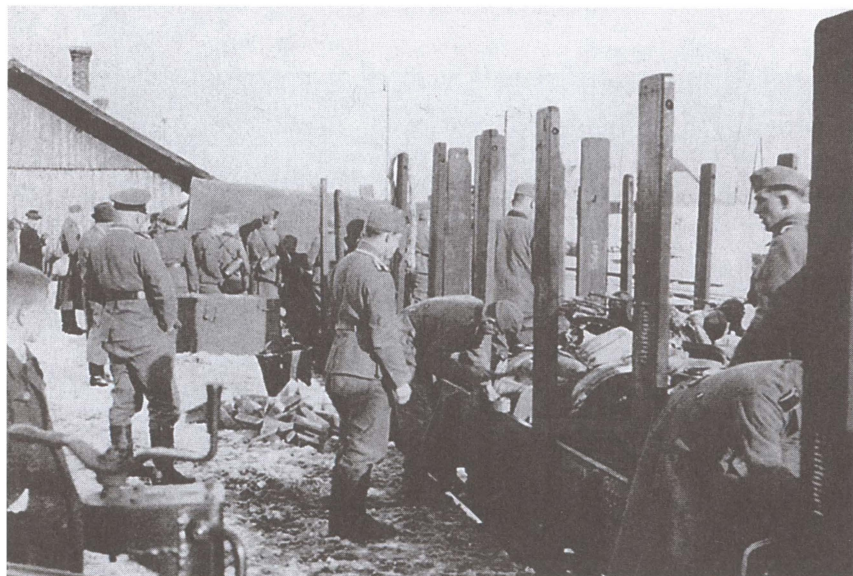
Штаб-квартира дивизии в Розенбурге-на-Кампе, Нижняя Австрия

Учения артиллеристов. Дёллерсхайм, 21.01.1941

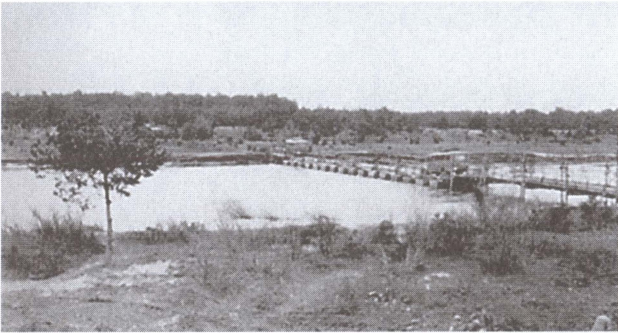
Генерал Бергманн принимает парад в день вермахта. Рид, Верхняя Австрия

Погрузка на железнодорожные платформы для отправки дивизии на восток. Вокзал города Рид, 24.03.1941

Лицманштадт
(Лодзь), площадь
Дойчландплац.
Апрель 1941 г.

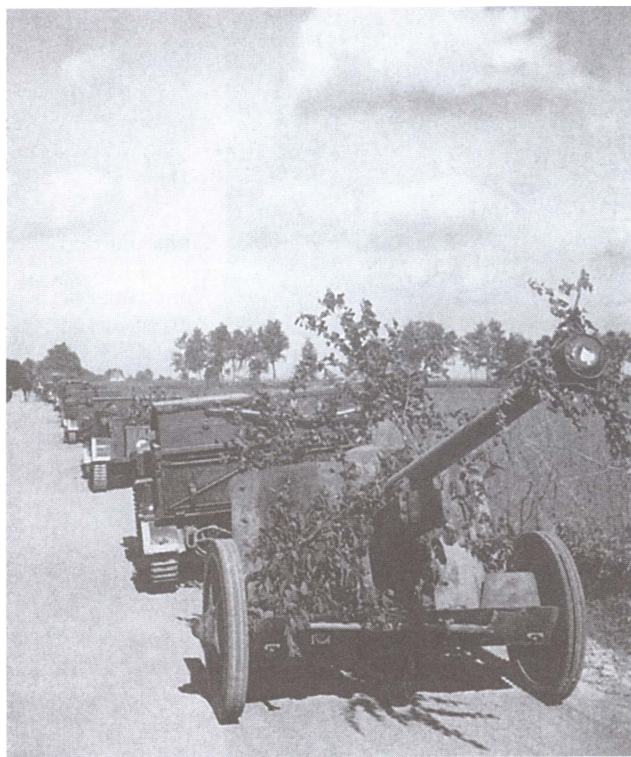
Дивизионные уче-
ния. Мост через
Пилицу, 25.04.1941

Выдвижение
артиллерии на
исходную пози-
цию, 17.06.1941

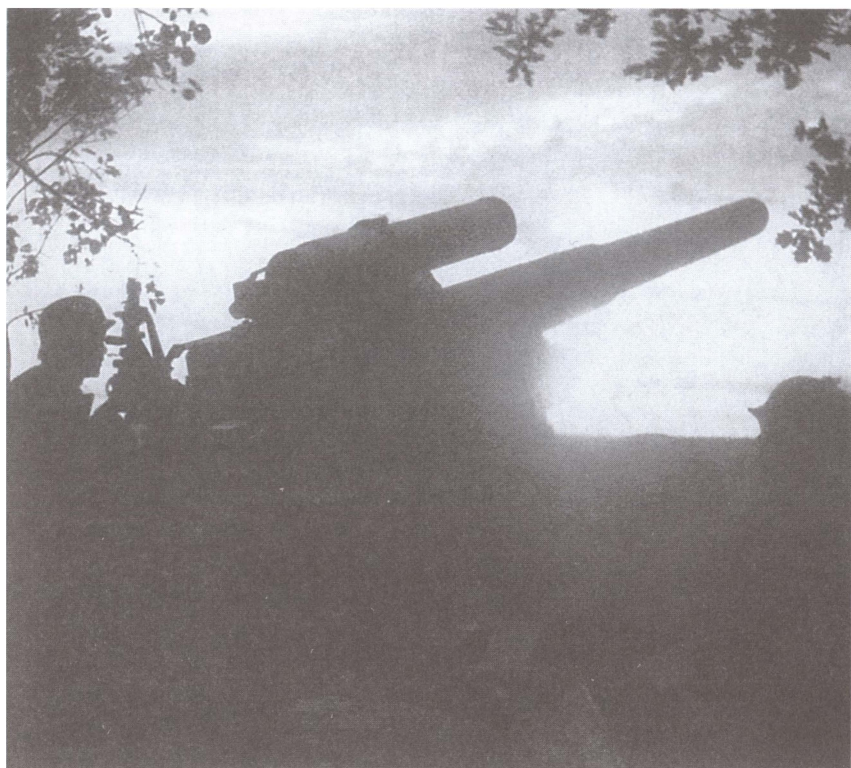
Между Варшавой
и Брестом, на вос-
ток... Июнь 1941 г.

Противотанковая пушка 14-й роты 448-го пехотного полка на марше. Июнь 1941 г.

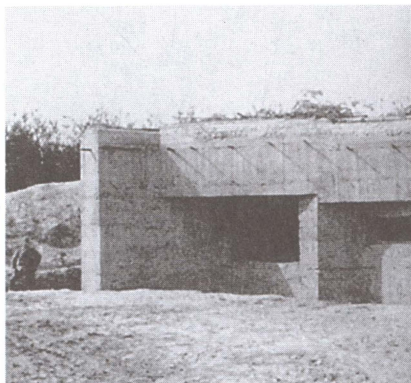
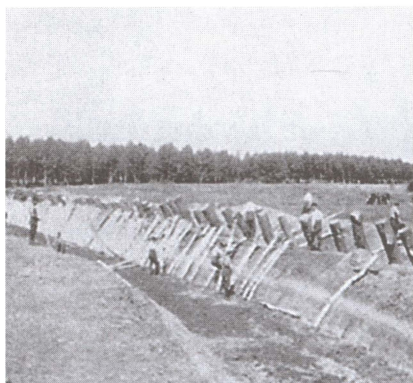
Последний осмотр оружия перед боевым использованием, 21.06.1941

Рассвет 22 июня 1941 г.

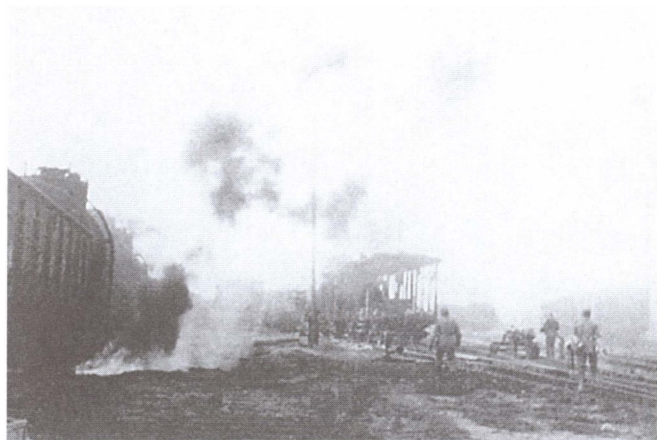
Дивизия переходит через Буг. Мост у городка Грудек, 22.06.1941

Советы ожидали нападения: противотанковые заграждения и долговременные огневые сооружения

Жажда! Пехотинцы у колодца в Беловежской Пуще

Взятие
Волковыска.
Район железнодорожного вокзала, 29.06.1941

Генерал
Бергманн
и полковник
Мундорфф,
командир 447-го
пехотного полка

Советские
перебежчики
под Цельвой,
01.07.1941

Через разрушенный Минск. Здание оперы, 11.07.1941

Французская колесно-гусеничная танкетка «Женилет» 14-й роты 448-го пехотного полка на затопленных проселочных дорогах

Недалеко от авто-
страды Минск—
Москва, 14.07.1941

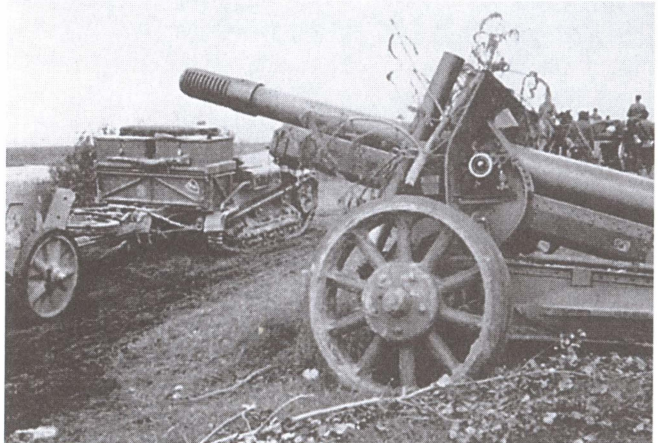
Церковь
в Борисове
на Березине,
15.07.1941

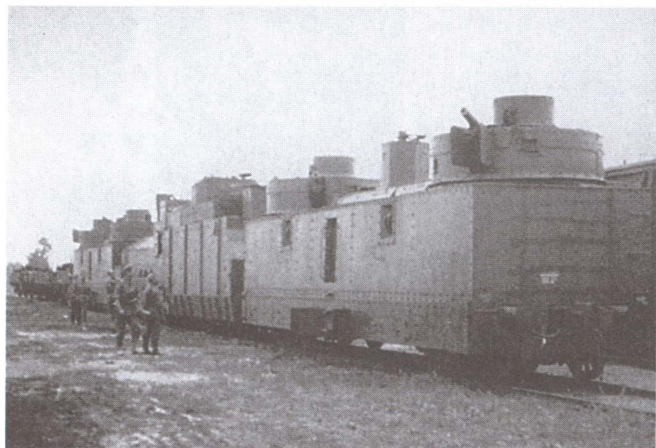
Орша, переправа
через Днепр,
18.07.1941

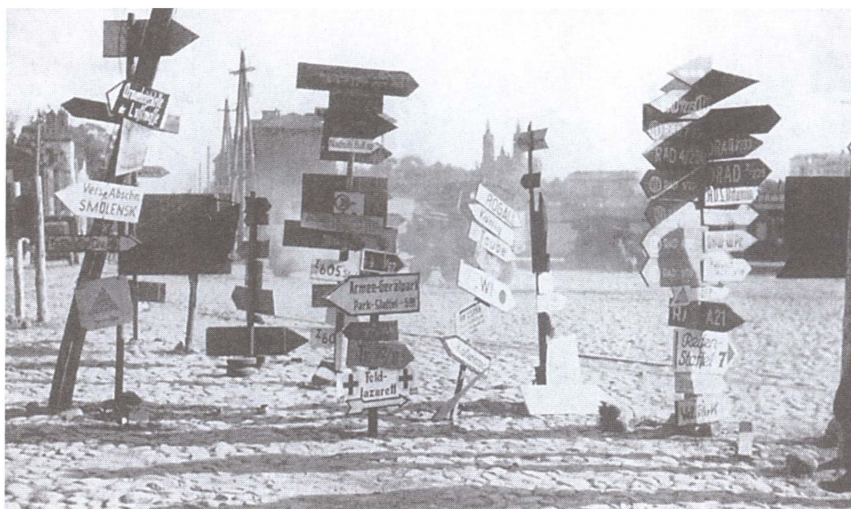
Тяжелый русский танк, подбитый под Смоленском

Русская 120-мм гаубица (на моторной тяге)

Трофейный русский бронепоезд в Орше

Смоленск. Дорожные указатели на окраине города

Фельдмаршал фон Клюге на КП дивизии. Справа — генерал Бергманн, слева — майор Генерального штаба Мейер-Детринг и полковник Ноак

Полевая кухня 3-го батальона 449-го пехотного полка

Генерал пехоты Гейер (слева) с полковником Мундорффом

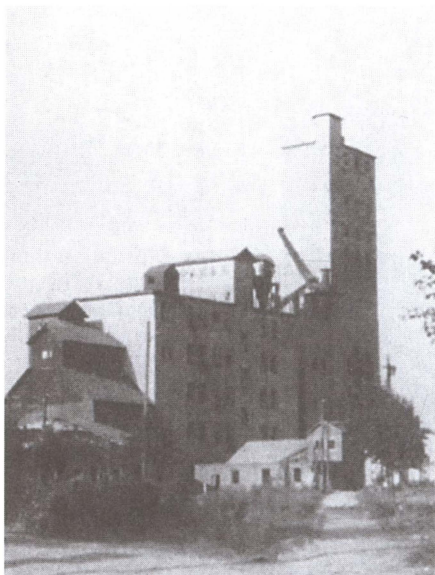
Смоленск.
Памятник
Сталину
и собор

Гостиница
«Молохов»
(сейчас
гостиница
«Смоленск»)

Смоленск. Вид на город и северный берег Днепра

Смоленский элеватор, наблюдательный пункт артиллерии

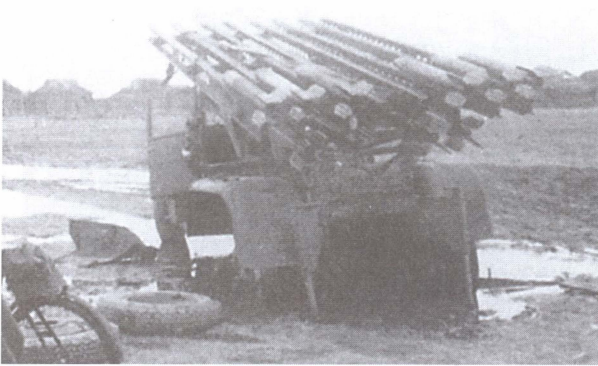
Водонапорная башня в Смоленске, наблюдательный пункт пехоты

Смоленский железнодорожный вокзал, за который шли ожесточенные бои

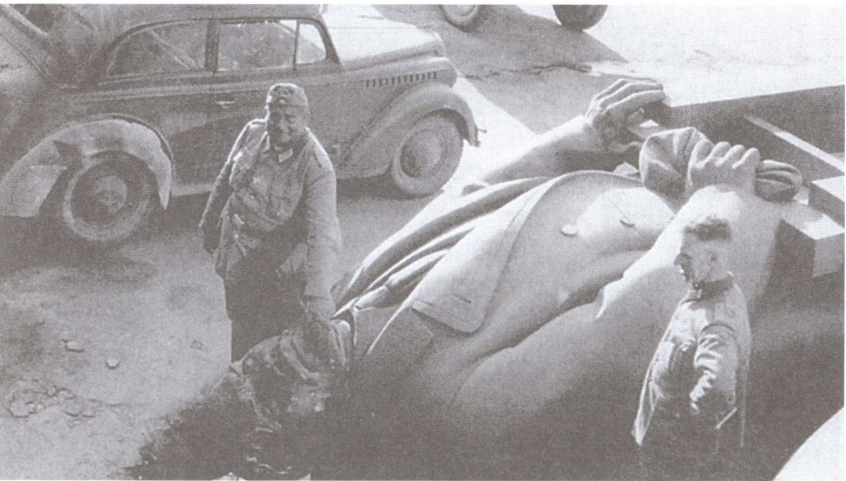
Командный пункт 449-го пехотного полка в здании вокзала. Справа — полковник Ноак

«Сталинский орган».
Советская реактив-
ная установка залпо-
вого огня на шасси
грузового автомобиля

Бои под Рославлем.
Генерал-полковник
Гудериан (в центре)
на КП дивизии

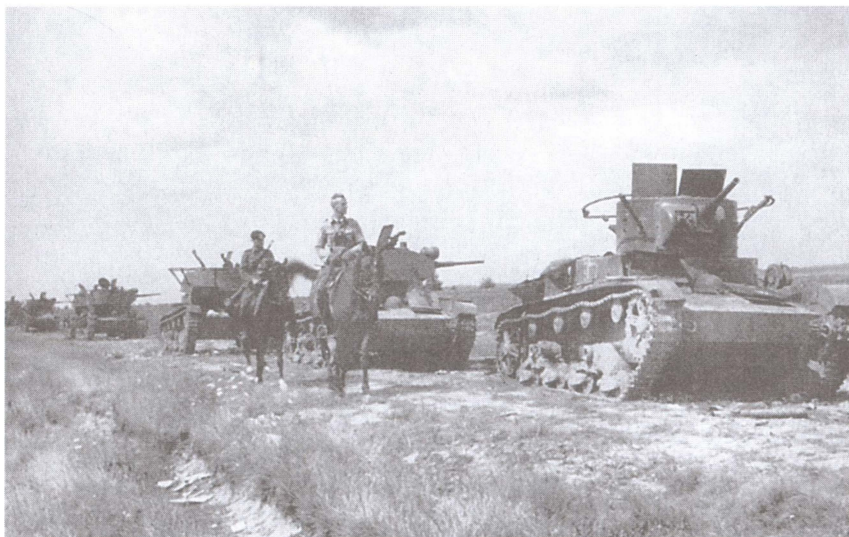
Майор медицинской службы доктор Зон и оружейный мастер Моншау около поверженного памятника Ленину в Смоленске

Бои под Рославлем. Саперы в поисках мин на дороге у деревни Коски. Саперный взвод 448-го пехотного полка (лейтенант Кольбитц), 02.08.1941

Военнопленная из женского батальона

Разгромленная в боях под Рославлем советская танковая колонна

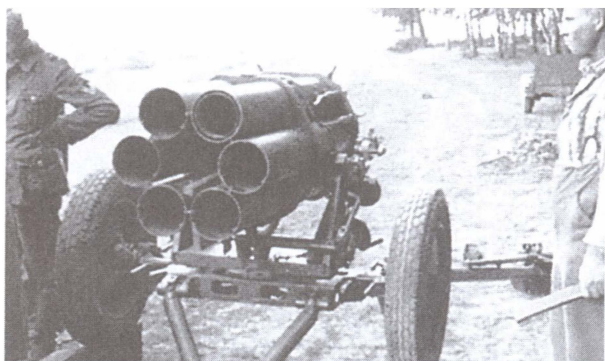
Бои под Рославлем. Скопление разбитой советской военной техники у деревни Коски, 06.08.1941

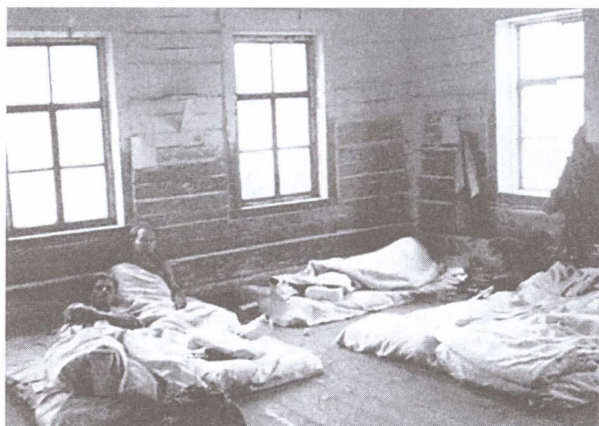
Оборонительное сражение на Ельнинском выступе. Противотанковая пушка 14-й роты 448-го пехотного полка

Огневая позиция тяжелого пулемета с пронумерованными зонами заградительного огня

Под Ельней в самых трудных местах обороны использовались реактивные минометы

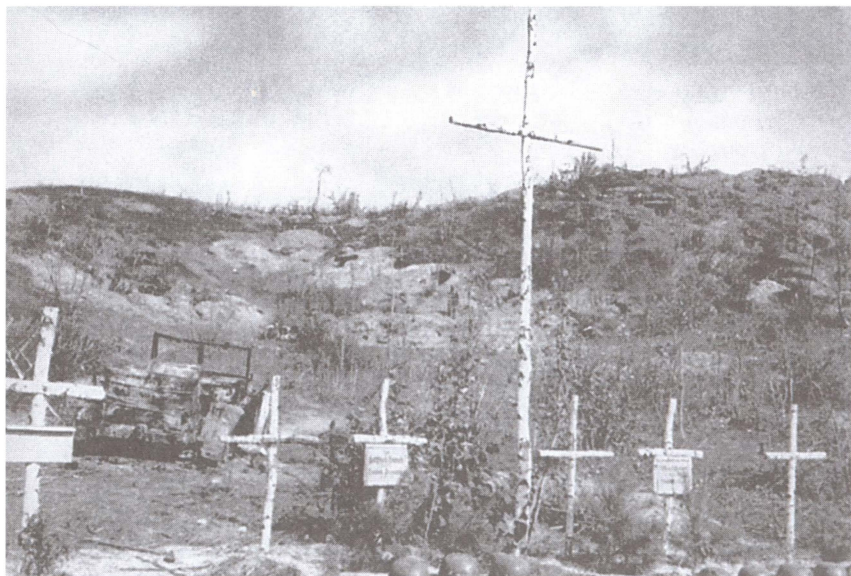
В деревне Белик разместили полевую госпиталь дивизии. Август 1941 г.

После оставления Ельнинского выступа. Вручение Железных крестов полковником Фибигом

Сражение под Вязьмой. Тяжелое пехотное орудие 13-й роты 448-го пехотного полка

Могилы бойцов 448-го пехотного полка у высоты «Чимборасо». Сентябрь 1941 г.

Сборный пункт военнопленных у шоссе после сражения под Вязьмой

Оружейная мастерская 3-го батальона 449-го пехотного полка часто использовалась в качестве походной кузницы

Кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями обер-лейтенант Ноак, истребительно-противотанковый батальон

Начало периода
осенней распутицы.
Октябрь 1941 г.

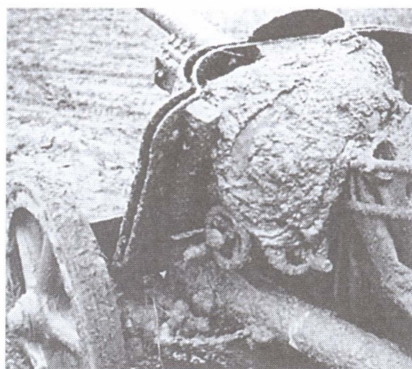
Грузовики
утопают
в дорожной
грязи

Рядом с бревен-
чатой гатью —
море грязи

Полковник Кистнер, командир
137-го артиллерийского полка

В период осенней распутицы. 50-мм
противотанковая пушка с «броней из
грязи»

Командный пункт дивизии в предрождественское время. Деревня Макарово.
Ноябрь 1941 г.

Вид одной из улиц
Калуги — города
церквей

Первый снег. 448-й пехотный полк на марше в Калугу. Октябрь 1941 г.

Две легкие полевые гаубицы, смятые гусеницами Т-34, который вскоре после этого завяз в грязи и был подорван связкой ручных гранат. Деревня Высокое, 17.11.1941

Великий перелом: начало русского зимнего наступления. На дороге Тула—Калуга у деревни Макарово

Отступление по зимнему мосту через Оку под Калугой, 24.12.1941

Первое использование деревянных саней, 2-я рота батальона связи

Рождество 1941 г. Дивизия во время отступления

Картина зимних боев: павшие товарищи

Оборонительные бои у шоссе: русские солдаты, погибшие у деревни Барсуки

«Штурмовые орудия, вперед!»

Минометчики ведут заградительный огонь

Без зимнего обмундирования в снегу

56, 57, 58. Вши, вши, вши!..

Жизненно важная артерия зимой 1941/42 г.: шоссе Рославль—Юхов

Бесконечная белизна:
заснеженный ландшафт
южнее шоссе

Пулемет за снежной
насыпью

Противотанковая пушка, установленная на сани («моторизованная»)

Генерал пехоты Хейнрици, капитан Экхардт, генерал-майор Камеке

Самоснабженец – хорошо усвоенное не забывается! 14-я рота 448-го пехотного полка

Добавка к питанию с полевых кухонь

Рыбалка на реке Попольта

Наши лошади летом 1942 г.

Полковник Гейне, командир
449-го пехотного полка

Дивизионное кладбище в деревне Батишево. Евангелический дивизионный священник пастор Либе

Широкое русское поле под бесконечным небом

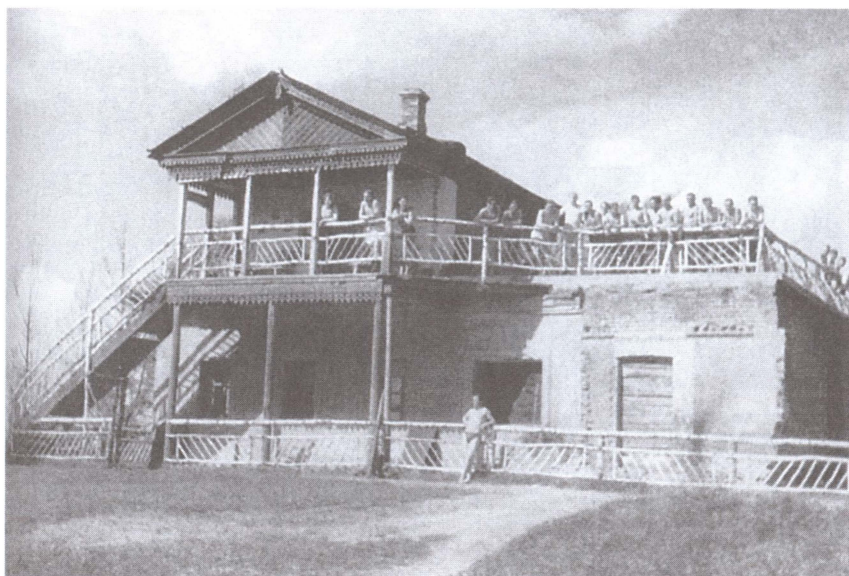
«Лесопилка». Суточная выработка около 40 бревен

Блиндажи превратились в архитектурные шедевры

Допрос перебежчиков. Зондерфюрер де Мольтер, 15.08.1942

«Гранд-отель» Захарино — наш прекрасный дивизионный дом отдыха

Долина реки Попольга — дом отдыха и для наших лошадей

Полковник фон Калиновски (*слева*), 137-й артиллерийский полк, и майор доктор Айзенбергер, командир 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка

Капитан Браунсбергер (*слева*), командир саперного батальона, и обер-ефрейтор Видеманн в штабном блиндаже

Командир 448-го пехотного полка полковник Фибиг проводит заочную регистрацию брака, что было типично в военное время

Один из командиров подразделений снабжения: капитан Дихтль, хлебо-пекарная рота

К культуре быта во время нахождения на оборонительном рубеже на реке Попольта относились и дезинсекционные пункты

Блиндаж финансовой части 449-го пехотного полка в деревне Выгорь. Слева направо: Грубер, Нас, Затльбергер

Неотъемлемая картина Восточной кампании с 1942 г.: лошадка, запряженная в телегу

Полковник медицинской службы доктор фон дер Штайн на командном пункте 3-го батальона 448-го пехотного полка. Декабрь 1942 г.

Дорожный указатель у шоссе в первом снегу второй военной зимы

Теперь мы стали опытнее и были лучше вооружены: 2-й батальон 447-го пехотного полка ведет уличный бой

Орудийный расчет 14-й роты 448-го пехотного полка в маскировочных костюмах

Пасха 1943 г.: католический дивизионный священник пастор Хаусманн во время богослужения в боевых условиях

Так выглядели многие деревни: главная улица в деревне Добручик. Май 1943 г.

Проживание в блиндажах на позиции на реке Усожа. Однополчане устраивают представление варьете

Центр русской избы и деревенской семейной жизни: русская печь

Россия, какой мы ее когда-то себе представляли: пожилой крестьянин под Рославлем

Генерал танковых войск Лемельзен вместе с (слева направо) капитаном Шумом, майором Генерального штаба Рефиором, генералом Камеке, лейтенантом Майером

Визит из другого мира: фронтовой театр, 25.06.1943

Отступление через Десну к Днепру: артиллерия на марше

Паром на надувных лодках через реку Сож южнее Гомеля, 19.09.1943

Место впадения Сожи в Днепр

Шедевр наших саперов:
большой понтонный мост
через Днепр у поселка Лоев,
29.09.1943

Полковник фон Ширмайстер, 448-й
пехотный полк и коза масти, иден-
тичной цветам полкового флага

Последний командир 137-й пехотной
дивизии генерал-майор фон
Найндорфф

Дивизия расформируется: «товарный склад» артиллеристов. Белоруссия, деревня Колбасичи, 3—9 декабря 1943 г.

Генерал Фельцманн, командир корпусной группы «Е», и подполковник Марбах, командир 137-й дивизионной группы

Работа партизан: передняя платформа наехала на мину

И вот все эти успехи батальона командир 31-й дивизии (с 21 января 1942 года полковник Хоссбах) удостоил лишь следующих слов:

Сформированный из австрийцев 2-й батальон 449-го пехотного полка был так измотан в предыдущих боях, что не сумел оказать достойного сопротивления при атаке противника 28 января. Поэтому батальон был распределен между подразделениями 1-го батальона 17-го пехотного полка.

Такова была судьба воинских частей, «взятых взаймы»! 10 февраля 137-я дивизия направила в ликвидированный батальон одного из своих офицеров и после многократных представлений, направленных командованием 4-й армии в штаб 57-го армейского корпуса, добилась наконец 18 февраля его возвращения в состав дивизии.

В качестве второго эшелона 26 января с участка фронта на Угре был выведен 448-й пехотный полк с 1-м и 2-м батальонами, а с 27 января и с 3-м батальоном в сопровождении 7-й батареи 137-го артиллерийского полка. Полк был направлен в распоряжение 19-й танковой дивизии, в район западнее деревни Барсуки, где находилось самое опасное место на шоссе, которое по ночам можно было преодолеть только на одиночном автомобиле. Его 1-й батальон принял участие в атаке с запада на позиции русских, закрепившихся в долине реки Лидия. Эта атака стоила батальону, боевой состав которого составлял 5 офицеров и 195 бойцов, потери 23 человек.

В качестве третьего эшелона 29 января была отведена расформированная при этом группа Калиновски, которая отошла через позиции находившейся позади нее 131-й пехотной дивизии. Последним после взрыва зимней переправы через Угру прибыл саперный батальон. 4-й дивизион 137-го артиллерийского полка присоединился к дивизии в деревне Барановке (сразу за Юхновом к западу от него). Из своего обоза ему пришлось сформировать несколько пехотных отделений для охраны дороги Юхнов—Вязьма, которые вернулись в состав дивизиона, к сожалению, только в апреле.

Вечером 1 февраля 137-я пехотная дивизия, находившаяся в составе 57-го армейского корпуса (моторизованного) (командир корпуса — генерал танковых войск Кирхнер), приняла у 19-й танковой дивизии участок фронта между долиной реки Лидия (западный край речной долины) и рекой Попольта. Ко-

мандный пункт дивизии разместился в деревне Глагольне. На следующий день генерал Камеке получил здесь касательное огнестрельное ранение в голову. Мы все были очень огорчены. Полковник Гейне снова возглавил дивизию, пока в конце февраля не прибыл полковник Мальманн, назначенный командиром дивизии. За последние шесть недель это был уже пятый командир дивизии.

Положение на новом участке фронта красноречиво характеризуется краткой записью в дневнике командира 1-го батальона 448-го пехотного полка (капитана Штайскаля) от 29 января 1942 года:

Продолжение марша от деревни Глагольни к деревне Гнездилово в новый котел.

25 января через леса вдоль реки Попольта на север прорвались подразделения 1-го русского гвардейского кавалерийского корпуса, чтобы соединиться там с батальонами парашютно-десантных войск. Правда, еще до прибытия первых подразделений 137-й дивизии нашим войскам удалось отбить шоссе у русских кавалеристов, нанеся им большие потери. Однако вскоре последовала новая волна русской кавалерии, которую удалось остановить у деревень Сычево и Шахово только 31 января атакой 2-го и 3-го батальонов 448-го пехотного полка под командованием полковника Фибига.

Всего лишь в нескольких километрах севернее шоссе, в полосе действия дивизии засели парашютисты и партизаны, у которых нашему обозу пришлось отбивать один населенный пункт за другим.

На восточном участке фронта дивизии еще около недели тому назад русские прорвались по долине реки Лидия и держали под обстрелом участок шоссе у деревни Барсуки. Большое количество погибших русских солдат и несколько подбитых танков свидетельствовали об ожесточенности боев на этом участке фронта, имевшем огромное значение для снабжения 4-й армии. В этих оборонительных боях приняли участие и некоторые подразделения нашей дивизии: 3-й батальон 449-го пехотного полка в бою у деревни Барсуки, 1-й батальон 448-го пехотного полка в атаке у деревни Филино¹, 1-й батальон 447-го пехотного полка и раз-

¹ Запись в дневнике Штайскаля от 01.02.1942: «Батальон принял самое активное участие в атаке, потеряли 23 бойцов».

ведывательный батальон, усиленный ротой 558-го пехотного полка, у деревни Карпово под командованием 19-й танковой дивизии. Поскольку 19-я танковая дивизия не имела ясного представления о силе прорвавшихся туда русских войск, эти отдельные акции приводили лишь к частичному успеху и сопровождалась, к сожалению, новыми тяжелыми потерями. Жертвой этих ужасных потерь пал почти весь остаток 447-го пехотного полка. 11 февраля, после десяти дней кровопролитных боев оберлейтенант Кох принял под свое командование от заболевшего капитана Шойрена всего лишь 46 бойцов. Пять дней спустя эти жалкие остатки 447-го пехотного полка окончательно вернулись в дивизию. Использование полка в составе чужих соединений стоило жизни пяти офицерам (среди них двум военным медикам) и ста бойцам.

На южном берегу реки Попольта, которая представляла собой основной участок фронта дивизии, располагались подразделения 10-й русской армии, не проявлявшие особой активности. На левом фланге фронта дивизии решающим краеугольным камнем обороны была деревня Вышнее. С высоты на южной окраине деревни можно было смотреть буквально свысока, заглядывая далеко в тыл, на русские коммуникации и пути снабжения войск в долине реки Лидия. Для артиллерийских наблюдателей это была редкая и в то же время с точки зрения техники стрельбы трудная позиция для постановки боевых задач.

Силы, которые дивизия ввела на эту новую позицию, составляли по сравнению с расчетной боевой численностью:

- 447-й пехотный полк (остатки еще в 19-й танковой дивизии);
- 448-й пехотный полк (3 ослабленных батальона, в 1-м батальоне 177 бойцов), примерно полтора усиленных батальона;
- 449-й пехотный полк (один очень слабый батальон, 2-й батальон еще в 31-й дивизии);
- 137-й артиллерийский полк (4 дивизиона с 22 орудиями);
- разведывательный батальон (еще в 19-й танковой дивизии);
- истребительно-противотанковый батальон (примерно одна полная рота);
- саперный батальон (2 роты).

Дальнейшее привлечение к боевым действиям бойцов из обоза полностью исключалось, так как они были постоянно заняты в охранении севернее шоссе. Таким образом, боевая мощь дивизии примерно равнялась боевой мощи одного пехотного

полка, усиленного двумя артиллерийскими дивизионами. И вот этими силами, которым временно были переданы 3-й батальон 406-го пехотного полка 403-й охранной дивизии и 2-й батальон 557-го пехотного полка 331-й пехотной дивизии¹, надо было оборонять участок фронта шириной около 18 километров. По нормам мирного времени допускалась ширина фронта не более 6 километров!

Такое затруднительное положение привело к тому, что и наш саперный батальон снова пришлось использовать на передовой в качестве пехоты. При этом особо отличились его противотанковые подразделения. Гораздо в большей степени, чем прежде, оборона зависела от огневой поддержки артиллерии. Чем более редкой была линия охранения, которую занимала пехота, тем, разумеется, чаще она просила артиллеристов о нанесении огневых ударов и о создании участков заградительного огня. К маневренности и гибкости огня артиллерии предъявлялись необычно высокие требования.

После того как показалось, что мощь вражеского наступления сломлена, первейшей заботой 4-й армии стало устранение русского прорыва в долине реки Лидия, который постоянно угрожал жизненно важной артерии армии, шоссе Рославль—Юхнов. Иногда русским удавалось даже полностью перерезать эту важную коммуникацию. Устранить прорыв русских войск было поручено командиру 52-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Рендуличу. Для этого, кроме собственной дивизии (боевая мощь которой составляла около тысячи человек)², ему были подчинены усиленный пехотный полк 10-й пехотной дивизии (моторизованной) под командованием полковника Траута, а также артиллерия 137-й дивизии и 19-й танковой дивизии. Кроме того, 137-я пехотная дивизия вместе с другими воинскими частями должна была удерживать западную сторону кольца окружения и всеми возможными способами поддерживать 52-ю пехотную дивизию.

Из-за глубокого снега и очень сложного рельефа лесистой местности долины реки Лидия в направлении восток-запад боевые действия велись в основном силами артиллерии, особенно после того, как с южной стороны было заблокировано узкое

¹ Поспешно сформирована 15 декабря 1941 года из военнослужащих запасной армии, переброшена частично моторизованным маршем без лошадей и обозов, частично пешим маршем из Брест-Литовска (*Клозе*. И дорога без конца...).

² *Рендулич*. Сражения, победы, поражения. С. 90 и далее.

бутылочное горло района вклинивания. Пехота начала прочесывать район вклинивания только после восьмидневного изматывания противника огнем артиллерии и тяжелого пехотного оружия. Русским так и не удалось согласовать свои попытки прорыва и деблокирования войск, попавших в окружение. Не в последнюю очередь это произошло благодаря упорной обороне деревни Вышнее, как краеугольного камня блокады, подразделениями 137-й пехотной дивизии.

15 февраля русское сопротивление в котле было окончательно сломлено при незначительных потерях с нашей стороны. Число плененных и безвозвратных потерь¹ противника² свидетельствует о размере грозившей нам опасности: 4400 плененных, 2 тысячи убитых, 96 минометов и орудий.

Долина реки Лидия представляла собой ужасную картину. В то время русские еще не научились в полной мере использовать свое благоприятное положение.

Успехи войск, принимавших участие в ликвидации вклинивания противника в долине реки Лидия, были отмечены в приказе по корпусу:

Командир корпуса
57-й армейский корпус (моторизованный),
Командный пункт корпуса, 15.02.1942

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ

52-я пехотная дивизия, усиленная многочисленными подразделениями 19-й танковой дивизии, воинскими частями 10-й пехотной дивизии (моторизованной) и 137-й пехотной дивизии, в период с 6 по 15 февраля успешно отразила 33 атаки противника и провела 6 своих контратак, закрыла брешь на своем участке фронта, окружила многочисленные вражеские подразделения, проникшие в эту брешь, и в ходе ожесточенных боев уничтожила их.

Тем самым в ходе тяжелого зимнего оборонительного сражения дивизия добилась такого успеха, который заслуживает самой высокой похвалы. Несмотря на снег и лед, крайне неблагоприятные условия местности, невозможность предоставить хотя бы малейшую передышку воинским частям, принимавшим участие в этих

¹ Рендулич. Указ. соч. С. 90 и далее.

² В журнале боевых действий 2-го дивизиона 137-го артиллерийского полка называются (очевидно, по данным 19-й танковой дивизии) следующие русские соединения, которые были полностью или частично уничтожены: 154, 173, 340, 344, 413-я стрелковые дивизии, 32-я танковая бригада.

кровавопролитных боях, дивизия сражалась великолепно, и ее победа имеет решающее значение для положения 4-й армии.

Я благодарю дивизию и все временно подчиненные ей воинские части за эти превосходные результаты и выражаю свою особую признательность всем офицерам, унтер-офицерам и рядовому составу.

Далее моя особая благодарность 137-й пехотной дивизии, которая образцово поддержала своего соседа в духе истинного братства по оружию.

С глубоким уважением мы склоняем свои головы перед павшими в эти дни боевыми товарищами, которые, соблюдая верность военной присяге, отдали свою жизнь за фюрера, народ и отечество. Всем раненым мы желаем скорейшего выздоровления.

Кирхнер, генерал танковых войск.

Участие 137-й дивизии в этом успехе было таким многогранным, что полковник Гейне, командир дивизии, решил перечислить в отдельном приказе по дивизии все те сражения, которые прямо или косвенно способствовали общему успеху:

137-я пехотная дивизия

Начальник оперативного отдела.

Командный пункт дивизии, 16.02.1942

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

Командир корпуса выразил дивизии свою благодарность и особую признательность за участие в боях у шоссе, которые привели к уничтожению крупных сил противника.

Многочисленные бои местного значения, которые подразделения дивизии вели в последние недели, подготовили эту победу и способствовали ее достижению.

Это, в частности, были:

атаки 1-го батальона 447-го пехотного полка и разведывательного батальона у деревни Карпово, атаки 448-го пехотного полка южнее деревни Барсуки, западнее деревни Глагольни и у деревни Шахово; штурм деревень Гороховка, Дятловка и Барсуки 449-м пехотным полком; оборона деревень Барсуки и Вышнее 3-м батальоном 449-го пехотного полка, отдельными подразделениями 447-го пехотного полка и истребительно-противотанковым батальоном дивизии; ликвидация многочисленных русских атак на деревню Вышнее огнем орудий 137-го артиллерийского полка во взаимо-

действии с 3-м батальоном 406-го пехотного полка и с пехотными орудиями трех полков; оборона и атаки 2-го батальона 557-го пехотного полка и 2-й роты истребительно-противотанкового батальона дивизии в лесу южнее деревни Барсуки в сочетании с неутомимой работой саперного батальона дивизии по блокированию котла с запада и не в последнюю очередь деятельность обозов по охранению и ведению разведки, которые успешно отразили многочисленные атаки противника и взяли много пленных.

Дивизия может гордиться тем, что после восьми месяцев непрерывного участия в боях, чаще всего в самых горячих точках фронта, несмотря на огромные трудности зимней кампании, смогла добиться таких успехов.

По уполномочию, *Гейне*.

Самый опасный очаг напряженности на южном участке фронта дивизии был ликвидирован. Возвращение некоторых, хотя и сильно измотанных подразделений дивизии позволило расширить участок обороны западнее реки Попольта. Однако во второй половине февраля и в первой половине марта две новые опасности держали в напряжении редкий, сильно растянутый вдоль шоссе фронт 4-й армии, а тем самым — и 137-й пехотной дивизии. Во-первых, это возобновление русских атак на шоссе с юга, а во-вторых, постоянно растущее давление с севера со стороны воздушно-десантных войск, партизан и прорвавшихся через шоссе на север, а теперь отрезанных кавалеристов генерала Белова.

В то время как кавалерийский корпус Белова действовал в основном в направлении Вязьмы, а потом повернул на запад, где несколько недель спустя под Ельней натолкнулся на наши обозы, высадка воздушного десанта и сброс парашютистов, продолжавшиеся с января, после 19 февраля снова усилились. Совершенно беспрепятственно русские самолеты приземлялись на ярко освещенные площадки в 30 километрах от линии фронта дивизии; так, только в одну ночь с 19 на 20 февраля 1942 года там приземлилось 145 машин!¹ Несколько десятков русских парашютистов приземлилось 21 февраля даже в расположении дивизии. Они потеряли ориентировку и были взяты в плен в расположении 1-го батальона 448-го пехотного полка и в непосредственной близости от командного пункта дивизии: очень

¹ *Рейнгардт Г.* Высадки русского воздушного десанта в тылу германской группы армий «Центр» в первые месяцы 1942 года.

хорошо снаряженные молодые ребята, некоторые из них оказались студентами. В качестве ответной меры дивизия перебрала сильно измотанный 2-й батальон 449-го пехотного полка в деревню Александровку, которая располагалась севернее шоссе. Батальон получил задание обеспечить охранение с севера (схема 17).

Командование и войска с большой озабоченностью ожидали наступления Дня Красной армии (23 февраля), опасаясь возобновления атак на шоссе. Так и случилось. Правда, участок обороны 137-й пехотной дивизии оказался не на направлении главного удара противника. Он был нанесен несколько западнее от нас, там, где шоссе проходило совсем близко от линии фронта, находясь в 1000 и менее метрах от нее. С вечера 23 до вечера 25 февраля из-за непрерывных вражеских атак подвоз по шоссе боеприпасов и продовольствия был полностью блокирован. Но вызванное подкрепление, в том числе и подразделения 448-го пехотного полка, позволило снова разблокировать шоссе, так что русским не удалось добиться длительного успеха.

К счастью для германских войск, эти атаки русских не были согласованы с давлением парашютно-десантных войск с севера. Только 26 февраля и позже десантники заняли деревни Юркино, Тыновка и Ключи, расположенные в верховье реки Попольта, в 10—15 километрах позади линии фронта дивизии. По данным разведки, в деревне Пушкино расположился штаб воздушно-десантного корпуса, который всего лишь несколько дней назад находился в 20 километрах севернее.

Ослабленный 2-й батальон 449-го пехотного полка, который только что получил первое пополнение и по приказу командира корпуса был подчинен 52-й пехотной дивизии, снова должен был атаковать по глубокому снегу. Командир 449-го пехотного полка полковник Гейне лично возглавил эту атаку. Во взаимодействии с 152-м разведывательным батальоном 52-й пехотной дивизии, который должен был наступать с севера, батальон должен был атаковать деревню Тыновку с востока. Из-за ужасных дорожных условий переброска туда артиллерии была исключена. Однако, чтобы сделать все возможное, 137-я дивизия развернула севернее шоссе мортирную батарею, которая должна была поддержать атаку, используя предельную дальность стрельбы своих орудий. Но проведенная в 3 часа ночи 6 марта атака батальона захлебнулась при больших потерях с нашей стороны (22 убитых, 8 раненых, среди них командир роты и командиры обоих взводов наступавшей 6-й роты 449-го пехотного полка).

Угроза тылу со стороны советского
воздушного десанта с 23.02 по 19.03.1942

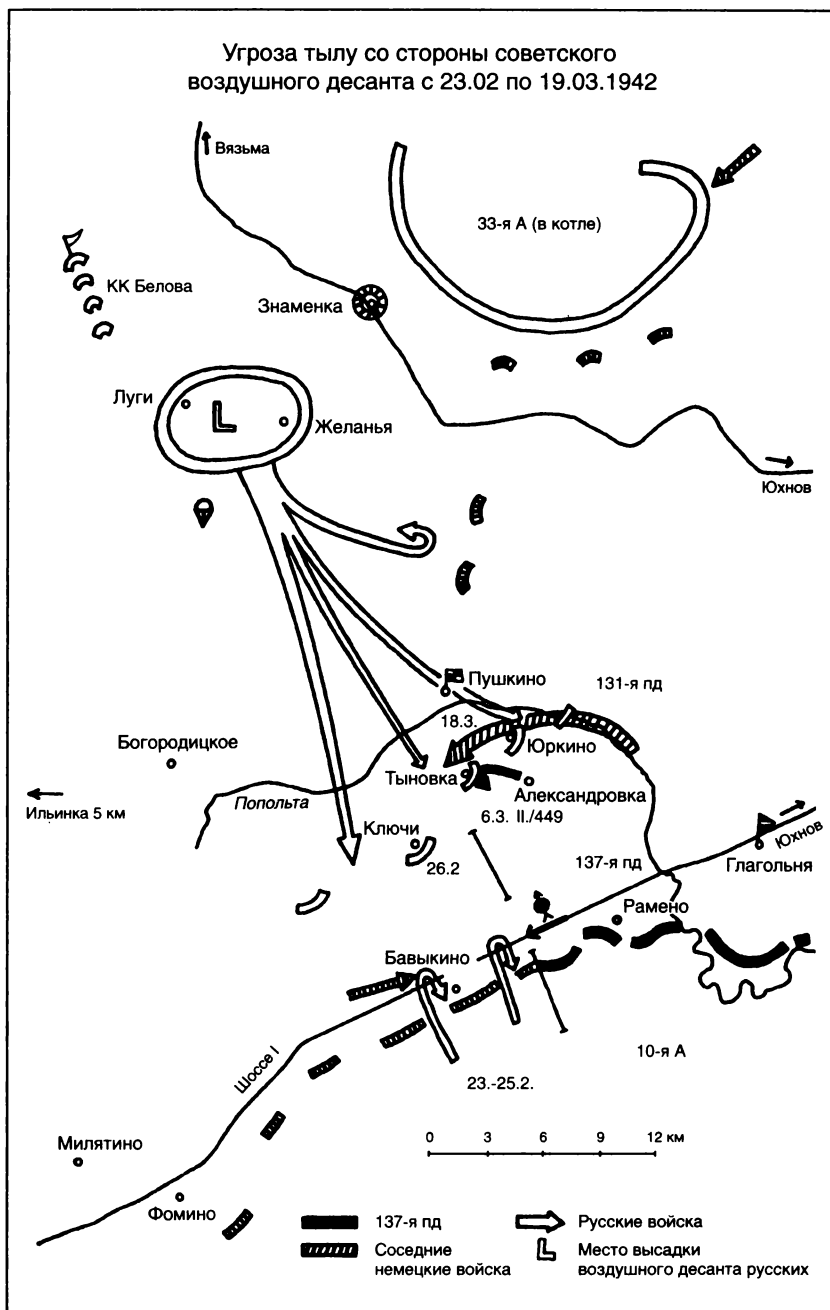

Схема 17

Из-за неблагоприятных условий огонь мортир оказался неэффективным, а взаимодействия с 152-м разведывательным батальоном не получилось, так как он не сумел перейти в наступление и не поддержал нашу атаку своим огнем. Несмотря на многократные приказы командира 52-й пехотной дивизии повторить атаку, полковник Гейне оказался не в состоянии сделать это из-за несоразмерности тактической ценности объекта атаки и высоких потерь при таком неблагоприятном характере местности.

В последующие дни русские разведывательные дозоры постоянно кружили вокруг расположения батальона. Причиной потерь с нашей стороны стало также участвовавшее минирование. Некоторое облегчение в ближайшем тылу дивизии наступило только тогда, когда отведенная армией с фронта 131-я пехотная дивизия (без одного полка) медленно продвинулась с востока в верховье реки Попольта и при поддержке нескольких тяжелых пулеметов и пехотных орудий 8-й и 13-й рот 449-го пехотного полка 10 марта заняла деревню Юркино, а 19 марта — деревню Тыновку.

Каким бы тяжелым для бойцов на передовой временами ни было положение на некоторых участках фронта, с конца февраля стало ясно, что сила русского контрнаступления, начатого 6 декабря 1941 года, иссякла. Подводя итоги, известный знаток общего положения дел противника отмечает в своем исследовании, проведенном в послевоенный период¹:

Не считаясь ни с какими потерями, советские передовые отряды были брошены на направления главных ударов на Вязьму и Сухиничи. Несмотря на достигнутые в некоторых местах с помощью десантников, снабжавшихся всем необходимым по воздуху, глубокие вклинения, русским не удалось добиться решающего успеха. Советское командование вынуждено было признать, что стремительно выдвинутые вперед соединения, такие, например, как 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Белова, действовавший юго-западнее Вязьмы, без достаточной поддержки артиллерии и танков, не могли взломать основу немецкой обороны. Стало очевидным, что у Красной армии не было танковых соединений, которые могли бы оперировать самостоятельно и были бы способны уничтожать крупные формирования противника.

¹ Хинрикс Г. Советское военное командование во Второй мировой войне (Historical Division USAREUR).

Следует также признать, что на всех уровнях управления войсками отсутствовало понимание необходимости обязательного сосредоточения войск на главном направлении.

Малая война за линией фронта продолжалась вплоть до июля 1942 года. В середине июня пришлось даже снять один батальон (1-й батальон 448-го пехотного полка) с фронта. В течение трех недель он занимался поиском партизан. Вскоре после занятия дивизией позиции на реке Попольта началось ее переформирование и доукомплектование. Полковнику Мальманну было поручено руководить дивизией с 17 февраля¹ и до конца апреля. Первые мероприятия начались еще в начале февраля, хотя их проведению мешало опасное развитие обстановки на фронте. Батальоны, боевая численность которых упала ниже допустимого уровня, объединялись с остатками других батальонов и расформировывались. Так, 23 февраля 1942 года² из 2-го и 3-го батальонов 449-го пехотного полка был сформирован новый 2-й батальон под командованием майора Кашевски. 447-й пехотный полк объединил все имевшиеся у него силы в 1-м батальоне (капитан запаса Шойрен). Артиллерийский полк был разделен на три дивизиона (1, 2 и 4-й) по две батареи и 3-й дивизион с тремя батареями.

С 1 марта 1942 года в большом количестве начало поступать пополнение. Во время зимних сражений мы не получили ни одного человека. Очень часто маршевые батальоны просто не добирались до дивизии, как это было, например, в городе Сухиничи. После отправки всего своего личного состава во фронтовые части полевой запасный батальон дивизии был расформирован еще осенью 1941 года. Но теперь дело пошло на лад. Только в один 2-й батальон 449-го пехотного полка в период с 1 по 18 марта 1942 года поступило пополнение в количестве 1 офицера, 26 унтер-офицеров и 231 человека рядового состава. Дальнейшее поступление пополнения позволило этому полку 25 мая снова сформировать 1-й батальон, расформированный еще 16 ноября 1941 года. Правда, сначала без 3-й роты, которая появилась только 1 августа.

Похожим образом протекал процесс доукомплектования и в 447-м пехотном полку. И хотя 448-й пехотный полк тоже объ-

¹ Согласно записи в дневнике Штайскаля, командира 1-го батальона 448-го пехотного полка, руководство дивизией было поручено Мальманну с 14 февраля, но он прибыл только несколько дней спустя.

² Запись в дневнике Иммерфоля.

единял роты, однако ему удалось сохранить все три своих батальона, правда, с неполным составом, которые теперь тоже получили пополнение.

Поступившее сейчас и прибывшее позднее пополнение несколько изменило национальный состав дивизии в сторону общегерманского (великогерманского) подразделения. В прежнем составе дивизии преобладали австрийцы. Даже сейчас, 18 лет спустя, когда пишутся эти строки, расслоение «стариков» по национальному признаку нашло свое отражение в адресах рассылки нашей газеты «Бергманн-Эхо»:

Из 2317 боевых товарищей проживали:

451 в Вене
832 в Нижней Австрии } = 55%

594 в Верхней Австрии
99 в других австрийских землях } = 30%

341 в Федеративной Республике Германии = 15%.

Уже наступил конец мая, прежде чем все боевые группы дивизии снова собрались под ее командованием на позиции у стратегически важного шоссе. Постоянно приходилось передавать воинские части дивизии во временное распоряжение других формирований для устранения возникавших критических ситуаций. Например, 40-му армейскому корпусу¹ в район южнее деревни Милятино, где русские предприняли последние тщетные попытки перерезать шоссе. С другой стороны, боевые части других дивизий сражались под командованием 137-й пехотной дивизии, как, например, это имело место в марте—мае 1942 года в случае с 1-м дивизионом 34-го артиллерийского полка 34-й пехотной дивизии и тяжелой 1-й батареей 70-го артиллерийского полка.

Командование дивизии неустанно направляло в штаб 43-го армейского корпуса (генерал пехоты Бреннеке) представления, целью которых было возвращение в состав дивизии откомандированных подразделений. В конце концов вершиной этих представлений явилось предложение в апреле 1942 года взять на себя дополнительно еще один участок фронта, что по-

¹ *Фон Кнобельсдорфф Отто*. История нижнесаксонской 19-й танковой дивизии. С. 168.

зволило бы высвободить в качестве резерва корпуса целую 34-ю пехотную дивизию¹. Ответ очень понятливого начальника штаба корпуса генерал-майора Шульца начальнику оперативного отдела 137-й дивизии оказался в такой же степени неожиданным, как и характерным для кризиса доверия внутри Верховного командования. Его смысл заключался в следующем: «Как ни жаль это признавать корпусу, но ваше предложение не может быть принято. Так как, если на дежурной карте обстановки в 43-м армейском корпусе в качестве резерва появится целая дивизия, то ее немедленно заберут высшие командные инстанции. Нам скорее удастся удержать отдельные полки и батальоны различных дивизий». Таким образом, и в последующие недели отдельные батальоны использовались под чужим командованием в ущерб затронутым дивизиям.

Наконец, в начале мая в состав дивизии вернулись последние мелкие формирования боевых частей за единственным исключением. Имеется в виду 1-й батальон 448-го пехотного полка, который с 21 апреля до конца мая оставался в подчинении 41-го пехотного полка при 40-м армейском корпусе. Там ему пришлось принять участие в ожесточенных боях с переменным успехом за высоту 269,1 у деревни Фомино. И после этого новое задание по охране железнодорожной линии Милятино—Вязьма на участке у деревни Ильинки задержало его возвращение в родной полк до 5 июля 1942 года.

Важной задачей на пути окончательного преодоления зимнего кризиса было отвоевание у русских тех населенных пунктов, которые открывали неприятелю обзор на шоссе и на дорогу. Это, в частности, были деревня Проходы с высотой 248 (в километре от шоссе) и высота 237,7 (800 метров северо-западнее деревни Сапово) (схема 18).

И хотя уже была середина марта, на дворе все еще царила настоящая русская зима с глубоким снегом, с отупляющим завыванием метелей, которые не прекращались в течение двух-трех дней, и с морозами от 10 до 15 °С. Снежные заносы делали передвижения на большие расстояния в стороне от проторенных дорог крайне затруднительными. Но в ясные дни солнце пригревало уже по-весеннему. Нас еще ожидало таяние снега и связанной с этим период весенней распутицы, которая из-за своеобразия резко континентального климата могла наступить

¹ Разумеется, боевая численность и этой дивизии в то время сильно уменьшилась.

Позиционные бои на реке Попольта,
апрель 1942—10.01.1943

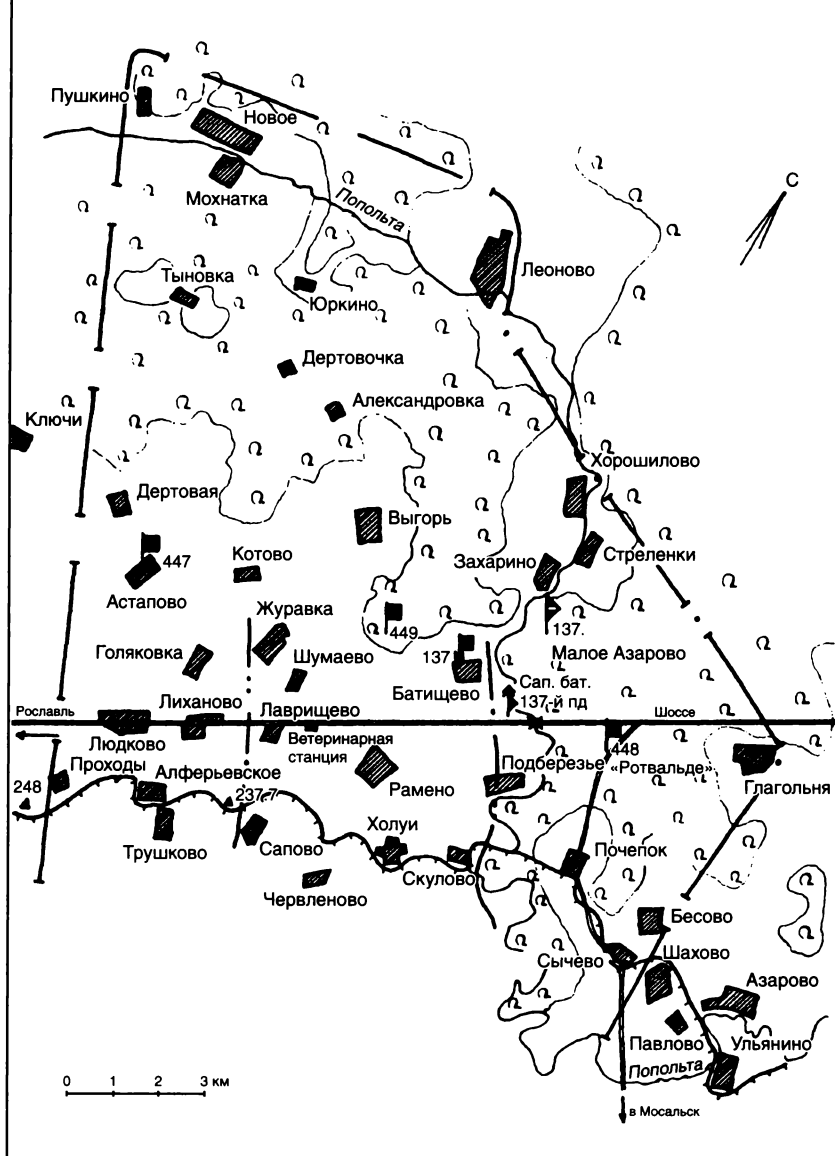

Схема 18

совершенно неожиданно. Поэтому обе наступательные операции «Весеннее журчание — I и II» были назначены на 20 и 23 марта 1942 года.

Осознание того, что благодаря своей отваге и упорству мы преодолели зимний кризис, наполняло всех бойцов дивизии гордостью и вселяло в них мужество. Надежды на весну и отпуск, на улучшение положения со снабжением и на доукомплектование войск из резервов поднимали настроение и заставляли померкнуть воспоминания о тяжелых зимних месяцах. Теперь мы знали, как вести военные действия в зимних условиях, как можно атаковать утопая по грудь в снегу. Все это требовало овладения особой тактикой. Элементами такой тактики были время для тщательной подготовки всего, вплоть до мельчайших деталей, четко определенные объекты атаки, зимние маскировочные халаты для наступающих войск и особая организация по расчистке снега для выдвижения на позиции тяжелого и противотанкового оружия. Плюс к этому — такие всегда необходимые предпосылки успешной атаки, как план огня и т. п.

С учетом всех этих обстоятельств полковник Фибиг планировал и проводил атаку на высоту 248 у деревни Проходы силами 2-го и 3-го батальонов своего 448-го пехотного полка, усиленного подразделениями саперного батальона, 137-го артиллерийского полка и 34-й пехотной дивизии. А полковник Гейне точно так же готовил операцию по взятию высоты 237,7 (Сапово) с привлечением для этого 1-го батальона 447-го пехотного полка, 3-го батальона 448-го пехотного полка и 2-го батальона 449-го пехотного полка, усиленных подразделениями 137-го артиллерийского полка, истребительно-противотанкового батальона и саперного батальона дивизии. После занятия в течение ночи исходного положения, частично перед собственным передним краем обороны, и после прицельной артиллерийской подготовки с привлечением не только артиллерии, но и нескольких 88-мм зениток и при поддержке штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков люфтваффе обе атаки оказались совершенно неожиданными для противника и увенчались полным успехом. Большое количество русских попало в плен, а только у деревни Проходы они потеряли около 200 человек убитыми. Противник лишился возможности вести прицельный огонь по жизненно важной коммуникации с двух господствующих высот. Но гораздо более важным, чем эти успехи, было то обстоятельство, что каждый боец 137-й пехотной дивизии осо-

знал, что в его душе еще жив тот наступательный порыв, который вел его вперед на штурм советских позиций от Буга через Волковыск, Бородино и Рославль, в битве под Вязьмой и в кровопролитных боях в темных лесах на берегах Протвы! С полным правом 3 апреля 1942 года полковник Фибиг отметил в пасхальном приветствии своему 448-му пехотному полку:

Полк отлично проявил себя во всех сражениях — в наступлении и в обороне, в летний зной и в осеннюю распутицу, в тяжелейших условиях зимы — и всегда выполнял поставленные перед ним задачи в полном объеме!¹

Командир 43-го армейского корпуса генерал пехоты Бреннеке отметил операцию по взятию высоты 237,7 (Сапово) в приказе по корпусу от 24 марта 1942 года, в котором, в частности, говорится:

Атака в районе деревень Сапово и Холуи, проведенная 23 марта в основном силами 137-й пехотной дивизии, увенчалась полным успехом. Я выражаю всем отважным подразделениям 137-й пехотной дивизии, принимавшим участие в этой атаке, свою особую признательность за достигнутый благодаря наступательному порыву успех².

Непосредственно после этих успешных зимних атак под влиянием весенней распутицы фронт начал замирать. С 30 марта установилась оттепель, которая коренным образом изменила ландшафт. С 2 апреля командование армии запретило движение по шоссе. Но даже отдельные транспортные средства, перевозившие в виде исключения жизненно важные грузы, разрушали верхнее покрытие шоссе до такой степени, что отдельные участки дороги приходилось заменять бревенчатым настилом. В этот период шоссе превратилось в кошмар всех саперных подразделений.

18 апреля стремительно началась настоящая весна. В течение двух недель без следа исчезли все метровые сугробы. В окружавшем нас пейзаже начала преобладать нежная зелень березовых рощ. Каждая лощина превратилась в бурный поток. Например,

¹ Среди источников описания отсутствует приказ по корпусу, касающийся этой атаки.

² Согласно записи во втором экземпляре журнала боевых действий 2-го батальона 449-го пехотного полка.

в журнале боевых действий 2-го батальона 449-го пехотного полка записано, что жалкий ручеек в деревне Сапово превратился в мощный поток шириной 60 метров и глубиной около 70 сантиметров.

15 апреля русские тщетно пытались в ходе контратаки вернуть себе важную высоту 237,7 (Сапово), которую дивизия удерживала с 23 марта. Их наступательная мощь окончательно иссякла.

Таким образом, несмотря на возникновение чрезвычайно опасных кризисных ситуаций зимой 1941/42 года, устранение которых продолжалось в течение долгих недель, фронт группы армий «Центр» снова стабилизировался. Несмотря на преодоление самой острой фазы, боевой состав и состояние войск у всех дивизий без исключения, в том числе и у 137-й дивизии, оставляли желать лучшего. Но они выстояли, и только глубокая вмятина на линии фронта из-за выступления в районе города Сухиничи свидетельствовала о некогда грозившей смертельной опасности.

Глава 11

ПОЗИЦИОННЫЕ БОИ В ЗОНЕ ДЕЙСТВИЯ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» (ПОЗИЦИЯ НА РЕКЕ ПОПОЛЬТА)

19 апреля 1942 — 12 февраля 1943 года

После десяти месяцев продолжительных боев и маршей в условиях летней и зимней России, которые лишь изредка прерывались короткими передышками, 137-й дивизии наконец посчастливилось, и она была направлена с июля 1942 года на спокойный участок фронта на северном краю выступа под Сухиничами¹. Боевая активность ограничивалась — в соответствии со степенью истощения обеих сторон — отражением вражеских разведывательных поисков и проведением собственных разведывательных операций и поисков. В качестве примера такого разведывательного поиска может служить поиск, проведенный 449-м пехотным полком в ночь с 29 на 30 апреля 1942 года²:

Командир: фельдфебель Хоманн, 14-я рота 449-го полка.

Сила: 3 отделения 2-го батальона 449-го полка, одна команда подрывников саперного батальона (унтер-офицер Мурдак, пять саперов).

Оружие поддержки: два пулеметных отделения с тяжелыми пулеметами;

одно минометное отделение 8-й роты 449-го полка с тяжелым минометом;

один взвод легких пехотных орудий 13-й роты 449-го полка; 4-я батарея 137-го артиллерийского полка.

Задание: смять ударом во фланг систему траншей и взорвать один блиндаж у деревни Червленово;

захватить пленных;

установить численность противника в деревне Червленово.

Начало поиска в 22.00 из района западнее деревни Рамено.

¹ Нашими соседями были: справа — 34-я пехотная дивизия (вплоть до 10 января 1943 года), слева — 263-я пехотная дивизия.

² Согласно записи в журнале боевых действий 2-го батальона 449-го пехотного полка.

После выхода в течение двух с половиной часов на рубеж атаки, который осложнялся ярким северным сиянием, поисковая разведывательная группа была обнаружена вражеским дозором. Командир поисковой разведгруппы отдал приказ атаковать. Он сам, унтер-офицер Чарманн и унтер-офицер Мурдак обнаружили в одном блиндаже и выкурили оттуда противника. Примерно в час ночи поисковая разведгруппа без потерь вернулась назад с тремя пленными.

Даже такое краткое донесение ярко свидетельствует о том, в какой большой степени успех боя зависел в то время от немногих оставшихся в живых опытных унтер-офицеров. С горсткой обер-ефрейторов они были костяком еще существовавших рот. Такие разведывательные операции и поиски, проводимые на всем фронте дивизии, позволяли нашим бойцам сохранять боевой дух и получать информацию о расположении противника.

За эти десять месяцев русские трижды пытались провести крупные наступательные операции. Числа 10 июня 1942 года командиры рот докладывали командиру (капитану Зигмунду) своего 3-го батальона 448-го пехотного полка, дислоцированному у деревни Сычево у дороги в город Мосальск, о громком шуме двигателей в течение всей ночи¹. Сразу же были приняты все меры, необходимые для отражения вражеской атаки. Тем временем благодаря поступившему пополнению роты были доукомплектованы до полной численности военного времени. Поэтому командир батальона приказал, чтобы каждая рота оставила в резерве по одному взводу и отвела его за командный пункт роты. Приведенный в боевую готовность взвод находился в распоряжении командира роты для возможной контратаки в случае прорыва противника. Какой предусмотрительной оказалась эта мера, выяснилось уже в ходе ближайших боев.

15 июня 1942 года в 4 часа утра на позиции 9-й и особенно 10-й роты, которая занимала выдвинутую позицию на участке, который мы называли «голова индейца», и находилась всего лишь в 100 метрах от русских траншей, обрушился плотный артиллерийский огонь. После часовой артиллерийской подготовки русские поднялись в атаку, и им удалось вклиниться на позиции 10-й роты. Однако в ходе стремительной контратаки обер-лейтенант Гуска сумел ликвидировать эти вклинения. На

¹ Из воспоминаний капитана Зигмунда, 3-й батальон 448-го пехотного полка.

участке роты, находившейся справа, в первой половине дня противнику тоже удалось прорваться, но рота сама ликвидировала этот прорыв. У самого батальона не было своих резервов, только посыльные и связисты могли быть в крайнем случае использованы в качестве тревожного резерва.

После каждой отбитой атаки противник возобновлял артиллерийский огонь. В течение дня он бросил в бой даже свои танки, которые, правда, добрались только до наших минных полей и уже оттуда взяли под обстрел отдельные блиндажи. В первый день противник провел семь атак, но все они были отбиты. Сильнее всего пострадали позиции 10-й роты. Повсюду траншеи обрушились. На следующее утро русские продолжили свои атаки. Им снова удалось неглубокие вклинения, но резервы рот, которые располагались позади основных сил, в ходе контратак всякий раз восстанавливали прежнее положение. В районе деревни Сычево (ober-лейтенант Хирзекорн) выстрелом из гранатомета был выведен из строя вражеский танк. Другой танк застрял в болоте перед самыми позициями роты, еще два танка были подбиты огнем противотанковой пушки.

Рекогносцировка местности в расположении батальона с целью определения районов сосредоточения, которую проводил батальон штурмовых орудий, свидетельствовала о том, что и вышестоящие командные инстанции серьезно относились к сложившемуся положению. Кроме того, тяжелая мортирная батарея направила к нам своих передовых наблюдателей. Уже на второй день потери в ротах оказались очень большими. Слава богу, что сила вражеских атак ослабла. Нам удалось удержать фронт и без введения в бой штурмовых орудий.

За эти семь дней непрерывных боев батальон заплатил высокую цену. Так, численность 10-й роты составляла теперь всего лишь 17 бойцов, 9-й роты — 28 бойцов, в 11-й роте в строю осталось около 60 человек, в то время как в 12-й роте потери были незначительными. Численность батальона составляла теперь только около 250 человек.

В последний день русским удался еще один прорыв на участке 9-й роты у деревни Сычево. Рота была вынуждена оставить почти весь свой сектор обороны, вплоть до «головы индейца». Но вместо того, чтобы расширить зону вклинения, русские занялись «истреблением» выданного нам рано утром спирта, который они обнаружили в оставленных нами блиндажах. Поэтому ober-лейтенанту Хирзекорну не составило труда выбить пьяных русских с занятых позиций с помощью всего лишь одного тяжелого

пехотного орудия. После этой последней попытки наступательный пыл русских угас.

12 июля 1942 года войска советской 50-й армии при поддержке 2-й гвардейской краснознаменной танковой бригады снова атаковали 448-й пехотный полк в том же самом месте стыка с 263-й пехотной дивизией (генерал-майор Траут). Но они не смогли продвинуться дальше первой линии траншей 448-го пехотного полка на участке шириной 500 метров. Измотанные прицельным огнем 137-го артиллерийского полка и тяжелого пехотного оружия, в ходе контратаки они были отброшены назад. Из строя были выведены восемь танков, шесть из них подбила своим метким огнем одна только 12-я батарея 137-го артиллерийского полка. Было захвачено 28 пленных, одна противотанковая пушка, 25 пулеметов и более 1000 единиц ручного стрелкового оружия¹.

У соседа слева, который, по всей видимости, находился на направлении главного удара противника, развивалась ситуация 14 июля не так благоприятно. Поэтому для блокирования вклинения противника у деревни Бесово пришлось привлечь 1-й батальон 448-го пехотного полка, который всего лишь несколько дней тому назад вернулся в состав дивизии после проведения акций против партизан. 263-я дивизия не смогла надолго удержать деревни Шахово и Павлово.

Генерал Камеке, который в начале мая, после выздоровления от своего ранения, вновь принял командование дивизией, издал 14 июля 1942 года приказ по дивизии следующего содержания:

137-я пехотная дивизия

Командир КП дивизии, 14.07.1942

Командир корпуса² выразил дивизии свою особую признательность за достигнутые успехи в оборонительных боях.

Я целиком и полностью присоединяюсь к нему и благодарю всех участвовавших в этих боях офицеров, унтер-офицеров и рядовой состав за проявленную смелость и энергичное участие, причем я хотел бы особо выделить 137-й артиллерийский полк, 448-й пехотный полк и участников разведывательного поиска из 447-го пехотного полка, предпринятого 14 июля.

Я ожидаю, что и в последующие дни дивизия выполнит свой долг.

¹ Сводка Р. Штайнбрунна в газете «Штострупп», подтвержденная записями в дневниках Медера, Маска и Штайскаля.

² Генерал пехоты Бреннеке.

Я чту память всех боевых товарищей, павших от рук врага в эти решающие дни, а всем раненым желаю скорейшего выздоровления.

Два месяца спустя, 10 сентября 1942 года, 447-й пехотный полк успешно отразил атаку двух русских батальонов на хорошо известную еще с марта высоту 237,7 у деревни Сапово, причем в этом бою, к сожалению, погиб обер-лейтенант Эзер — умелый командир 4-й роты 447-го пехотного полка. Окопавшиеся в предполье вражеские подразделения на следующий день были отброшены назад двумя штурмовыми группами численностью до взвода. Результат этой вылазки: 16 пленных при одном раненом с нашей стороны¹.

Командование дивизии, в котором с 1 июня 1942 года майор Генерального штаба Рефиор занял должность начальника оперативного отдела, а в июле майор Генерального штаба фон Вебершtedт стал квартирмейстером, прилагало значительные усилия для доукомплектования своих подразделений. Основой этого явился завершившийся в конце мая 1942 года вывод всех подразделений дивизии из подчиненности чужим воинским формированиям, а также направление в дивизию пополнения, которое в количественном отношении значительно выросло. Командиры сильно ослабленных полков² сформировали свои батальоны заново. Таким образом, полковник Мундорфф (447-й пехотный полк) и полковник Гейне (449-й пехотный полк) имели в своем распоряжении до конца августа 1942 года только по два батальона. Полковник Фибиг (448-й пехотный полк) сначала сохранял три батальона, пока 23 июля 1-й батальон не был включен в состав 3-го батальона. В конце лета 1942 года такое доукомплектование стало значительно эффективнее благодаря тому, что в деревне Новая Мохнатка, в тыловом районе дивизии, был создан полевой учебный батальон, связанный с полевым учебным центром. Наряду с различными учебными курсами прибывавшее с родины пополнение знакомилось с фронтовыми условиями. В каких условиях проходила эта учеба, наглядно отражено в воспоминаниях командира батальона капитана Карренштайна³:

¹ Сообщение лейтенанта Некола, адъютанта 447-го полка в газете «Штрупп» от 06.10.1942 и сводка в той же газете от 27.09.1942, подтвержденная подполковником Кохом.

² Пример движения личного состава и потерь — ср. приложение 10.

³ Опубликовано в журнале «Бергманн-Эхо». № 3. Июнь 1959 (приведено в сокращенном виде).

Полевой учебный батальон 137-й пехотной дивизии находится примерно в десяти километрах от линии фронта. Со всех сторон он окружен огромными лесами, в которых постоянно появляются партизаны. Каждую ночь выставляется круговая оборона. Днем — усиленное охранение. Восемь дней назад прибыл личный состав пополнения.

Ко мне подъехали на своих конях генерал Камеке и начальник оперативного отдела дивизии, в то время им был майор Генерального штаба Рефиор. Я доложил по всей форме и тотчас добавил: «Господин генерал, я прошу вас не сердиться понапрасну и отказаться от посещения занятий учебного батальона. Уровень боевой подготовки прибывшего пополнения просто прискорбный». Начальство удивленно посмотрело на меня и приказало доложить подробнее. Выслушав меня, генерал сказал: «Подготовьте подробную докладную записку о состоянии дел в запасной воинской части. Через четыре недели мы с вами снова увидимся». После этого они ускакали.

Я подготовил докладную записку и посчитал, что на этом все и закончится. Однако все сложилось иначе...

Когда через пять недель генерал Камеке неожиданно появился с проверкой, учебный батальон отрабатывал стрельбу боевыми патронами в полевых условиях. Находясь под впечатлением от показанных результатов, он заявил: «То, что я здесь вижу, очень прилично». Такого же мнения придерживался и полковник Мундорфф. За прошедшие недели упорных тренировок новобранцы действительно многому научились. Каждый делал все, что в его силах, и общее впечатление было очень хорошим. Правда, за эти пять недель у нас было 11 раненых, которые получили ранения от своего же оружия. Последним был ранен я сам, когда вместе с группой курсантов в тумане попал под огонь нашего миномета.

Несколько месяцев спустя в Линце меня вызвал к себе командир местного запасного полка. Он приветливо поздоровался со мной, но потом заметил, что очень хотел познакомиться с тем офицером, который своей докладной запиской взвалил на них громадное количество дополнительной работы и неприятностей. Верховное главнокомандование вооруженных сил потребовало от них подробно изложить свою точку зрения по этому вопросу. И вот уже несколько недель они проверяли планы занятий, чтобы добраться до сути. Кроме того, один из командиров учебной роты рассказал мне, что в Линце все последнее время такая же кутерьма!

К сожалению, приукрашивание действительности ценилось часто гораздо больше, чем сообщение неудобной правды. Генерал Камеке и начальник оперативного отдела дивизии действовали совсем иначе. И я часто вспоминаю их добрым словом.

К празднованию фронтового Рождества 1942 года один из бойцов 3-й роты полевого учебного батальона изложил свои впечатления в поэтической форме¹ следующим образом:

ВЗГЛЯД НАЗАД

Смутное предчувствие витает в воздухе,
В полк вот-вот придет пополнение.
Только подумали, как вышел приказ:
Формируется полевой учебный батальон.
В Новую Мохнатку у большой реки
Прибывают маршем наши «старики»:
Ротный, фельдфебель и писарь,
Бухгалтер, сапожник, портной.
Строить начали русский барак,
Для нашей первой ночи бивак.
Среди деревенских нет толстяков,
Клевер, цветы, грибы — обед их таков.
Отдав свои продукты партизанам,
Приходится им жить как обезьянам.
На следующий день прибыли они,
Выздоровевшие и рекруты инфантерии.
И уставшая от войны кухня подкатила
С поварами и другими героями тыла.
Патроны, оружие, продукты, матчасть
Таскают рекруты, чертыхаясь подчас.
В амбар колхозный они все отнесли,
Но сами в палатке холодной легли.
Полным ходом обучение и бумажная война,
Служба целый день и до самого поздна.
Утром свисток не даст спать корешам,
Вскоре вся рота стоит голышом.
Банда мчится по росистой траве,
Бесится, плещется в чистой воде.
Нахлобучив каску и надев свой мундир,
Спешат все туда, где их ждет командир.
Стреляем и ползаем, честь отдаем,
По стойке «смирно» стоим, так и живем.
Вот снова стоим мы у классной доски,
Но чаще всего молчим от тоски.
Инструктор потеет, но слышит одно:

¹ В сокращенной форме передано Йоахимом Иммерфолем.

Слово — серебро, молчание — золото.
Откомандирование в часть затянулось,
Пришли командиры, обсудили ошибки.
Наконец, первые отправились в часть,
У нас уже скоро завянут летние цветы.
К ним присоединилось несколько плакс,
Они тоже должны пройти школу жизни.
Пришло время строить зимние квартиры,
У нас нет выбора, приказали командиры.
Но и учебу ведь тоже нельзя забывать,
Так как надо нам всех врагов порубать!

Другими мерами для организации и обучения были следующие:

а) формирование дежурного (тревожного) батальона из бойцов обозов и тыловых служб под командованием майора Дерффлингера (начальника службы снабжения дивизии). Перед ним была поставлена задача, в случае необходимости, занять вторую линию обороны (так называемую линию Губерта), для чего с личным составом еженедельно проводились специальные тренировки;

б) формирование в июле 1942 года штрафного взвода, который, находясь в подчинении саперного батальона дивизии, использовался для строительства позиций. 10 января 1943 года он был снова расформирован. В тот момент он насчитывал 16 человек;

в) формирование зимой 1942/43 года временных взводов лыжников, которые после обучения снова возвращались в свои полки;

г) вещевого обоз, который уже много месяцев находился в Смоленске, 20 октября 1942 года был расформирован;

д) объединение мелких автомобильных колонн (1, 2, 3 и 10-й) в одну автороту 137-й дивизии;

е) временное формирование осенью 1942 года так называемого «быстрого батальона» путем объединения разведывательного батальона и истребительно-противотанкового батальона под командованием капитана Заутера.

И наконец, благодаря формированию отдельного подразделения из казаков у дивизии дополнительно появилась особая воинская часть. Когда летом 1942 года на южном участке фрон-

та под Сталинградом и на Кавказе наметился крупный успех германского наступления, на участке фронта 137-й дивизии, где царило затишье, увеличилось число перебежчиков. У отдела дивизионной разведки под командованием капитана Бринкманна сразу прибавилось дел, так как к концу августа у нас уже насчитывалось около ста перебежчиков. Большинство из них составляли кубанские и терские казаки, которые с молоком матери впитали ненависть к великороссам-москалям и советской системе. По приказу генерал-майора Камеке из тех перебежчиков, кто добровольно изъявил желание сражаться на стороне немцев, в начале сентября 1942 года в деревне Выгорь под руководством обер-вахмистра разведывательного батальона дивизии был сформирован первый казачий эскадрон. Русским командиром эскадрона был лейтенант Ш., давний враг советской власти, вся семья которого в тридцатые годы была раскулачена на Кубани и сослана в Сибирь.

После переобучения в соответствии с германскими боевыми уставами под руководством опытных немецких инструкторов в конце октября 1942 года 1-й казачий эскадрон был торжественно приведен к присяге полковником Гейне в присутствии жителей деревни.

В течение зимы 1942/43 года благодаря пополнению с других участков фронта этот эскадрон превратился в казачий батальон с двумя пешими эскадронами и одним тяжелым эскадроном, вооруженными трофейным русским оружием. Обер-лейтенант Хессингер возглавил новое формирование и осуществлял общее командование батальоном с помощью нескольких немецких фельдфебелей, небольшой группы немецких унтер-офицеров, трех русских лейтенантов и одного русского старшины. Этот батальон очень хорошо зарекомендовал себя в боях с партизанами и на фронте в период с февраля и до начала октября 1943 года¹.

Одной из важнейших задач на ближайшее время было дальнейшее оборудование позиций. Оно началось сразу же после окончания весенней распутицы 1942 года и непрерывно продолжалось до создания целой сети сплошных траншей на передней и на второй линиях. Предполье блокировалось с помощью минных полей и проволочных заграждений. Артиллерия тоже зарылась в землю и, таким образом, образовала в своей совокупности артиллерийский оборонительный узел. Саперный ба-

¹ См. также главы 12 и 13.

тальон впервые накрыл все наблюдательные пункты колпаками из железобетона. Были проложены постоянные телефонные линии с использованием штанг. С сентября 1942 года оборонительная система, возведенная севернее шоссе, так называемая линия Губерта, еще глубже зарылась в землю.

Наряду с саперным батальоном нашей дивизии сложные саперно-технические работы выполняли и подчиненные саперные и строительные подразделения, такие как 47-й саперный батальон, 751-й саперный батальон, а иногда и 593-й мостостроительный отряд. К сожалению, даже в этот период относительного затишья работа саперов сопровождалась болезненными потерями. Так, однажды погибло все отделение саперов из 1-й роты саперного батальона дивизии, когда от бомб, сброшенных с русского ночного бомбардировщика¹, сметонировало все минное поле, на котором работали наши саперы.

И в тыловом районе дивизии началась бурная строительная деятельность, после того как в начале августа выяснилось, что высшее командование отказалось от намерения ликвидировать выступ в районе города Сухиничи, хотя именно в расположении дивизии были сосредоточены и развернуты значительные силы подкрепления². Все ударные войска были брошены на южный участок Восточного фронта, где германские армии стремительно приближались к Волге и Кавказу, или же использовались для отражения русских атак подо Ржевом.

Центром тыловой строительной деятельности была маленькая деревушка Захарино в живописной долине реки Попольта. Здесь, рядом с командным пунктом дивизии, наш саперный батальон за короткое время построил большой кинотеатр, дом отдыха и душевую с сауной. Все солдаты дивизии могли во время более или менее длительного пребывания на «курорте» поправить свое здоровье и отдохнуть душой и телом от военных невзгод. Подразделения, которые занимались организацией досуга войск и идеологическим воспитанием, впервые в этом году показали кино и организовали выступление труппы артистов из организации «Сила через радость»³.

¹ Так называемые «шоссейные вороны» или «швейные машинки» досаждали нам по ночам уже несколько месяцев.

² Из дневника Штайскаля, запись от 07.08.1942: «Моторизованная пехота уходит в сторону Ржева»; запись от 12.08.1942: «Все операции приостановлены».

³ Политическая организация в нацистской Германии, занимавшаяся контролем досуга населения рейха в соответствии с идеологическими установками национал-социализма. (*Примеч. пер.*)

23 сентября на заливных лугах у реки Попольта артиллерийский полк организовал под руководством полковника фон Калиновски соревнования по верховой езде и конную охоту; оба мероприятия прошли с большим успехом. Обер-лейтенант Фридрикс, командир 1-й батареи 137-го артиллерийского полка, исполнил на своем жеребце даже кадрили. Играл военный оркестр дивизии под управлением военного дирижера Ганса Хагге¹, раздавали призы — можно было почти совсем забыть о войне.

После того как положение с партизанами несколько успокоилось, удалось подтянуть в тыловой район армии и подразделения и части снабжения и тыла (см. также главу 16). Начальник службы снабжения дивизии майор Дерффлингер, хлебопекарная рота под командованием капитана Дихтля и ветеринарная рота под командованием капитанов ветеринарной службы доктора Гумперта и доктора Польшехера создали в районе деревни Захарино просто образцовые сооружения. Раздаточные пункты питания и боеприпасов были размещены очень практично и рационально, полевой госпиталь был переведен ближе к линии фронта в деревню Новоселки, саперный батальон пробурил скважины для добычи питьевой воды.

Шутливые дорожные указатели и названия командных пунктов свидетельствовали о том, что даже суровая русская зима не смогла лишить нас чувства юмора, свойственного всем австрийцам. «К папаше Шойрену», «Ротвальде», «Голова индейца», «К сердитому муравью», «К решающим исход войны тяжеловесам» и многие другие веселые названия доказывают это.

За все время нахождения на позиции у шоссе дивизия лишь время от времени располагала артиллерией усиления², как это случилось летом, когда ударами с севера и юга планировалась ликвидация выступа у города Сухиничи.

Важнейший вопрос, который после десяти, а в некоторых случаях и 12—15 месяцев отрыва от семьи волновал каждого солдата, принимавшего участие в Восточной кампании, был, конечно, следующим: когда будет отпуск? В ноябре 1941 года, когда мы стояли на рубеже реки Протва, начали отправлять в

¹ В том числе был исполнен «Марш генерала Камеке» Й. Блюма и, конечно, звучал любимый всеми «Шраммельн» (так в Австрии называют квартет, играющий в винных погребках, — обычно две скрипки, гитара, кларнет или аккордеон. — *Пер.*).

² В том числе дивизионом артиллерийской инструментальной разведки и дивизионом 445-го артиллерийского полка.

отпуска отличившихся в боях военнослужащих, но очень скоро пришлось эту практику прекратить. Сейчас же наступила самая пора отпусков. Уже в апреле начались первые отправки отпускников на родину. Познакомимся с выдержками из личного дневника¹ одного из бойцов и узнаем, как прошли два таких отпуска. Даже из этих скупых записок личного характера видно, как обострилось положение на фронте в период с июня 1942 года по январь 1943 года:

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ОТПУСК

19.06.1942. Отпуск. Вечером в обоз. Все получил.

20.06.1942. В 4 часа утра выезд в Рославль. Очень плохая дорога. В половине второго дня в Рославле. Обед и уничтожение вшей. Отличная баня.

21.06.1942. Был в кино, не очень интересное.

22.06.1942. Строили печки, очень холодно.

23.06.1942. Кабаре.

24.06.1942. В половине третьего ночи отъезд. В час дня прибыли в город Унеча. Распределили поисковые партии и дежурства.

27.06.1942. Прибыл к мамочке! Три недели отпуска прошли слишком быстро.

17.07.1942. Снова выехал из Вены.

18.07.1942. Брест-Литовск. Снова встретил старых знакомых. Через Минск в Смоленск. В вагоне товарного поезда в Рославль.

20.07.1942. Рославль. Остановился на частной квартире. Поездка была очень утомительной.

22.07.1942. На автомашине до деревни Глагольни.

23.07.1942. Снова среди своих ребят. Как же приятно, когда снова видишь всех своих старых боевых товарищей в полном здравии.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА В ОТПУСК

27.01.1943. В 8 часов утра отъезд с Восточного вокзала через Словакию. Очень хорошо.

28.01.1943. В 2 часа ночи прибыли в Волковыск. Никак не выедем дальше. Очень много солдат-ополченцев. В 11 часов отъезд в товарных вагонах. В 11.30 подорваны партизанами. Пять человек убитых, 11 раненых. Стою на посту.

29.01.1943. Снова возвращаемся назад. В 11 часов выезжаем по другой железнодорожной ветке.

¹ Вильрадер, 5-я рота 448-го пехотного полка.

30.01.1943. Под Барановичами эшелон снова взорвали, жертв нет.

31.01.1943. В 6 часов вечера прибыли в станицу Милютинскую.

01.02.1943. Ждем автобус.

03.02.1943. Наконец можем ехать дальше. Вечером прибыл к своим ребятам.

Осенью 1942 года произошли значительные изменения среди высшего командного состава дивизии.

Полковнику Фибигу, командиру 448-го пехотного полка, было поручено возглавить военную школу 4-й армии. Он решил попрощаться со своими однополчанами, которыми он командовал в походе от Буга до Москвы и в зимних сражениях вплоть до занятия позиции на реке Попольта, издав следующий приказ по полку:

448-й пехотный полк

Командир.

Командный пункт полка, 01.10.1942

Моему полку!

Тяжела судьба солдата!

Поступающие приказы иногда коренным образом меняют судьбу отдельного человека без учета его желаний и интересов! Совершенно неожиданно я должен покинуть вас, моих боевых товарищей, к которым я привязался всем сердцем! Одних из вас я знаю с момента формирования полка, другие присоединились к нам позднее, во время Восточного похода.

Такова судьба солдата!

С сегодняшнего дня я вверяю судьбу полка в надежные руки опытного командира моего 2-го батальона майора фон Ширмайстера.

Я убежден, что вы все, офицеры, унтер-офицеры и рядовой состав испытанного в Восточной кампании 448-го пехотного полка, и в будущем так же достойно проявите себя, как это постоянно делали до сих пор и к чему приучили меня.

Я могу заверить вас только в одном: я с радостью ожидаю того дня, когда снова смогу увидеть вас бодрыми, как всегда!

Желаю солдатского счастья каждому из вас!

А моему старому, испытанному в боях полку желаю привычной воинской удачи в наступающий тяжелый зимний период!

Надеюсь увидеться в будущем!

*Фибиг,
полковник и командир полка.*

Полковник Гейне, который командовал батальоном еще в Первую мировую войну и который, несмотря на свои 59 лет, принял командование своим 449-м пехотным полком под Москвой в условиях суровой русской зимы, который неоднократно командовал дивизией в критические дни боев за Калугу и зимнего сражения под Юхновом, покинул нас в ноябре, чтобы позднее стать командующим и комендантом крепости на британском острове Джерси в проливе Ла-Манш.

Осенью 1942 года майор фон Вагнер, командир разведывательного батальона, по собственному желанию перевелся в танковые войска.

Осенью 1942 года на фронте с новой силой разгорелась пропагандистская война Советов. Поскольку Красной армии зимой 1941/42 года не удалось окончательно разгромить германские вооруженные силы на Восточном фронте, то теперь они готовились к новой зимней кампании гораздо основательнее, чем год тому назад. На участке фронта дивизии советская пропаганда ставила перед собой две главные цели:

во-первых, разжигать в наших рядах обеспокоенность в отношении приближающейся зимы, всячески подчеркивая страдания прошлой зимы;

во-вторых, постараться вбить клин между австрийцами и пруссаками.

Вот текст одной из таких листовок¹, найденной на шоссе на участке Алферьевское—Рамено—Холуи:

Тебя ждет неминуемая смерть!

Прочти и передай товарищу!

Австрийский солдат 137-й пехотной дивизии!

Почему пруссаки так стремятся попасть в обоз, подальше от передовой? Почему никогда не показываются в своих траншеях такие офицеры, как полковник Мундорфф, майор Шойрен, капитан Кох и остальные господа?

Потому что прошедшая зима многому научила их! Пруссаки хотят остаться в живых. Они посылают вперед, в стрелковые окопы и траншеи вас, чтобы вы погибали там под пулями или находили свою смерть от мороза.

Посмотрите на свое дивизионное кладбище у деревни Батищево. Там одни лишь свежие кресты! И каждый день их число толь-

¹ Прислана Губертом Шойреном.

ко растет, и это происходит сейчас, когда не ведутся активные боевые действия. А что же будет в ближайшее время?

В этой войне германские вооруженные силы уже потеряли более восьми миллионов солдат и офицеров.

ПРУССАКИ ПРИГНАЛИ ТЕБЯ СЮДА НА ВЕРНУЮ СМЕРТЬ!

Уже сейчас холод пробирает до костей. Те перчатки, которые вы получили, годятся скорее для прогулок, а не для войны. Наушники и шинели подбиты вместо меха холодным ветром. А суровая безжалостная зима со снежными буранами и лютыми морозами еще только предстоит.

В РУССКИХ СУГРОБАХ ТЕБЯ ОЖИДАЕТ СМЕРТЬ!

Русская пуля меткая, ты не сможешь спастись от нее. Никакой окоп не спасет тебя от мин и гранат. Снаряды и бомбы настигнут тебя даже в блиндаже.

ПОД СОКРУШИТЕЛЬНЫМ РУССКИМ ОГНЕМ ТЕБЯ ОЖИДАЕТ СМЕРТЬ!

Зачем тебе, австрийцу, погибать за пруссаков? Пруссаки поработили твою родину. Пруссаки принесли в твой дом нищету и отчаяние. Сегодня твоя жена, твои дети и родители голодают!

АВСТРИЕЦ! Ты не должен и дальше оставаться рабом пруссаков! Распорядись своей судьбой сам! В немецких окопах ты обречен на смерть! В русском плену ты останешься жив. Ты снова увидишь свою жену, свою любимую Австрию и свою семью.

При переходе на русскую сторону крикни издали:

Я АВСТРИЕЦ!

И любой красноармеец встретит тебя как друга.

Командование Красной армии.

Что касается второй пропагандистской цели, то, конечно, между разными землячествами в германских вооруженных силах того времени имелись противоречия и трения, приводившие подчас к возникновению неприятных ситуаций, и это касалось всех землячеств без исключения. Однако каждый, кто попал в такие неловкие ситуации, знает, что эти инциденты не шли ни в какое сравнение со связующей силой совместных переживаний, присущих фронтовому товариществу. Впечатляющим доказательством этого является не только практическая тщетность этих попыток раскола, построенных на смеси лжи, полуправды и сентиментальности (не считая нескольких исключений, которые встречаются повсюду), но и тот факт, что даже двадцать лет спустя австрийские и немецкие фронтовые това-

рищи, сражавшиеся в рядах 137-й пехотной дивизии, совершенно добровольно поддерживают дружеские контакты в рамках дивизионного товарищества, выходящего за границы отдельных стран.

За небольшими организационными изменениями, проведенными летом и осенью 1942 года, в конце года последовали кардинальные преобразования. В первую очередь они коснулись пехотных полков, которые по приказу Верховного главнокомандования вооруженных сил от 15 октября 1942 года были переименованы в «гренадерские полки». По указанию Верховного главнокомандования дивизии, состоявшие ранее из трех полков, были преобразованы в дивизии, в состав которых теперь входили только два полка. Вследствие этого 449-й гренадерский полк, как самостоятельное воинское соединение, которым с ноября 1942 года командовал майор запаса Шойрен, был вплоть до 27 января 1943 года расформирован. Из его двух батальонов 1-й батальон поступил под командование 447-го гренадерского полка, а 2-й батальон оказался под командованием 448-го гренадерского полка. Тем самым в обоих полках теперь было по три батальона. Из освободившегося персонала и подразделений так называемого «быстрого батальона», который снова был переформирован в истребительно-противотанковый батальон, согласно приказу по дивизии от 28 января 1943 года возник 137-й мотопехотный батальон (часто называемый батальоном дивизионного подчинения) под командованием капитана Ханнаппеля. В артиллерийском полку по новым штатным расписаниям в батарее были распределены по три орудия (см. приложение 6 «Структура военного времени»).

И хотя дивизия еще не была полностью восстановлена в своей мобильности, но в своей боеспособности она была уже полноценной. Невозможно было компенсировать недостаточную мобильность тяжелого оружия. Техника стрельбы артиллерии, дававшая огневое превосходство, находилась в противоречии с относительно низкой мобильностью конной тяги. На боеспособности истребительно-противотанкового батальона негативно сказывалось как наличие неподходящих средств тяги, так и малый калибр противотанковых орудий и не всегда разумное распределение боеприпасов. Имевшиеся в дивизии немногочисленные минометы были слабыми как в отношении калибра, так и дальности стрельбы.

В начале 1943 года роковые события, связанные с названием «Сталинград», начали отодвигать на задний план все то, что

происходило на более спокойных участках Восточного фронта. Они не могли не оказать влияния и на тот участок фронта, который занимала группа армий «Центр».

Наш сосед справа (34-я пехотная дивизия) 10 января была выведена из состава 43-го армейского корпуса и передислоцирована на другой фронт. При этом 137-я пехотная дивизия должна была сместиться на 13 километров вправо и занять освободившийся участок фронта. В то же время она передала 263-й пехотной дивизии 11 километров своего фронта на левом фланге. Теперь общая ширина фронта дивизии составляла около 21 километра. В процессе смены 448-й гренадерский полк был передислоцирован с левого фланга на правый. Штаб дивизии перебазировался из полюбившегося всем Захарина в деревню Песочня, где раньше размещался командный пункт корпуса. Новым соседом справа стала 267-я пехотная дивизия.

20 января было объявлено о полном запрете отпусков. И наша 137-я пехотная дивизия не исключала возможной передислокации. В районе действия 4-й и 9-й армий с целью экономии сил и высвобождения резервов было предусмотрено значительное сокращение линии фронта — так называемая операция «Движение буйвола», проведенная позднее, в марте 1943 года. Нашей дивизии даже был отведен район для оборудования новой позиции.

Но опять все пошло по-другому! В самый разгар подготовки к выполнению этого нового задания, около полудня 8 февраля 1943 года в штаб дивизии поступил приказ о передислокации по железной дороге. Но куда же? Район боевого использования дивизии был пока еще не известен, но было приказано в спешном порядке готовиться к отправке. Уже через 48 часов первые четыре эшелона с войсками дивизии должны были отправиться в путь. В течение этого короткого времени необходимо было заменить воинские части, занимавшие позиции на передовой, прибывающими новыми формированиями¹ и при очень тяжелых дорожных условиях и условиях расквартирования выйти в район погрузки Милятино—Спас-Деменск. Начались снежные бураны, которых все так боялись и которые местами замели объездные пути. Тем не менее первые батальоны и дивизионы, совершая ночные марши по 30—35 километров, 10 февраля вовремя вышли в места погрузки, определенные приказом. 15 февраля последние боевые подразделения дивизии покинули хоро-

¹ Сначала воинскими частями 31-й пехотной дивизии и 10-го и 11-го егерских батальонов, а потом 183-й пехотной дивизии.

шо знакомые позиции у шоссе и отправились к месту погрузки на железной дороге. 18 февраля за ними последовали последние обозы и подразделения и части снабжения, которые преодолели часть пути пешим маршем.

Командующий 4-й армией генерал-полковник Хейнрици, под командование которого дивизия попала в тяжелые дни декабря 1941 года, попрощался с дивизией приказом по армии от 11 февраля 1943 года. В заключительном предложении после обзора успехов дивизии он сказал:

За достигнутые успехи выражаю командному и личному составу 137-й пехотной дивизии свою благодарность и признательность. Их дела не будут забыты в истории 4-й армии. И когда сейчас хорошо зарекомендовавшая себя дивизия направляется на выполнение другого задания, я знаю, что и впредь она с честью выполнит свой долг. Выражаю ей свои наилучшие пожелания. Пусть солдатское счастье всегда будет с ней.

И вот эшелон за эшелонам отправляются через Смоленск—Рославль... на юг!

Глава 12

ЗИМНЕЕ СРАЖЕНИЕ В РАЙОНЕ ЮГО-ЗАПАДНЕЕ ОРЛА

13 февраля — 25 марта 1943 года

Новый участок действий дивизии никого не удивил. В сводках вермахта ежедневно сообщалось об ожесточенном оборонительном сражении в южной части Восточного фронта (схема 19).

Оборона на участке Восточного фронта южнее Воронежа протяженностью около 300 километров, которую держали итальянцы и венгры, под ударами Красной армии рухнула. Немецкая 2-я армия, занимавшая позиции севернее Воронежа и сильно ослабленная предыдущими передачами и переподчинениями, оказалась втянутой в водоворот этих событий и отошла южнее Курска. Южный фланг примыкавшей к ней с севера 2-й танковой армии оказался открытым и как бы приглашал наступавшего противника осуществить охват, смертельный для всей группы армий «Центр».

Путь на юг в новый район боевого использования дивизии пролегал через Брянск. Всего лишь полтора года назад над этой частью России пронесся смерч войны. Невредимые, протянувшиеся вдоль железнодорожной линии населенные пункты, огромные скирды сена и обмолоченной соломы и значительное поголовье скота свидетельствовали о мирном труде крестьян, которые позаботились о создании запаса кормов и зерна на зиму. Русское народное ополчение, частично вооруженное даже танками и орудиями, защищало эту часть страны, которой под германским верховенством управляли сами местные жители, от партизанских отрядов. Эти партизанские отряды хозяйничали в огромных лесных массивах вокруг Брянска.

Однако и здесь дорожные условия были просто ужасными. Поскольку в этом районе было очень мало оккупационных войск, за исключением венгерских охранных подразделений, направленных на охрану железнодорожного полотна, то остальные дороги не поддерживались в исправном состоянии для постоянного движения и не ограждались специальными щитами

от снежных заносов. Передвижение по таким дорогам тяжелых колесных машин было почти полностью исключено. Поэтому при прибытии на станции разгрузки подразделения дивизии вынуждены были оставлять там все то, без чего можно было обойтись, и переходили на транспортные средства, пригодные для передвижения в зимних условиях. Для этого они пытались раздобыть недостающие сани в близлежащих населенных пунктах.

В этой брешу между остатками 2-й армии и 2-й танковой армией (командующий генерал-полковник Рудольф Шмидт) шириной почти 100 километров имелся один-единственный опорный пункт, город Дмитриев-Льговский, занятый 707-й пехотной дивизией (с 24 февраля 1943 года командир генерал-майор Айзенхайм). Эта охранная дивизия до сих пор выполняла задания исключительно в тыловом районе армии, и вот теперь ей предстояло принять участие в боевых действиях на передовой, к которым она была совершенно не подготовлена. Не было у нее и необходимого для этого вооружения. Она располагала лишь двумя пехотными полками, 657-м артиллерийским дивизионом с бельгийскими 90-мм пушками, одной саперной ротой и телефонной ротой. У дивизии не было ни истребительно-противотанкового батальона, ни пехотных орудий. В качестве компенсации ей были приданы пять батарей 137-го артиллерийского полка, один дивизион легких пехотных орудий, две или три батареи войск СС и железнодорожный зенитный взвод. С 26 февраля командование всей артиллерией 707-й пехотной дивизии было поручено майору запаса доктору Айзенбергеру, командиру 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка. Позади 707-й дивизии охранением тыла от нападения партизан из Брянских лесов занималась венгерская охранная дивизия¹.

Восточнее города Дмитриев-Льговский, на рубеже реки Свапа, охранение осуществляли совсем слабые смешанные подразделения; на участке протяженностью 25 километров находилось не более двух батальонов². От командира 47-го танкового

¹ По соглашению, достигнутому между Верховным главнокомандованием вооруженных сил Германии и венгерским военным руководством, эта венгерская дивизия не могла быть использована в боевых действиях на фронте, так как имела недостаточное вооружение.

² Согласно карте с масштабом 1 : 50 000 адъютанта 137-го артиллерийского полка (капитана Фридрикса) между деревней Михайловкой и селом Тросна располагались следующие подразделения: штаб 13-го маршевого батальона, 8-я маршевая рота, две трети 4-й роты 313-го охранного батальона, 3-я рота 745-го саперного батальона, учебная воинская часть Мюллера, 258-я охотничья команда, 1-й батальон 419-го пехотного полка 125-й пехотной дивизии.

Общая обстановка на Восточном фронте с 16.02 по 25.03.1943

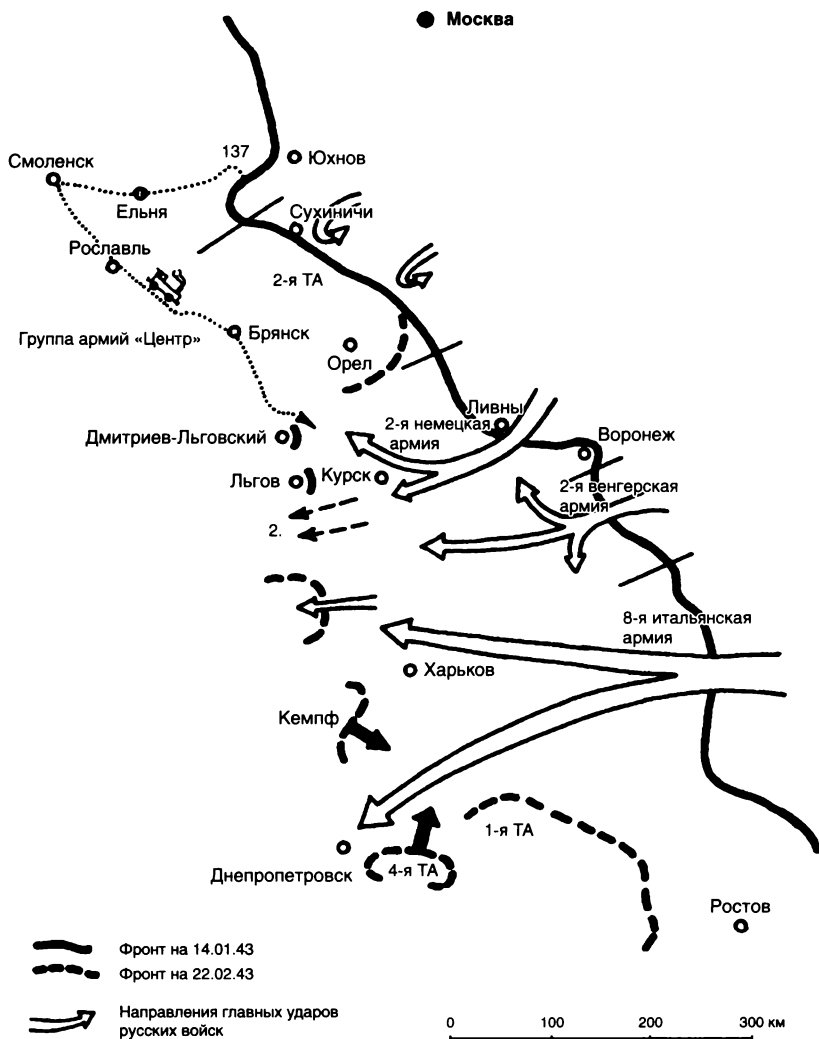

Схема 19

корпуса генерала танковых войск Лемельзена, с которым 137-я пехотная дивизия встречалась еще под Смоленском в июле 1941 года, было получено задание создать вокруг этих опорных пунктов на реке Свапа оборонительный рубеж. Это позволило бы восстановить контакт между обеими армиями и прикрыть южный фланг 2-й танковой армии (схема 20). Кроме 707-й пехотной дивизии и нескольких воинских частей корпусного подчинения теперь корпусу была подчинена и 137-я пехотная дивизия, переброшенная в этот район по железной дороге. Следует отметить, что эта переброска сопровождалась несколькими подрывами железнодорожного полотна, которые осуществили партизаны. В период с 13 февраля (2-й батальон 449-го гренадерского полка) по 22 февраля (дивизионная служба снабжения и рота снабжения) дивизия разгрузилась на железнодорожных станциях Дмитриев-Льговский, Дерюгино и Комаричи, примерно в 12—15 километрах позади редкой линии охранения 707-й пехотной дивизии. Одна из батарей 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка при въезде 15 февраля на станцию Дмитриев-Льговский была встречена грохотом взрывов, и ее пришлось разгрузить на станции Дерюгино¹.

После спокойных месяцев на «нашем» шоссе Рославль—Юхнов война напомнила о себе со всей своей смертоносной силой: дивизии предстояло вести маневренную войну в самый разгар зимы в кризисной ситуации, когда ее подразделения действовали изолированно друг от друга. Неужели мы так ничему и не научились за время зимней кампании 1941/42 года? Самая главная ошибка заключалась в том, что согласно указанию свыше местное командование снова было привязано к одному конкретному населенному пункту, в данном случае к городу Дмитриев-Льговский. Верховное германское командование явно не сделало выводов из неудач прошлой зимней кампании. Таким образом, среднее командное звено не могло дожидаться окончательного прибытия всей дивизии, чтобы в ходе подготовленной операции восстановить положение. Обстановка, сложившаяся на местах, то есть поведение противника, требовала немедленного введения в бой прибывавших подразделений 137-й пехотной дивизии. Часть из них была направлена в распоряжение 707-й дивизии в город Дмитриев-Льговский в качестве своеобразной временной «поддержки».

¹ Из дневника лейтенанта Медера.

Поскольку дорога заметена метровыми сугробами и уже после нескольких пройденных метров мы с нашими «практичными» тяжелыми армейскими санями прочно увязаем в снегу, принимается решение в сумерках продолжить марш по рельсовому пути. Несмотря на все меры предосторожности, вскоре происходит несчастный случай. Один из эшелонов 707-й пехотной дивизии, двигавшийся в сторону железнодорожной станции Дмитриев-Льговский, не может вовремя остановиться и врывается в хвост нашей колонны. Несколько саней и транспортных средств разбиты в щепки. Издали доносится приглушенный шум боя. Мы знаем, что у города Дмитриев-Льговский подразделения 707-й дивизии ведут бой. Время от времени со всех четырех сторон горизонта в небо взмывают белые сигнальные ракеты, озаряя все вокруг призрачным светом. Невольно на душе становится тревожно. Что могут означать эти сигнальные ракеты, взлетающие с обеих сторон от железнодорожного полотна и у нас за спиной?¹

Другие подразделения 137-й пехотной дивизии были направлены для создания фронта северо-восточнее города Дмитриев-Льговский и на реке Усманка. 16 февраля генерал-лейтенант Камеке принял на себя командование войсками, находившимися в этом районе. В первые две недели, а частично и дольше, здесь сражались:

Под командованием штаба 137-й пехотной дивизии (командный пункт в деревне Дерюгино):

Штаб 447-го гренадерского полка
с 1-м батальоном 447-го полка
и 3-м батальоном 448-го полка.....с 16.02.1943
Штаб 448-го гренадерского полка.....с 26.02.1943
Мотопехотный батальон 137-й дивизии.....с 25.02.1943
2-й батальон 449-го полка.....с 18.02.1943
1-й батальон 747-го гренадерского полка
(из состава 707-й пехотной дивизии)с 25.02.1943
«Быстрый батальон» 137-й пехотной дивизии
с саперной ротой корпусного подчинения.....с 26.02.1943
Саперный батальон 137-й пехотной дивизии.....с 02.03.1943

¹ Из дневника капитана Фрона, командира 8-й роты 449-го гренадерского полка. Запись от 13.02.1943.

137-й артиллерийский полк (без 3-го дивизиона, 1-й и 10-й батарей).....	с 17.02.1943
Полевой учебный батальон 137-й пехотной дивизии	с 16.02.1943
Казачий батальон.....	с 22.02.1943

Под командованием штаба 707-й охранной дивизии следующие подразделения 137-й пехотной дивизии:

Штаб 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка в качестве руководства всей артиллерией 707-й дивизии.....	26.02—14.03.1943
Штаб 448-го гренадерского полка	18—25.02.1943
2-й батальон 449-го полка с 313-м охранным батальоном	13—18.02.1943
1-й батальон 449-го полка.....	?
2-й батальон 447-го гренадерского полка	с 14.02.1943
2-й батальон 448-го гренадерского полка	с 20.02.1943
3-й дивизион 137-го артиллерийского полка.....	с 13.02.1943
1-я и 10-я батареи 137-го артиллерийского полка, главные силы противотанковой артиллерии	с 15.02.1943

Уже первые дни пребывания дивизии на новом участке фронта на реке Усманка ознаменовались упорными боями. Благодаря массовому принудительному призыву на военную службу всех мужчин в возрасте от 15 до 50 лет в только что занятых населенных пунктах русские смогли доукомплектовать свои слабые роты, доведя их численный состав до 100—150 человек. До 21 февраля обороняющиеся здесь подразделения 137-й пехотной дивизии отразили восемь атак численностью до роты и пять атак численностью до батальона или даже полка. Неоднократно приходилось отбрасывать прорвавшегося к опорным пунктам в метель противника в ходе контратак и рукопашных схваток. В руки бойцов дивизии попало 53 пленных, безвозвратные потери противника составили, по нашим подсчетам, 384 человека. Выдвинутые далеко вперед наши разведывательные дозоры на лыжах вели разведку на северном фланге.

Воина принимала все более чудовищные формы. Едва дивизия успела прибыть на новый участок фронта, как поступила информация о массовых расстрелах Советами немецких солдат 2-й армии, попавших к ним в плен (см. приложения).

Краеугольный камень восточного и южного участков фронта дивизии, деревню Моршнево, 2-му батальону 449-го полка под командованием майора Фрая пришлось сначала отбивать у русских, а совершенно измотанный 313-й охранный батальон отводить в тыл. Умело и успешно батальон оборонялся здесь до 18 февраля под командованием 707-й дивизии, а потом в составе 137-й пехотной дивизии (447-го гренадерского полка). Ведя оборонительные бои, батальон постоянно проводил контратаки и наносил решительные удары по отходившему противнику в северном, восточном и южном направлениях. В период с 14 по 25 февраля в плен попало 79 красноармейцев, безвозвратные потери противника составили 471 человек, главным образом это были военнослужащие русской 15-й механизированной бригады¹.

Предоставленному в первые дни самому себе батальону удалось оказать первую помощь только 18 февраля, когда в его подчинение перешли по одному взводу из 13-й и 14-й роты 447-го гренадерского полка. Артиллерийскую поддержку обеспечили 1-я и 5-я батареи 137-го артиллерийского полка. За эти десять дней ожесточенных боев батальон потерял 4 офицеров, 26 унтер-офицеров и 85 солдат убитыми и ранеными.

С 18 февраля командование обороной на правом фланге² 707-й пехотной дивизии взял на себя штаб 448-го гренадерского полка. Первым делом 2-й батальон 448-го полка под командованием майора Шверина захватил в ходе атаки 21 февраля деревню Фатеевку. Однако направленный для обороны этой деревни батальон 747-го пехотного полка (707-й пехотной дивизии) не смог удержать ее, несмотря на поддержку подразделений 13-й роты 448-го полка. Уже отведенному на север 2-му батальону 448-го полка пришлось возвращаться и после выставления охранения для защиты фланга с востока в ходе контратаки еще раз брать деревню. Но бойцы дивизии охранения снова не смогли удержать Фатеевку, поэтому 25 февраля пришлось перенести фронт на несколько километров севернее.

После короткого затишья на фронте, которое, как выяснилось позже, противник использовал для замены своей измотанной в боях 132-й стрелковой дивизии, 22 февраля наметилась опасность на северном фланге 137-й дивизии в районе

¹ Запись в журнале боевых действий 2-го батальона 449-го гренадерского полка и в дневнике капитана Фрона, 8-я рота 449-го полка.

² Согласно записи в дневнике погибшего фельдфебеля Ханни из 13-й роты 448-го полка.

охраняемой из-за недостатка сил только разведывательными дозорами бреши между деревнями Полозовка и Клишино. 24 февраля около 500 красноармейцев 12-й танковой бригады закрепились в восточной части деревни Полозовки. Ночью они атаковали 1-й батальон 447-го гренадерского полка, который оборонял западную часть деревни. Этой же ночью русский лыжный батальон проник в неприкрытую брешь в линии фронта¹.

Направление русского удара было очень опасным. Опасность грозила не только тылу города Дмитриев-Льговский, но и важной базе снабжения, железнодорожной станции Дерюгино. Единственным резервом командира дивизии были полевой учебный батальон, дислоцированный в деревне Богословке, и предусмотрительно сформированный из канониров 137-го артиллерийского полка тревожный взвод, насчитывавший 30 бойцов. Поистине мало для бреши шириной 4 километра! На командном пункте дивизии в деревне Дерюгино всем пришлось несколько часов понервничать, прежде чем утром 25 февраля удалось организовать оборону на новом рубеже по линии Каменка—Богословка, чтобы избежать полного окружения. Для организации обороны был отведен назад 1-й батальон 447-го гренадерского полка, к которому присоединились еще два батальона, выделенные штабом корпуса (мотопехотный батальон 137-й дивизии и 1-й батальон 747-го гренадерского полка 707-й пехотной дивизии). При этом всех очень обрадовало сообщение, что с севера из Дмитровска через село Трояново в направлении деревни Клишино движется боевая группа капитана Заутера (истребительно-противотанковый батальон 137-й дивизии, усиленный саперами 47-го армейского корпуса). Отдельные формирования этой группы были направлены на северный фланг к селу Лубошеву.

Опасность, исходившая от направления главного удара противника, ставила нас перед необходимостью вновь вернуть старый оборонительный рубеж на северном фланге. Командование дивизии знало об этом, а штаб корпуса отдал соответствующий приказ. 2-й батальон 447-го гренадерского полка был выведен с южного участка фронта дивизии, на котором в этот момент царил затишье. К полудню 27 февраля вместе с группой обер-

¹ Согласно записи в дневнике лейтенанта Медера, 4-й дивизион 137-го артиллерийского полка, и сообщению майора Шойрена, 1-й батальон 447-го гренадерского полка.

лейтенанта Ханиеля¹ (подразделения разведывательного батальона) под командованием вновь направленного в этот район штаба 448-го гренадерского полка он был готов атаковать деревню Клишино. После отражения вражеских атак батальон начал выдвижение на исходную позицию. Но, как это всегда происходило в условиях русской зимы, подтягивание сил, необходимых для атаки, заняло очень много времени. Максимальный темп продвижения на марше составлял 2—3 километра в час. Разумеется, штаб корпуса, обеспокоенный постоянно растущим давлением противника на наш северный фланг, торопил нас.

Тем временем, по данным воздушной разведки, положение противника в свободном районе северо-восточнее расположения дивизии становилось все более угрожающим, так что нам пришлось думать о серьезной защите собственного северного фланга. По этой причине, а также из-за того, что противник усилил свое присутствие в деревне Клишино и в поселке Пролетарском до двух батальонов, дивизия приостановила свою атаку.

Большое беспокойство вызвало также то обстоятельство, что на следующий день, 28 февраля, было замечено появление вражеских танков не только южнее города Дмитриев-Льговский, но и на рубеже реки Усманка. В глубине позиции 137-й дивизии располагались батареи 137-го артиллерийского полка с бронбойными снарядами, но у дивизии оставалось всего лишь две тяжелых противотанковых пушки. Большинство этих пушек было установлено на подступах к городу Дмитриев-Льговский (707-я пехотная дивизия). Многочасовая неизвестность относительно положения, сложившегося на северном фланге дивизии, и борьба с танками на ближних дистанциях в деревне Богословке указывали на то, что складывалась критическая ситуация. Утром 1 марта положение стало угрожающим. Одно тревожное сообщение об атаках противника с участием около 50 танков сменялось другими, не менее тревожными донесениями о прорыве вражеских танков к командным пунктам полков и дивизии. Целый ряд вражеских танков был подбит в ближнем бою и огнем прямой наводкой нашей артиллерии. При этом особо отличился фельдфебель Алоис Леркингер, командир взвода 2-й роты 447-го гренадерского полка. Он неоднократно поднял свой взвод в контратаку и лично подбил связкой гранат

¹ Вскоре после этого погибшего (по сообщению доктора Грюнвальда).

один вражеский танк. За этот героический поступок 2 марта 1943 года трижды раненный фельдфебель был награжден сначала почетным «Знаком за уничтожение танка», а 3 апреля 1943 года — Рыцарским крестом.

В бой были брошены все имевшиеся в наличии резервы. Пришлось задействовать даже казачий батальон, который впервые принимал участие в бою с регулярными частями Красной армии на передовой и отлично зарекомендовал себя в столкновении у деревни Кошкино. Для сокращения линии фронта наши войска были организованно отведены с выступа у деревни Моршнево. В течение двух недель 2-й батальон 449-го полка успешно удерживал этот выступ. С полным правом в одном из дневников¹ появилась следующая запись:

Бойцы сражались безупречно, не в последнюю очередь потому, что у них было отличное руководство. Командир батальона и личный состав сблизился за эти две недели гораздо сильнее, чем почти за год позиционной войны. Но вот приходится непобежденным оставлять свои позиции, таков приказ. У многих возникают при этом горькие мысли, особенно тогда, когда мы вырываем деревянные кресты с нашего военного кладбища и сжигаем их. Это кажется нам почти осквернением памяти павших товарищей, и все же это необходимо сделать, чтобы скрыть от противника номера и структуру воинских частей. Нас утешает одна только мысль, что не внешние символы погребения являются алтарем памяти, а те обязывающие воспоминания, которые хранят в своем сердце оставшиеся в живых.

Из полученной информации о положении противника стало ясно, что дивизии на ее участке фронта противостояли подразделения пяти стрелковых дивизий и четырех танковых и механизированных бригад Красной армии. Подход свежих германских войск задерживался из-за постоянных подрывов партизанами железнодорожных линий. Поэтому, чтобы избежать охвата с севера сразу двух дивизий, надо было в требующем много времени служебном порядке ходатайствовать перед группой армий «Центр» о разрешении оставить город Дмитриев-Льговский, который почти не подвергался атакам противника с юга. После многочасового ожидания такое разрешение пришло 1 марта в 19.30. Новый рубеж обороны прошел от леса

¹ Запись в дневнике капитана Фрона, 8-я рота 449-го полка.

северо-западнее города до восточной окраины деревень Дерюгино и Черневка (схема 20).

Тем временем¹, в период с 28 февраля по 3 марта русские трижды атаковали при поддержке нескольких танков деревню Меркуловку на правом фланге 707-й пехотной дивизии. И все три раза 2-й батальон 448-го гренадерского полка успешно отражал эти атаки, нанося противнику тяжелые потери, однако и не без существенных потерь среди бойцов батальона и расчетов взвода пехотных орудий 13-й роты 448-го полка. При этом необходимо подчеркнуть, что только в последний день в распоряжение батальона поступила тяжелая противотанковая пушка в качестве единственного противотанкового оружия.

Из-за трудностей ведения боевых действий в зимних условиях в лесистой местности и вне населенных пунктов кризисные ситуации продолжали возникать, даже несмотря на установившиеся морозы, доходившие до -15°C , которые существенно снижали физическую сопротивляемость войск. На открытом северном фланге 3 марта противник сумел занять населенные пункты (Социализм и Савица), которые находились в глубине обороны. Атака полка противника при поддержке 20 танков, направленная в место стыка с 707-й дивизией, угрожала новому оборонительному рубежу с юга. Организованное руководство войсками было крайне затруднено из-за сложностей ориентировки в условиях метели и заснеженных лесов, а также из-за слишком долгой прокладки линий связи. Никак не удавалось своевременно закрывать возникавшие бреши, сквозь которые постоянно просачивались подразделения противника. Так, отход 137-й пехотной дивизии к селу Усожа, через которое проходил окончательно установленный передний край обороны, произошел быстрее, чем планировалось, не превратившись при этом в неорганизованное бегство.

4 марта командир корпуса, находясь на борту легкого самолета «Физилер-Шторьх» и пролетая над расположением 707-й дивизии, установил, что главные силы одного из ее полков под ударом русских танков откатываются на север. В результате 2-й батальон 448-го гренадерского полка, находившийся в этот момент в районе деревни Евдокимовки, попал в тяжелое положение, из которого он сумел освободиться, проведя атаку на север. В самый тяжелый момент на помощь батальону пришли

¹ Из дневника погибшего фельдфебеля Ханни, 13-я рота 448-го полка.

наши пикирующие бомбардировщики, встреченные всеобщим ликованием.

«Маневренные оборонительные бои в районе юго-западнее Орла...» — сообщалось в сводке вермахта в начале 1943 года. Как это выглядело в конкретном подразделении, наглядно показано в сообщении одного из военных корреспондентов¹, который был прикомандирован к 1-му батальону 447-го гренадерского полка:

Командный пункт командира батальона все еще находится в перелеске рядом с дорогой, несколько наспех вырытых в снегу окопов, накрытых сверху брезентом: здесь радиостанция, там телефонный коммутатор, а вот здесь, в снежном окопе, сидит майор, здесь находится его «батальонный командный пункт». В нескольких сотнях метров перед ним протянулись позиции отдельных рот, это редкая цепочка окопов, вырытых в снегу. Гренадеры, маршировавшие всю ночь, вырыли их на рассвете. В течение дня они отразили все попытки вражеских дозоров проникнуть на нашу территорию, отбили все атаки противника. И так продолжается уже несколько дней: как только стемнеет, они отрываются от врага и оборудуют новый передний край обороны, чтобы в течение дня в ожесточенном бою отражать атаку получивших свежее пополнение и оснащенных новейшим оружием советских полков. Когда читаешь такие строки, то не задумываешься о том, что бойцы почти не спят, не отдыхают и не имеют возможности сбросить напряжение.

Сегодня вечером опять звучит приказ: «Батальон С. производит смену позиции».

Время пришло. Ребята из взвода связи снова сматывают проложенные прошлой ночью телефонные кабели, теперь с ротами поддерживается только радиосвязь. Из наушников звучит морзянка, передается условленный пароль, и командиры рот выполняют полученный приказ и незаметно отрываются от противника. Штаб батальона тоже готов к выступлению. Полозья саней скрипят по затвердевшему снегу, приглушенными возгласами «Но, но!» и «Трогай, трогай!» ездовые подгоняют лошадей. Роты молча прокладывают себе путь, ступая шаг в шаг и внимательно осматриваясь по сторонам. Сначала движемся по накатанной дороге, потом сворачиваем на широкие, занесенные снегом проселки, на которых

¹ Унтер-офицер Вернер Никельс, 693-я танковая рота пропаганды, сообщение от 08.03.1943 (в сокращенном варианте).

солдаты и лошади утопают по колено в мягком снегу... Шаг за шагом, постоянно останавливаясь, длинная черная змея сухопутных войск ползет вперед.

Колонна снова останавливается, из головы колонны передают: «Дорога непроходимая, должны ли мы повернуть назад?» Все замерли, молчат, затаили дыхание. Что же теперь? Назад? Куда?.. Если батальон своевременно не выйдет в указанный район, тогда не будет контакта с соседями справа и слева, возникнет брешь и противник сможет прорваться...

Снова раздается зов из головы колонны, приближается к нам: «Каков будет ответ?»

И вот он, ответ командира батальона, пятидесятилетнего майора С., который вместе со своими гренадерами тяжело ступает, утопая в рыхлом снегу, который вместе с ними бодрствует день и ночь и который, что бы ни случилось, разделит с ними судьбу ближайших часов. Это ответ солдата, который получил приказ; и его не нужно передавать из уст в уста; энергичный голос решительного командира долетает до головы колонны: «Мы должны пройти!»

В этот момент еще никто не знает, что означает этот приказ для людей и для животных. Все увязают в снегу по пояс. Рации, катушки с телефонным кабелем, полевые телефонные аппараты — весь тяжелый груз, который перевозился на санях, солдаты взваливают себе на плечи, чтобы лошадям было легче. Тем не менее здесь ломаются сани, там застревает лошадь. Дорога ведет сквозь густой лес, то поднимаясь на взгорок, то вновь спускаясь в лощину. Солдаты утрамбовывают дорогу, расчищают лопатами от снега... «Мы должны пройти!» Начинается метель, не видно ни зги. Теперь только не останавливаться, только не отстать от колонны!

Наконец, наконец-то остановка! В изнеможении, тяжело дыша, гренадеры опускаются на землю, у всех одна только мысль: «Мы справились!»

Несколько темных пятен указывают на те места, где когда-то стояли крестьянские избы. Судя по карте, здесь должна была находиться деревня, но она уже давно исчезла, большевики стерли ее с лица земли, когда отступали здесь прошлым летом.

И во всех остальных подразделениях прилагался максимум усилий, чтобы в полной боевой готовности прибыть на новую позицию. Вот как это происходило в том взводе 13-й роты 448-го гренадерского полка, который был подчинен 3-му батальону 448-го полка (командир капитан Зигмунд):

Орудие унтер-офицера Шюгерля стреляло образцово; чтобы оно не досталось врагу, Шюгерль попросил солдат-пехотинцев помочь погрузить его на двое спасательных саней «Акья», впрягся в лямки и тянул его вместе с орудийным расчетом; а впереди всех шагал капитан Зигмунд¹.

Утром 6 марта дивизия заняла позицию позади села Усожа между селом Литиж и деревней Самара (за исключением самих населенных пунктов), снова имея прочный контакт с соседями: 707-й пехотной дивизией (справа) и 45-й пехотной дивизией (слева). Ее упорная трехнедельная борьба вместе с 707-й пехотной дивизией позволила создать новый оборонительный рубеж. В этих боях против двух немецких дивизий противник потерял 12 танков, около 200 пленных и до четырех тысяч убитыми, оставшимися на поле боя². Наши собственные потери составили 250 человек убитыми, 135 пропавшими без вести и 820 ранеными. Таким образом, всего дивизия потеряла в эти дни около 1200 бойцов, что свидетельствует об ожесточенности боев.

Наибольшую озабоченность вызывала постоянно низкая мобильность нашей противотанковой обороны. После окончания боев генерал Камеке записал в свой дневник 4 апреля 1943 года:

Безусловно, дивизии нужно такое противотанковое оружие, которое обладает достаточной мобильностью и в зимних условиях. В последних боях выяснилось, что ни штурмовые орудия, ни противотанковые пушки, как на конной, так и на моторной тяге, не смогли справиться с неблагоприятными условиями местности. И напротив, русские танки всегда успешно проходили вперед.

Генерал Лемельзен отметил достижения дивизии в приказе по 47-му танковому корпусу от 7 марта 1943 года следующими словами:

За прошедшие недели 137-я пехотная дивизия под умелым руководством своего командира добилась выдающихся успехов в тяжелейших оборонительных боях.

Благодаря стойкости и отваге бойцов дивизии противнику не удалось осуществить намеченный удар по южному флангу 2-й тан-

¹ Из дневника погибшего фельдфебеля Ханни, 13-я рота 448-го полка.

² Нам не удалось установить, отражают ли эти цифры вклад тех подразделений 137-й дивизии, которые сражались в составе 707-й пехотной дивизии.

ковой армии, несмотря на его многократное превосходство в живой силе и технике и на поддержку танковых соединений.

Все невзгоды русской зимы не смогли подорвать боевой дух бойцов дивизии.

Я выражаю свою полную признательность дивизии, ее командованию и всем входившим в ее состав подразделениям за достигнутые выдающиеся успехи.

Борьба еще не закончена. Но я знаю, что дивизия сделает все, что в ее силах, чтобы дать отпор и остановить наступление врага.

Возможно, что еще более красноречивой, чем слова признательности командира корпуса, является следующая запись в дневнике командира взвода 13-й роты 448-го гренадерского полка¹ от 9 марта 1943 года:

Даже неспециалист сразу видит и чувствует, что батальон Шверина можно отнести к лучшим батальонам. Повсюду тебя встречает уверенность и спокойствие, которая чувствуется в каждом бойце, от рядового пехоты и до командира роты. Поэтому каждый день приносит радость.

Однако зимнее сражение под Орлом еще не закончилось. Еще до наступления периода весенней распутицы, вплоть до 10 марта, русские тщетно пытались в ходе многочисленных атак при поддержке танков выбить с новых позиций как 137-ю, так и 707-ю дивизию. То, что прорыв противника севернее села Литиж (707-я дивизия) удалось остановить, во многом явилось заслугой 3-го дивизиона 137-го артиллерийского полка под командованием капитана Фридрикса. Этот дивизион эффективно поддержал контратаку наскоро сформированного из нескольких подразделений полка Билинга, среди которых был и 1-й батальон 133-го гренадерского полка 45-й пехотной дивизии².

14 марта 1943 года 707-я пехотная дивизия была отведена с передовой, сражавшиеся в ее составе подразделения 137-й пехотной дивизии вернулись назад, в свое соединение. Командование 707-й дивизии выразило командиру 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка майору доктору Айзенбергеру искреннюю и сердечную благодарность за оказанную в течение трех недель огромную помощь в качестве начальника артилле-

¹ Погибшего фельдфебеля Ханни.

² С 14 по 23 марта 1943 года 1-й батальон 133-го гренадерского полка находился в подчинении 137-й пехотной дивизии.

Позиция на реке Усожа (14—23.03.1943)

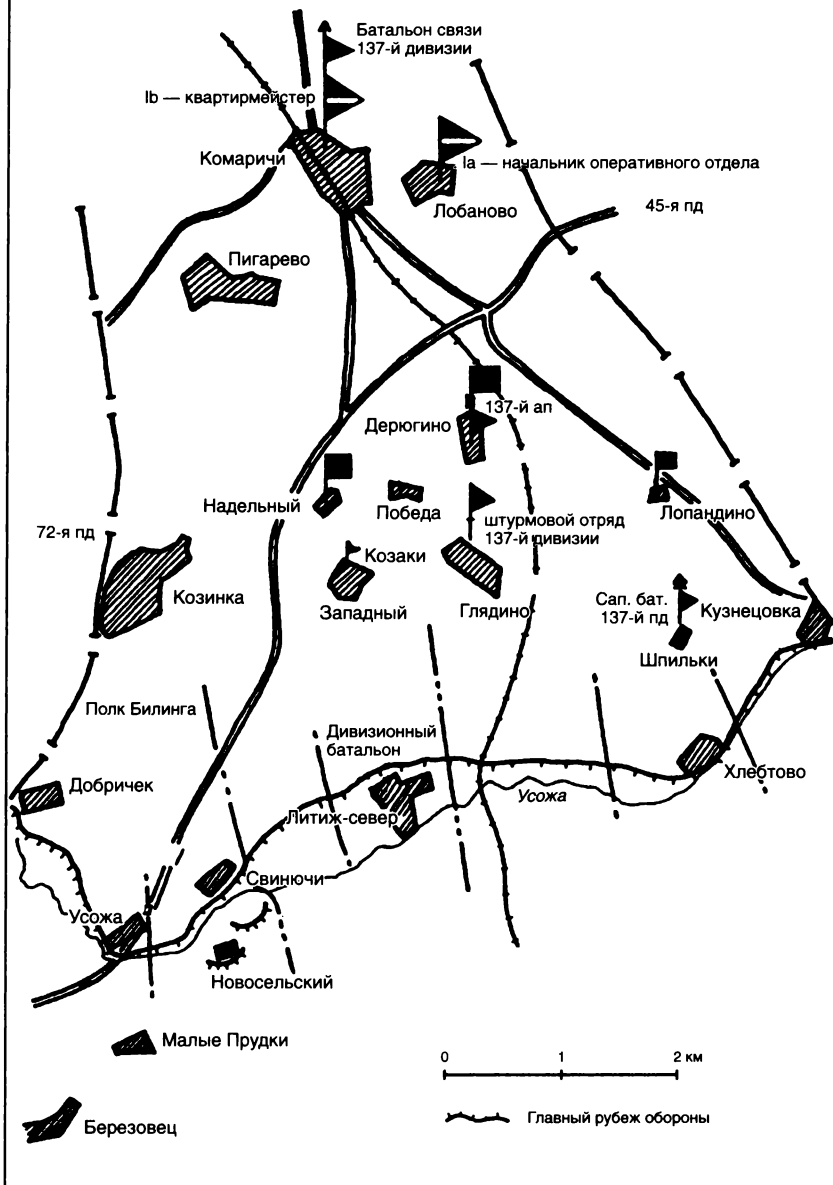

Схема 21

рии дивизии. В такой же мере эта благодарность касалась и пяти батарей 137-го артиллерийского полка, временно подчиненных 707-й дивизии, которые понесли особенно чувствительные потери среди офицерского состава (пятеро было убито, трое ранено).

В ходе перегруппировки на участке фронта корпуса (схема 21) северная часть села Литиж, где противник при поддержке 15 танков снова сумел вклиниться в нашу линию обороны, вошла в полосу действия 137-й пехотной дивизии. Контратаки 3-го батальона 448-го гренадерского полка, предпринятые 14 марта, не увенчались успехом. Более того, 17 марта противник попытался при поддержке танков снова прорваться здесь, а 18 марта и западнее села Усожа, на новом правом фланге дивизии в сторону поселка Комаричи. После ожесточенных боев с переменным успехом, с активным привлечением обеими сторонами авиации дивизия повсюду прочно удерживала в своих руках передний край обороны. При этом был подбит 21 танк противника. В течение двух недель недостаток в противотанковом оружии хорошо компенсировался почти ежедневной эффективной поддержкой пикирующих бомбардировщиков германских люфтваффе.

Начатое 21 марта соседом справа наступление, приведшее к взятию 27 марта города Севск, позволило сократить линию фронта с продвижением вперед. Часть правого фланга 137-й дивизии была развернута у деревни Юрьевки вперед, и дивизия взяла под свой контроль дополнительно участок фронта южнее села Усожа и до деревни Березовец. Сражавшиеся в составе 137-й дивизии подразделения 45-й пехотной дивизии, а также прежний сосед справа (72-я пехотная дивизия) были отведены с передовой, а новым соседом справа стала 251-я пехотная дивизия.

25 марта 1943 года командующий 2-й танковой армией генерал-полковник Шмидт подтвердил успешное завершение оборонительного зимнего сражения под Орлом, в том числе и следующими словами¹:

Впервые за эту зиму потерпели провал далекоидущие планы противника, который уже поспешил объявить по своему радио об окружении наших войск под Орлом, а тем самым — и о неминуемом разгроме германского центрального фронта.

¹ Приказ по армии командующего 2-й танковой армией от 25.03.1943.

Глава 13

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ НА РЕКЕ УСОЖА И НА ЗАГРАДИТЕЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ «ХАГЕН»

26 марта — 25 августа 1943 года

После окончания зимнего сражения под Орлом для дивизии снова наступили более спокойные времена. В этот период прилагалось много усилий и энергии для оборудования и совершенствования позиций на реке Усожа. После нескольких незначительных передислокаций вправо была окончательно установлена полоса дивизии в обороне. С 1 апреля 1943 года вышестоящей инстанцией для дивизии стал штаб 20-го армейского корпуса (командующий корпусом генерал артиллерии барон Рудольф фон Роман). Корпус дислоцировался на правом фланге 9-й армии.

Активные действия боевых разведывательных групп и дозоров¹ позволяли командованию дивизии постоянно быть в курсе дела и знать расположение противника. С апреля до середины августа 1943 года дивизии противостояла советская 194-я стрелковая дивизия и подразделения 69-й и 354-й стрелковых дивизий, входивших в состав советской 65-й армии. Всего у русских было задействовано на передовой 10 батальонов, которые также были заняты преимущественно обороной и лишь изредка проводили разведывательные поиски. Два таких поиска были проведены в пасхальные дни (25 и 26 апреля), и оба были сорваны в ходе энергичных контратак 3-го батальона 448-го гренадерского полка (10-я и 11-я роты). При этом в плен попало 90 красноармейцев при всего лишь восьми раненых с нашей стороны². В этих контратаках особо отличился обер-лейтенант Беземер из 10-й роты 448-го гренадерского полка.

¹ «Опять активизировалась деятельность разведывательных дозоров!» (запись в дневнике унтер-офицера Ф. Вильрадера, 5-я рота 448-го гренадерского полка, от 01.05.1943).

² Из приказа по полку командира 448-го гренадерского полка полковника фон Ширмайстера, изданного на Пасху 1943 года.

Главное внимание командование дивизии снова уделяло отдыху и доукомплектованию войск путем распределения поступавшего пополнения и предоставления отпусков, не забывая при этом и о переподготовке и обучении личного состава. Большое значение придавалось также инженерному оборудованию позиций¹.

Когда надо было отвести с фронта отдельные батальоны, чтобы после тяжелых зимних боев предоставить им несколько дней передышки для доукомплектования и отдыха, то приходилось даже снова обращаться к казачьему батальону. Он неоднократно занимал место отозванных с фронта батальонов и прекрасно зарекомендовал себя на передовой. Ни один из казаков не перебежал к Советам. Каждый из них выполнял полученное задание с усердием и удивительной ответственностью.

Когда наступило лето, казачий батальон снова занялся своей основной деятельностью — охранением ближайшего тыла дивизии. В тех деревнях и селах, где дислоцировался этот батальон, у казаков быстро налаживались хорошие отношения с местным гражданским населением. И когда по вечерам казаки, окруженные местной молодежью, пели свои грустные песни, подчас могло создаться впечатление, что вокруг царит мир и спокойствие. Но это спокойствие было обманчивым.

5 июля 1943 года во время последнего немецкого крупномасштабного наступления на Восточном фронте снова пришел в движение центральный участок фронта (схема 22). В ходе долго готовившейся операции «Цитадель» германское руководство и военное командование попыталось ударами с севера и с юга охватить войска противника, находившиеся в выступе фронта в районе Курска. Это был тот самый выступ, на котором во время боев в феврале под городом Дмитриев-Льговский 137-я пехотная дивизия внесла значительный вклад в срыв советского зимнего наступления юго-западнее Орла.

Восточный фланг 9-й армии под командованием генерал-полковника Моделя² представлял собой северный элемент этих германских клещей. Западный фланг 9-й армии, к которому относилась и 137-я пехотная дивизия, не принимал непосредствен-

¹ Из дневника обер-фельдфебеля Шварца, рота снабжения 137-й дивизии: «18.04.1943 — крупное мероприятие с привлечением всех свободных автомашин службы снабжения дивизии. Для инженерного оборудования позиций необходимо доставить на передовую на грузовиках сотни гражданских».

² Ошибочно называемая «группой Вайса», однако не имеющая никакого отношения к командующему 2-й армией генералу пехоты Вальтеру Вайсу.

Положение на южном фланге
группы армий «Центр» (05.07—17.08.1943)

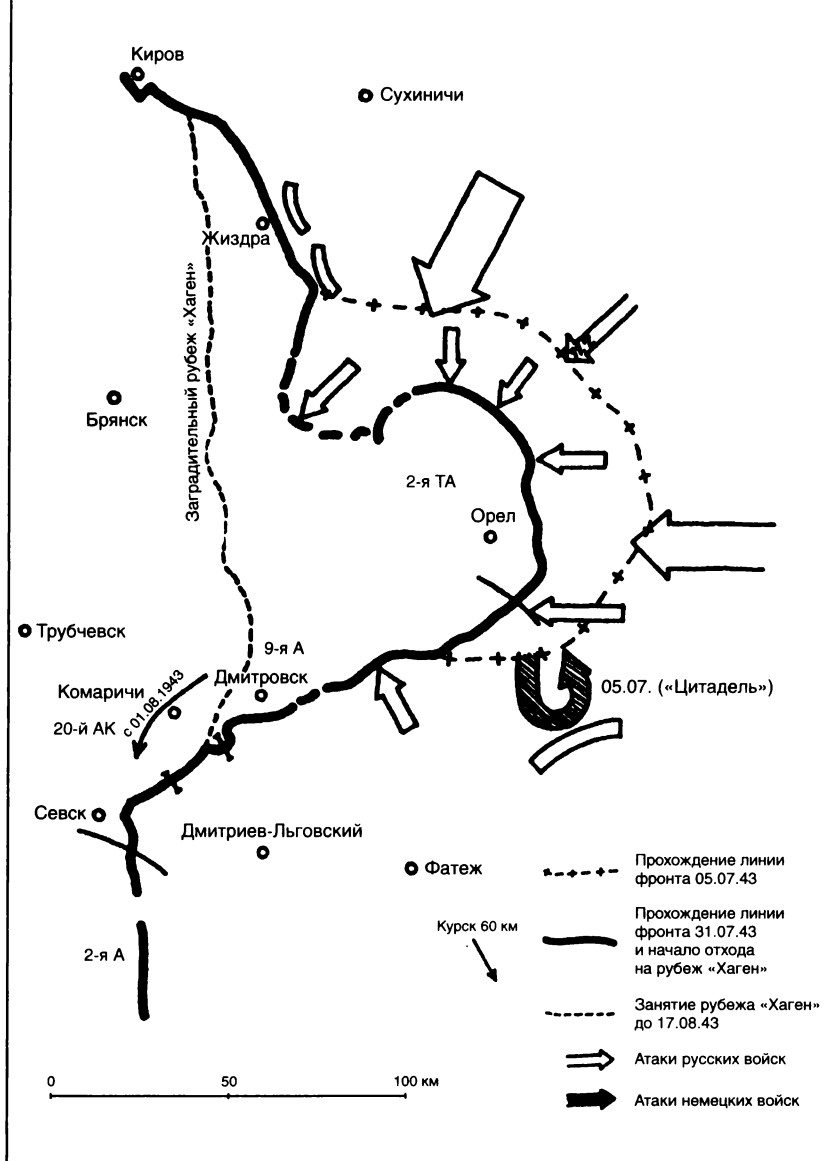

Схема 22

ного участия в операции «Цитадель». Однако нашей дивизии было приказано передать одной из наступавших дивизий тяжелые гаубицы 4-го дивизиона 137-го артиллерийского полка в обмен на шесть французских 155-мм (короткоствольных) гаубиц с ограниченным радиусом действия. Кроме того, в период с 4 по 14 июля в полосу наступления 251-й пехотной дивизии был направлен штаб 4-го дивизиона с 11-й и 12-й батареями. Его командир майор запаса Айзенбергер, отлично зарекомендовавший себя в течение почти трех лет, ко всеобщему сожалению, покинул 137-ю пехотную дивизию 22 июля 1943 года, так как был переведен в одно из артиллерийских училищ на родине.

Однако на этот раз русские подготовились как никогда хорошо, чтобы отразить все попытки охвата, так что уже через несколько дней операция «Цитадель» застопорилась на первоначально достигнутых рубежах. Более того, 11 июля 1943 года Красная армия со своей стороны даже перешла в мощное контрнаступление на восточном и северном участках Орловской дуги, которые были ослаблены из-за операции «Цитадель». В ходе этого наступления Советы добились глубоких вклинений в полосу обороны германских армий. Тем самым они вынудили германское командование 13 июля окончательно остановить наступательную операцию «Цитадель». С этого момента инициатива оперативной активности окончательно перешла к русским, и до конца войны Германии так и не удалось вернуть ее себе.

В эти дни на участке фронта 137-й пехотной дивизии, который в течение трех с половиной месяцев оставался спокойным, тоже стало оживленно. Так, 19 июля после предварительно проделанной работы по созданию минной галереи штрафная рота русских ворвалась на опорный пункт батальона дивизионного подчинения у деревни Березовец. Подтянув еще около 600 красноармейцев, русские попытались развить свой успех, достигнутый благодаря фактору внезапности. Однако уже на следующий день в ходе контратаки этот прорыв был ликвидирован. В приказе по дивизии от 22 июля 1943 года генерал-лейтенант Камеке пишет¹:

Я выражаю свою признательность всем офицерам, унтер-офицерам и рядовым гренадерского полка и артиллеристам, и особенно 1-й роте батальона дивизионного подчинения, 3-й роте са-

¹ Почти идентичный приказ по 448-му гренадерскому полку издал 21 июля 1943 года полковник фон Ширмайстер.

перного батальона, 5-й и 6-й ротам 448-го гренадерского полка, принимавшим участие в бою за опорный пункт у деревни Березовец 19 и 20 июля 1943 года. Я благодарю всех за достигнутый успех и за те жертвы, несмотря на которые удалось вернуть захваченный противником опорный пункт.

Благодаря заранее прорытым минным галереям противнику удалось внезапно ворваться на нашу позицию. Сначала этого добилась штрафная рота, бойцам которой не оставалось ничего другого, как упорно и ожесточенно сражаться, и которые были готовы скорее погибнуть в своих траншеях, чем пасть от пуль пулеметов заградительных отрядов, выставленных у них за спиной. Всего в место прорыва противник бросил более 600 красноармейцев. Он был готов пойти на все, чтобы развить свой успех, достигнутый благодаря фактору внезапности. В кровопролитном рукопашном бою в траншеях, об ожесточенности которого говорит применение множества ручных гранат и даже огнеметов, нам пришлось метр за метром отбивать у врага свою позицию. Это был бой, в котором германский солдат сумел доказать свое превосходство в схватках один на один даже без поддержки тяжелого оружия.

В наши руки попали 75 пленных, 5 перебежчиков, 35 ручных пулеметов, 10 станковых пулеметов, 10 противотанковых ружей, 50 автоматов и 75 винтовок. Число убитых врагов очень значительно. Тем самым противнику был нанесен на нашем участке фронта тяжелый удар.

Мы с глубоким уважением чтим тех, кто в этом бою пожертвовал своей жизнью, и желаем скорейшего выздоровления раненым.

Но пусть для нас всех этот успех явится стимулом к дальнейшим достижениям в предстоящих решающих битвах!

Под впечатлением развития общего положения на фронте германское руководство решило начиная с 31 июля начать отвод на оборонительный рубеж «Хаген» с Орловской дуги сил, находившихся под командованием генерал-полковника Моделя (2-й танковой армии и 9-й армии). В рамках этого отвода нашим соседом справа стала разгружаемая с 29 июля на железнодорожной станции в поселке Комаричи¹ 86-я пехотная дивизия, которая была введена в действие на участке фронта между нами и 251-й пехотной дивизией.

¹ Из дневника Шварца, рота снабжения 137-й дивизии.

Для находившейся на южном участке этого отвода войск 137-й пехотной дивизии новое развитие событий означало, что подразделения, занимавшие восточную часть обороняемой с марта позиции на реке Усожа, необходимо было передислоцировать на север, чтобы они заняли оборонительный рубеж «Хаген», оборудование которого продолжалось уже несколько недель. Первым 2 августа на новую позицию был переброшен 2-й дивизион 137-го артиллерийского полка, за ним 4 и 5 августа последовали 2-й батальон 449-го гренадерского полка и батальон дивизионного подчинения. В ночь с 11 на 12 августа главные силы дивизии оторвались от противника, а подразделения прикрытия сделали то же самое 14 августа. Все эти перемещения происходили при постоянно возрастающей активности русской авиации. В полосе действия дивизии она доставляла особенно большие неприятности подразделениям и частям снабжения, дислоцированным в поселке Комаричи.

Надежда подольше задержаться на хорошо подготовленном оборонительном рубеже «Хаген» оказалась напрасной. Уже на следующий день, 15 августа, стало известно о развертывании русских войск перед сражением под городом Севск. Из обращения, с которым командующий 2-й армией генерал пехоты Вайс 17 августа 1943 года¹ обратился к своим солдатам, следовало совершенно определенно, что нас ожидало в ближайшем будущем:

Штаб 2-й армии.

Командный пункт армии, 17.08.1943

Солдаты 2-й армии!

Тяжелые оборонительные бои, продолжавшиеся в течение нескольких недель справа и слева от нас, достигли своей наивысшей точки. Нашему противнику, имевшему многократное преимущество в живой силе и технике, нигде не удалось добиться ожидаемого решающего прорыва. Решающее значение в этих оборонительных боях имела железная, несокрушимая воля ваших фронтовых товарищей.

Теперь наступил наш черед. Не сумев добиться успеха на других фронтах, противник не добьется его и на нашем участке. Ввод в бой крупных танковых соединений сможет помочь ему прорваться вперед только в том случае, если его пехота не отстанет от

¹ Это обращение поступило в роты только 24.08.1943 (14-я рота 448-го гренадерского полка).

танковых соединений. Поэтому главная задача нашей пехоты и вспомогательных родов войск заключается в том, чтобы помешать этому. Главным условием этого является надлежащее оборудование ваших позиций. Прорвавшиеся вражеские танки будут уничтожаться в глубине позиций в ходе мобильной борьбы с танками.

Ближайшие дни потребуют от вас приложения огромных усилий. Я знаю, что могу полностью положиться на каждого из вас.

Подписано: *Вайс*,
генерал пехоты и главнокомандующий

Глава 14

БИТВА ЗА СЕВСК

26 августа — 2 сентября 1943 года

Последняя разведывательная сводка данных о противнике¹ отдела начальника разведки дивизии, составленная 9 ноября 1943 года на основе сведений, добытых самостоятельно или полученных от соседних дивизий, дает следующую картину боев:

Перед полосой фронта дивизии отчетливо наблюдается развертывание войск противника в направлении города Севск. В ночь с 15 на 16 августа 1943 года русские дивизии, действовавшие перед 137-й дивизией с апреля, были заменены и передислоцированы в выступ фронта под Севском. На их место прибыли соединения, которые освободились в результате отвода линии фронта южнее Орла. После многочисленных перегруппировок 24 августа 1943 года перед полосой фронта дивизии располагались с севера на юг следующие русские стрелковые дивизии: 137-я, 170-я и отдельные подразделения 73-й. 25 августа 1943 года 391-й и 422-й стрелковые полки 170-й стрелковой дивизии были передислоцированы для атаки в район юго-восточнее деревни Свинючи. На третий день операции у села Избичня появилась 175-я стрелковая дивизия, которая до сих пор находилась в резерве позади 73-й стрелковой дивизии. Наблюдение чрезвычайно оживленного перемещения живой силы, транспортных средств на конной и моторной тяге, а также орудий в районе южнее села Литиж, подготовка к строительству нового моста через реку Усожа, наряду с другими данными разведки, полученными на участке фронта перед расположением дивизии, однозначно указывают на то, что предстоит крупное наступление русских в районе города Севск. И хотя дивизия не на-

¹ Из-за стечения различных обстоятельств издана только 1 декабря 1943 года вместе со сводкой начальника разведки боевой группы 137-й пехотной дивизии, № 1914/43. Передано лейтенантом запаса Гоппельтом.

ходится на направлении главного удара, но она вполне может стать целью отвлекающих атак.

26 августа 1943 года после почти часовой мощной артиллерийской подготовки в 8.00 русские войска перешли в ожидаемое наступление южнее села Усожа на фронте шириной 60 километров. Эта крупная наступательная операция затронула полосу обороны дивизии только на правом фланге между выступом в районе сел Литиж и Усожа. Главное направление русских атак пришлось на участок фронта между деревней Свинючи и селом Усожа. И в дальнейшем эти атаки постоянно поддерживались чрезвычайно сильным артиллерийским огнем и огнем реактивных установок залпового огня, а также штурмовой авиацией. Удары в районе выступа у села Литиж носили скорее характер фланкирующих отвлекающих атак. Особой сложностью при управлении боем и, в конце концов, основной причиной отхода на вторую линию обороны явилась постоянная угроза правому флангу в результате продвижения противника на участке соседей справа западнее реки Усожа.

Здесь, в полосе обороны 86-й пехотной дивизии вклинения противника удалось временно ликвидировать только благодаря вводу в бой отведенных с фронта подразделений 45-й пехотной дивизии и батальона дивизионного подчинения 137-й пехотной дивизии¹.

Об ожесточенности боев и об угрозе охвата, постоянно грозившей с участка фронта, занятого соседней дивизией, красноречиво свидетельствует журнал боевых действий 3-го дивизиона 137-го артиллерийского полка, который занимал позиции на правом фланге нашей дивизии:

28.08.1943. В 5.30 утра сразу с четырех различных участков одновременно поступают вызовы заградительного огня. Но у нас ограничено число боеприпасов, и каждый раз мы можем вести огонь не более чем по двум группам. Вскоре после этого, в 8.30 при поддержке 12 танков противник снова атакует село Избичня и деревню Смолов. Огнем орудий 8-й батареи и тяжелого дивизиона подразделения русской пехоты отсекаются от танков и уничтожаются. После этого танки поворачивают в сторону села Избичня, где шесть из них выводятся из строя нашим истребительно-противотанковым батальоном. В 10.00 наблюдательный пункт 7-й ба-

¹ Согласно разведывательной сводке 137-й дивизии № 1914/43.

Бои за Севск 26.08—02.09.1943

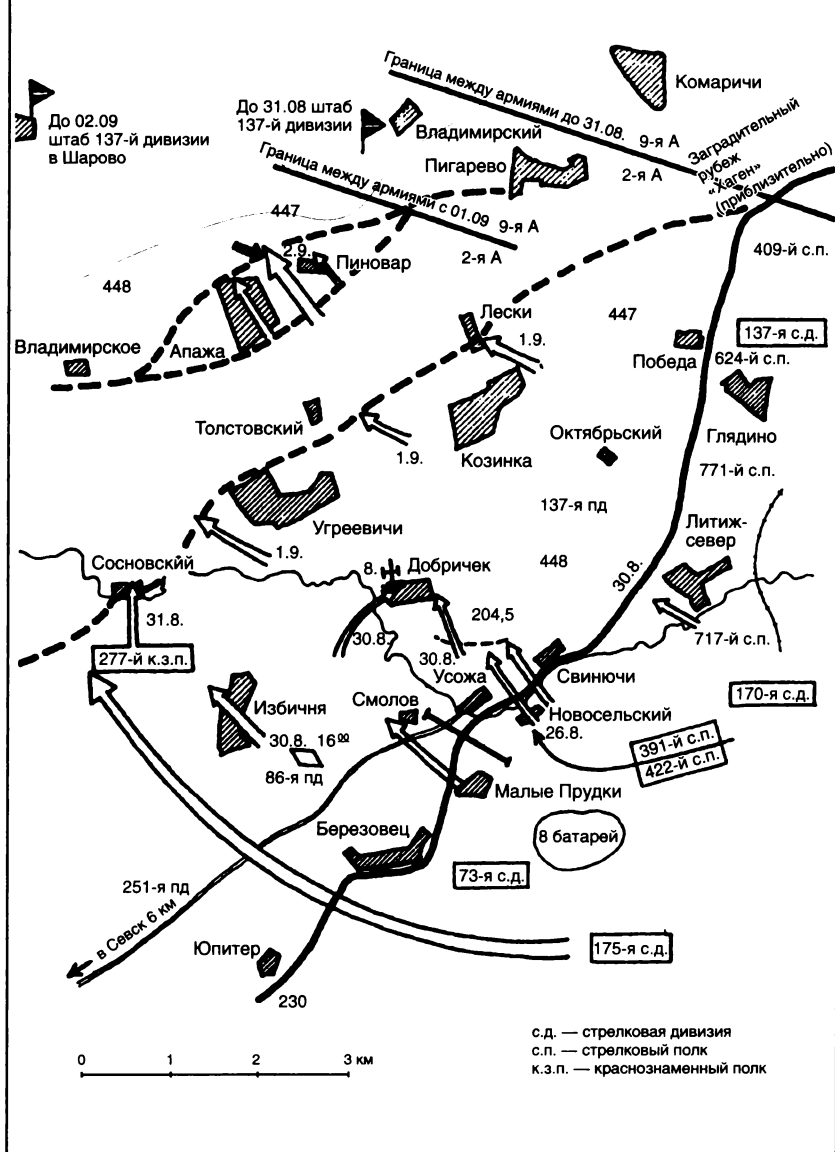

Схема 23

тарей снова подвергается атаке противника из дубовой рощи численностью от роты до батальона. Прежде чем пехота успевает открыть огонь, атака подавляется артиллерийским огнем. К селу Усожа на грузовиках подвозятся все новые подкрепления, которые пополняют ряды полков, атакующих наблюдательный пункт 7-й батареи. Как и накануне, многочисленные эскадрильи вражеских штурмовиков принимают участие в наземном бою.

30.08.1943. Тяжелый ураганный огонь из всех калибров и штурмовая авиация подавляют 8-ю батарею, в то время как противник переходит в атаку на деревню Смолы и опрокидывает нашу слабую оборону. Прямое попадание в батарею 170-мм снаряда выводит из строя одно из орудий вместе с номерами его расчета. Находясь под плотным артиллерийским огнем, канониры отражают все атаки. Основательное усовершенствование огневой позиции, проведенное во время затишья, сейчас оправдывает себя наилучшим образом. Без этих глубоких ходов сообщения между хранилищами для боеприпасов и отдельными орудиями и без хорошо оборудованной круговой обороны батарея никогда не смогла бы продолжать свою огневую активность при таком тяжелом обстреле из всех видов оружия.

Небольшими группами русские постоянно продвигаются вперед перебежками по непросматриваемым ложинам и по полям, поросшим низкорослым кустарником. Нам крайне не хватает необходимых боеприпасов, чтобы помешать этому. К 17.30 там накопились значительные силы, которые начинают атаку на огневую позицию 8-й батареи. После короткой перестрелки приходится оставить позицию. Расстреляв боекомплект, артиллеристы взрывают свои орудия. Канониры 8-й батареи собираются у командного пункта дивизиона, занимают оборону и блокируют ложину со стороны деревни Добричек. В ходе контрудара штурмовые орудия продвигаются до села Усожа. 7-я и 9-я батареи ставят дымовую завесу вокруг высоты, которую из-за ее формы мы называем «детская головка», чтобы облегчить штурмовым орудиям продвижение вперед и одновременно ослепить вражеские батареи. Однако после завершения контрудара не удается удержать Усожу в своих руках, так как русские сильно теснят нас с обоих флангов. Сразу после возвращения штурмовых орудий предпринимается атака на деревню Добричек с целью возврата огневой позиции 8-й батареи, но из-за сгустившейся темноты атака оказывается неудачной. Положение еще остается довольно запутанным, когда в 20.10 поступает приказ об отходе на вторую линию обороны.

31.08.1943¹ разгорелись бои с переменным успехом за населенный пункт Сосновский, где противник бросил в бой подразделения 277-го краснознаменного Карельского стрелкового полка 175-й стрелковой дивизии. Кроме того, 01.09.1943 противник продолжил наступление западнее деревни Угреевичи (подразделения 391-го стрелкового полка), а также и на левом фланге дивизии у населенных пунктов Толстовский и Лески.

02.09.1943. Не успел дивизион окопаться на новом переднем крае обороны, который в ходе общего отвода войск был занят примерно в 2 часа ночи, как противник силой до одного полка начал теснить наши войска в районе между деревнями Апажа и Пиновар и вскоре ворвался в оба населенных пункта. Начиная с 7.00 и до организованного отхода по приказу в 19.00 в боях с переменным успехом удалось удержать линию обороны северная окраина деревни Апажа — высота 221,0 и отразить все попытки прорыва.

Но чтобы этот отвод войск прошел организованно, потребовалось приложить особые усилия, и здесь пришлось вмешаться лично генерал-лейтенанту Камеке. За это 10 октября 1943 года командующий 20-м армейским корпусом представил его к награждению Рыцарским крестом со следующим обоснованием:

На рассвете 2 сентября 1943 года 137-я пехотная дивизия в ходе организованного отвода войск вышла на общий рубеж Пресвет — Владимирское — Апажа — южный склон высоты в километре южнее населенного пункта Пиновар. Из-за недостатка времени на организацию отхода не было возможности подготовить хотя бы промежуточную позицию. Занимавший позицию на левом фланге дивизии 447-й гренадерский полк состоял только из очень ослабленных из-за понесенных ранее потерь и передач отдельных подразделений 1-го батальона и дежурного батальона (одна саперная рота и две дежурные роты).

Противник постоянно оставался в соприкосновении и непрерывно теснил наши войска.

После короткой, но интенсивной артиллерийской подготовки в 6.20 русские силой до полка атаковали левый фланг дивизии, нанеся удар непосредственно в место стыка с соседом (45-й пехотной дивизией). Под натиском значительно превосходящих сил противника ослабленный 1-й батальон 447-го гренадерского полка был вынужден

¹ Согласно разведывательной сводке начальника разведки 137-й пехотной дивизии № 1914/43.

отойти на высоту севернее деревни Апажи, в то время как противнику удалось прорваться на участке у деревни Пиновар, где оборонялись подразделения дежурного батальона. За короткое время в нашей оборонительной линии возникла брешь шириной около двух километров, в которую проникали все новые и новые вражеские силы.

Ни у дивизии, ни у соседа слева не осталось никаких резервов, связь с командным пунктом корпуса была прервана.

Прекрасно понимая серьезность сложившегося положения, командир дивизии генерал-лейтенант Камеке принял решение направиться вперед на командный пункт 447-го гренадерского полка, находившейся севернее высоты 230. Здесь и по пути он собрал всех имевшихся в наличии бойцов обозов, солдат, оставших от своих подразделений, а также истребительно-противотанковую роту и под все возрастающим артиллерийским огнем противника лично повел их в атаку в возникшую брешь. Ошеломленный неожиданной контратакой, противник был отброшен назад, хотя он имел подавляющее преимущество в живой силе и технике. До полудня положение было полностью восстановлено и тем самым окончательно была ликвидирована опасность прорыва, грозившего катастрофическими последствиями.

Если бы противнику удалось осуществить свои намерения, то это привело бы к рассечению обеих фланговых дивизий в стыке между 2-й и 9-й армиями. Кроме того, это могло помешать или даже вообще сорвать запланированный организованный отвод войск на рубеж Десны. Лишь благодаря личному решительному вмешательству генерал-лейтенанта Камеке, всегда сознающего свою ответственность, что он неоднократно доказывал в этой войне, принятые в самый последний момент контрмеры привели к решающему успеху на всем участке действия корпуса.

Подписано: фон Роман, генерал артиллерии

Генерал-лейтенант Камеке, который вследствие полученного 15 октября 1943 года смертельного ранения так и не дождал до вручения ему Рыцарского креста, описывает в личном дневнике свое участие в боевых действиях в свойственной ему скромной манере очень скупо:

Рано утром (2 сентября) противник неожиданно атаковал на участке моего левого полка (447-го). Там сложилось чрезвычайно тяжелое положение. Вместе с Майером¹ я тотчас помчался туда.

¹ Обер-лейтенант запаса Майер, офицер для поручений при штабе дивизии.

Сначала невозможно было понять, что же там произошло. Пулеметный огонь звучал очень тревожно. Я распорядился, чтобы на господствующую высоту, лежавшую передо мной, немедленно отправили по крайней мере нескольких связных. Сначала никто не знал, куда же пропал дежурный батальон. Потом выяснилось, что он заблудился и отошел совершенно неправильно, не по прямой линии, а наискосок. Действительно, в данный момент между мной и русскими находилось только три человека, как раз те самые связные, которых я послал на высоту.

Я распорядился немедленно подтянуть батальон. К счастью, русские не стали развивать свое наступление. Таким образом, нам еще раз удалось справиться с этим очень неприятным положением¹.

¹ Вставки в круглых скобках были добавлены автором данного произведения для лучшего понимания. Источник: оставшийся после смерти генерала Камеке его личный дневник.

Глава 15

ОТСТУПЛЕНИЕ ЗА ДЕСНУ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ НА БЕРЕГАХ ДНЕПРА И ПРИПЯТИ

3 сентября — 9 декабря 1943 года

1 сентября 1943 года поступил приказ о продолжительном отходе на запад, который временно был остановлен только в конце сентября после перехода через Днепр. Между тем в течение 11 дней (с 7 по 17 сентября) продолжались оборонительные бои на берегах Десны. Из дневника генерал-лейтенанта Камеке:

Наше положение было в этом отношении особенно трудным, так как позади нас находился огромный лес, в котором было множество бандитских отрядов¹. Передний край обороны проходил южнее этого лесного массива. Если бы русские, находившиеся западнее, провались хотя бы на несколько километров на север, мы все оказались бы в чрезвычайно тяжелом положении. Такое состояние не могло продолжаться долго. Поэтому нам следовало отойти за Десну. Это была очень трудная задача, так как несколько дивизий со своими обозами должны были отойти на з(апад)² по единственной дороге, проходившей между передним краем обороны и лесом. Я никогда не думал, что это мероприятие удастся, видимо, и русские думали точно так же. Но мы сделали это, несмотря на то что у нас почти не было времени на подготовку. Погода! Дважды я приказывал разведать «фронтовые дороги» для дивизии, одну из этих дорог нам пришлось даже проверять на наличие мин. Дело в том, что еще раньше партизаны заминировали все ближайшие к лесу дороги. Ночь дивизия совершала марш к новой оборонительной линии, которую потом удерживала в течение дня...

К счастью, русские никогда не атаковали нас в направлении нашего отхода, а всякий раз только на следующий день следовали

¹ Уже в карте со сведениями о бандах партизан 137-й пехотной дивизии от 29.05.1943 указывалось, что в лесном массиве южнее города Трубчевска (схема 22) находились «остатки не менее четырех бригад».

² Вставки в круглых скобках выполнены автором.

за нами. Я считал, что переправа через Д(есну) в ночь с 6 на 7 сентября будет трудной, и поэтому оставался у наведенного нашими саперами понтонного моста, пока вся дивизия не переправилась на другой берег. Однако все прошло безупречно.

При этом казачий батальон получил задание охранять северный фланг дивизии от атак партизанских отрядов, которые снова активизировали свою деятельность. Под командованием ротмистра Хессингера казаки успешно справились и с этим трудным заданием. Хотя для казаков не было тайной, что «победы» для германских войск, видимо, уже закончились, они, за редким исключением, продолжали хранить верность своему соединению и своему немецкому командованию. Из дневника генерал-лейтенанта Камеке:

На Д(есне) все очень хорошо. Красивая и очень плодородная местность. У нас столько картофеля, что его (вполне) хватит до следующего урожая не только нам, но и местному населению.

И позиция тоже была хорошей. В первые дни мы продвинулись от высотки до Д(есны). Я хотел сам держать под артиллерийским огнем водную гладь реки, чтобы сразу пресечь любую попытку русских переправиться. Однако местность так густо заросла камышом и была так сильно изрезана рукавами реки, что стала совершенно непросматриваемой. Я называл этот район джунглями. Русские все же где-то проникали через эти непроходимые заросли, так как наши батальоны были слишком слабыми, чтобы постоянно плотно занимать линию обороны на всем ее протяжении.

Теперь русские начали применять новую тактику. Несмотря на все потери, у них еще очень много людских ресурсов. Стоит нам ликвидировать одну брешь, как они тотчас пытаются просочиться в каком-нибудь другом месте. И где-нибудь в нашей редкой линии охранения они в конце концов находят место, где нет никаких постов. Они тотчас направляют в это место свои подразделения, которые заходят нам в тыл. У меня складывается такое впечатление, словно множество вредных насекомых сплошным потоком карабкается на крепостную стену. Русские (в основном) больше не атакуют наши позиции, а стараются проникнуть в наш тыл, особенно на непросматриваемой местности.

Используя такую тактику, противник сумел во второй половине дня 08.09.1943¹ переправить через Десну в полосе обороны дивизи-

¹ Согласно разведывательной сводке 137-й дивизии № 1914/43.

зии западнее деревни Очкино подразделения 1021-го стрелкового полка 307-й стрелковой дивизии. После кровопролитных боев¹ с переменным успехом в непросматриваемой пойме реки, поросшей низкорослым кустарником, в ночь с 10 на 11 сентября пришлось перенести передний край обороны назад, на крутой берег Десны. В излучине реки теперь залегли три полка 170-й стрелковой дивизии и один полк 73-й стрелковой дивизии. Попытки противника атаковать наши позиции на высотах потерпели неудачу и сопровождались такими тяжелыми потерями, что личный состав вражеских подразделений сначала даже отказался повиноваться приказам своих командиров и снова штурмовать высокий берег.

09.09.1943 под прикрытием утреннего тумана противник форсировал реку у деревни Роговки. В атаке принимало участие около 300 красноармейцев (409-й стрелковый полк 137-й стрелковой дивизии, усиленный 187-й отдельной штрафной ротой), которым удалось взять Роговку. В ходе ответной контратаки² противник был оттеснен на маленький плацдарм у переправы; однако этот плацдарм так и не удалось ликвидировать в ходе нескольких атак, проведенных позднее.

Подразделения противника, переправившиеся через реку севернее деревни Камень на участке фронта соседа слева, после того как 137-я дивизия приняла этот участок, были оттеснены и уничтожены, за исключением небольших остатков (подразделения 1343-го стрелкового полка 399-й стрелковой дивизии).

Из-за сложившейся неблагоприятной общей обстановки и из-за успехов русских на других участках фронта в нижнем течении Десны 17 сентября для 137-й пехотной дивизии началось новое отступление, хотя в течение 10 дней дивизия успешно удерживала свои позиции, за исключением нескольких плацдармов, которые противнику удалось создать на западном берегу реки (схема 24).

Генерал-лейтенант Камеке записал в свой дневник:

Вечером 17 сентября начинаем отход, каждую ночь занимаем новую позицию. Эти дни выдались для личного состава дивизии крайне напряженными. Каждую ночь солдаты должны были про-

¹ 447-го гренадерского полка.

² Согласно записи в дневнике Медера, здесь была введена в бой 102-я пехотная дивизия, которой, согласно дежурной карте 448-го гренадерского полка, этот полк подчинялся в период с 6 по 12 сентября.

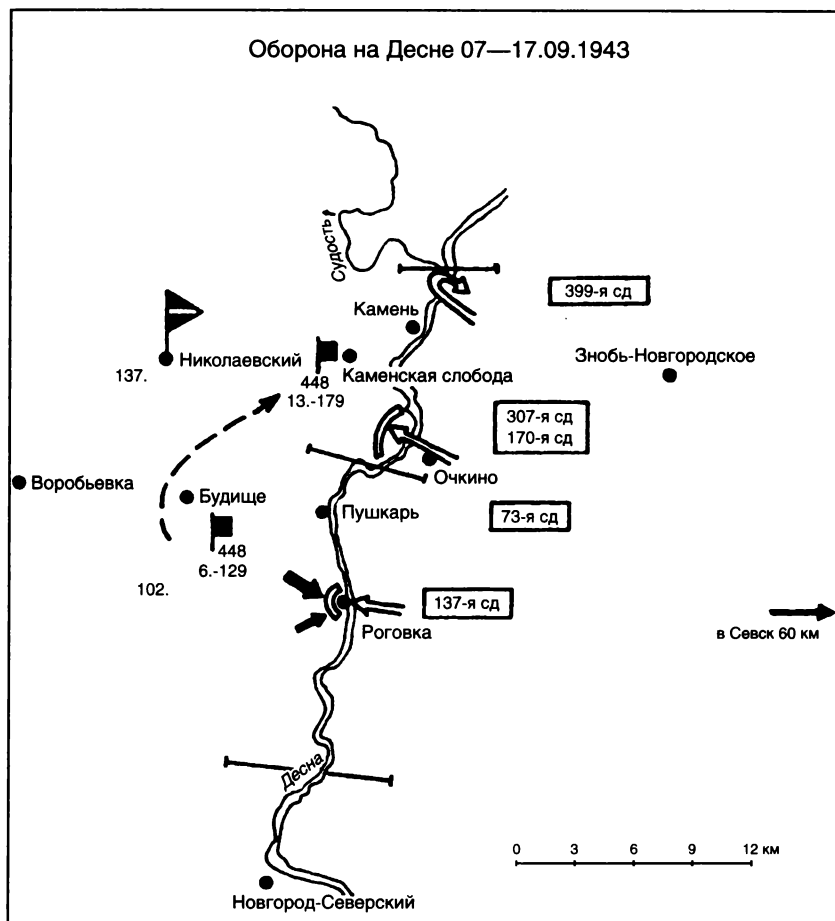

Схема 24

ходить маршем значительный отрезок пути¹. Поскольку часто добраться до новой позиции можно было только обходными путями, в отдельные ночи пехоте приходилось проходить по 30—40 километров. Прибыв утром на место, пехота тотчас окапывалась; выставленные посты должны были следить за тем, не появятся ли русские. В течение дня очень часто приходилось отбивать русские атаки, чтобы ночью снова оторваться от противника. Времени на сон почти не оставалось. Это было огромное достижение, которое

¹ Согласно записям в журнале боевых действий 3-го дивизиона 137-го артиллерийского полка с 17 по 23 сентября 1943 года ежедневно проходили от 32 до 41 километра.

потребовало от всех бойцов, но прежде всего от пехотинцев, напряжения всех их сил, ведь этот отход продолжался без перерыва в течение 11 дней и 11 ночей¹.

Дальше к югу² обстановка по-прежнему оставалась очень запутанной. Поэтому (22 сентября)³ я получил приказ, в котором сообщалось, что дивизия выводится с данного участка фронта и должна быть переброшена на юг. Нам удалось без проблем отвести один полк (447-й гренадерский полк); однако отвести с передовой второй полк не представлялось возможным, так как противник постоянно атаковал наши позиции. Поэтому я отошел с одним полком и артиллерией, которая все еще не была в полном составе. Но даже с ними мы не могли отходить сомкнуто, так как пехотные батальоны перевозились туда на грузовиках, а артиллерия должна была идти своим ходом. Я выехал вперед к новому (46-му танковому) корпусу. Мои батальоны (447-й гренадерский полк) были задействованы. В настоящий момент я не мог ими воспользоваться. Мне оставалось только ждать.

Вечером поступил новый приказ. Я должен был как можно быстрее прибыть в поселок Лоев на Днестре. Там для отвода войск наши саперы навели понтонный мост. На переправе создались ужасные условия; на протяжении 10 километров восточнее моста все дороги были забиты. Я должен был обеспечить охрану моста, для этой цели надо было немедленно переправить на западный берег нашу артиллерию, которая еще не успела далеко уехать на юг. Ночью пошел сильный дождь.

Это была ужасная поездка. На своем вездеходе я постоянно обгонял застрявшие на дороге машины. Я мог себе уже представить, как все выглядело на переправе. Ближе к вечеру я наконец добрался до понтонного моста. Картина была просто неопишуемая! Повсюду стояли легковые и грузовые автомобили и прочие транспортные средства, никто не мог сдвинуться с места. Дорога, которая вела к мосту через заливной луг шириной около километра, была так разбита, что все машины застревали. Я пешком перешел на другую сторону реки, наши машины прибыли туда только к полудню следующего дня.

На переправе командовал командир одной из охранных дивизий...

Я должен был принять у него мост и был крайне заинтересован в том, чтобы как можно больше транспортных средств переправи-

¹ В период с 22 по 27 сентября 1943 года 448-й гренадерский полк и часть артиллерии были временно подчинены 102-й пехотной дивизии.

² В районе севернее Чернигова.

³ Вставки в круглых скобках выполнены автором.

лось на другую сторону. Я обратил его внимание на то, что переправа почти не функционирует. Он постарался отделаться от меня, раздраженно заметив: «Чего вы еще хотите, ведь движение непрерывно течет по мосту!» Нет, транспорт здесь не тек, а скорее медленно сочился! Правда, мне больше повезло с погодой, так как дождь вскоре прекратился, однако у нас движение действительно потекло без задержек. Мост использовался день и ночь. Целый день по нему переправлялись автомобили и другие моторные транспортные средства, а ночью — гужевого транспорта. Действительно, вскоре у нас все было так отлажено, что это доставляло даже радость. Во всяком случае, я сам часами стоял у моста, наблюдая за движением транспорта. Все офицеры штаба дивизии работали вместе со мной.

Не только генерал, но и простой солдат испытывает подобные чувства, как, например, обер-фельдфебель роты снабжения 137-й дивизии¹:

Ранним утром 25 сентября мы выезжаем на широкую дорогу, которая до отказа забита отступающими войсками. Мы буквально ползем по этой дороге через Клубовку в Суловку, где у нас предусмотрена шестичасовая остановка. Мимо нас движется 12-я танковая дивизия, насчитывающая около 6500 различных транспортных средств. Мы тоже пристраиваемся к этой колонне и шагом доезжаем до большого понтонного моста через Днепр у поселка Лоев. Мост представляет собой настоящий шедевр наших саперов. Транспортный поток движется по нему быстро и без малейших задержек. Громоздкие понтоны лишь совсем немного погружаются в воду, когда по ним проезжают тяжелые машины. Еще несколько метров, и мы уже на другой стороне реки. Мы останавливаемся и любуемся с высокого берега четкой работой переправы. Целая армия переправляется по этому мосту, и через несколько дней здесь должен возникнуть новый передний край обороны. Об этот оборонительный рубеж должен разбиться натиск красных.

Генерал-лейтенант Камеке продолжает свои записки:

Самым тяжелым днем оказалось 27 сентября. В этот день сложилась следующая обстановка: вокруг места переправы еще сохранялся плацдарм радиусом в несколько километров. До 28 сен-

¹ Из дневника обер-фельдфебеля Шварца.

тября необходимо было переправить на западный берег все войска, а затем разобрать мост, с другой стороны, надо было удерживать плацдарм до тех пор, пока ценный понтонный мост не будет разобран, чтобы можно было использовать его в другом месте. Все происходило следующим образом. Сначала организация: начальник инженерной службы корпуса, капитан инженерной службы, не занимается больше ничем, кроме как демонтажем моста. Длина моста 400 метров, он шире, чем Рейн в среднем течении у города Вормс. Мой командир саперного батальона¹ вместе со всем своим батальоном отвечает за организацию паромной переправы после разборки моста.

Находившуюся на плацдарме артиллерию необходимо еще переправить через мост, который должны были начать разбирать в 16.00.

Все остальные воинские части, которые хотели переправиться на этот берег, должны были воспользоваться паромами. В 18.00 я разместил свой командный пункт на средней паромной переправе.

В 22.00 офицер мостостроительной колонны доложил мне, что в 1.00 мост будет полностью разобран. Это было очень оперативно. Они рассчитывали, что разборка моста займет как минимум 10 часов. Работа облегчалась благодаря зареву пожара горевших вдали деревень. Какая ужасно прекрасная картина! После этого сообщения я уже мог отдавать приказ о постепенном выводе наших войск с плацдарма. Но это происходило не так гладко. Случались нестыковки, которые в обычной обстановке могли бы вывести меня из себя, но так как я отвечал за все происходящее здесь, то приходилось держать себя в руках. Один из командиров доложил, что после отхода его подразделения русские заняли деревню, которая находилась в трех километрах восточнее переправы. Значит, совсем скоро они будут и у моста. Зато все еще не переправились два чужих батальона, которым уже давно полагалось быть на этом берегу. Я приказал саперам снова переправиться на пароме на ту сторону, чтобы до тех пор защищать паромную переправу от возможной атакиседающих русских, пока последние батальоны не переправятся на этот берег. Наконец, в 4.00 прибыл последний батальон. Оказалось, что он сбился с курса. Правда, он был не из нашего корпуса. В 5.00 — уже начало светать — все были переправлены на наш берег. Паромные переправы на восточном берегу были взорваны. Саперы демонтировали последний паром на надувных лодках. Меня охватило странное чувство, так как все это происходило перед на-

¹ Майор запаса Браунсбергер.

шим передним краем обороны, который проходил у нас за спиной вдоль склона. В 5.30 я наконец выехал на свой новый командный пункт, радуясь, что все прошло так хорошо.

Долгое и трудное отступление действовало угнетающе на настроение в войсках:

Сегодня отступаем за Днепр. Говорят, там уже подготовлены оборудованные новые позиции. Неужели наконец все будет по-другому? У нас должно быть снова другое настроение. Отступление действует на всех угнетающе¹.

На первый взгляд² местность предоставляла благоприятные условия для обороны Днепра. Наш западный берег круто возвышался над долиной реки, с него открывался хороший обзор довольно ровного, правда поросшего густым кустарником восточного берега Днепра. Однако трудность в прокладке переднего края обороны заключалась в том, что крутой склон начинался не сразу на берегу реки, а между рекой и склоном простиралась полоска песка шириной 200—300 метров, поросшая кустарником и мелкими деревцами. Из-за этого берег реки не просматривался с уже подготовленных позиций на возвышенности. Поэтому войскам не оставалось ничего другого, как окопаться прямо на берегу реки, а из-за нехватки сил позиции, проходившие по гребню высоты, остались незанятыми. Обоим этим факторам (прохождению переднего края обороны по самому берегу реки и незанятым позициям на высотке) вместе с целым рядом других моментов было суждено сыграть роковую роль в управлении боевыми действиями дивизии.

Из оставшихся позади тяжелых боев дивизия вышла сильно измотанной. Боевой состав пехотных подразделений страшно снизился³. И даже обычное привлечение людей из обоза и тыловых служб было в этой ситуации совершенно недостаточной мерой. 46-й танковый корпус (командующий корпусом — генерал пехоты Гольник), которому дивизия подчинялась с 22 сен-

¹ Из дневника Онезорге, командира 6-й роты 448-го гренадерского полка. Запись от 27.09.1943.

² Отсюда и почти до конца главы использованы воспоминания подполковника Генерального штаба Рефиора, бывшего в то время начальником оперативного отдела 137-й пехотной дивизии.

³ Согласно записи в дневнике лейтенанта Онезорге, в 6-й роте 448-го гренадерского полка оставалось 30 бойцов.

тября 1943 года, должен был учитывать это обстоятельство. Тем не менее положение дел с личным составом дивизии не было учтено, когда ей отводили непропорционально широкий участок фронта. Две другие дивизии, входившие в состав корпуса (7-я и 251-я пехотные дивизии), находились в таком же положении, как и наша дивизия. К этому добавлялось еще то досадное обстоятельство, что в полосе обороны 251-й пехотной дивизии (примерно в 20 километрах южнее полосы обороны нашей дивизии) у русских уже имелся небольшой плацдарм на западном берегу Днепра. К сожалению, при недостатке сил, имевшихся в распоряжении корпуса и 251-й пехотной дивизии, никак не удавалось ликвидировать этот плацдарм. От этого вражеского плацдарма исходила постоянная угроза всему оборонительному рубежу на берегу Днепра.

Поэтому было понятно, что корпус пытался всеми имевшимися в его распоряжении средствами противостоять этой опасности. К этим средствам относилось и отведение более широких полос обороны 137-й и 7-й пехотным дивизиям, и более узкого участка 251-й пехотной дивизии, а также размещение всех имевшихся резервов позади 251-й пехотной дивизии, которой угрожала наибольшая опасность. По этой же причине в начале октября нашей дивизии пришлось передать 251-й пехотной дивизии 9-й и 10-й егерские батальоны. В это же время пришел приказ главного командования сухопутных войск о выводе всех русских формирований из состава фронтовых частей и их передислокации на территорию германского рейха. С тяжелым сердцем дивизия отдала свой казачий батальон, который стал для нее почти незаменим при выполнении определенных заданий.

По сравнению с этой опасностью другая угроза, возникшая на левом фланге 137-й пехотной дивизии, видимо, слишком сильно отошла на задний план. Впадение реки Сож в Днепр создало слишком неблагоприятные условия для взаимодействия с другими воинскими частями на границе корпуса. Пророческим оказалось замечание, сделанное в личном дневнике командиром роты¹, которая была введена в действие на левом фланге у поселка Лоев:

30.09.1943. Мы переправляемся в лодке через Днепр севернее места слияния с ним реки Сож. Для установления контакта с соседом слева (102-й пехотной дивизией). Для обмена схемами позиций района обороны. (Слабый стык!)

¹ Из дневника Онезорге.

Чтобы, по крайней мере, хотя бы до некоторой степени заполнить возникшие бреши, пришлось задействовать на переднем крае обороны последний из оставшихся резервов дивизии, саперный батальон, который уже много раз приходил нам на помощь. Тем самым были израсходованы все резервы дивизии. Все боеспособные подразделения дивизии сидели в траншеях на позициях, протяженность которых намного превосходила возможности, имевшиеся в наличии сил.

Первые дни октября на участке фронта дивизии прошли спокойно, за исключением одной попытки переправиться через Днепр южнее деревни Крупейки, которую 2 октября 1943 года предприняло подразделение противника численностью около 120 человек. 1-й дивизион артиллерийского полка нанес по русским сокрушительный удар, а в ответной контратаке различные подразделения 448-го гренадерского полка, 10-го егерского батальона и саперного батальона довершили разгром противника¹.

Правда, с наших наблюдательных пунктов можно было наблюдать на вражеской стороне постоянное оживленное перемещение транспортных средств и колонн с севера на юг, которое заканчивалось перед участком фронта 251-й пехотной дивизии. Вероятнее всего, в ближайшее время следовало ожидать атаки в полосе обороны 251-й пехотной дивизии с уже имевшегося там у русских плацдарма. Данные, собранные с помощью нашей воздушной разведки, подтверждали эту точку зрения, так как на аэрофотоснимке на русской стороне было отчетливо видно около 600 орудий всех калибров, которые уже заняли боевые позиции! При сложившихся обстоятельствах внимание командования корпуса было целиком и полностью сосредоточено на участке фронта 251-й пехотной дивизии. Правда, бросалось в глаза, что с 10 октября все перемещения войск и техники в район перед позициями 251-й пехотной дивизии полностью прекратились или же заканчивались перед участком фронта нашей дивизии. В период с 10 по 14 октября на русской стороне на участке фронта перед нашей дивизией наблюдалось усиленное перемещение войск и активное проведение окопных работ. На основании всех этих признаков и с учетом общей обстановки можно было предположить, что наряду с уже подготовленной атакой на участке 251-й пехотной дивизии русские проведут по крайней мере еще

¹ Отчет о боевых действиях капитана Ламанна, командира 2-й батареи 137-го артиллерийского полка, от 12.10.1943 (из дневника Маска).

одну атаку в полосе обороны нашей дивизии с целью сковать наши силы.

Однако все наши предположения, неоднократно высказанные командованию корпуса, и вытекающие отсюда требования разместить в полосе действия нашей дивизии резервы были отклонены как необоснованные. Тем не менее сложившееся у командования дивизии мнение было еще раз изложено в донесении, направленном в штаб корпуса вечером 14 октября. Однако ни это донесение, ни налеты русской авиации в течение четырех часов на поселок Лоев¹ вечером 14 октября не смогли поколебать мнение, сложившееся у командования корпуса (схема 25).

15 октября в 3.45 ночи участок фронта дивизии на всем протяжении подвергся сильнейшему артиллерийскому обстрелу из всех калибров, который с неослабевающей силой продолжался до 6 часов утра. Кроме того, позиции дивизии атаковала бомбардировочная и штурмовая авиация противника. Связь с боевыми частями — как всегда — тотчас прервалась, и командование дивизии не могло получить четкого представления о сложившемся положении. Но одно было совершенно очевидно уже сейчас: в то время как у наших соседей справа, 7-й и 251-й пехотных дивизий, пока еще все оставалось спокойным, на нашем участке русские перешли в крупномасштабное наступление широким фронтом. Используя сотни заранее подготовленных плотов, изготовление которых осталось незамеченным нашими наблюдателями, русские переправились через Днепр и ворвались на нашу первую линию обороны. Первые более или менее точные донесения поступили от 447-го гренадерского полка. Там русские уже прочно завладели довольно широкой полосой наших траншей и сейчас прощупывали возможность продвижения на запад. Вскоре после этого похожие донесения поступили и от 448-го гренадерского полка. Кроме того, командование дивизии постоянно получало точную информацию от 137-го артиллерийского полка и его наблюдательных пунктов.

Наша пехота, оставшаяся в живых после вражеской смертоносной артиллерийской подготовки, сражалась за свои позиции небольшими группами ожесточенно и упорно. Правда, от этих позиций мало что осталось после огневого налета вражеской артиллерии. Первая линия наших траншей, проходившая вдоль

¹ Из дневника Онезорге, запись от 14.10.1943.

Оборонительные бои на Днепре (положение противника по состоянию на 10.11.1943, согласно секретной разведывательной сводке 137-й пехотной дивизии)

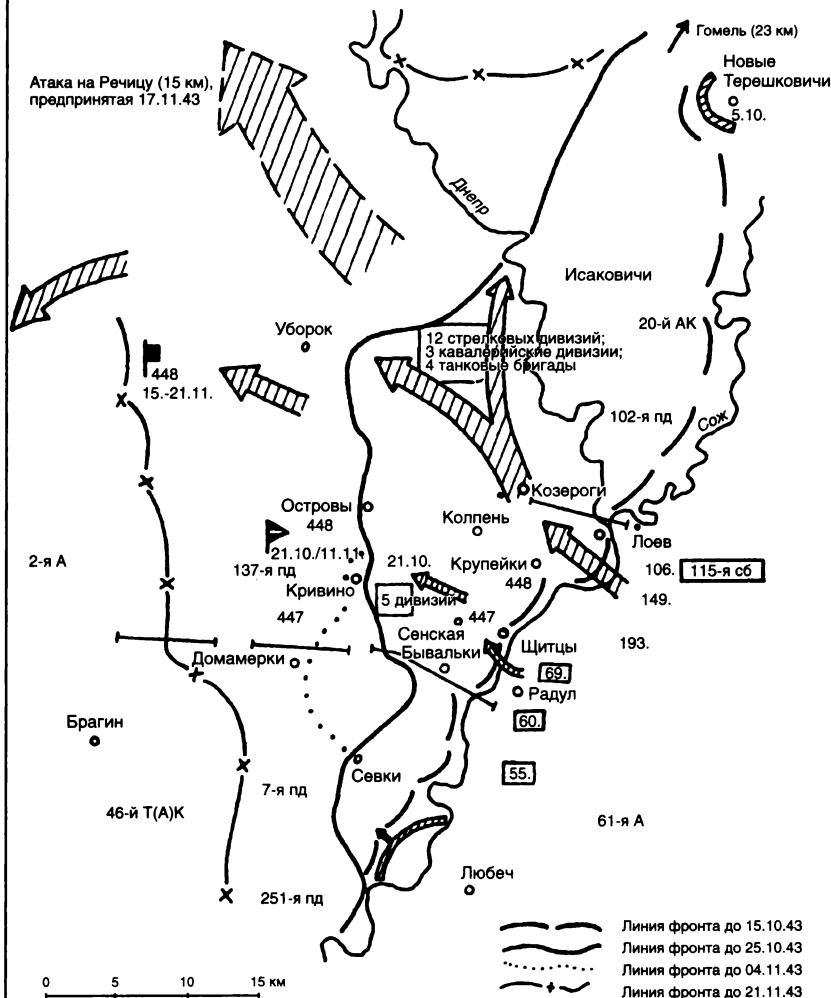

Схема 25

берега реки, почти на всем протяжении была отрыта в песчаном грунте и из-за продолжительного вражеского огня во многих местах обрушилась. С рассветом вражеские штурмовики начали волнами атаковать не только передний край обороны, но и позиции батарей 137-го артиллерийского полка и весь тыловой район дивизии. Так, уже в первой половине дня ярким пламенем горела большая часть деревни Колпень, на краю которой размещался командный пункт дивизии. Как удалось выяснить из показаний сбитого русского летчика, на нашу дивизию был брошен весь воздушный флот Центрального фронта Красной армии. Командир дивизии генерал-лейтенант Камеке еще рано утром уехал на командный пункт 447-го гренадерского полка, чтобы на месте разобраться в сложившейся обстановке. На обратном пути к командному пункту дивизии его машину атаковал русский штурмовик. Генерал и его офицер для поручений, обер-лейтенант Майер, были тяжело ранены. На следующий день генерал-лейтенант Камеке скончался от полученных ранений.

Генерал-майор фон Найндорфф, которому 17 октября было поручено командовать дивизией, почтил его память в приказе по дивизии от того же числа:

Генерал-лейтенант Камеке скончался от тяжелых ранений, полученных накануне южнее деревни Колпень. После героической гибели первого командира дивизии, генерал-лейтенанта Бергманна, он в течение двух лет командовал дивизией во время двух тяжелых оборонительных сражений зимы и прошедшего лета. Лишь несколько месяцев его не было у руля дивизии из-за полученного ранения.

В знак траура и глубокого уважения мы склоняем свои знамена перед этим смелым и доблестным генералом. Дивизия навсегда сохранит добрую память о своем заслуженном командире.

И в дальнейшем мы будем следовать его примеру, постоянно сохраняя боевую готовность.

В маленькой деревушке Острова, расположенной в 18 километрах западнее Лоева, 137-я пехотная дивизия похоронила своего второго павшего командира дивизии. Дивизионная рота снабжения выставила почетный караул.

Полковник фон Калиновски, командир 137-го артиллерийского полка, временно взял на себя командование дивизией. К полудню 15 октября удалось наконец получить первую четкую

картину сложившегося положения. Оно оказалось далеко не блестящим! Как в полосе обороны 447-го, так и 448-го гренадерских полков русские прочно завладели обширными участками нашего переднего края обороны. Повсюду русская пехота прощупывала наши позиции на возвышенности, и отдельные штурмовые группы — воспользовавшись удобным рельефом — уже заняли эти позиции. Теперь мы расплачивались за то, что дивизии была назначена слишком широкая полоса обороны. Это не позволило ей разместить на позициях на возвышенности так необходимые сейчас резервы. В данный момент у дивизии не было никаких резервов, чтобы немедленной контратакой отбросить русских назад. Она могла рассчитывать только на возможную, но не гарантированную помощь корпуса.

И корпус — застигнутый врасплох наступлением на участке фронта нашей дивизии — попытался спасти то, что еще можно было спасти. Дивизии пообещали выделить танковый батальон, который должен был прибыть в течение дня. Но тем временем русские перешли в наступление и на участке фронта 7-й и 251-й пехотных дивизий, так что командованию корпуса пришлось отказаться от обещания выделить нам танковый батальон. Командование дивизии осталось с пустыми руками и ничем не могло помочь своим пехотным полкам, которые вели тяжелый бой. Правда, в течение дня в полки были направлены последние бойцы, остававшиеся в обозах и тыловых службах. Но они могли оказать только временную помощь и были не в состоянии внести решающий перелом в ход сражения.

Во второй половине дня 15 октября корпус наконец предоставил в наше распоряжение гренадерский батальон соседней дивизии слева (102-й пехотной дивизии). С его помощью надо было, двигаясь от Лоева вдоль берега реки на юг, обойти прорвавшегося противника с фланга и отбросить его за Днепр. Когда поздно вечером батальон прибыл в расположение 448-го гренадерского полка, которому было поручено проведение контратаки, то выяснилось, что его боевая численность была совершенно недостаточной. По этой причине контратака уже вскоре после ее начала захлебнулась. Таким образом, потерпела неудачу последняя попытка исправить положение.

Командование дивизии ожидало дальнейшего развития событий с серьезной озабоченностью. Утром 16 сентября сложилась следующая картина.

Продолжавшие сражаться подразделения нашей пехоты были оттеснены на позиции на высотах и за ними и отражали

атаки противника в отдельных очагах сопротивления при активной поддержке имевшейся у нас артиллерии¹. За ночь русские значительно укрепились на своем плацдарме. Как удалось установить из показаний пленных, в ночь с 15 на 16 октября на западный берег Днепра уже переправились подразделения пяти русских стрелковых дивизий. Днем 16 октября за ними последовали новые формирования, среди них — артиллерия и танки.

Теперь стало окончательно ясно, что главный удар своего наступления русские наносили на участке фронта нашей дивизии. Дивизия была просто не в состоянии длительное время оказывать успешное сопротивление таким превосходящим силам противника. Бросив в бой последних имевшихся в нашем распоряжении бойцов², мы, правда, сумели создать довольно редкий промежуточный оборонительный рубеж в шести километрах западнее деревни Колпень. В то время как с соседом справа, 7-й пехотной дивизией, у нас сохранялся постоянный контакт, соприкосновение с соседом слева было потеряно. Это произошло в течение дня 16 октября после сдачи Лоева, который уже невозможно было удерживать силами ослабленного 448-го гренадерского полка из-за глубокого прорыва противника южнее Лоева. С вечера 16 октября от деревни Козероги до места впадения реки Сож в Днепр зияла брешь, представлявшая серьезную опасность для соседей, занимавших позиции севернее.

17 и 18 октября значительные силы русских устремились через эту брешь на север и, не встречая сильного сопротивления, начали развивать свое наступление вдоль западного берега Днепра на север. В полосе обороны дивизии противник продвигался на запад довольно нерешительно.

Это совершенно неожиданное направление атаки имело роковые последствия, так как было нацелено в спину 20-му армейскому корпусу, который держал оборону на рубеже реки Сож и до сих пор не подвергался атакам противника. Все усилия путем удлинения северного фланга сузить прорыв в направлении Речицы оказались напрасными; слабые линии охранения

¹ В 3-м дивизионе, который потерял 9-ю батарею еще во время сражения под Севском, жертвой русского наступления под Лоевом стала 8-я батарея (по сообщению майора Хуфта, бывшего в то время командиром 7-й батареи).

² Во второй половине дня атака противника на огневую позицию 5-й батареи. В ходе контратаки канониры отбросили противника и тем самым позволили вывезти орудия (из дневника Медера, запись от 16.10.1943).

постоянно охватывались с севера. Наряду с этим заболоченная, трудно проходимая при движении с востока на запад лесистая местность вынуждала придерживаться единственного пути отхода — шоссе Лоев—Юревичи на Припять.

Оборонительное сражение на Днестре в сочетании с предыдущими боями и маршами, которые продолжались в течение нескольких месяцев, сильно измотали дивизию. Начиная с 17 октября 1943 года ее приказы имели заголовок «Боевая группа 137-я пехотная дивизия». В этом отношении она разделила судьбу многих дивизий, сражавшихся на Восточном фронте.

Из 110 дивизий, которые с июля сражались в рядах армий, входивших в состав трех групп армий, принимавших участие в наступлении на востоке, более трети были так измотаны, что на дежурных картах обозначались как дивизионные группы, а не как полноценные дивизии. Это означало, что в их составе оставалось лишь несколько ослабленных батальонов. Только некоторые из них могли быть доукомплектованы личным составом, многие же были или расформированы, или объединены по две в корпусные подразделения, имевшие численный состав дивизии и сохранявшие свои обозначения только с целью дезинформации противника. И остальные дивизии понесли тяжелые потери, почти ни одна из них не располагала более чем половиной численного состава, предусмотренного штатами. И хотя боевой состав пехоты благодаря постоянному привлечению бойцов из обозов и тыловых служб старались поддерживать на определенном уровне, однако уровень подготовки, а следовательно, и боеспособность такого «пополнения» были по вполне понятным причинам различными. Но по сравнению с пехотными дивизиями еще сильнее пострадали танковые дивизии. Из 18 танковых дивизий 13 назывались теперь танковыми дивизионными группами. Они лишились основной массы своих танков, а в пехотном отношении были чрезвычайно слабы¹.

Характерным для упавшей боеспособности является нижеследующий приказ нового командира дивизии генерал-майора фон Найндорфа², который только что прибыл с родины и произвел на всех большое впечатление своей личной смелостью и отвагой:

¹ *Фон Типпельскирх К.* Вторая мировая война. С. 339.

² Погиб в 1944 году, будучи комендантом гарнизона Тарнополя (Тернополь).

Боевая группа
137-я пехотная дивизия
Командный пункт дивизии, 19.10.1943

Относительно степени боеспособности противостоящих формирований противника.

Из допросов красноармейцев, взятых в плен в последние дни, и перебежчиков складывается следующая картина.

Стрелковые соединения состоят по меньшей мере на 80 процентов из принудительно призванных на военную службу гражданских лиц, большая часть которых еще никогда не служила в армии и не прошла никакой военной подготовки. Поэтому степень боеспособности этих людей очень низкая, их удерживает вместе и гонит вперед только грубое принуждение младшего командного состава, который состоит из немногих имеющих боевой опыт военнослужащих. То, как низко противник оценивает эти воинские формирования, вытекает уже из того факта, что вопреки своим обычным правилам он никогда не заставляет их атаковать ночью. Вооружение стрелковых рот также недостаточное, в некоторых ротах даже не все красноармейцы имеют оружие. По словам одного из пленных, этого и не требуется, так как «немцы бегут уже от одного нашего крика „Ура!“».

Важно, чтобы каждый боец имел ясное представление о состоянии противостоящих ему формирований противника. Он должен знать, что речь идет не об отборных ударных войсках, а о разношерстных воинских частях, имеющих подготовку ниже среднего уровня, которые при нашем энергичном сопротивлении никогда не смогут добиться успеха. Этот факт необходимо довести до сознания каждого бойца дивизии!

На русское «ура» надо немедленно отвечать решительным оборонительным огнем. Тогда успех не заставит себя ждать. А стремительный контрудар лишь закрепит его. Командиры обязаны довести это до сведения каждого бойца и все четко объяснить ему.

Фон Найдорфф

Вклинение противника на левом фланге 137-й пехотной дивизии было расширено русскими 20 и 21 октября и превратилось в прорыв на север. Бросив вперед танки с пехотой на броню, противник продвинулся вдоль западного берега Днепра на север, угрожая ударом в спину 20-му армейскому корпусу. Используя захваченную территорию как плацдарм, 28 октября рус-

Развитие обстановки на южном фланге группы армий «Центр».
Октябрь—декабрь 1943 г.

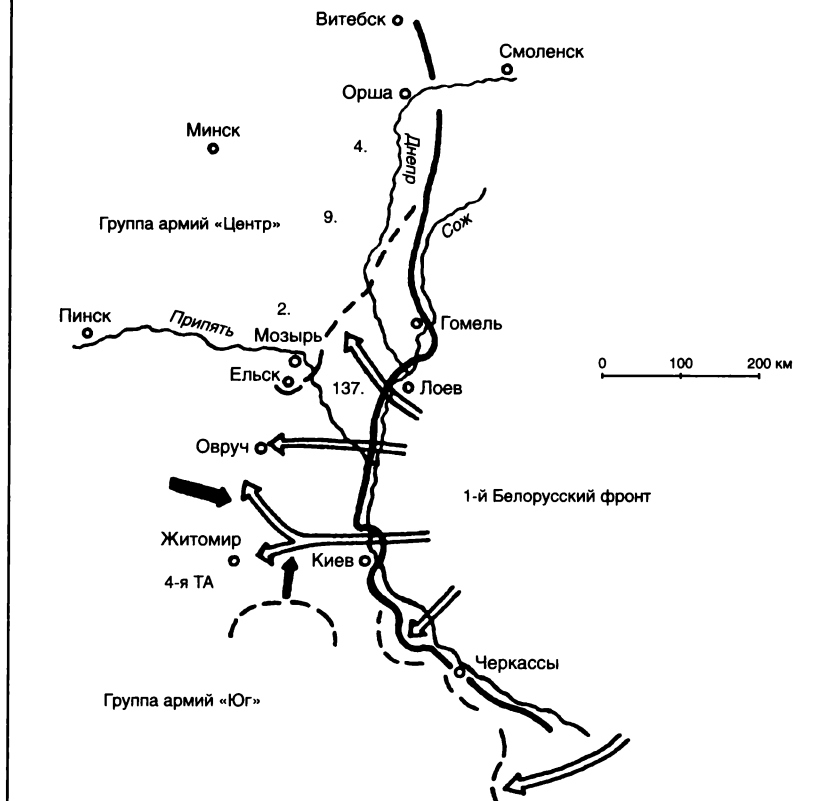

Схема 26

ские нанесли новый удар на северо-запад, который поставил северный фланг 2-й армии в крайне тяжелое положение, однако его все-таки удалось отразить.

31 октября нами были оставлены деревни Абрамовка и Кривино, находившиеся на правом фланге полосы обороны дивизии, что заставило нашего южного соседа (7-ю пехотную дивизию) отойти на 8—10 километров до деревни Песочной.

Такое развитие событий было само по себе очень горьким, однако к гораздо более серьезным последствиям привело то обстоятельство, что в ходе начавшегося 4 ноября мощного наступления русские прорвали фронт 4-й танковой армии. В резуль-

тате этого образовалась брешь шириной около ста километров, которая разделила северный фланг 4-й танковой армии и южный фланг нашей 2-й армии (схема 26). Нашей армии снова грозил охват с двух сторон. Армия могла избежать его только путем отвода фронта назад, на рубеж реки Припять. Поэтому потрепанные войска, среди них и крайне измотанная «Боевая группа 137-я пехотная дивизия», в период с 15 по 25 ноября 1943 года, то есть в течение 11 дней, с боями прошли около 90 километров, отступая до нового оборонительного рубежа на реке Припять, южнее города Мозырь. Во время нахождения нашей дивизии на плацдарме у деревни Юревичи, оборона которого продолжалась с 25 по 29 ноября, на командный пункт дивизии в деревне Бибики поступило сообщение, которое вместе с нами получило более тридцати других дивизий:

С 9 декабря 1943 года 137-я пехотная дивизия расформировывается.

Боевой коллектив, который с 5 октября 1940 года просуществовал три года и три месяца, прекратил свое существование и принял другие формы.

Последний приказ командира дивизии гласил:

Боевая группа
137-я пехотная дивизия
Штаб-квартира дивизии, 10.12.1943

Солдаты 137-й пехотной дивизии!

С 9 декабря 1943 года 137-я пехотная дивизия прекращает свое существование в прежнем составе.

Будучи сформированной после похода во Францию из двух хорошо зарекомендовавших себя полевых дивизий, она приняла боевое крещение в сражениях на берегах Буга. Во время победоносного наступления она повсюду успешно громила врага, где бы он ей ни встречался. Волковыск, Орша, Смоленск, Рославль — вот вехи нашего стремительного наступления. После ожесточенных оборонительных боев на Ельнинском выступе дивизия снова приняла участие в битве в октябре и с боями продвинулась до самых ворот Москвы.

В тяжелом оборонительном сражении первой зимы, часто находясь, казалось, в безвыходном положении в самом опасном месте битвы, 137-я пехотная дивизия всегда с честью преодолевала

трудности и победоносно выходила из боя. За позиционными боями у автострады последовало зимнее сражение за Орел. Летом и осенью этого года продолжались непрерывные оборонительные бои на рубежах рек Усожа, Десна, Днепр и Припять. Во всех этих боях, в наступлении и в обороне, вы зарекомендовали себя с наилучшей стороны. За это я выражаю всем офицерам, должностным лицам и военным чиновникам, унтер-офицерам и рядовому составу дивизии свою благодарность.

Но, вспоминая сейчас достигнутые успехи, давайте вспомним и тех боевых товарищей, которые, оставаясь верными данной присяге и до конца исполняя свой долг, пожертвовали своей жизнью ради отечества. Среди них оба предыдущих командира дивизии, генерал-лейтенант Бергманн и генерал-лейтенант Камеке. Слава их памяти!

Я знаю, что вы, как военнослужащие бывшей 137-й пехотной дивизии, и в будущем добросовестно исполните свой долг, чтобы на своем месте способствовать достижению окончательной победы.

Пусть вас всегда сопровождают в этом мои наилучшие пожелания.

Зиг хайль нашему фюреру!

Уполномоченный по ведению дел
Фон Найдорфф, генерал-майор

Его последние слова звучат для нас сегодня, когда мы знаем ход истории, как жестокая ирония. В наступающем 1944 году началась агония Восточного фронта и всего германского рейха. В главе 17 описывается, что она принесла оставшимся в живых военнослужащим 137-й пехотной дивизии.

Глава 16

СНАБЖЕНИЕ ДИВИЗИИ

1941—1943 годы

Организация снабжения и связанные с этим проблемы

Во время наступления с июня по ноябрь 1941 года в общем и целом всегда удавалось решать возникавшие проблемы со снабжением в рамках дивизии. Даже в самых горячих точках боя, как, например, в сражениях за Смоленск, Рославль, Ельню и Вязьму, всегда удавалось наладить своевременное снабжение боеприпасами в достаточном количестве, а также справиться с резко возросшим числом раненых. Трудности с продовольственным снабжением возникли только однажды, когда в августе 1941 года наблюдались проблемы с обеспечением хлебом. Следствием внезапного процесса созревания зерновых культур на полях явилось, что

хлеб, выпекавшийся в немецких полевых пекарнях, очень быстро покрывается плесенью и становится несъедобным¹. Из боевых частей все чаще поступают жалобы на испорченный хлеб, что заставляет всех нас ломать голову над решением этой проблемы. Уже после одного дня хранения на дивизионном раздаточном пункте формовой хлеб начинает становиться липким изнутри, затем из-за большой жары покрывается плесенью, и в конце концов формовой хлеб становится похожим на красный кирпич, который разваливается в руках, как трухлявое дерево. Для объяснения этого таинственного процесса, который в это же самое время наблюдается на всем протяжении Восточного фронта, привлекаются армейские санитарные врачи. В конце концов они выясняют, что здесь

¹ Из дневника капитана Дихтля, командира хлебопекарной роты 137-й пехотной дивизии.

речь идет о мало исследованных биологических процессах, которые происходят в России с формовым хлебом всякий раз, когда цветут и созревают зерновые культуры. Теперь нам сразу становится понятно, почему русские выпекают формовой хлеб не так, как это принято в германской армии, а выкладывают тесто для хлеба в смазанные подсолнечным маслом формы, в которых хлеб выпекается как пирог, благодаря чему он, очевидно, не подвергается описанному выше процессу брожения.

Большой проблемой снабжения во время наступления являлось сохранение мобильности. Для пехотной дивизии это означало сохранение и пополнение поголовья лошадей и парка транспортных средств, особенно это касалось колонн снабжения и транспортных средств обозов.

Решению первой задачи наряду со всеми подразделениями с большой энергией посвящала себя вся ветеринарная служба дивизии под руководством подполковника ветеринарной службы доктора Брюстле. Неказистые низкорослые лошаденки, достаточное количество которых еще поступало из окрестных деревень во время наступления, стали неотъемлемой составной частью всех воинских частей. Чем дальше продолжалось наступление, тем большим становилось количество лошадей в воинских частях. Его можно было приблизительно посчитать по числу лошадей, состоявших на довольствии. При штатном составе около 6,5 тысячи лошадей в период с начала зимы 1941 года до весны 1942 года число лошадей превысило 10 тысяч голов.

К концу лета 1941 года гораздо труднее стало решать уже вторую задачу. Во время быстрого продвижения вперед при маневренном управлении боем и постоянной смене направления основных ударов мощности российской железной дороги и оперативных районов расположения моторного транспорта могли лишь частично удовлетворять насущные потребности войск¹.

Небольшим автотранспортным колоннам дивизии, которые использовались не по назначению для уменьшения нагрузки на основные районы расположения моторного транспорта, например для обеспечения фронта на Ельнинском выступе, требовалось на каждые 30 тонн боеприпасов на 500 километров пути примерно два дня и от 1600 до 1800 литров горючего. При вы-

¹ На пятнадцати следующих страницах большей частью использованы материалы исследования второго офицера Генерального штаба, квартирмейстера дивизии капитана Х. Ниманна.

полнении таких дополнительных заданий их боеспособность сильно падала. Дивизия и даже отдельные ее подразделения не были оснащены однотипными транспортными средствами. Наряду с транспортными средствами, выпущенными в Германии, имелись как автомобили французского производства, которые можно было заменять продукцией текущего производства, так и английские трофейные автомашины.

При выходе таких автомобилей из строя их потерю можно было в известной степени компенсировать растущим поступлением трофейных русских автомашин, которые ремонтировались в собственных мастерских отдельных подразделений 137-й дивизии.

Летом и осенью 1941 года нагрузка на автомобили и моторные средства тяги была просто неслыханной. Их использование по глубокому песку, с воздушными фильтрами, которые не справлялись с плотными облаками пыли, на бревенчатых настилах или «дорогах», которые были не намного лучше и подвергали рессоры и всю конструкцию чрезмерным нагрузкам, на покрытых непроходимой грязью и заснеженных дорогах приводило к преждевременному износу.

На удивление хорошо зарекомендовали себя серийные типы французских грузовых автомобилей. И напротив, английские трофейные автомобили, у части из которых имелось до 65 точек ручной смазки, не выдерживали нагрузок русских дорог и быстро выходили из строя.

Когда поздней осенью 1941 года наступавшие войска группы армий «Центр» приблизились к Москве, начавшийся период осенней распутицы способствовал возникновению первого серьезного кризиса со снабжением. Расстояние от конечных железнодорожных станций постоянно увеличивалось. Из-за выхода из строя большинства дорог функциональная способность основного района расположения транспорта оказалась сильно ограничена. Когда внезапно началась суровая зима, которая нанесла огромный урон локомотивному парку, снабжение в некоторых районах ухудшилось до такой степени, что это негативно сказалось на боеспособности войск.

На местах в нашем распоряжении имелось совсем немного железнодорожных линий, расположенных вблизи линии фронта. Тот, кто в те декабрьские дни 1941 года хотя бы раз проезжал по железнодорожному перегону Калуга—Алексин на трофейном паровозе, отапливаемом дровами, при нехватке воды, удивлялся тому, что его вообще можно было использовать. Но для нас

это была желанная поддержка в трудном положении, не требующая расхода горючего.

Наблюдавшийся в эти зимние месяцы износ транспортных средств дивизии так и не удалось никогда полностью компенсировать. В рамках дивизии снабжение представляло собой сплошную цепь импровизаций. Выходить из трудного положения всякий раз удавалось только благодаря самоотверженному труду всех участников этого процесса. Они предотвратили самое худшее. Здесь нужно обязательно вспомнить ту любовь и самопожертвование, с которой ездовые ухаживали за своими лошадьми. Достойны доброго слова и водители, которые днем и ночью преодолевали установленные приказом километры, ухаживали за своими моторными транспортными средствами, ремонтировали их при 30 градусах мороза, часто — под открытым небом или под жалкими навесами. При этом они должны были еще обеспечивать и охрану коммуникаций от просочившегося или прорвавшегося противника. Здесь нужно вспомнить и нашего квартирмейстера майора Генерального штаба Мюллера, начальника службы снабжения капитана Хоффманна и командира 5-го транспортного взвода на конной тяге капитана Дерффлингера, которые всегда умело и энергично справлялись с самыми трудными ситуациями, казавшимися порой безвыходными.

Во время боев в районе Калуга—Юхнов снабжение дивизии осуществлялось с ближайших складов транспортными подразделениями почти исключительно на конной тяге. Состояние дорог исключало использование моторных транспортных средств. Когда это было возможно, колонны частично формировались из грузовиков, но их грузоподъемность была ограничена.

Значительное удаление в пространственном отношении транспортных подразделений на конной тяге от штаба начальника службы снабжения дивизии, который руководил использованием транспортных средств дивизии на моторной тяге на надежных зимних коммуникациях из района Высоконичи по шоссе на Юхнов, потребовало единого командования всеми транспортными подразделениями дивизии на конной тяге, после того как дивизия была введена в действие в районе Калуги. «Начальником всех транспортных подразделений на конной тяге» стал командир 5-го транспортного взвода дивизии на конной тяге капитан Дерффлингер. И эта мера отлично оправдала себя в дальнейшем.

После гибели в декабре 1941 года начальника службы снабжения дивизии капитана Хоффманна эта должность перешла к его заместителю, капитану Дерффлингеру. Будучи начальником всех транспортных подразделений дивизии на конной тяге, он лучше всех знал сложившуюся на тот момент обстановку. Это временное совмещение двух должностей усилило позицию «начальника подразделений на конной тяге», так что и новый начальник службы снабжения дивизии, майор запаса князь Фюрстенберг, сохранил его во время тяжелых продолжительных боев и передислокаций.

Таким образом, в дивизии сформировалась такая форма организации и руководства, которая вытекала из сложившегося положения и определялась личностными качествами командиров. Одним из решающих достижений транспортных подразделений на конной тяге в последние дни декабря 1941 года явилась эвакуация раненых через закрытый для движения транспорта участок железной дороги Калуга—Медынь, которая была осуществлена во взаимодействии с 1-й санитарной ротой дивизии (подробнее об этом см. далее).

В конце 1941 и в начале 1942 года, во время боев за Юхнов, снабжение дивизии осуществлялось со складов, находившихся в городе и его окрестностях. Они были очень хорошо заполнены. Для их пополнения использовались транспортные эскадрильи люфтваффе. Особенно ценными для эвакуации раненых, находившихся в различных медико-санитарных подразделениях, оказались наши brave Ю-52. Без их участия вряд ли удалось бы эвакуировать всех раненых из госпиталей по частично блокированному шоссе, которое к тому же находилось под постоянным обстрелом русской артиллерии.

Транспортные подразделения на конной тяге были дислоцированы в основном северо-западнее города, там они выполняли главным образом задания по охране коммуникаций. А транспортные подразделения на моторной тяге использовались время от времени для перевозки личного состава дивизии.

Катастрофическое положение со снабжением, которое сложилось зимой 1941/42 года, конечно, не было виной службы снабжения дивизии или других инстанций, осуществлявших снабжение фронта. Глубинная причина этого заключалась в недооценке силы сопротивления России и в легкомысленном отношении руководящих государственных деятелей к продолжительности Восточной кампании. Не хватало буквально всего.

Трудно сказать, в каких областях дефицит ощущался острее всего. Здесь все было взаимосвязано.

Отсутствие зимнего обмундирования и зимних средств передвижения (лыж, средств тяги, лошадей) привело к значительным потерям и снижению боеспособности воинских частей, возможно, даже в большей степени, чем нехватка отдельных видов боеприпасов и военной техники (например, тяжелых полевых гаубиц, минометов, броневой техники, трассирующих боеприпасов). Когда же боеприпасов было достаточно, особенно это касалось артиллерийских снарядов, тогда не хватало орудий¹.

Трудно было доставлять как взрывчатку и тяжелый шанцевый инструмент, так и строительный материал для инженерного оборудования местности. Указание Гитлера «оборудовать позиции в воронках» свидетельствовало о том, какие несбыточные фантазии рождались в воображении «величайшего полководца всех времен»². В наличии имелось достаточно средств заграждения, но они часто были неэффективны в глубоком снегу.

Во время отступления благодаря ликвидации крупных складов, расположенных вблизи линии фронта, и регулярному подвозу продуктов продовольственное снабжение войск по основным позициям в общем и целом было обеспечено. Вот только хлеб бойцы часто получали в замороженном виде, и им приходилось употреблять его в пищу в таком состоянии. Однако время от времени ощущалась нехватка тех или иных видов продовольствия, тогда приходилось его экономить, растягивая на более длительный срок. Иногда при ликвидации продовольственных складов в дивизию совершенно случайно поступали такие продукты, которые обычно никогда бы до нее не дошли.

Стараниям интенданта дивизии, майора интендантской службы Шварте, и тогдашнего начальника пункта хозяйственного довольствия, майора финансовой службы Пфлегера, всегда сопутствовал успех, если имелась хоть какая-нибудь возможность решить возникшую проблему.

Снабжение грубыми кормами и зерновым фуражом было сорвано. Грубые корма было невозможно поставлять из-за их гро-

¹ Из дневника Штайскаля, запись от 13.11.1941: «Для дополнительного утепления тела я приказал разрезать одеяла. Каждый боец оборачивает вокруг живота третью часть одеяла и затягивает поясной ремень». И там же, запись от 04.12.1941: «Поступило несколько комплектов зимнего обмундирования».

² Гудериан Г. Указ. соч.

моздокости и из-за тяжелого положения с транспортом. Гнилые соломенные крыши разрушенных изб были плохой пищей для наших лошадей. Зерновой фураж, которого и раньше не хватало, в конце концов совсем закончился. Воспользоваться запасами оккупированной страны было невозможно, так как воинские части были заняты другими делами.

Снабжение хорошими лошадьми из армейских фондов было довольно скудным. Крайне необходимые лекарства и материал дляковки лошадей можно было достать лишь с огромным трудом и в совершенно недостаточном количестве.

Даже в самых тяжелых условиях санитарное обеспечение в дивизии было поставлено на должный уровень и благодаря самоотверженным действиям медико-санитарного персонала владели инициативой во всех ситуациях. Во время ведения боевых действий, при постоянных передислокациях и стесненных условиях расквартирования бороться с педикулезом можно было только вспомогательными средствами. Здесь крайне не хватало таких удобных в использовании средств, как порошкообразные вещества для уничтожения вшей.

Чтобы уменьшить трудности, которые испытывали подразделения дивизии, ответственные за снабжение лица постоянно использовали личные контакты с вышестоящими командными инстанциями и делали все, что было в их силах. Иногда это выражалось в самовольном обеспечении пунктов снабжения, которое вызывало подозрение в корыстных интересах. Однако что общего могло быть у трех тонн дополнительно загруженных боеприпасов для дивизии с личным обогащением? Каждый знал, чего конкретно не хватало и в чем было дело.

Запасы лежали на складах мертвым грузом. Из добрых побуждений они были уже распределены, но часто выдавались только под давлением обстоятельств и слишком поздно и бесконтрольно, а случалось, что и просто ликвидировались.

Когда зимние сражения у стен Москвы приближались к своему завершению, дивизия была совершенно измотана, ее материальные средства касательно оружия, транспорта, лошадей¹

¹ По сообщению доктора Брюстле, бывшего в то время дивизионным ветеринаром, в феврале 1942 года в дивизии был зафиксирован максимальный падеж лошадей. Он составил за один только месяц примерно 650 лошадей, или 10 процентов от штатного состава. Примерно половина из них погибла от истощения и недостатка кормов, около 40 процентов было потеряно в результате нападения партизан на места дислокации обозов и только 10 процентов было потеряно из-за болезней и ранений.

и военной техники значительно сократились. Ее мобильность в этот период, февраль 1942 года, можно было оценить только в 10—20 процентов от нормы. Мобильность подразделений снабжения на моторной тяге составляла 25 процентов, а мобильность подразделений на конной тяге снизилась до 20 процентов.

Принимая во внимание крайнее истощение личного состава, лошадей и износ военной техники и транспортных средств, вообще нельзя было принимать в расчет возможность передвижения подразделений дивизии на дальние расстояния.

После того как в апреле 1942 года положение на шоссе Рославль—Юхнов более или менее стабилизировалось и дивизия заняла оборонительный рубеж на реке Попольта, начался новый этап деятельности по организации снабжения дивизии с многообразными задачами, целью которых было восстановление полной боеспособности и мобильности дивизии. При этом главные силы подразделений и частей снабжения были выведены из района боевых действий дивизии.

При тяжелом положении с нормированием и распределением Рославль стал для дивизии временным конечным железнодорожным пунктом, своеобразным «всасывающим патрубком», таким же важным, как и район Спас-Деменска, который служил нам своеобразным «поворотным кругом». Группировка подразделений и частей снабжения была соответствующей.

Подразделения и части снабжения были эшелонированы в глубину вдоль шоссе и расквартированы между Спас-Деменском и примерно в 20 километрах юго-западнее деревни Крапивны (схема 27).

Транспортным подразделениям на конной тяге была предоставлена передышка. Перед ними была поставлена задача в спокойной обстановке восстановить поголовье лошадей, кроме того, они должны были обеспечивать охранение мест расквартирования.

Автотранспортные колонны использовались для челночного движения, впрочем, при наличии соответствующих технических возможностей они тоже должны были заботиться о повышении пропускной способности.

Начальник службы снабжения дивизии разместил свой штаб примерно в 12 километрах восточнее Спас-Деменска, севернее треугольника, образованного дорогами. Позднее в соседней деревне Большой Каменке разместился также и отдел квартирмейстера дивизии.

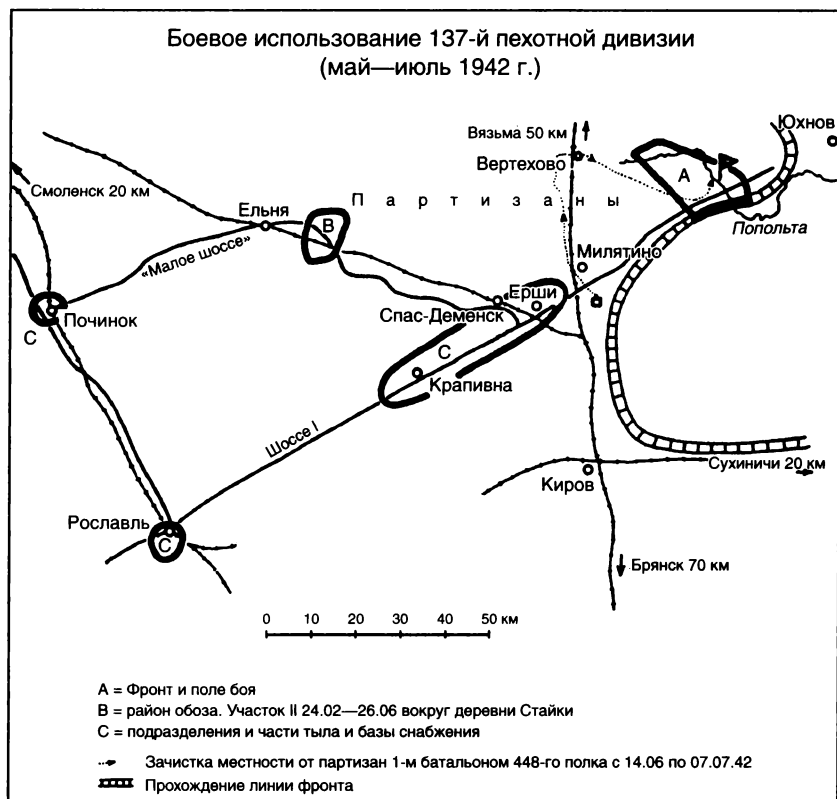

Схема 27

В том же районе южнее шоссе были дислоцированы те санитарные подразделения, которые не находились в районе боевых действий дивизии.

Крупные пункты снабжения, такие как ремонтные роты, находились в районе Починка, в глубоком тылу и в непосредственной близости от складов запчастей. Команды находились в Рославле для связи с местными складами и в Смоленске при багажном складе дивизии.

Продовольственные склады и склады боеприпасов были выдвинуты вперед, в район Спас-Деменска. К началу периода весенней распутицы они были работоспособны во всех отношениях.

Ветеринарная рота дивизии позаботилась о создании необходимых условий для выздоровления и восстановления поголовья лошадей. Но необходимо было отыскивать новые помеще-

ния для размещения лошадей на отдых и для хранения кормов. А это было возможно только при таком развитии фронтовой обстановки, которая позволяла бы отводить в тыл упряжки лошадей, кроме того, требовалось обеспечить надежной охраной районы выпаса табунов, чтобы защитить их от нападений партизан. По этой причине ветеринарная рота дислоцировалась под Рославлем, а надежная линия охранения защищала ее с юго-запада от нападения партизанских отрядов.

В деревне Ерши на пересечении железнодорожной линии Ельня—Киров с автострадой была оборудована передовая база снабжения дивизии. Эта передовая база снабжения с собственной гарнизонной комендатурой оставалась в сфере влияния дивизии и после выдвижения последних обозов и подразделений и частей снабжения в район оборонительного рубежа на реке Попольта осенью 1942 года. На этой небольшой базе в 1943 году удалось быстро организовать перегрузку остававшихся на складе запасов.

Чрезвычайно напряженное положение с грузоподъемностью автотранспортных колонн и обозов, недостаточные возможности пополнения после ремонта и новых поставок автотранспортных средств, а также опыт прошедших месяцев уже в апреле 1942 года заставили штаб дивизии задуматься о более компактном сосредоточении тоннажного объема, пригодного для боевого использования. Было запланировано объединение всех автотранспортных колонн, находившихся в распоряжении начальника службы снабжения дивизии, в одну автотранспортную роту с нормированной грузоподъемностью от 100 до 200 тонн. Это предложение было одобрено вышестоящими инстанциями, и была создана автотранспортная рота 137-й дивизии. В качестве места ее расположения была определена деревня Ерши.

Автотранспортная рота прекрасно зарекомендовала себя как отдельная боевая единица. Под командованием сначала капитана Деханта, а позднее капитана Барча удавалось успешно решать задачи по ремонту автопарка и по повышению дисциплины личного состава. Но основное значение роты заключалось в четкой организации работы. Возникавшие в последующее время кризисные ситуации можно было разрешить только с помощью автотранспортной роты, точно так же немислимо было без этой роты и сосредоточение войск на главном направлении. В ее рамках иногда происходило временное объединение всего моторизованного погрузочного объема дивизии

(к большому сожалению остальных подразделений, но обычно это практиковалось только тогда, когда где-то действительно «горело»!).

В июле 1942 года майор Дерффлингер окончательно стал «командиром подразделений снабжения дивизии», так теперь стал называться прежний «динафю» — начальник службы снабжения дивизии.

И во время весенних наступательных операций шоссе оставалось единственной «надежной» коммуникацией. На всем своем протяжении оно оставалось пригодным для движения грузовиков. Несмотря на то что противник время от времени блокировал шоссе, по нему можно было перевозить крупногабаритные грузы со складов в расположение дивизии, правда, не без потерь. Чтобы справиться с периодом распутицы, необходимо было создавать соответствующие запасы. В этот период, как весной, так и осенью, все перевозки прекращались.

Снабжение по коммуникациям, расположенным севернее шоссе, например с какой-нибудь станции железнодорожной линии Вязьма—Милятино, напрямую в полосе обороны дивизии было бы очень желательным. К сожалению, для этого не было подходящих условий. Железнодорожная линия больше не действовала, значительная часть местности находилась под контролем прорвавшихся русских формирований, а подходящие проселочные дороги оказались занесены снегом. При наступлении весенней распутицы они утопали в грязи и, вероятно, дольше оставались непроезжими. Но даже при выполнении основных условий — освобождении с боем железнодорожной линии и возобновлении ее эксплуатации — невозможно было рассчитывать на введение в действие тяжелых транспортных средств. Этого не позволяли сделать дорожные условия.

Примерно в конце мая 1942 года вышестоящие инстанции очень энергично настаивали на открытии этой железнодорожной линии. Команда из отдела квартирмейстера в течение двух дней проверяла, как обстоят там дела. В заключение она пришла к выводу, что в этот период времени ни пропускная способность этой железнодорожной ветки, ни состояние проселочных дорог, ни техническая готовность автоколонн не позволяли открыть этот путь подвоза. Принимая во внимание положение противника, введение в действие в этом районе подразделений и частей снабжения было бы, конечно, желательным, чтобы охранять эту железнодорожную ветку и сменить задействованные там боевые формирования. Однако здесь на карту было по-

ставлено обеспечение снабжения и сохранение так до конца и не восстановленной мобильности.

На этих коммуникациях моторный транспорт мог использоваться только на отдельных коротких участках. Если бы транспортные подразделения на моторной тяге использовались на всем протяжении дорог, то это окончательно добило бы их. Что же касается подразделений на конной тяге, то даже при самом хорошем состоянии и номинальной максимальной производительности около 140 тонн, при соответствующем эшелонировании и сложившихся условиях они были в состоянии перевозить в день не более 15 тонн груза (без учета громоздкости груза). Ввиду тех заданий, которые требовалось решить для переоснащения, инженерного оборудования местности и т. п., такие маленькие квоты были бы совершенно недостаточны.

Начиная с июля—августа 1942 года, после того как положение на фронте стабилизировалось, а погода улучшилась, транспортные подразделения, в которых тем временем привели автомобильный парк в порядок, могли перевозить по этой железнодорожной ветке некоторую часть поставляемых материалов. Однако транспортные подразделения на моторной тяге большую часть грузов по-прежнему перевозили по шоссе, хотя прилагались все силы, чтобы улучшить дорогу, проходившую севернее. Там, где раньше имелись только переправы вброд, строились новые мосты, бревенчатыми настилами перекрывали протяженные заболоченные участки, которые не высыхали даже жарким летом. И только поздней осенью дивизия смогла со спокойной душой использовать транспортные подразделения на моторной тяге и на новой дороге через деревню Вертехово.

Отдел начальника службы снабжения был выдвинут вперед в деревню Захарино. Дивизия пополняла свои запасы в форме создания неприкосновенных запасов в отдельных подразделениях и установленных запасов на складах. Боеприпасы отпускались обычно гораздо более щедро, чем горючее для автотранспорта. Запасы постоянно менялись, в зависимости от боевого использования дивизии и от положения с поставками. Летом 1942 года они составляли для начальника службы снабжения около 6—10 тысяч литров горючего, из этого запаса отпускалось горючее и на текущие доставки грузов. При норме расхода горючего примерно 2,5 тысячи литров для транспортных подразделений на моторной тяге и при необходимости создания неприкосновенного запаса объемом 7,5 тысячи литров свобода передвижения была сильно ограничена.

Возникла необходимость использовать материальные средства очень экономно. При этом форма взаимодействия внешне не всегда отвечала той, к которой привыкли в своей работе начальник службы снабжения и командиры отдельных подразделений. Порой ему приходилось отдавать распоряжения в отношении любой мелочи.

Дивизия прилагала значительные усилия для улучшения положения со средствами моторной тяги. Не говоря уже о замене транспортных средств, выбывших из строя, особенно в истребительно-противотанковом батальоне, мы постоянно старались достать средства моторной тяги и для артиллерии.

Здесь, как и во многих других случаях, приходилось отходить от принятого служебного порядка. Например, начальник службы снабжения нашел возможность получить материальную часть из автопарка, расположенного между Минском и Вильно. Офицер для поручений при начальнике службы снабжения капитан Ниманн, несмотря на запрет, был направлен туда на автомашине. Прибыв в автопарк, он быстро уладил дело. Батарея легких полевых гаубиц со средствами моторной тяги была отгружена в адрес дивизии с доставкой в Спас-Деменск. Все бумаги были в полном порядке. В этот же день удалось прицепить вагоны к поезду, который уже был готов к отправке. Но, к сожалению, на наш «улов» обратили внимание в Смоленске, и его задержали. Однако зато в качестве компенсации дивизия получила взамен несколько легких полевых гаубиц, в которых срочно нуждалась и заявка на которые уже давно была подана.

Нам было трудно рассчитывать на поступление новых транспортных средств. Поэтому приходилось ограничиваться добыванием необходимых запчастей, которые поступали в достаточном количестве, как с конвейера, так и из мастерских по разборке вышедших из строя автомашин. Однако всякий раз это была лишь временная помощь, так как в конце концов срок службы старых транспортных средств с новыми запчастями все равно был ограничен.

Тем не менее подчас удавалось добиваться поразительных результатов. В ремонтной роте дивизии и в ремонтных отделениях подразделений всегда трудились прилежно и добросовестно. Однако порой и у этих мастеров своего дела при ремонте очередного такого ветерана мелькала мысль, когда же наконец закончится этот вечный дефицит.

Вопрос оснащения истребительно-противотанкового подразделения средствами моторной тяги до самого конца был

похож на перетягивание каната. Его так и не удалось окончательно решить, и он оставался, так сказать, в постоянной экспериментальной стадии. В 1942 году начальник службы снабжения дивизии своевременно получил информацию по «личным каналам» о сосредоточении сил на южном участке Восточного фронта. При данных обстоятельствах можно было рассчитывать на то, что не восстановившуюся до конца дивизию, с учетом ее ограниченной мобильности, направят на стабильный участок фронта. Видимо, соответственно будут ограничены и поступления всего необходимого для ее полного восстановления.

Зато резко возросли поступления материалов для создания оборонительных сооружений и инженерного оборудования местности, а также средств инженерного вооружения и средств заграждения. В дивизию начали поступать стационарные виды вооружений, например французские крепостные станковые пулеметы. Восстанавливать мобильность мы должны были в той или иной степени собственными средствами.

Развернулась беспрецедентная строительная деятельность (см. также главу 11). Из других областей по железной дороге начались поставки крупных партий лесоматериалов для строительства и оборудования позиций. И только гораздо позднее были разрешены вырубki леса по лесохозяйственным правилам в районе дислокации дивизии.

Когда в феврале 1943 года дивизия была переведена на другой участок фронта, необходимо было отчитаться об объемах материалов, израсходованных в полосе действия дивизии и выданных со складов. Поступившие в отдел начальника службы снабжения дивизии количественные данные (в тоннах погрузочного объема) из отдельных подразделений показали слишком завышенными и были перепроверены. После значительных сокращений осталось около 11 тысяч тонн погрузочного объема. Столько материалов и предметов снабжения с учетом их громоздкости надо было перевезти для оборудования позиций, мест расквартирования, заграждений или складирования. Эти количественные данные свидетельствуют как об объемах перевозок, так и об объемах строительных работ, выполненных подразделениями дивизии и частями снабжения в период с апреля 1942 года по январь 1943 года.

Катастрофическая проблема с зимним обмундированием, возникшая зимой 1941/42 года, была полностью решена зимой 1942/43 года.

...Мы получили отличное зимнее обмундирование, так что могли не опасаться самых суровых морозов. Никакого сравнения с прошлым годом¹.

Когда в 1943 году началась передислокация дивизии на большие расстояния, не оставалось ничего другого, как централизованно и очень точно рассчитывать погрузочные объемы. Начальнику службы снабжения дивизии поступили подробные планы марша и боевые распоряжения для отдельных команд и транспортных средств, например приказы, касающиеся района ввода в бой и района расквартирования.

При передислокации дивизии в район юго-западнее Орла обеспечение сначала заключалось в поставке в отдельные подразделения боеприпасов и в предоставлении им мест расквартирования, имевшихся в новом районе ведения боевых действий. То, что в этом отношении дело складывалось не лучшим образом, офицер для поручений при квартирмейстере дивизии узнал уже 28 февраля 1943 года, когда явился для представления к квартирмейстеру 46-го танкового корпуса. Оказалось, что в новом районе боевых действий обеспечение возможно только гужевым транспортом на санях. А с 2 марта нужно было ориентироваться на снабжение по воздуху!

Во время нахождения дивизии на рубеже вдоль реки Усожа вместе с тактическим положением стабилизировалось и положение со снабжением. Два процветающих под умелым руководством совхоза (государственных хозяйства) обеспечили дивизию овощами и фруктами. Местное мелкое кожевенное производство тоже было поставлено на службу дивизии, например там изготавливалась сбруя. Колонны на конной тяге использовались в сельском хозяйстве. Правда, перевозкам по железной дороге по-прежнему сильно мешали партизанские отряды. На участке фронта дивизии железная дорога использовалась для обеспечения всем необходимым вплоть до позиций.

Впервые воздушная обстановка начала оказывать сильное влияние на процесс снабжения. Особенно сильно от этого страдали стационарные пункты снабжения. В тылу налеты иногда целых соединений бомбардировщиков на узловые станции мешали и даже блокировали перевозки по железной дороге. Об этом красноречиво свидетельствует выдержка из дневника

¹ Запись в дневнике погибшего фельдфебеля Ханни. 13-я рота 448-го гренадерского полка. 01.01.1943.

гаупт-фельдфебеля Шварца из роты снабжения 137-й пехотной дивизии, которая была задействована на станции выгрузки предметов снабжения Комаричи:

17 марта (1943)... В 13.15 стены домов задрожали от тяжелых разрывов. Более 20 русских бомбардировщиков кружат над станцией. Бомбы одна за другой со свистом устремляются вниз. На станции одна из бомб попадает в склад горюче-смазочных материалов, горят стоящие недалеко от склада грузовики, дороги изрыты воронками от бомб. Наша зенитная батарея получает прямое попадание — в результате убито 10 зенитчиков. Гражданское население толпами покидает железнодорожный узел и ищет укрытия в более спокойных окрестных деревнях. Всех привлекают к работам по ликвидации последствий воздушного нападения, а вечером мы хороним своих павших товарищей.

18 марта. Кажется, что Комаричи представляют для противника большой интерес. В полдень и вечером новые налеты русских бомбардировщиков на станцию, правда, на этот раз они не причиняют значительного ущерба.

19 марта. Снова воздушный налет, однако теперь ночью. На этот раз визит русских самолетов заканчивается потерей одного бомбардировщика.

20 марта. Две волны русских бомбардировщиков под прикрытием истребителей атакуют поселок и железнодорожную станцию — и на этот раз, к сожалению, они попадают очень метко. Забитый до отказа боеприпасами товарный состав взлетает на воздух, над поселком с воем разлетаются осколки. Снова убитые, снова раненые. Постепенно в Комаричах становится совсем неуютно. Слава богу, что во всей этой кутерьме наши грузовики совсем не пострадали, несмотря на непрерывную эксплуатацию.

Созданные в тыловом районе армии русские добровольческие соединения (народное ополчение) были для дивизии источником постоянных неприятностей. Насколько бы высоко ни ценилась их помощь при охране тыловых коммуникаций, настолько неприятным было общение с ними. Не говоря уж о совершенно непонятных методах ведения боевых действий, которые применяли эти соединения. Их командир властвовал как средневековый великий князь. По-видимому, эти соединения в значительной степени вышли из-под контроля германского командования, хотя время от времени какой-нибудь офицер связи от армии или от группы армий и пытался навести хоть какой-

то порядок. Во всяком случае, дивизии не раз приходилось сталкиваться с неприятной задачей по освобождению немецких солдат, которых арестовал «великий князь». В конце концов под нажимом армейского командования эти «войска» вместе со всем своим скарбом, со всеми чадами и домочадцами, были выведены из зоны боевых действий.

Операция «Цитадель» сказалась на дивизии не только в виде перевооружения ее тяжелого артиллерийского дивизиона (см. главу 8), но и повлияла на организацию снабжения. Теперь были установлены лимиты на боеприпасы, артиллеристы и минометчики должны были тактически обосновывать расход боеприпасов.

Начавшееся в сентябре отступление на берега Днепра легло таким же тяжким бременем на подразделения и части снабжения, как и на действующие части. Партизанские отряды, все еще продолжавшие действовать севернее пути отступления, нападали на подразделения снабжения, что приводило к потерям с нашей стороны. 22 сентября в своем месте расквартирования подвергся нападению даже отдел начальника службы снабжения дивизии.

На берегах Днепра перед организацией снабжения возникла новая сложная проблема. Квартирмейстер 46-го танкового корпуса еще в начале октября указал заместителю квартирмейстера дивизии капитану Флеету на то, «что дивизия может быть оттеснена к заболоченной местности. Тогда могут возникнуть трудности с организацией снабжения».

Это указание явилось результатом сложившегося следующего положения: дивизия упиралась с тыла в заболоченную лесистую местность вдоль реки Припять. Эта местность занимала весь угол между Днепром и левой границей участка дивизии. Заболоченный лес делил район снабжения на северный участок с временной базой в Речице, с хорошим дорожным сообщением и относительно короткими коммуникациями, и на юго-западный участок с базой в районе Калинковичи—Мозырь со значительно более протяженными дорогами плохого качества, проходившими по местности, где положение противника было до конца неизвестно. На участке дивизии не было рокадных (то есть проходящих вдоль линии фронта. — *Пер.*) путей, пригодных для передвижения грузового транспорта. Единственная пригодная для передвижения тяжелых грузовиков рокадная дорога между этими двумя путями подвоза пересекала лес примерно в 50 километрах западнее Днепра.

Для уменьшения нагрузки на дороги на Днестре вниз по течению реки была организована перевозка грузов на плотках. Примерно в 20 километрах от места впадения в Днестр реки Сож грузы перегружались на другие виды транспорта.

Введение лимитов на боеприпасы и на горючее сильно ограничивало расход. Время от времени прекращался подвоз муки.

С началом русского наступления 14 октября 1943 года воздушная обстановка над участком фронта дивизии стала просто удручающей. В самый тяжелый момент кризиса подразделения и части снабжения, находившиеся в населенных пунктах, были привлечены к обороне этих пунктов. Тем самым те материальные ценности, за которые они отвечали, расхищались или попадали в ущерб обеспечению дивизии.

Подразделения и части снабжения

137-я пехотная дивизия, как дивизия 11-й волны, имела свои медико-санитарные части¹ (см. приложения). Они вводились в действие приказами начальника медико-санитарной службы дивизии (в 1940—1943 годах полковника медицинской службы доктора фон дер Штайна) по согласованию с квартирмейстером дивизии, а часто, когда этого требовала обстановка, и в непосредственном контакте с начальником оперативного отдела.

Обе санитарные роты были сформированы главным врачом военного округа Вены из личного состава запасного санитарного батальона. Оттуда же были набраны специалисты, занявшие штатные должности врачей и унтер-офицеров медицинской службы. Поскольку австрийские товарищи мало служили или совсем не служили в армии, в дивизию были направлены врачи средней возрастной группы, большая часть из которых была призвана в самом начале войны и занимала должности унтер-офицеров медицинской службы и рядового состава. Но тем самым дивизия получила врачей, у которых был уже соб-

¹ В подготовке этого раздела принимали участие полковник медицинской службы в отставке доктор фон дер Штайн, в 1940—1943 годах начальник медико-санитарной службы 137-й пехотной дивизии, и подполковник медицинской службы доктор К. Шульце, в 1940—1942 годах адъютант начальника медико-санитарной службы 137-й пехотной дивизии. Основной источник: дневник майора медицинской службы запаса доктора Гесса, командира 1-й санитарной роты 137-й пехотной дивизии.

ственный опыт и которые имели за плечами довольно хорошую подготовку и обладали соответствующими умениями и навыками. И все они зарекомендовали себя с наилучшей стороны. Особого упоминания заслуживают отличные хирурги санитарных подразделений, включая хирургов полевого лазарета, который был направлен в дивизию в качестве самостоятельного медико-санитарного подразделения. На должности командиров медико-санитарных частей и полковых врачей были приглашены военные врачи запаса и несколько офицеров медицинской службы, состоявших на действительной военной службе.

На первом этапе формирования на территории Нижней Австрии главное внимание уделялось обучению медико-санитарной службе, в то время как хорошо сработавшийся коллектив полевого лазарета открыл полустационарный полевой госпиталь. Все медико-санитарные подразделения действовали как полевые госпитали, так что и они получили необходимую практику перед началом Восточной кампании.

1-я санитарная рота на конной тяге выдержала испытание уже во время первых дней наступления и первых боев. Чаще всего следуя сразу за пехотой, обладая достаточной мобильностью на любой территории, она была в состоянии в кратчайшие сроки разбить дивизионный медицинский пункт.

2-я моторизованная санитарная рота могла использоваться на соответствующих дорогах, когда она обгоняла 1-ю санитарную роту или сменяла ее.

На таких дивизионных медицинских пунктах выполнялось наибольшее число операций в тяжелейших полевых условиях.

Полевому лазарету отводилась задача оказывать раненым окончательную медицинскую помощь и готовить их к перевозке в тыл.

Санитарные повозки на конной тяге 1-й роты и санитарные автомобили санитарно-транспортных взводов и 2-й роты в любое время года, в любую погоду, на любой территории, часто под огнем противника, постоянно находились в пути от дивизионного медицинского пункта к полевому лазарету. Они перевозили бесценный груз — раненых боевых товарищей.

Далеко не всегда все протекало так гладко. Часто санитарные роты скорее были лазаретами, чем перевязочными пунктами, и частенько им приходилось принимать такое количество раненых, о котором никто не мог даже подумать при формировании этих медико-санитарных частей. В полевом лазарете и на дивизионных медицинских пунктах работали врачи разных специ-

альностей, при этом они трудились в таких условиях, которые в мирной жизни они даже не могли себе представить.

Когда в марте 1942 года и позднее, в 1943 году, наряду с ранениями и обморожениями, участились случаи сыпного тифа, медико-санитарные части действовали как инфекционные госпитали, как это случилось с полевым госпиталем 137-й дивизии, который довольно продолжительное время функционировал в Брянске как инфекционный госпиталь.

Стремительное наступление в первое лето Восточной кампании и отступление в первую русскую зиму потребовали приложить максимум усилий для организации санитарного транспорта. Способность медицинского персонала из взводов автоперевозки раненых к импровизации часто была решающей для судьбы раненых бойцов, многие из которых были обязаны жизнью какой-нибудь русской лошаденке, запряженной в древние сани, на которых их вывезли с поля боя в лютый мороз.

Но какой была бы судьба раненых в страшный летний зной, в весеннюю или осеннюю распутицу с ее непроходимой грязью или суровой русской зимой без помощи санитаров-носильщиков из их родных подразделений, без помощи рядовых медико-санитарной службы и войсковых врачей! Как раз именно эти офицеры и рядовые медико-санитарной службы разделяли, как правило, судьбу боевых подразделений и тоже несли потери, как это случилось в феврале 1942 года в 1-м батальоне 447-го пехотного полка (см. главу 10). В кризисных ситуациях именно перед войсковыми врачами возникали такие задачи, для решения которых требовалось приложить все свои знания и умения. Вот как об этом вспоминает один из них¹:

Страшные воспоминания остались у меня от деревни Колзаки под Рославлем, где мы попали в окружение. Вместе с военным фельдшером из Вены мне пришлось там ампутировать руки и ноги самыми примитивными средствами. Санитарные машины никак не могли прорваться к нам, и мы вынуждены были оперировать в какой-то грязной и темной избе.

В нормальных условиях первичную хирургическую обработку раны проводили хирурги санитарных рот на дивизионных медицинских пунктах. В одном из специальных медицинских

¹ Обер-лейтенант медицинской службы доктор Герлиц, батальонный врач 1-го батальона 448-го пехотного полка.

журналов доктор П. Фуксиг из 1-й санитарной роты 137-й дивизии обобщает свой «опыт военно-полевого хирурга» в 1943 году следующим образом:

Первичная хирургическая помощь требует от врача постоянно приспосабливаться не только к боевой обстановке, но подчас и к чрезвычайно трудным рабочим условиям. Она имеет дело с синдромами, которые протекают так быстро, что в тыловых медико-санитарных подразделениях их вообще не обнаруживают. Первичная хирургическая помощь дает неискаженную картину всего случая ранения и позволяет правильно оценить значение отдельных видов ранений. И наконец, она позволяет лучше всего оценить значение и недостатки помощи, которую оказывают войсковые врачи.

Достаточно полную картину о работе медико-санитарных служб дивизии во время Восточного похода могут дать следующие выдержки из журнала боевых действий 1-й санитарной роты 137-й дивизии и из личного дневника ее командира майора запаса медицинской службы доктора Г. Гесса:

08.07.1941. После тридцатикилометрового марша вечером рота добралась до деревни Дулице, западнее Минска. Соприкосновение с противником 5-й роты 447-го пехотного полка вынуждает ее немедленно развернуть дивизионный медицинский пункт. Вот уже подъезжают первые санитарные машины. Под открытым небом быстро раскладывается операционный стол, его стерилизуют, и хирурги приступают к работе. Не проходит и часа после ранения, как бойцы получают первую хирургическую помощь.

Все происходящее представляет собой какую-то фантастическую картину: вокруг разбит лагерь, непрерывно подъезжают санитарные машины, стоят запряженные в повозки лошади, а в центре находится операционная, ярко освещенная с двух сторон прожекторами, перед разложенными на столе блестящими инструментами стоит операционный медбрат. Тут же дают наркоз, оперируют, накладывают шины и гипсовые повязки. И это все делают люди, за плечами которых тяжелый дневной переход протяженностью более 30 километров. А над всеми высоко в небе мягким светом сияет луна. Тихо позвякивают уздечки лошадей, фыркание и сопение смешивается с монотонным счетом, который ведут раненые на операционном столе перед наркозом: «Раз, два, три...», «Дышите глубже!», а из другого угла доносится: «Тихо, стой же ты, хромая кляча!»

20.07.1941. Деревня Бородино. Поскольку санитары подразделений не справляются с наплывом раненых, то в действие вводится сначала 1-й взвод санитаров-носильщиков, а затем и 3-й взвод санитарной роты. То же самое касается и трех санитарных машин, находящихся в распоряжении санитарной роты, поэтому на передовую отправляются и все имеющиеся санитарные повозки. Можно сказать, что между отделениями разворачивается своего рода соревнование, причем отделение санитаров-носильщиков под командованием унтер-офицера Кастнера отличалось особой смелостью и неутомимостью. В результате быстрого вывоза раненых непосредственно с поля боя на дивизионный медицинский пункт там в течение часа скопилось около 120 бойцов, и у некоторых из них были довольно серьезные ранения.

К полудню начался вывоз раненых в Оршу, в котором участвовали оба взвода автоперевозки раненых и бронетранспортеры для личного состава 2-й роты.

Такие действия санитарной роты, как под Бородином, были типичными для всей медико-санитарной службы во время Восточного похода: развертывание дивизионного медицинского пункта прямо с марша, использование медицинского персонала роты в качестве санитаров-носильщиков, вывоз раненых в полевой лазарет всеми имеющимися транспортными средствами и оказание первой хирургической помощи такому числу раненых, которое значительно превосходило «обычные» нормы.

Во время оборонительных боев в Смоленске основная нагрузка по приему раненых легла на 2-ю санитарную роту (командир майор медицинской службы доктор Бургер).

Для медико-санитарных служб первостепенное значение имела мобильность. Как и все остальные подразделения, они должны были заботиться об этом сами.

06.08.1941. Рославль. Ночью сплошным потоком поступают раненые. Отступающие на восток русские не могут преодолеть на своих автомашинах заболоченную низину реки Остер, и поэтому весь берег забит застрявшими автомобилями, которые нам так необходимы. Мы посылаем команду из 10 человек, чтобы они раздобыли столь необходимые для роты грузовики. Во второй половине дня на трофейном грузовике в роту возвращаются 9 бойцов. Им пришлось сражаться с отступавшими русскими, и какое-то время они были отрезаны от своих. Час спустя появляется пропавший эфрейтор Ладвайн, на розыски которого уже послали поисковую

команду. Он тоже сумел раздобыть грузовик и привез в кузове 20 (!) пленных красноармейцев. Вечером возвращается наша поисковая команда с еще одним грузовиком и группой пленных! Из трех русских грузовиков, часть из которых были повреждены во время перестрелки, удается собрать два исправных автомобиля, которые так необходимы нашей роте¹.

Во время оборонительных боев на Ельнинском выступе моторизованная санитарная рота обслуживала дивизионный медицинский пункт в деревне Плотки, в то время как санитарная рота на конной тяге, дислоцированная в деревне Корявки, за пять дней оказала первую медицинскую помощь почти пятистам легкораненым. Полевой госпиталь в деревне Холм и тыловые госпитали в Смоленске были переполнены. 1-я санитарная рота оборудовала пункт по дезинсекции с четырьмя саунами, через который за день могли проходить до ста человек.

В трудном положении оказывались раненые и медико-санитарный персонал, когда дивизионный командный пункт подвергался вражескому артиллерийскому обстрелу, как это случилось 3 октября 1941 года в деревне Алексеево с 1-й санитарной ротой. С только что прооперированными ранеными пришлось укрываться в щелях, которые еще раньше отрыла пехота.

137-я пехотная дивизия могла гордиться своими военнослужащими медико-санитарных подразделений, которые исполняли свой долг под «невидимым флагом», флагом гуманности!

Зимнее сражение за Калугу в декабре 1941 и в январе 1942 года поставило всю медико-санитарную службу принимавших в нем участие подразделений перед проблемами, которые до сих пор никогда не возникали. Оказалось, что упорядоченная эвакуационная цепочка отсутствовала. В городе находились военные госпитали, отряды эвакуации раненых и пострадавших без транспортных средств. Сначала попытались вывозить раненых самолетами люфтваффе, но вскоре отказались от этой идеи, так как тактическая ситуация постоянно менялась. Подразделения медико-санитарных служб дивизии находились в колоннах отступавших войск, в то время как боевые части дивизии все еще занимали позиции южнее Оки. Они могли надеяться только на собственные медико-санитарные подразделения, и часто они были вынуждены везти с собой своих раненых во время отступления. В конце концов всех раненых удалось вывезти из Ка-

¹ Из дневника майора медицинской службы запаса доктора Гесса.

луги благодаря самоотверженной помощи персонала железной дороги, предоставившего переоборудованные вагоны для их транспортировки. Они были доставлены до того места, где их можно было перегрузить на санный транспорт.

Вот что записано об этом в журнале боевых действий 1-й санитарной роты дивизии:

21.12.1941. Господствующие над Калугой высоты на южном берегу Оки находятся в руках русских. Некоторые подразделения противника уже перешли через Оку и закрепились на юго-восточной окраине города. Военный полевой лазарет № 622 находится в опасности. Русские пытаются развить наступление с юго-востока. Начинаются уличные бои. В этой ситуации рота входит в Калугу. Она выделяет команду для обороны полевого лазарета¹.

23.12.1941. Во второй половине дня ближе к вечеру поступает приказ на выступление в сторону села Троицкого с заданием принять на железнодорожной станции Завод раненых, вывозимых из Калуги, накормить их и обогреть, а затем перевезти на станцию Говардово, находящуюся в 8 километрах, где их надо снова перегрузить в санитарный поезд².

26.12.1941. Ночью прибывает первый поезд из Калуги с 370 ранеными, за ним рано утром следует второй поезд с 600 ранеными. Этот поезд находился в пути не менее 12 часов при лютном морозе в -40°C . В абсолютно всех вагонах отопление не работало. Тяжелораненые загружены вместе с легкоранеными в вагоны для перевозки скота. Был освобожден лагерь для военнопленных, раненые были размещены во всех домах вблизи станции, что значительно усложнило уход за ними и оказание врачебной помощи. Перевозка осуществляется на санях транспортных подразделений на конной тяге, что совсем не просто при снежных заносах. Транспортные подразделения работают до полного изнеможения как людей, так и животных.

29.12.1941. Рота перегрузила 2 тысячи раненых и в новогодний вечер развертывает главный медицинский пункт для собственной дивизии в деревне Новое Уткино.

¹ Сообщение полковника медицинской службы фон дер Штайна: «В полдень взвод санитаров-носильщиков приводит с мельницы на берегу Оки двух пленных русских офицеров: белое белье, меховые комбинезоны — значит, прибыла дальневосточная армия и ее передовые отряды уже просочились через линию фронта».

² Это происходило из-за того, что железнодорожное сообщение между соседними станциями было прервано, так как взорванный мост еще не успели восстановить.

Эти сухие, деловые записи свидетельствуют не только о страданиях и боли раненых, но и о неустанной заботе о них и о стремлении облегчить их страдания.

Во время зимнего сражения под Юхновом медико-санитарные службы дивизии должны были охранять шоссе от нападений партизан с севера. Этот участок шоссе находился в зоне действия обозных колонн дивизии. Кроме того, на дивизионном медицинском пункте продолжалась оказываться врачебная помощь раненым.

Санитарные роты не всегда вводились в действие в полном составе. Иногда положение обязывало оборудовать один или два передовых главных медицинских пункта, а главные силы роты эшелонировать позади них. Тем временем другая санитарная рота оборудовала где-нибудь на шоссе в безопасном месте сборный медицинский пункт. Так происходило во время боев на участке Юхнов—Барсуки и во время оборонительных боев на берегах реки Попольта. Там медицинские пункты были развернуты в полосе действия дивизии только после того, как тыловой район был очищен от партизан. А до того для оказания медицинской помощи раненых перевозили по шоссе дальше в тыл. В это время 2-я санитарная рота развернула один передовой медицинский пункт в районе боевых действий дивизии, а второй пункт сразу за «бутылочным горлышком» у деревни Барсуки. В то время как 1-я санитарная рота, дислоцированная в деревне Большой Каменке, предоставляла раненым необходимый покой и врачебный уход после того, как их вывозили через опасный узкий участок на шоссе.

И во время боев у поселка Комаричи 2-я санитарная рота оборудовала передовой медицинский пункт. А 1-я санитарная рота развернула полевой госпиталь в самом поселке, с одной стороны — как сборный пункт для всех легкораненых и больных, а с другой стороны — как своеобразный «зал ожидания» для лежачих раненых на железнодорожной линии на Брянск.

После тяжелых сражений в Смоленске и под Ельней на одном из совещаний командиров, на котором присутствовал и фельдмаршал фон Клюге, генерал Бергманн рассказал начальнику медико-санитарной службы дивизии о своем разговоре с одним из командиров полков. Этот командир полка откровенно признался, что в самые тяжелые дни сражений боевой дух бойцов его полка не в последнюю очередь поддерживался на высоком уровне благодаря уверенности в том, что в случае ранения им будет оказана немедленная медицинская помощь и при первой же возможности их вывезут в тыловой госпиталь. «Пере-

дайте это своим людям», — сказал в заключение генерал. Эти слова нашего уважаемого командира дивизии должны быть упомянуты здесь как выражение благодарности и признательности всем медико-санитарным службам дивизии.

Дивизионные медицинские пункты 1-й санитарной роты 137-й дивизии с указанием количества раненых, которым была оказана помощь¹

Дата	Населенный пункт	Число раненых
23.06.1941	Ротки	31
24.06.1941	Малиново	150
26.06.1941	Курачево	50
27.06.1941	Лихосельце	40
28.06.1941	Свислочь	232
29.06.1941	Мтшибов	25
08—10.07.1941	Дулице	25
16—19.07.1941	Орша	80
20—21.07.1941	Бородино	356
27—29.07.1941	Под Смоленском	25
31.07.—01.08.1941	Хотеево	25
02—04.08.1941	Ухтомская	40
05—08.08.1941	Костыри	50
08—17.08.1941	Утехово	120
17.08.—14.09.1941	Корявки	500
20.09.—04.10.1941	Дубосеше	70
03—07.10.1941	Алексеево	900
02—05.11.1941	Акишево	17
25—29.12.1941	Троицкое (перегрузка)	2040
30.12.1941	Тихонова Пустошь	42
02—14.01.1942	Малая Рудня	825
15—16.01.1942	Матово	40
17—20.01.1942	Свижи	247
21—30.01.1942	Устиновка	290
		Итого: 6220

¹ Из дневника обер-ефрейтора Валла, 1-й санитарно-транспортный взвод 137-й дивизии, данные в основном подтверждены записями в журнале боевых действий 1-й санитарной роты.

В конце января 1942 года полевой госпиталь был передислоцирован к моторизованным подразделениям дивизии в район Рославля и только летом снова отведен на рубеж реки Попольта в деревню Новосельское.

2-й санитарно-транспортный взвод 137-й дивизии был сформирован 27 декабря 1941 года из-за выхода из строя слишком большого числа автомобилей¹.

О судьбе медико-санитарных служб дивизии в 1943 году имеются лишь скудные сведения. Известно лишь, что санитарно-транспортные взводы дивизии были объединены в санитарно-транспортную роту 137-й дивизии.

Наряду с оказанием помощи раненым медико-санитарные службы дивизии решали и такие важные задачи, как врачебный контроль здоровья личного состава, предотвращение причинения ущерба здоровью и профилактика заразных болезней. Во время Восточной кампании личный состав дивизии постоянно подвергался опасности заразиться сыпным тифом (переносчиками которого являлись вши). Каждый год наблюдались вспышки заболеваний гриппом, дизентерией, малярией, заразной формой желтухи, а летом 1942 года были даже случаи заболевания туляремией.

Во время пребывания дивизии в Польше в районе города Лицманштадт (Лодзь) удалось поочередно направить весь медицинский персонал на однодневные курсы в институт сыпного тифа в Кракове. При этом удалось «достать» столько порций такой тогда редкой вакцины от сыпного тифа, что удалось сделать прививки определенной части военнослужащих старше 40 лет. И хотя позднее круг привитых военнослужащих дивизии был значительно расширен, единственным вспомогательным средством против сыпного тифа оставалась «борьба со вшами». Вскоре 1-я санитарная рота стала «специализированной фирмой» по дезинсекции с использованием русской бани. В России на краю каждой деревни имелось множество таких маленьких бань, которые топились по-черному. В ходе братского соревнования во 2-й санитарной роте был сконструирован так называемый «дезинсекционный шкаф-137» — некая модификация русской кладовки. Такой шкаф мог устанавливаться на имевшийся в каждом батальоне санитарный автомобиль, предназначенный для перевозки медицинских приборов, после его разгрузки от тяжелых частей медицинской аппаратуры терри-

¹ Из дневника обер-ефрейтора Валла.

ториальных медико-санитарных служб, которой почти не пользовались. Шкаф был легким, его можно было быстро установить, он обогревался с помощью канистр для бензина и не имел свойственной большинству образцов военной техники диспропорции между массой и полезной мощностью.

В качестве профилактики гриппа и малярии выдавались соответствующие таблетки. Особый случай представляла туляремия. Эта заразная болезнь, название которой лучше всего перевести на немецкий язык как «железистая лихорадка грызунов», была так названа потому, что возникла в районе городов Тула и Калуга¹. Она была хорошо известна охотникам, так как ее жертвами становились грызуны, на которых разрешена охота (зайцы, кролики). При благоприятных обстоятельствах она распространялась вплоть до центральных районов Германии.

В то время, когда передний край обороны проходил по гребню высот, расположенных вдоль шоссе западнее Юхнова, где было полным-полно крыс и мышей (долина реки Лидия), внезапно среди личного состава началась сначала загадочная болезнь: высокая температура, увеличение лимфатических узлов, помрачение сознания. Подозрение на туляремию подтвердил и серотест, проведенный армейскими врачами-консультантами, которые тотчас прибыли в расположение дивизии. Контрмера: уничтожение грызунов, которые переносят болезнь при укусе и даже при соприкосновении. Началось соревнование по ловле крыс и мышей с помощью ловушек, в которые для утяжеления клали камни. Такие ловушки изготавливались в большом количестве в трудовых лагерях для военнопленных, которые находились вблизи линии фронта. В качестве призов победителей ждали награды из сокровищ маркитанской лавки и жирные гуси из запасов тыловых служб. Плюс к этому повсюду были развешаны объявления со стихами о бедствии, которое разносят грызуны. Буквально в течение нескольких дней эпидемия, жертвами которой в первые три дня стали почти двести бойцов, была локализована и ликвидирована. Стихи были перепечатаны из наставления «Гигиенические советы для войск, занятых в Восточной кампании». Сотрудники картографического отдела нарисовали иллюстрации к этим стихам, которые были напечатаны во фронтовой газете. Эти стишки, в

¹ Так у автора, в действительности название болезни связано с названием озера Туляре в США, где впервые были обнаружены животные — переносчики этой болезни. (*Примеч. пер.*)

которых встречались грубовато-крепкие выражения, с улыбкой передавались из уст в уста. И они принесли больше пользы, чем пресловутые «Инструкции для вложения в солдатскую книжку», о которых и наш генерал Бергманн был невысокого мнения.

Какие трудности часто возникали при эвакуации раненых, явствует из рассказа одного из водителей¹ 1-го санитарно-транспортного взвода дивизии, принимавшего участие в битве за Смоленск:

Из-за большого числа взорванных мостов при наших поездках с ранеными в тыловые районы дивизии часто возникали напряженные ситуации. Так, однажды нам пришлось буквально продираться через находившуюся на марше колонну люфтваффе! Транспортный поток, который тогда регулировала полевая жандармерия, двигался рывками. Пеший солдат продвигался вперед быстрее, чем наши автомашины. И вот нам с нашими санитарными автомашинами, до отказа загруженными ранеными, надо было как можно быстрее пробиться через сплошной поток транспортных средств, устремившихся к линии фронта. К чести полевой жандармерии я должен признать, что они повсюду помогали нам, но, к сожалению, их посты стояли в основном у мостов и переправ.

Когда наши санитарные автомашины были загружены ранеными, нам везде предоставляли право преимущественного проезда. Однако, когда мы снова возвращались на передовую, чтобы забрать новую партию раненых, нам было очень трудно вырваться из общего потока машин. Здесь, под Смоленском, особой бесцеремонностью отличились офицеры и унтер-офицеры люфтваффе, которые, угрожая нам оружием, хотели заставить нас двигаться в общем потоке транспортных средств. Но так как мы знали, сколько раненых на дивизионном медицинском пункте ожидали, пока их вывезут в тыловой лазарет, мы так просто не сдались. Более того, мы отыскивали в колонне армейского офицера более высокого ранга, чем тот офицер люфтваффе, который с пистолетом в руке остановил наши машины, и попросили его помочь нам проехать вперед без очереди. После того как мы ввели его в курс дела, поддержка была нам гарантирована. При этом нас особо позабавила та перепалка, которую устроили между собой господа офицеры! После такой разборки мы продвинулись довольно далеко вперед, а тогда это было для нас самым важным!

¹ Антон Брахингер.

В тесной связи с уходом за ранеными находилась и наша дивизионная военно-церковная служба.

Здесь будут уместны воспоминания дивизионного католического священника Вильгельма Хаусманна:

Ни в какой кинохронике и ни в каком иллюстрированном журнале никогда не сообщалось о военно-церковной службе в действующей армии. Она всегда замалчивалась. Тем не менее она существовала и действовала, но «исторически» ее деятельность трудно охватить, хотя у меня имеются все мои отчеты о работе военно-церковной службы в действующей армии, направленные военному епископу. Я прибыл в 137-ю дивизию из Греции в конце июля 1941 года, когда она находилась уже за Смоленском. Однако сейчас, по прошествии 20 лет, сухие цифры мало о чем говорят, так как они не могут достоверно передать те тысячи ситуаций, в которых военно-церковная служба доказала свою эффективность.

Основная работа проводилась на дивизионных медицинских пунктах. Высочайший долг пастора заключался в том, чтобы быть рядом с ранеными и умирающими. Печальной, но необходимой обязанностью было отпевание усопших в заботе о достойном погребении. Оба военных священника совместно исполняли функцию дивизионных офицеров-могильщиков. Они должны были заботиться об оборудовании кладбищ и об уходе за могилами.

Мы по целым неделям раздельно ходили в подразделения дивизии, поддерживали контакт с военнослужащими, готовились к богослужениям и проводили их. Пастор и его община никогда не забудут те часы, которые они провели под березовым крестом, который с любовью устанавливался почти к каждому богослужению. Здесь я хочу с благодарностью вспомнить те приятельские, даже дружеские и братские отношения, которые связывали нас с офицерами, унтер-офицерами и рядовыми полков, батальонов и дивизионов. Сколько ночей мы провели в жарких дискуссиях. У нас никогда не было трудностей с расквартированием и с передвижением. Я вспоминаю лошадей, велосипеды и мотоциклы, на которых нас перевозили, когда ломался наш автомобиль. Незабываемы и те радостные часы с игрой на гитаре и песнями в доме отдыха на берегу Попольты.

Я бы хотел выразить особую благодарность своему евангелическому сотоварищу, пастору Гансу-Тило Либе, за все совместно проведенные военно-церковные службы во славу нашего единого Господа! Многие священники и студенты теологического факультета из рядов военнослужащих помогали организовать службу.

Моя особая благодарность тем из них, кто пал на поле брани. Оба последних церковных служки, обер-ефрейтор Дюсберг и штабс-ефрейтор Отто Ридль, погибли уже после расформирования дивизии. Да упокоятся они с миром.

История военно-церковной службы в 137-й пехотной дивизии записана в сердцах ее военнослужащих. Мы, оставшиеся в живых, всегда должны помнить о том, что мертвые призывают к миру!

Части снабжения и обозы

Их достижения уже отмечались в самом начале этой главы в связи с осуществлением снабжения, которое главным образом являлось транспортной проблемой. Особую признательность следует выразить прежде всего кадровому составу унтер-офицеров автотранспортных колонн. Они были выходцами главным образом из рядов пехоты и артиллерии, в основном это были кадровые унтер-офицеры старших годов призыва, которые прекрасно зарекомендовали себя в духе традиций своего рода войск. В качестве примера можно привести несколько отдельных выдержек из журналов боевых действий и личных дневников, которые описывают события, типичные для многих неназванных подразделений.

Из журнала боевых действий 1-й малой автотранспортной колонны 137-й дивизии:

24.07.1941. Ляды. В 4.15 вытягивание колонны. Ужасная песчаная дорога. Мы застряли на 5 часов позади понтонно-мостового парка. Позади нас в огромном заторе стоит походная колонна. Чертыхающиеся генералы. Работают саперы.

29.07.1941. 19.45. Балутино. Отдых. Занимаемся техобслуживанием. Состояние автомобилей вызывает все большую тревогу. В июле кроме личного состава воинских подразделений автоколонна перевезла 152,2 т боеприпасов.

23.10.1941. Вскоды. В одном случае 3 грузовика затратили на преодоление участка в 40 км 53 часа! Без комментариев!

24.10.1941. Вскоды. В 5.00 вытягивание колонны, на 35 км ушло 8,5 часа. К чему это приведет?

5-й транспортный взвод на конной тяге вышел в указанный район, примерно в 15 километрах северо-восточнее Калуги, в ночь с 17 на 18 декабря 1941 года после утомительного марша с совершенно выбившимися из сил лошадьми.

Связи с дивизией не было. Продукты заканчивались, и пришлось самим печь плоский хлеб из запасов местного населения (тесто из смеси картофеля и зерна). В месте расквартирования не оказалось грубых кормов, пришлось растягивать зерновой фураж. После установления связи с дивизией по железной дороге 19 или 20 декабря передовые команды были отправлены в новый район расквартирования взвода и ввода его в бой южнее Калуги. Они нарвались на русских.

21 декабря 5-й транспортный взвод был отведен в Калугу, но в ночь на 23 декабря из-за изменившегося положения на фронте он был направлен маршем в Медынь. Марш, продолжавшийся от четырех до пяти дней, проходил по заснеженным дорогам. Лошади, впряженные в прочные повозки с грузом боеприпасов весом до 30 тонн, совершенно выбились из сил. Поэтому для преодоления даже незначительных подъемов требовалось несколько добавочных пристяжных и помощь ездовых. Кроме того, надо было осуществлять охранение слева от обходившего нас противника, и это при недостатке мест для ночлега и отдыха и при отсутствии кормов.

Под давлением обострившегося положения транспортные взводы на конной тяге часто привлекались для решения боевых задач, не имевших ничего общего со снабжением. Как это часто происходило зимой 1941/42 года. Подобный же случай произошел в октябре 1943 года, когда бойцы транспортных взводов вместе с подразделениями штабной охраны и полевой жандармерии штаба 46-го армейского корпуса с успехом прочесывали лесной массив на северном фланге дивизии между Днепром и Припятью в поисках прорвавшегося противника¹.

Рота снабжения 137-й дивизии с момента своего формирования осенью 1940 года и примерно до лета 1942 года была полностью моторизованной, а позднее только частично моторизованной. Она состояла из трех взводов, один из которых находился в распоряжении управления продовольственного снабжения дивизии, а другой был прикомандирован к полевому артиллерийскому складу и выполнял соответствующие задания. Один взвод оставался при командовании роты без четко очерченного круга задач². В основном он выполнял задания по охране штаба службы снабжения дивизии.

¹ По сообщению К.Х. Ниманна.

² По сообщению командира роты снабжения 137-й дивизии капитана Зутшека (с 14.04.1943 его преемником стал капитан Копецки).

Военнослужащие подразделений и частей снабжения все чаще использовались для выполнения других заданий как обычная пехота. Водителям грузовиков обычно требовался сменный водитель, который был в состоянии помочь в том случае, когда машина застревала на русских «дорогах». Но с 1943 года они, как правило, ездили уже без напарника, да и водители были уже далеко не такие опытные, как в 1941 году.

Начальник полевого почтового отделения Виндбихлер со своей 137-й военно-почтовой станцией и малочисленным персоналом и зимой и летом во время стремительного наступления был постоянно озабочен тем, чтобы со своими изношенными почтовыми автомашинами своевременно добраться до расположения дивизии. А это было совсем не просто, так как очень часто положение оказывалось чрезвычайно запутанным. С психологической точки зрения невозможно переоценить важность тихой, неброской работы этих скромных работников полевой почты, которые обеспечивали надежную связь между родиной и фронтом. Огромное достижение 137-й военно-почтовой станции заключалось в том, что во время всей Восточной кампании не было потеряно ни одного письма и ни одной посылки и что до самого конца, до расформирования дивизии, она оставалась полностью работоспособной.

Каким было участие обозов и подразделений и частей снабжения 137-й дивизии в боях, особенно во время и после зимнего сражения под Юхновом, видно из выдержек из приказов начальника дивизионных обозов обер-лейтенанта Шверина, 448-й пехотный полк. В конце февраля 1942 года положение в их районе расквартирования восточнее Ельни, то есть в 90 километрах западнее дивизии, крайне обострилось. В конце февраля в районе Ельни произошло восстание партизан, а 4 и 5 марта в этот район были сброшены русские парашютисты. 25 марта противник сумел ворваться в Ельню, которую защищал слабый гарнизон, однако партизанам и парашютистам удалось продержаться всего лишь четыре дня в южной части города.

Это была война казначеев и гаупт-фельдфебелей, водителей тылового транспорта, ездовых и писарей, которыми командовали решительные офицеры-фронтвики. Противник вел боевые действия упорно и вероломно. Эти бои стоили жизни многим храбрым бойцам тыловых служб, которые прекрасно зарекомендовали себя не только при обеспечении снабжения своих товарищей на фронте, но и в этих ожесточенных боях. Наряду со списками личного состава и лиц, состоявших на довольствии, наряду с во-

Снабжение дивизии.
Бои в районе дислокации обозов 137-й пехотной дивизии
с февраля по июнь 1942 г.

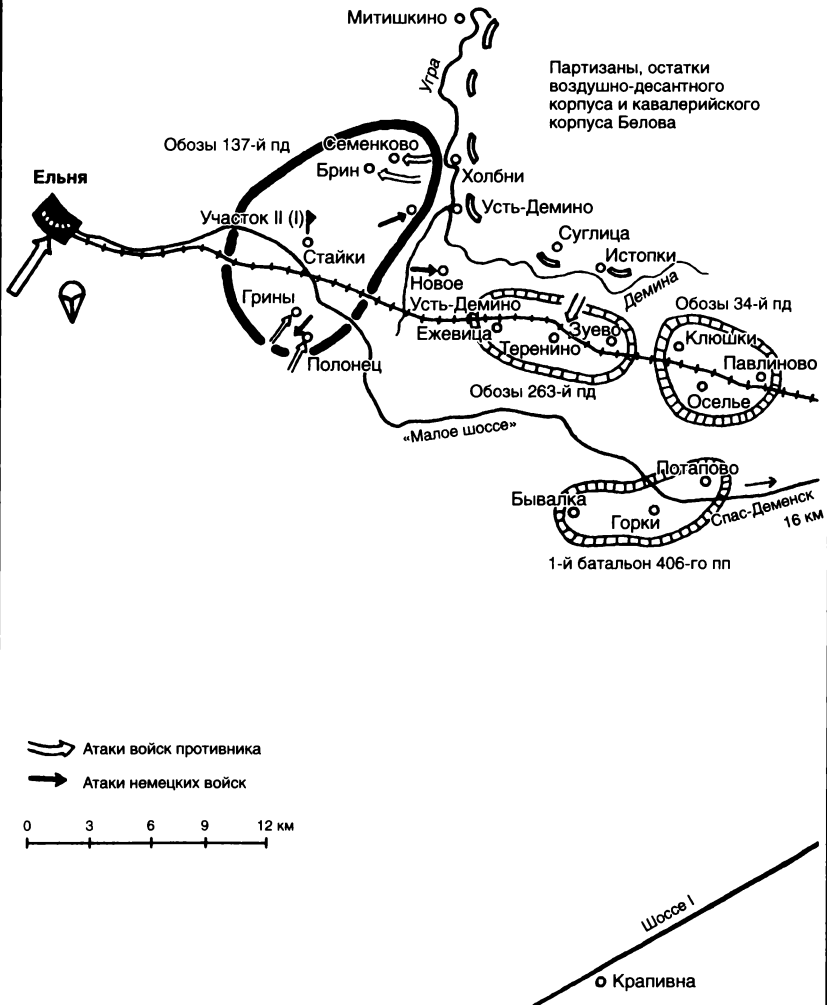

Схема 28

дательской баранкой и вожжами под рукой всегда должен был находиться заряженный карабин; на смену разведывательным поискам и дозорам приходила упорная оборона мест расквартирования.

Под руководством армии (коменданта тылового района армии) вдоль путей подвоза были образованы корпусные военные округа, разделенные на участки дивизионных обозов. Участок II (позднее I), командир обер-лейтенант Шверин, 448-й пехотный полк, охватывал обозную территорию 137-й пехотной дивизии восточнее Ельни до речушки Демина, правого притока Угры. Этот участок подчинялся группе полковника фон Габленца (командира 406-го пехотного полка 403-й охранной дивизии) (схема 28).

Подразделения административно-хозяйственной службы

Под руководством дивизионного интенданта майора интендантской службы Шварте подразделения административно-хозяйственной службы должны были заботиться о снабжении войск продовольствием и одеждой. Их работа непосредственно в воинских частях проводилась «казначейми», как раньше назывались «офицеры административно-хозяйственной службы», и их помощниками (бухгалтерами, офицерами продовольственной службы при полковых штабах и т. п.). Как и ко всем прочим солдатам, принимавшим участие в Восточной кампании, к ним часто предъявлялись такие требования, о которых при обучении в мирное время они не могли даже и подумать. Например, если поставка мяса была невозможно, тогда казначеи воинских частей должны были позаботиться о реквизиции скота у местного населения. Выполнение такой задачи в местности, где было полно партизан, часто было связано с боевыми действиями. Нередко казначеи воинских частей исполняли обязанности коменданта гарнизона населенного пункта, а в тяжелый период зимы 1941/42 года им приходилось даже становиться во главе боевых групп, сформированных из личного состава обоза. Здесь хотелось бы с благодарностью отметить их неустанный труд на благо боевых частей, который требовал не только находчивости и энергии, но нередко и немалого личного мужества.

Все военнослужащие дивизии сохраняют добрую память об управлении продовольственного снабжения дивизии (УПСД) во

главе с добросовестным майором финансовой службы Пфлегером¹ с его всегда четко работавшими раздаточными пунктами. Почти ежедневно они следовали за боевыми частями, и их работа была организована таким образом, что транспортные средства служб продовольственного снабжения полков и батальонов могли ежедневно загружаться необходимыми продуктами питания в соответствии с образцовыми меню.

Раздаточные пункты продовольственного снабжения обычно объединялись с взводом роты снабжения, а нередко и с военнопочтовой станцией полевой почты. Основными поставщиками управления продовольственного снабжения дивизии были хлебопекарная рота и скотобойная рота. Прочие необходимые продукты питания управление продовольственного снабжения привозило на своем транспорте с армейских продовольственных складов, которые часто находились на расстоянии более ста километров от района боевых действий. Так же как и боевым частям, им приходилось преодолевать трудности российского бездорожья и так же страдать от суровых морозов зимой и от испепеляющей жары летом.

Хлебопекарная рота 137-й дивизии (командир роты капитан Дихтль) была в состоянии, работая в три смены, испечь за 24 часа 9600 буханок хлеба (это составляло 19 200 порций). Для этого транспортные средства хлебопекарной роты должны были ежедневно доставлять с отдаленных армейских продовольственных складов около 10 тонн муки, а выпеченный хлеб отвозить на дивизионный раздаточный пункт продовольственного снабжения. При стремительном наступлении дивизии хлебопекарная рота должна была в течение нескольких дней оставаться в одном населенном пункте, так как в противном случае было бы потеряно слишком много времени на смену места и производство необходимого для дивизии количества хлеба было бы просто невозможно. Этим обстоятельством и объясняется такое положение, при котором хлебопекарная рота должна была перевозить хлеб на расстояние 100 километров, а иногда и больше. С учетом того, что вода во многих колодцах была отравлена или инфицирована, снабжение водой часто сталкивалось с большими трудностями.

Хлебопекарная рота была оснащена большими, просторными палатками, которые были оборудованы как пекарни или как места для хранения хлеба. Однако следует признать, что эти па-

¹ Погиб в октябре 1943 года в бою у деревни Калугевичи.

латки были изготовлены с учетом западноевропейских погодных условий. Во время Восточной кампании часто выяснялось, что невозможно хранить хлеб в соответствующих условиях. Многие солдаты помнят о неприятных прослойках жира в выпеченном хлебе, которых не всегда удавалось избежать, несмотря на все принимаемые меры предосторожности. Какие трудности возникали во время цветения в России зерновых культур, подробно описано в самом начале главы 16.

Такая важная для обеспечения питания дивизии хлебопекарная рота полной мерой хлебнула испытаний, выпавших на долю дивизии в Восточной кампании. То в 100 километрах от линии фронта, то почти на передовой, как это случилось 31 июля 1941 года в Смоленске, то одна-одинешенька, в метель, во время битвы под Москвой или в боях с партизанами и прорвавшимися красноармейцами за населенные пункты, где она дислоцировалась, рота неустанно трудилась на благо всей дивизии, ежедневно выпекая столь необходимый хлеб насыщенный. Несколько выдержек из дневника ее командира капитана Дихтля дают представление о повседневной жизни хлебопекарной роты:

Во время пребывания в этой деревне (Коханово под Оршей, июль 1941 года) хлебопекарная рота должна была выпекать хлеба больше нормы, что очень выматывало людей. Им не хватало времени, чтобы отдохнуть и выспаться. Однако после разговора по душам с личным составом роты и после замечания, что сражающимся на передовой товарищам приходится еще труднее, так как им пришлось пройти пешком эти десятки и сотни километров, было сделано, как казалось, невозможное, и задание по выпечке хлеба сверх установленной нормы было выполнено. Население этой деревни состояло большей частью из запуганных голодных детишек и старушек. Русские солдаты при отступлении увели с собой всех девушек и молодых женщин. Рота взяла на довольствие оставшихся без родителей ребятишек в возрасте от года до 13 лет, которых, как мать, опекала старшая сестра. Как только фельдфебель Мозер появлялся на деревенской улице, улыбающиеся детишки обступали его со всех сторон. Их слова благодарности «спасибо, господин» звучали для него как песня.

Начало ноября 1941 года (Троицкое). Здесь, наряду со своей хлебопекарной деятельностью и охраной деревни, рота отвечала также и за эксплуатацию тупиковой железнодорожной ветки из

Юхнова. Наша команда из трех специалистов вместе с людьми из дивизионного управления снабжения отремонтировала и снова поставила на рельсы большие русские паровозы, которые были выведены из строя в результате бомбовых ударов нашей авиации. В качестве топлива использовались буковые поленья. Некоторое время эта железнодорожная ветка действовала почти безупречно. Но, к сожалению, потом партизаны то и дело взрывали железнодорожное полотно.

Конец ноября 1941 года (Высокиничи). С 6 часов утра паяльными лампами и тлеющими брикетами древесного угля прогревали двигатели автомашин, только после этого их удавалось завести. Во всяком случае, первый автомобиль отправился в путь только в 11 часов утра.

23.12.1941 (Калуга и Троицкое). Просто чудом личный состав хлебопекарной роты сумел тогда вывезти из Калуги все свое оборудование, и на следующий день рано утром в Троицком уже началась выпечка хлеба. При этом особо отличился унтер-офицер Бирке.

Здесь, на восточной окраине Троицкого, непосредственно по соседней улице проходит наш передний край обороны. Но с самого начала его занимали малочисленные силы, лишь через каждые 200—300 метров за снежным сугробом укрывался промерзший до костей немецкий солдат. При этом, чтобы его оружие функционировало, ему приходилось каждые 5—6 минут передергивать затвор, так как в противном случае он тотчас замерзал.

Примерно 14 января 1942 года пехота оставила эту позицию, и хлебопекарная рота осталась в деревне совершенно одна, не считая раненых. Все прекрасно понимали, в каком опасном положении оказались, поэтому еще раньше рота раздобыла 38 саней с 47 лошадьми и местными возницами, среди которых были и женщины. Печи для выпечки хлеба и все ценное оборудование рота еще неделей раньше отправила на авось в сторону Юхнова в сопровождении группы надежных людей и под охраной солдат роты. Благодаря такой предусмотрительности рота сумела сохранить для дивизии бесценное хлебопекарное оборудование.

16 января в 3.15 ночи в Троицком внезапно начался настоящий ад. «Сталинский орган» отправлял в сторону деревни один залп за другим. Снаряды разрывались с ужасным грохотом, взрывная волна была необыкновенной силы и разносила вокруг горючую маслянистую жидкость, и вокруг места взрыва все пылало ярким пламенем. Горели уже все дома рядом с пекарней. У восточного выезда из деревни раздавался громкий треск русских автоматов.

От горящих домов стало светло как днем. Население деревни с плачем устремляется на запад. В расположение роты доставляют раненых, половина из которых остается на улице и помогает нашим бойцам отражать атаку русских, а вторая половина, несмотря на непрерывный обстрел, словно во время эстафетного бега выносит из горящих зданий хлебопекарное оборудование и грузит его на сани. В половине шестого утра первая группа покидает на санях горящую деревню и устремляется на запад. Без четверти восемь за ней следует вторая группа во главе с командиром роты. Все получили приказ ожидать друг друга вне зоны обстрела.

По уставу задача скотобойной роты 137-й дивизии заключалась в том, чтобы снабжать подразделения дивизии свежим мясом. Однако командир роты майор ветеринарной службы доктор Бастмайер уже в районе формирования роты понял, что при обеспечении войск вкусной и разнообразной пищей возникает необходимость в изготовлении и вареных колбас. По собственной инициативе скотобойная рота дополнила передвижной склад технического имущества необходимым оборудованием, которое позволяло изготавливать колбасы. Конечно, это была непростая задача при том экономическом положении, в котором находилось хозяйство воюющей страны.

Таким организационным талантом отличались командиры и солдаты скотобойной роты во время всего Восточного похода. Поскольку из-за большого удаления от управления продовольственного снабжения дивизии и из-за непредусмотренного ранее самообеспечения убойным скотом задачи роты значительно выросли, она набрала дополнительный персонал из военнопленных и представителей местного населения. Кроме того, не обращая внимания на табель снабжения имуществом, рота значительно увеличила свой автомобильный парк и постоянно пополняла выходявшее из строя в ходе боевых действий и из-за погодных условий специальное оборудование.

При числе состоящих на довольствии в дивизии от 15 до 20 тысяч человек (включая прикомандированных) ежедневно перерабатывалось 3—4 тонны мяса, что соответствовало ежедневному убою 10 голов крупного рогатого скота и 10 свиней. Убойный вес крупного рогатого скота в России составлял часто только 100 килограммов, поэтому приходилось забивать большее количество скота.

Правда, во время стремительного наступления в России работа скотобойной роты облегчалась тем, что боевые подразделе-

ления часто сами обеспечивали себя свежим мясом. Потому в этот период скотобойная рота изготавливала в основном вареные колбасы.

И скотобойную роту 137-й дивизии, которая в связи со спецификой своей работы часто дислоцировалась вдали от дивизии в тыловом районе, не миновали неприятные происшествия и участие в боях во время Восточного похода.

Незадолго до Рождества 1941 года скотобойная рота заняла свои зимние квартиры в селе Бабынином (между Калугой и Сухиничами). События, которые происходили на фронте, особенно боевые действия дивизии, доходили до скотобойной роты только в виде редких слухов, так как из-за снежных заносов связь была крайне неустойчивой.

Командование дивизии уже беспокоилось о судьбе скотобойной роты, так как там, по всей видимости, ничего не было известно о прорыве русских, которые двигались как раз в направлении села Бабынина. Однако в канун Рождества удалось дозвониться до командира роты и проинформировать его о положении в Калуге и окрестностях, что позволило вовремя отвести роту к шоссе под Юхнов. Эта смена позиции произошла на второй день рождественских праздников, когда стояли лютые морозы — от -40 до -50 °С, и начался ужасный буран. Вся автоколонна с ценным оборудованием, среди которого находились и машины для изготовления колбас, застряла в глубоком снегу. Только около 30 предусмотрительно подготовленных санных повозок с более легким оборудованием смогли пробиться сквозь снежные заносы. Часть тяжелого оборудования удалось вывезти буквально из-под носа приближавшихся русских войск благодаря тягачам, которые сумел раздобыть фельдфебель Вюнш. Под Юхновом рота «попала в подчинение» к чужой войсковой части и в течение трех недель участвовала в боевых действиях — без пулеметов и боевого опыта.

Однако с марта 1942 года, находясь в Рославле и самостоятельно раздобыв новое оборудование, скотобойная рота снова была готова к работе. Это место дислокации скотобойной роты было хорошо известно многим солдатам дивизии как «маленькое кафе 137-й дивизии». Когда генерал Камеке возвращался в дивизию после своего ранения, там его встречали майор Генерального штаба Мейер-Детринг и дивизионный интендант, майор интендантской службы Шварте. В тот вечер в кафе играл даже военный оркестр! С началом отправки с железнодорожного вокзала Рославля первых эшелонов с отпущниками ското-

бойная рота радушно принимала уезжавших на родину отпускников в подготовленных для них квартирах.

После перебазирования в район боевых действий дивизии в деревню Выгорь с июля и по октябрь 1942 года рота по приказу армии вместе со всеми остальными скотобойными ротами из-за нехватки убойного скота была отведена в тыл в район города Пинска. Теперь приходилось привозить убойный скот с родины. Когда подвоз убойного скота с территории рейха на долгое время был прерван, надо было в тяжелейших условиях добывать убойный скот в окрестных деревнях. В этих случаях командам скотобойных рот часто приходилось отражать атаки партизан. При отражении одной из таких атак в деревне Сытнице, расположенной примерно в ста километрах восточнее Бреста, рота потеряла 9 человек убитыми.

В апреле 1943 года, наконец, снова произошло объединение роты с дивизией в городе Орджоникидзеград¹ под Брянском. В течение зимы рота так хорошо снабжалась убойным скотом, что для перебазирования ей потребовался специальный эшелон, состоявший из 26 вагонов. Когда 5 июля началось немецкое наступление в направлении Курска, 42 бойца роты были откомандированы в дежурную роту подразделений и частей снабжения, перед которой стояла задача закрывать бреши, возникавшие на переднем крае обороны. Большое количество грузовиков было направлено на перевозку боеприпасов. При отступлении осенью 1943 года в самый последний момент удалось отправить тяжелое оборудование в Лицманштадт (Лодзь).

Ветеринарная рота 137-й дивизии

Ветеринарная рота, которую возглавляли майоры ветеринарной службы доктора Гумперт и Польшэгер, являлась связующим звеном между дивизионным и армейским конными лазаретами. Эти лазареты отвечали за гужевой транспорт и ветеринарный уход и снабжение подразделений лошадьми. После чрезвычайно тяжелых условий маневренной войны 1941—1942 годов ее главным полем деятельности с лета 1942 и до лета 1943 года была борьба с опасной конской чесоткой. Когда позиционная война на рубеже реки Попольта предоставила необходимые условия для более длительного стационарного лечения, ветеринарная

¹ Так с 1936 по 1943 год назывался город Бежица. (Примеч. пер.)

рота собственными силами оборудовала в идеальной лесистой местности загоны для сотен лошадей, защищенные от ненастья. Были также построены лечебные кабинеты для хирургического вмешательства и процедурные кабинеты для лечения внутренних болезней, а также отделение для лошадей больных чесоткой. Две отлично оборудованные кузни сделали бы честь любой деревенской кузне даже на родине, у нас в Австрии. Благодаря этому больные лошади, возврата которых так жаждали многие подразделения, после успешного лечения снова вернулись в родные воинские части.

Между ветеринарной ротой и саперами (майор ветеринарной службы доктор Гумперт в Первую мировую войну сам был офицером саперных войск) установились тесные взаимоотношения, так как ветеринарная рота при заготовке леса для своих построек охотно пользовалась бензопилой саперов, а при поиске осколков снарядов в телах раненых лошадей одалживала у саперов их миноискатели.

Не избежала ветеринарная рота и участия в боевых действиях. Уже в июле 1941 года ей пришлось принимать участие в охране на берегу Днепра западнее Смоленска. Позднее она успешно выдержала несколько сражений с партизанами, за которые ее командир доктор Гумперт был награжден Железным крестом 1-го класса.

Всего в распоряжении дивизии находилось в среднем 15 офицеров ветеринарной службы. Один из них погиб во время сражения на Ельнинском выступе в конце лета 1941 года, другой, полковой ветеринар артиллерийского полка, умер от сыпного тифа в марте 1942 года в Рославле. Предоставленные часто самим себе, своим неустанным трудом они сделали очень много для поддержания на высоком уровне мобильности воинских подразделений дивизии во время маршей и передислокаций и для сохранения в здоровом состоянии доверенных им лошадей.

Глава 17

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ 137-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ПОСЛЕ ЕЕ РАСФОРМИРОВАНИЯ

10 декабря 1943 года — 9 мая 1945 года

Поскольку высшее командование существенно сократило выделение пополнения дивизиям, занятым на Восточном фронте, в пользу формирования новых дивизий на территории германского рейха, расформирование более чем тридцати восточных дивизий стало неизбежным. Поэтому в декабре 1943 года перед штабом дивизии возникла болезненная задача провести расформирование 137-й пехотной дивизии.

Необходимо было сформировать:

— гренадерский полк, который в целях маскировки был назван «137-й дивизионной группой». Этот полк формировался из 447-го и 448-го гренадерских полков (включая подчиненные им подразделения 449-го полка и мотопехотного батальона 137-й дивизии);

— отдельный 1-й артиллерийский дивизион из 137-го артиллерийского полка;

— штаб и 1-ю роту 744-го¹ истребительно-противотанкового батальона из истребительно-противотанкового батальона 137-й дивизии.

Необходимо было передать в другие воинские формирования:

— штаб дивизии, штаб 137-го артиллерийского полка, штаб 447-го гренадерского полка, главные силы подразделений и частей снабжения, а также военнослужащих 1905 года рождения и старше на Запад;

— подразделения саперного батальона, подразделения санитарно-транспортной роты дивизии, а также некоторых офицеров²

¹ Согласно анализу номеров полевой почты, проведенному доктором Тесином в федеральном архиве в Кобленце.

² Например, капитана запаса Шульце-Хагена в качестве командира 251-го мотопехотного батальона.

и большинство военнослужащих 1906 года рождения и моложе в корпусную группу «Е»;

— часть штаба саперного батальона 137-й дивизии во главе с командиром майором запаса Браунсбергером в 6-ю полевую дивизию люфтваффе;

— 4-й дивизион 137-го артиллерийского полка в распоряжение группы армий «Центр»;

— батальон связи дивизии в распоряжение группы армий «Север»;

— 137-ю военно-почтовую станцию в распоряжение 5-й кавалерийской бригады (позднее была преобразована в 5-ю кавалерийскую дивизию).

137-я дивизионная группа

Вместе с 86-й и 251-й дивизионными группами она образовала корпусную группу «Е», командиром которой стал генерал-лейтенант Фельцманн со штабом своей прежней 251-й пехотной дивизии.

Корпусная группа «Е» состояла из штаба во главе с начальником штаба подполковником Марбахом¹, штабной роты (взвода связи, кавалерийского взвода, взвода 20-мм орудий), 447-й полковой группы (командир майор Фрай), 448-й полковой группы (командир майор Шверин), 13-й роты, 14-й роты и 137-й штурмовой роты (с июля 1944 года).

С декабря 1943 по апрель 1944 года 137-я дивизионная группа успешно сражалась в составе 20-го армейского корпуса, ведя оборонительные бои и оказывая упорное сопротивление в ожесточенных зимних сражениях южнее Мозыря и в районе деревни Птичь (схема 29)². При переходе через Припять у города Мозырь отличилась 14-я рота под командованием обер-лейтенанта Грёсванга.

В этот период 137-я дивизионная группа, находясь в составе корпусной группы «Е», временами сражалась вместе со старыми боевыми товарищами из теперь отдельного 1-го дивизиона 137-го артиллерийского полка.

¹ Первоначально был назначен командиром 447-го гренадерского полка как преемник полковника Мундорфа.

² Частично использованы записи в дневнике генерал-лейтенанта Фельцманна, которые оказались у В. Шаупа.

Оборона на Припяти с января по июль 1944 г.

Оборонительные бои 137-й дивизионной группы в составе корпусной группы «Е». Декабрь 1943 — апрель 1944 г.

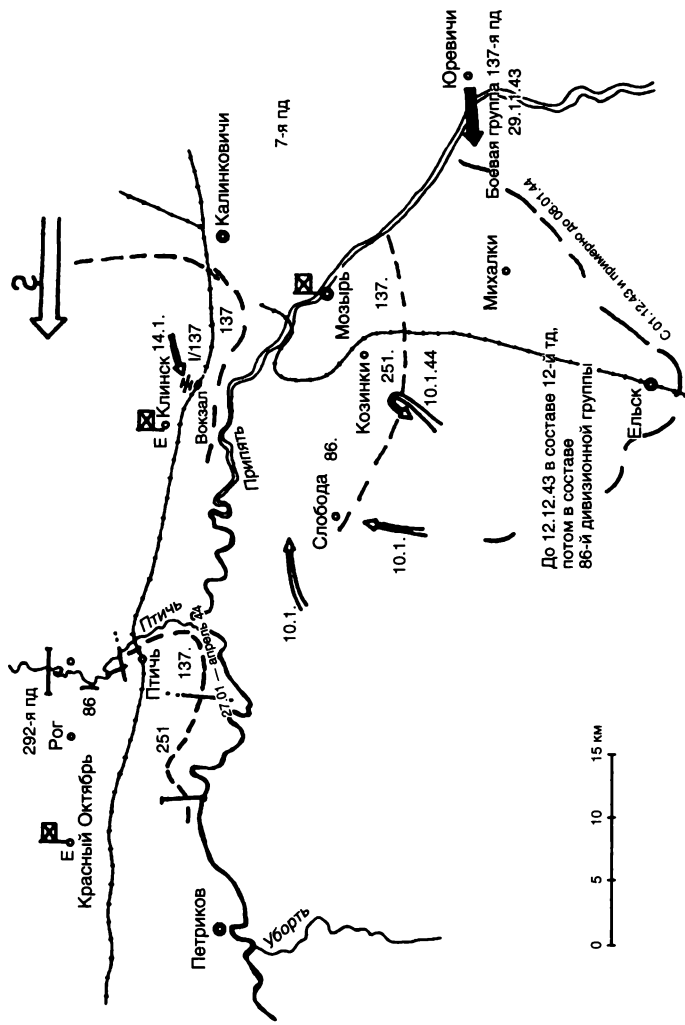

Схема 29

Он был сформирован заново во главе с командиром майором Кляйном, после того как офицеры славного полка еще раз собрались на командном пункте в деревне Михалки южнее Мозыря по случаю празднования 4 декабря 1943 года Дня святой Барбары¹. Новый дивизион получил 1-ю батарею в полном составе из старого 2-го дивизиона 137-го артиллерийского полка, а 2-я и 3-я батареи были образованы из оставшегося прежнего личного состава. Уже 6 декабря 1942 года дивизион снова принял участие в боевых действиях на самом краю южного фланга группы армий «Центр» под Ельском (южнее Мозыря), находясь в подчинении 12-й танковой дивизии. Перед ним простиралась брешь шириной около 100 километров до группы армий «Юг». 13 декабря в Ельске дивизион вошел в состав 86-й дивизионной группы (командир генерал-лейтенант Мюллер) в качестве «отдельного дивизиона» в корпусной группе «Е». Несколько дней спустя, по запросу своего командира, дивизион получил разрешение сохранить в качестве отличительного нарукавного знака «горняцкий молоток», эмблему 137-й пехотной дивизии.

В период с 9 по 12 января 1944 года дивизион поддерживал огнем своих орудий кавалерийский полк «Центр». Однако потом выступающий вперед и открытый с трех сторон участок фронта в районе вокруг Ельска и за Припятью под Мозырем пришлось оставить. После этого 1-й дивизион 137-го артиллерийского полка снова занял позицию на железнодорожной станции Клинск, на жизненно важном для 2-й армии участке железной дороги, ведущей в Пинск. Здесь дивизиону пришлось выдержать особенно трудное испытание². Из-за неясного положения, сложившегося на северном участке фронта, командный пункт, огневые позиции и места расположения средств тяги находились на небольшом участке, близко друг от друга. В то время как 14 января оба наблюдательных пункта, выдвинутые на четыре километра на восток, подверглись лобовой атаке русских, наступавших с востока, огневые позиции и места расположения средств тяги были атакованы подразделениями противника с севера, из лесного массива. Началась ожесточенная рукопашная схватка за орудия. Во время первой атаки половина орудий оказалась в руках противника. При поддержке храбро

¹ Причисляется к четырнадцати католическим святым, которые оказывают помощь в беде. Считается покровительницей артиллеристов. (*Примеч. пер.*)

² Согласно записи в дневнике лейтенанта Пихлера, штаб 1-го дивизиона 137-го артиллерийского полка, и сообщению капитана Краатца (командира 3-й батареи), подготовленному на основе записок, сделанных осенью 1944 года.

сражавшегося расчета 1-го орудия 2-й батареи один из обервахмистров собрал группу артиллеристов, бросился в контратаку и отбил у русских часть орудий. Но русские не собирались уступать и хотели развить свой первоначальный успех, поэтому они снова перешли в атаку. Под командованием заместителя командира дивизиона капитана Ламанна и поспешившего вернуться с наблюдательного пункта командира батареи все имевшиеся в наличии офицеры, унтер-офицеры и рядовые снова перешли в контратаку, поддержанную 251-м саперным батальоном¹, направленным на выручку корпусной группой «Е». В ходе этой контратаки удалось отбить у русских все орудия и почти все транспортные средства. Однако и потери с нашей стороны были очень тяжелыми: в дивизионе оказалось много погибших и большое число раненых, кроме того, было потеряно около 190 лошадей. Однако ожесточенное сопротивление, которое оказал дивизион, позволило сохранить открытым путь отхода на запад тем пехотным подразделениям, которые сражались восточнее.

В течение четырех недель дивизион успешно отражал все русские атаки на рубеже реки Припять. Эти успехи были отмечены в приказе по корпусной группе «Е» (генерал-лейтенанта Фельцманна) № 9 от 9 февраля 1944 года. За эти четыре недели дивизион потерял 11 человек убитыми и 33 ранеными. О дальнейшей судьбе этого дивизиона рассказывается в конце данной главы.

В апреле 1944 года 137-я дивизионная группа была перебросена по железной дороге в Пинск, чтобы отеснить от города русскую 160-ю стрелковую дивизию, усиленную партизанскими соединениями. В ходе стремительной атаки с этой задачей успешно справилась южная ударная группа (448-я полковая группа) под командованием майора Шверина. Начавшиеся после этого позиционные бои продолжались до начала июля (схема 30).

После разгрома группы армий «Центр» 12 июля 1944 года корпусная группа «Е», а вместе с ней и 137-я дивизионная группа (без 447-й полковой группы, о ее судьбе см. ниже) были отведены в Брест-Литовск².

Еще до того, как корпусная группа «Е» прибыла в Брест-Литовск, туда были направлены штаб 137-й дивизионной группы

¹ Согласно запискам генерал-лейтенанта Фельцманна (Шауп).

² Здесь и на последующих приводятся воспоминания подполковника Марбаха, командира 137-й дивизионной группы.

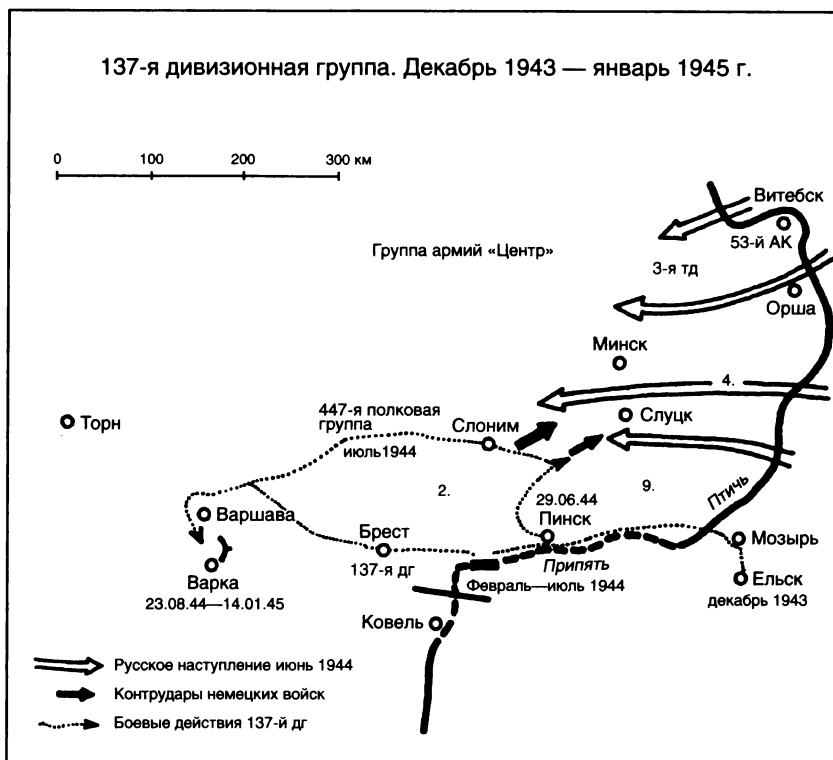

Схема 30

вместе со штабной ротой, штурмовой ротой, 13-й и 14-й ротами, которые сначала были подчинены непосредственно 20-му армейскому корпусу. Противник уже форсировал Буг южнее города и вторгся в тот район, где находились казармы квартирмейстерского батальона корпуса.

Для восстановления положения командир 137-й дивизионной группы получил лично от генерала фон Романа следующее задание:

1. Для урегулирования положения южнее Брест-Литовска уже направлен охранный полк. Найдите этот полк и примите его под свое командование!

2. В дальнейшем вы сохраняете все свои подразделения!

3. Вы должны оценить положение и самостоятельно принять решение: или 137-я дивизионная группа в ходе атаки отбрасывает противника за реку и по возможности устанавливает кон-

такт с соседями с юга, или же дивизионная группа занимает предусмотренную позицию (внешнее кольцо) и переходит к обороне.

4. К вам будут непрерывно направляться подкрепления.

Оценив сложившееся положение, подполковник Марбах принял решение атаковать противника.

Противник был отброшен за реку, и установлен контакт с соседом с юга; правда, к вечеру контакт был снова потерян. Значительные формирования русских нанесли удар в разорванный стык между германскими подразделениями и переправились через Буг южнее крепости. Передав в 20-й армейский корпус донесение о сложившемся положении, 137-я дивизионная группа отошла на подготовленную позицию, указанную на карте. Это означало окружение в Брест-Литовске.

Поскольку большой полукруг советского окружения западнее Брест-Литовска смыкался с каждым днем все сильнее, приходилось постоянно растягивать полукруг ориентированного первоначально на юг фронта 137-й дивизионной группы западнее Брест-Литовска. Это удавалось делать своевременно только благодаря отлично организованным разведывательным вылазкам, которые постоянно совершал взвод конной разведки. Была организована маневренная оборона. За 48 часов нам пришлось провести 44 контратаки.

На следующие сутки боя в наше распоряжение наконец поступила 448-я полковая группа. Теперь 137-я дивизионная группа наконец-то располагала надежной тяжелой пехотой. Постепенно кроме подразделений связи в распоряжение дивизионной группы поступили еще 10 батальонов, призванных помочь решить оборонительные задачи.

Так как было невозможно достаточно продолжительное время удерживать внешнее оборонительное кольцо вокруг Брест-Литовска, генерал-лейтенант Фельцманн, ставший между тем комендантом города, решил отвести войска на старый оборонительный рубеж в Брестской крепости.

Приказ об отходе поступил 27 июля около 22.00, маневр необходимо было завершить к 6 часам утра. Нам удалось оторваться от противника, более того, наши саперы смогли заминировать важнейшие дороги и проселки.

Едва 137-я дивизионная группа успела занять новую оборонительную линию, как противник атаковал ее позиции силой до трех полков на фронте шириной более двух километров. По-

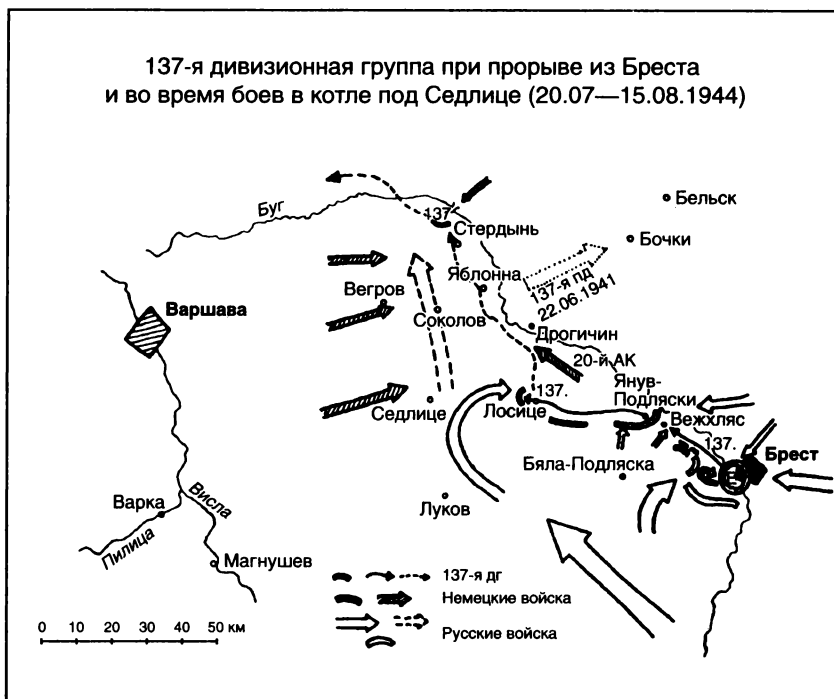

Схема 31

сле ожесточенного кровопролитного боя атака противника была отбита, ему так нигде и не удалось вклиниться в нашу линию обороны.

Приказом Верховного главнокомандования сухопутных сил Брест-Литовск был объявлен укрепленным пунктом, который надлежит оборонять до последнего человека. В результате в войсках воцарилось подавленное настроение. Однако уже на следующий день этот приказ был отменен, и началась подготовка к прорыву.

План прорыва на запад предусматривал образование двух ударных колонн (схема 31):

- 1) северной колонны, образованной из 137-й дивизионной группы, усиленной одной полковой группой из 86-й дивизионной группы, батальоном отпускников и 3-м дивизионом артиллерийского полка корпусной группы «Е»;
- 2) южной колонны (основная группа), состоявшей из главных сил корпусной группы «Е».

Атака основной группы застопорилась уже на первом серьезном препятствии, глубокой речке шириной несколько метров. Наступавшая в боевом порядке клина 137-я дивизионная группа успешно преодолела эту водную преграду и быстро продвинулась в северо-западном направлении. Острие клина образовала 448-я полковая группа под командованием майора Шверина.

В ходе наступления выяснилось, что глубина русской обороны оказалась значительно больше, чем мы предполагали. Ночью противник сражался очень упорно и смело. Тем не менее Шверин расчистил маршрут продвижения, а обе остальные полковые группы взяли на себя фланговое прикрытие.

В ходе этого ночного боя 137-я дивизионная группа была вынуждена приказать майору Шверину развернуть одну роту в обратном направлении, чтобы атакой перевернутым фронтом снова расчистить путь следующим воинским подразделениям.

Около 4 часов утра 29 июля 137-й дивизионной группе пришлось отдать приказ о прекращении атаки, которая до сих пор развивалась в очень хорошем темпе. К этому времени не было никакой связи с выделенным нам для поддержки артиллерийским дивизионом, и уже несколько часов отсутствовала радиосвязь с корпусной группой «Е». Уже давно с южного направления не было слышно никакого шума боя. Решение было трудным. Но его нужно было принять, чтобы обеспечить взаимодействие обеих ударных колонн. Позднее 137-ю дивизионную группу упрекнули в том, что она не провела отвлекающую атаку в южном направлении, чтобы давлением на русский фланг позволить основной колонне продолжить свою атаку. Но для этого у 137-й дивизионной группы не было никаких возможностей.

Здесь у польского местечка Вежляс погиб отважный майор Шверин, один из наших старейших боевых товарищей из 448-го гренадерского полка.

Утром около 10 часов в расположение 137-й дивизионной группы прибыл генерал-лейтенант Фельцманн. Он лично отправил в 20-й армейский корпус радиограмму следующего содержания:

Войска ведут тяжелейший оборонительный бой, прошу провести контратаку.

Действительно, во второй половине дня эскадрон разведывательного батальона атаковал с запада. Как только эта атака начала успешно развиваться, 137-я дивизионная группа продол-

жила свою собственную атаку. Чтобы не попасть в клещи, русские быстро отошли назад, тем самым окончательно открыв путь для нашего ухода на запад.

И хотя 137-я дивизионная группа понесла существенные потери среди личного состава в боях под Брест-Литовском и в самом городе, однако ей удалось сохранить почти все свои транспортные средства как на моторной, так и на конной тяге, а кроме того, легкое и тяжелое оружие. Благодаря трофеям 14-й истребительно-противотанковой роты даже удалось увеличить число своих орудий с 7 до 12. Следующий пример показывает, каких достижений была еще способна добиваться наша пехота.

Далеко позади острия наступавшего клина дорога, по которой мы прорывались, находилась под чрезвычайно интенсивным обстрелом из четырех 76,2-мм дивизионных пушек. Их огонь был особенно губительным для обозных повозок и машин тыловых подразделений. Капитан запаса Виммер, который сразу понял это, сформировал из примерно тридцати бойцов обоза ударную группу и без поддержки тяжелого оружия стремительной атакой уничтожил орудийные расчеты и сами орудия. Тем самым было устранено фланкирование в этом месте.

После удавшегося прорыва, чтобы соединиться с 20-м армейским корпусом, 137-я дивизионная группа продолжила движение на запад до города Лосице, который представлял собой поворотный пункт для отходящих пяти дивизий 2-й армии. Здесь она получила приказ от генерала барона фон Романа обеспечить охранение этого города с запада, так как ожидалось, что русские будут атаковать с западного направления.

Поскольку войска нуждались в отдыхе, были выставлены только полевые караулы. У ведущего с запада Варшавского шоссе занял позицию взвод 20-мм малокалиберных пушек штабной роты. Последующая ночь прошла в основном спокойно. Около 5 часов утра взвод 20-мм малокалиберных пушек вынужден был открыть огонь по наступавшему русскому пехотному полку. Впечатление, которое этот огонь произвел на противника, оказалось таким сильным, что в течение дня он больше не пытался атаковать в этом месте.

Генерал фон Роман дал 137-й дивизионной группе это задание, хотя прекрасно понимал, что после тяжелых боев в Брест-Литовске дивизионная группа заслужила хотя бы небольшую

передышку. Собственно говоря, дивизионная группа, как и корпусная группа «Е», должна была от Лосице продолжить марш на север. Однако генерал фон Роман подчеркнул, что он не мог поступить иначе, так как 137-я дивизионная группа оказалась единственным боеспособным формированием из всех тех, что были окружены в Брест-Литовске.

Несколько дней спустя 137-я дивизионная группа была переброшена моторизованным маршем на берег Буга, чтобы севернее местечка Стердынь захватить плацдарм и удерживать его до наступления наших танковых войск. Тем самым она создала одно из условий для успешного проведения сражения с применением охвата под городом Седлице. В этом сражении подразделения 9-й армии и 4-го танкового корпуса СС уничтожили прорвавшиеся русские танковые соединения¹. Это была одна из последних побед германской сухопутной армии на Восточном фронте. А ведь всего лишь три года назад 137-я пехотная дивизия выступила из этого района на восток, готовясь к атаке через Буг!

Примерно в середине августа 1944 года 137-я дивизионная группа выступила с этой позиции маршем в район севернее Варшавы для последующей переправы через Вислу. На той стороне реки стояли колонны 19-й танковой дивизии, готовые забрать с собой 137-ю дивизионную группу для участия в боевых действиях под городом Варка. В течение нескольких дней 137-я дивизионная группа была подчинена 19-й танковой дивизии. Затем 137-я дивизионная группа была введена в действие на северном участке фронта русского плацдарма на Висле у деревни Магнушев — но теперь уже в составе 9-й армии.

Здесь, восточнее города Варка, она сменила мотопехотный полк 19-й танковой дивизии, который сражался на направлении главного удара русских. Для укрепления обороны 137-й дивизионной группе были подчинены несколько танков, зарытых в землю вдоль линии фронта, а также один мотопехотный батальон.

В следующие восемь—десять дней 137-й дивизионной группе на своих новых позициях пришлось почти ежедневно отражать многочисленные атаки крупных польских формирований. Всякий раз эти атаки начинались после интенсивной артиллерийской подготовки. Несмотря на большие потери, 137-я дивизионная группа сумела удержать свои позиции на всем их про-

¹ Дамс Х.Г. Вторая мировая война. С. 465.

тяжении. Но такое успешное завершение оборонительного боя стало возможным только благодаря эффективной поддержке артиллерии танковой дивизии и бригады реактивных минометов, которые не сэкономили боеприпасов.

Между тем корпусная группа «Е» сменила и остальные полки танковой дивизии и вследствие этого, находясь в составе 9-й армии, взяла на себя командование на всем этом участке фронта.

В ходе связанной с этим перегруппировкой войск 137-я дивизионная группа заняла новые позиции на западном берегу рек Пилица и Висла. Своим правым флангом она примыкала к городу Варка, а ее левый фланг проходил примерно в 10 километрах южнее городка Гура-Кальвария. Ширина позиции составляла около 40 километров. Чтобы успешно справиться с обороной такого протяженного участка фронта, 137-й дивизионной группе были подчинены штрафной батальон, 251-й мотопехотный батальон (майор запаса Шульце-Хаген, раньше 448-й пехотный полк), батальон местной охраны и охранный батальон.

Тем временем в распоряжение 137-й дивизионной группы прибыли остатки 447-й полковой группы. В течение двух недель эта полковая группа оставалась в районе дислокации обоза для доукомплектования и отдыха, после этого она была введена в действие вслед за 448-й полковой группой.

Как же жилось все это время 447-й полковой группе, которая еще в июне была отделена от 137-й дивизионной группы? Сначала она составляла основу гарнизона «укрепленного пункта» Пинск. После разгрома группы армий «Центр» 29 июня ее в спешном порядке погрузили на грузовики и перебросили под Слуцк в распоряжение 4-й кавалерийской бригады (моторизованной), где силами поспешно сформированных соединений готовилось контрнаступление. Один из участников¹ этих боев так описывает свои впечатления от использования полковой группы в качестве пешего подразделения в составе моторизованного соединения:

Полковая группа получила в свое распоряжение четыре армейских грузовика. Едва мы успели выгрузиться, как уже поступил боевой приказ, в котором ротам были указаны позиции для отражения танковой атаки русских. Однако роты были не в состоянии

¹ Бенно Онезоре, обер-лейтенант запаса и адъютант 447-й полковой группы.

своевременно добраться до указанных позиций. Мы находились в самом центре карусели, которую устроили отступавшие войска, никто точно не знал, где же находились другие подразделения. Уже в первую ночь мы были совершенно измотаны, а на следующее утро с трудом собрали свои роты.

Тем не менее это принесло свои плоды: благодаря сопротивлению наших ослабленных подразделений русские силы были так скованы под Слуцком, что не смогли развить свой успех, а это, в свою очередь, позволило 4-й танковой дивизии закончить выгрузку под Барановичами¹.

Этому надо было сначала научиться, такого не найдешь ни в каком УСВ²: отдельное пешее подразделение, совершающее отступательный марш такого рода вместе с моторизованными соединениями! В приказе на отход даже среди бела дня подразумевалось: каждый сам старается найти себе место на танке, на тягаче, в коляске мотоцикла или на любом другом транспортном средстве размером не менее четверти человеческой задницы или половины подошвы с возможностью уцепиться за скобу крепления — и в добрый путь! В каждом населенном пункте адъютант вместе с двумя посыльными мчался назад, останавливался на обочине дороги и пытался собрать своих людей, сидевших на проезжавших мимо машинах. При этом никому даже не было известно о предстоящей остановке. При такой неразберихе мы присоединились к большой толпе солдат, отставших от своих воинских частей. Несмотря на то что постоянные стычки с наседавшими русскими стоили нам немалых потерь, у города Варка мы собрали 60—70 человек из нашей полковой группы. Путь отступления проходил через аэродром в Барановичах, мимо городов Слоним, Волковыск, Белосток и далее к Бугу.

Мы то и дело теряли связь с полковыми обозами. К 24 июля наша полковая группа значительно уменьшилась и превратилась в скромную «боевую группу». Командир, майор Фрай, был ранен еще 6 июля.

24 июля с горсткой санитаров и радистов, насчитывавшей примерно двадцать человек, адъютант, как последний из оставшихся офицеров, должен был атаковать деревню, в которой было полностью русских. Правда, в качестве поддержки ему выделили семь

¹ Х. Гаккенхольц в кн.: *Якобсен Г.А., Ровера Ю.* Решающие битвы Второй мировой войны. С. 468.

² Устав сухопутных войск.

«Тигров». На этом наше пребывание в составе кавалерийской бригады закончилось. После этого человек десять оставшихся в живых и легко раненых (это было все, что осталось от полковой группы численностью около 350 бойцов) отправились к полковому обозу и двинулись маршем домой, в 137-ю дивизионную группу, находившуюся в районе города Варка.

Как же просто написано это! Однако, чтобы нам разрешили вернуться домой, в родную дивизионную группу, понадобилось множество телефонных звонков, служебных и иносказательных телеграмм, масса бумаг, официальных и «незаконных» (первые в адрес непосредственного в данный момент начальника, последнее — в адрес нашей корпусной группы). За отдельных специалистов, лошадей, части обоза велась настоящая ожесточенная внутренняя «малая война», прежде чем они смогли вырваться из «дружеских» объятий кавалерийской бригады и вернуться в свои родные подразделения. Последние «репатрианты» прибыли в дивизионную группу только несколько недель спустя, после того как связались с нами по полевой почте, и через штаб армии был отдан приказ об их возвращении в родные подразделения.

Для обороны позиций у города Варка 137-я дивизионная группа расположилась следующим образом.

Позиции, примыкавшие к городу, занял штрафной батальон, усиленный тяжелой ротой 447-й полковой группы и взводом 20-мм малокалиберных пушек штабной роты. Позиция проходила по гребню крутого склона. К ней примыкал участок обороны 447-й и 448-й полковых групп. Это было главное звено всей оборонительной позиции. В месте впадения Пилицы в Вислу расположился 251-й мотопехотный батальон. Отсюда и дальше на север протянулась позиция батальона региональной охраны, который двумя ротами занял также большой остров на Висле. Охранные батальоны были задействованы и для создания и инженерного оборудования второй линии обороны.

С начала сентября крупные наступательные операции русских, которые привели к расширению плацдарма у города Варка, начали происходить все реже и в конце концов совсем прекратились.

1 октября 1944 года корпусная группа «Е» была переименована в 251-ю пехотную дивизию (теперь под командованием генерал-майора Хойке), а 137-я дивизионная группа была переименована в 448-й гренадерский полк.

448-й гренадерский полк (схема 32)

Тем самым номер дивизии окончательно исчез из списка подразделений сухопутных войск вермахта Второй мировой войны. И теперь в качестве единственного оставшегося от дивизии полка 448-й гренадерский полк продолжал традиции города Цветль, места формирования дивизии в Нижней Австрии. Его прежний командир подполковник Марбах в ноябре 1944 года был переведен на новое место службы; его преемником стал подполковник Айлерс.

До начала января 1945 года на участке фронта в районе города Варка обе противоборствующие стороны проводили только обычные разведывательные поиски.

Правда, еще в конце осени воздушная разведка обнаружила большое скопление войск противника на плацдарме, было также отмечено, что к ним постоянно поступают подкрепления. Было зафиксировано сооружение мостов и появление танков, чему наши войска существенно не мешали. Соотношение сил на всех трех плацдармах на Висле — с севера на юг: Магнушевском (бойцам старой 137-й пехотной дивизии он больше известен под названием «плацдарм у города Варка»), Пулавском и Барановском — было, по очень точным данным главного командования сухопутных войск, более чем угрожающим. В начале января 1945 года оно составляло: в артиллерии 20:1, в танковых войсках 7:1, в пехоте 11:1 в пользу русских¹. Гитлер оставался глух к постоянным требованиям своего Генерального штаба усилить Восточный фронт за счет наступательных операций на Западе и в Венгрии. Гиммлер назвал подготовку русских к крупномасштабному наступлению, о которой ему докладывали, «величайшим блефом со времен Чингисхана!» Так захват Красной армией обширных областей Германии стал неотвратим.

Командир полка подполковник Айлерс, который с 22 декабря 1944 года находился на родине во внеочередном отпуске за особые заслуги, был 7 января 1945 года отозван из отпуска. Однако из-за бурного развития событий он так и не сумел добраться до своего полка. Позднее, командуя другим соединением, он был ранен под Глогау (Глогув) в Нижней Силезии. Заменявший его во время отпуска майор Бекамп сохранил командование 448-м гренадерским полком.

¹ Дамс Х.Г. Указ. соч. С. 524.

Путь 448-го гренадерского полка при крушении Восточного фронта.
15.01.1945 — конец февраля 1945 г.

Б а л т и й с к о е м о р е

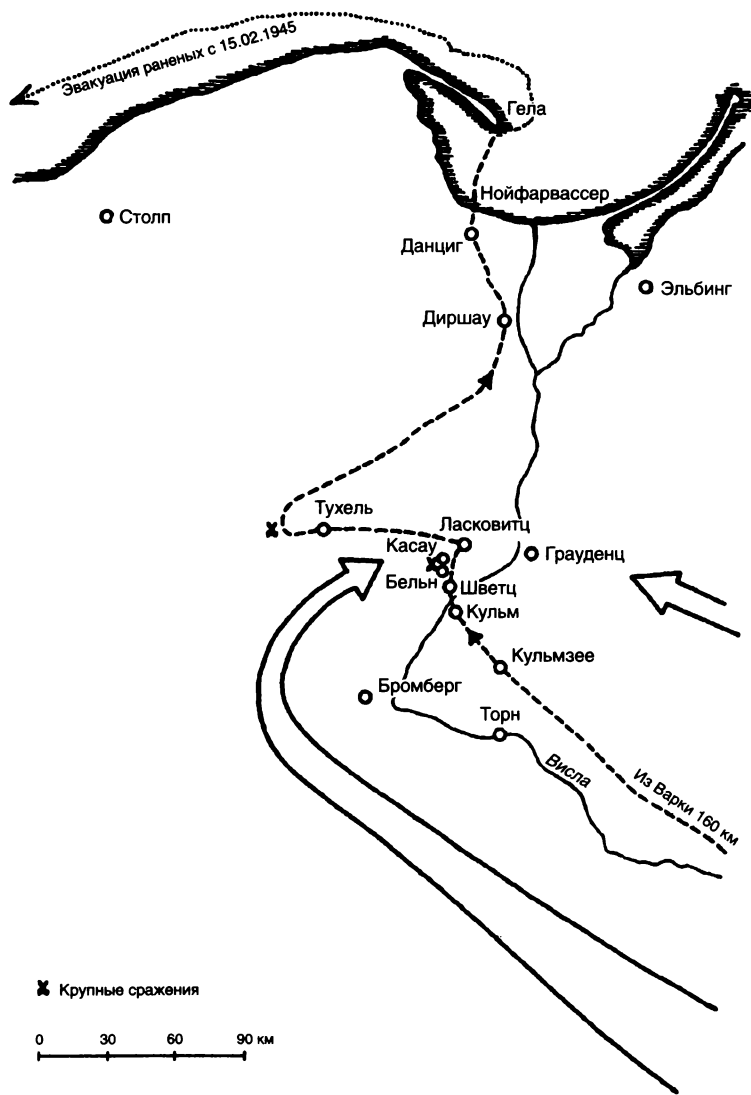

Схема 32

10 января 1945 года наши агенты, перешедшие линию фронта в полосе обороны 448-го гренадерского полка, сообщили о предстоящем «последнем наступлении» Советов, как его назвал в своем пресловутом кровожадном воззвании советский ведущий публицист и пропагандист Илья Эренбург.

На рассвете 12 января 1945 года на всем протяжении линии фронта начался ураганный артиллерийский огонь, который подавил все от передней линии траншей до огневых позиций нашей артиллерии. Во второй половине дня 448-й гренадерский полк смог отразить все атаки вражеской пехоты на крутой берег Пилицы. Однако позади нас на западе был слышен непрекращающийся шум боя. Нам никак не удавалось восстановить связь с нашим соседом справа, 459-м гренадерским полком (раньше это была 251-я дивизионная группа), который занимал позиции южнее Пилицы. Здесь, на участке фронта, который не был защищен рекой, прорвались русские танки.

Однако главное несчастье произошло в 150 километрах южнее. Там после пятичасового ураганного огня с Барановского плацдарма вся наша 4-я танковая армия была рассеяна, оказавшись на направлении главного удара русских. Через пробитую брешь танковые дивизии противника устремились на запад и северо-запад.

На следующий день с Магнушевского (Варка) и Пулавского плацдармов прорвались по одному танковому корпусу русских, которые, прорвав оборону 9-й армии, повернули на север, угрожая ударом в спину немецким войскам, которые все еще продолжали держаться на Висле и Пилице. 448-й гренадерский полк занимал позиции на самом краю южного фланга. Чтобы избежать окружения, утром 13 января полк вынужден был оставить оборудованные как никогда хорошо позиции.

Полк отошел дальше на север и занял оборону. После того как до рассвета 14 января не удалось связаться с вышестоящими штабами, все находившиеся поблизости офицеры были приглашены в штаб полка для анализа обстановки.

Ничего не было известно об общей ситуации, сложившейся на Восточном фронте. Поблизости и дальше на западе и северо-западе был слышен шум боя. Фронт на Висле южнее Варшавы, по-видимому, пока еще держался. Но то, что нам в тот момент не было известно, оказалось еще хуже: русские прорвались и севернее Варшавы на участке фронта 2-й армии и теперь наступали в направлении Восточной Пруссии!

Было принято решение отправиться наудачу на север, в леса Восточной Пруссии. Начался марш, в ходе которого за шесть

дней было пройдено более 300 километров! Эти шесть дней включили в себя и выполнение заданий по охранению, и соприкосновение с противником, и прорыв русских танковых клиньев, и длительную задержку на переходе через Вислу севернее Варшавы. Во второй половине дня 17 января большая часть обозов была расстреляна прорвавшимися русскими танками, которые окружили их. Пехотные подразделения были рассеяны. Собранные к вечеру воинские части понесли новые потери из-за налета вражеской авиации. При этом погиб майор Бекамп. Заместитель командира 448-го гренадерского полка майор Шульце-Хаген стал его преемником.

В светлое время дня на заснеженном левом, западном берегу Вислы можно было видеть колонны русских войск, маршировавшие на северо-запад. Дороги часто выглядели просто ужасно. Расстрелянные и взорванные немецкие автомашины и другие транспортные средства, автомобильные мастерские тыловых подразделений снабжения и все остальное, что относится к тыловому району армии! На обратном пути наши связные иногда в царившей повсюду суматохе заезжали в деревни, где уже стояли русские. Нельзя было разобраться, где друг, а где враг.

21 января в районе городов Торн (Торунь) и Кульмзее удалось снова собрать вместе остатки 251-й пехотной дивизии и 448-го гренадерского полка. Предложение принять бой в крепости города Торн или в Бромберге (Быдгощ) начальник оперативного отдела 251-й пехотной дивизии подполковник Генерального штаба Рее-ринк сразу отклонил. 448-й гренадерский полк отправился маршем через города Кульм и Шветц на новую позицию у железнодорожной линии Бромберг—Ласковитц—Данциг. Эта позиция была развернута фронтом на запад. Откуда-то дальше к западу доносится громкий шум боя, и на востоке в районе города Грауденц звучат залпы вражеской артиллерии. Все дороги забиты колоннами беженцев. У нас уже почти не осталось боеприпасов.

С конца января 1-м батальоном командует обер-лейтенант Шмидт, а 2-й батальон возглавляет обер-лейтенант Онезорге. Этот батальон получил пополнение в количестве 300 унтер-офицеров из училища моторизованных войск в Кульме.

Несмотря на давление с востока, 448-й гренадерский полк занял позицию фронтом на запад, чтобы через узкий проход принять гарнизон Бромберга. В течение нескольких ночей воины гарнизона, закутанные в одеяла, небольшими группами пробирались по этому пути отхода, который удерживал полк. 9 февраля русские атаковали и с запада при мощной поддержке

артиллерии и танков. 448-й гренадерский полк оказался втянут в ожесточенные бои с переменным успехом за два поместья, Касау и Бельн. В этих боях полк понес тяжелые потери, так как не было достаточной поддержки артиллерии. Звонки на наблюдательные пункты передавались лично командиру дивизиона, который разрешил сделать пять выстрелов из «ящика с гаванскими сигарами» (запас на черный день!), «потому что это вы и потому что мы давно знаем друг друга!» Последнее 88-мм зенитное орудие подчиненного зенитного дивизиона выходит из строя, 30 зенитчиков пополняют ряды пехоты.

Неопределенность положения, отсутствие подвоза боеприпасов, большие потери и не в последнюю очередь невозможность вывезти раненых сильно подрывают боевой дух остатков боевой группы! Плюс к этому плачевное состояние, в котором оказались беженцы, и летучие военно-полевые суды «группы армий Гимmlера».

Однако, несмотря на всеобщий развал, полк все еще был способен на большие достижения. После ранения майора Шульце-Хагена дивизия прислала командира батальона 184-го пехотного полка (раньше это была 86-я пехотная дивизия) майора Йегера в качестве нового командира 448-го гренадерского полка. Он свидетельствует:

Когда я прибыл в полк, находившийся в районе Ласковитц, Бельн и Касау, он вел тяжелейший оборонительный бой. Недалеко от командного пункта полка стояли русские танки, которые были подбиты тремя штурмовыми орудиями, переданными мне дивизией. В эти дни 448-й полк добился исключительных успехов. Оборона строилась по системе опорных пунктов отдельных рот и взводов. Например, во время одной контратаки на винокурный завод в Бельне, которую я возглавил, мы отбросили русских. Однако нанесенный русскими при поддержке 14 танков новый контрудар загнал нас на второй этаж завода, а русские закрепились в подвале. Связываюсь по радиосвязи, которая, слава богу, еще действовала, с артиллеристами и вызываю огонь на себя. Во время короткого перерыва в стрельбе идем на прорыв, который контратакой поддержал мой тогдашний адъютант, отважный обер-лейтенант Шмидт, с жалкими остатками штаба полка.

Во время этих боев 448-й полк получил в качестве подкрепления последние подразделения мотопехоты дивизии. Тяжелые бои продолжались около двух недель, результат: позиция фронтом на запад удержана на всем протяжении, подбито 18 вражеских тан-

ков, среди них KB-1 и несколько сверхтяжелых пушечных танков, прорвавшихся к нам в тыл. Русские прекратили свои атаки. Об успехах в обороне 448-го полка сообщалось в сводке вермахта. Я был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

12 февраля 1945 года 448-й гренадерский полк занимал позицию западнее города Тухель. Передний край обороны проходил по просекам плохо просматриваемой местности в Тухельской пустоши.

Поздно вечером 14 февраля, когда уже было совсем темно, на командный пункт 2-го батальона 448-го гренадерского полка неожиданно поступил приказ об отходе, так как противник прорвался на участке соседа и атаковал командный пункт 448-го полка.

Полк собирается завтра утром в перелеске у развилки дорог западнее населенного пункта X! До свидания!

Майор Йегер был отозван в свой 184-й пехотный полк, попавший в трудное положение. Его преемником был назначен капитан из школы боевого применения сухопутных войск 9-й армии.

Утомительный сбор разбросанных далеко друг от друга опорных пунктов, ночной марш на авось с выставлением охранения. Утром, одновременно с 2-м батальоном 448-го полка, в перелесок вошли русские танки и рассеяли батальон по лугам и лесам. Новый сбор в пяти километрах севернее. Выставление охранения вокруг деревни, которая до отказа забита штабами. Из 380 бойцов, которые 2-й батальон 448-го гренадерского полка насчитывал 9 февраля, в этот день 15 февраля в строю оставалось 60 человек. Командир батальона выбыл из строя из-за ранения.

Если раньше, во время даже самых тяжелых боев, раненый товарищ — за исключением крайних случаев — всегда мог рассчитывать на оказание своевременной врачебной помощи, то теперь общий развал армии коснулся и медико-санитарной службы. Легкораненые еще могли спастись самостоятельно, о чем свидетельствует приведенный ниже рассказ. У тяжелораненых не оставалось почти никакой надежды.

15 февраля где-то после 19 часов я был ранен осколками снаряда в обе ноги. Связной, который сопровождал меня, смог некоторое время поддержать меня. Но когда мы прошли метров десять,

он сам был ранен в ладонь и в руку. Поскольку я сам не мог передвигаться и падал при каждом шаге, то решил ухватиться за веревку, свисавшую с повозки, которую тащили по деревенской улице горячие лошади, готовые в любую минуту понести, и они потащили меня по заснеженной дороге. Метров через сто меня подхватили под руки два радиста из нашей полуроты и усадили на замок противотанковой пушки, передок которой уже был занят тяжелоранеными. В эту морозную ночь мои раны нестерпимо болели. Нечего было и думать о том, чтобы перевязать их, так как нельзя было зажигать свет. К тому же пришлось бы разрезать одежду, и тогда холод стал бы нестерпим. После того как мы некоторое время ехали по ухабистой лесной дороге — эвакуация раненых выглядит совсем иначе в киножурнале «Вохеншау», — неожиданно впереди раздался треск русских пулеметов! Все транспортные средства начали разворачиваться, чтобы укрыться за деревьями. Потом они двинулись дальше по другой лесной дороге. После разворота колонны я встретил нашего полкового врача с его черной старой санитарной повозкой, которая наверняка знавала и лучшие времена! Он погрузил меня в повозку, но онемевшие к тому времени ноги пришлось высунуть в дверь фургона. После 22 часов мы встретили на проселочной дороге легковой автомобиль и машину техпомощи 251-го батальона связи. После блуждания по проселочным дорогам мы наконец прибыли ближе к полуночи в штаб дивизии. Здесь пять часов спустя меня впервые перевязали.

На следующий день лазарет в Диршау. Постоянные налеты вражеской авиации. Эвакуация в Данциг. На следующий день планировалась отправка по железной дороге на родину, но поезда больше не ходили — русские вышли к Балтийскому морю! Госпиталь в Данциге. Эвакуация. Все, кто мог двигаться, отправились в порт Нойфарвассер. Опираясь на костыли, ковыляем группами по 50 человек. Временные лазареты и казематы заняты главным образом больными и стариками, а не ранеными. Много горя и нужды. Вперед, в Нойфарвассер. Там уже целый день более двух тысяч раненых ожидают, когда их переправят на катерах в порт Гела. Они лежат в домах, садах, сидят на берегу. При таком скоплении народа налет вражеской авиации во второй половине дня приводит к многочисленным жертвам. Вечером прибывают катера: страшная толчея, все теряют терпение. Второй катер доставляет меня в Гелу. Причалы забиты пароходами, военными кораблями, грузовыми судами, катерами, их не менее семидесяти! На следующее утро погрузка на грузовое судно водоизмещением пять тысяч тонн, которое прибыло из Курляндии. Около трех с половиной тысяч ране-

ных и беженцев, почти никакого питания, горсть печенья и 40 граммов сливочного масла на все время пути. Было роздано всего лишь несколько спасательных жилетов на всех. В сопровождении минных тральщиков курс на Данию. После того как ночью самолеты заминировали курс, поворот на Свинемюнде. Военный госпиталь люфтваффе в Грайфсвальде. Операция. Госпиталь готовится к эвакуации на запад.

Во время прорыва русских к Балтийскому морю остатки 251-й пехотной дивизии, а вместе с ней и 448-й гренадерский полк были оттеснены на полуостров Гела, где после нескольких ужасных дней попали в плен к русским¹.

Лишь немногочисленные группы, эвакуированные морем, добрались до города Йютербог в земле Бранденбург. Здесь они были включены в состав вновь сформированной народно-гренадерской дивизии «Фридрих Людвиг Ян», в которой и встретили конец войны на Эльбе.

Чтобы проследить судьбу других подразделений 137-й пехотной дивизии, которые продолжали сражаться на Восточном фронте, нам надо еще раз вернуться к началу 1944 года.

1-й дивизион 137-го артиллерийского полка 13 и 14 февраля 1944 года был переброшен по железной дороге в Витебск. Здесь он был включен в состав 246-го артиллерийского полка 246-й пехотной дивизии в качестве 4-го дивизиона². Там дивизион принимал участие в обороне Витебского выступа, который был одной из горячих точек Восточного фронта. В период с 26 по 29 июня 1944 года после взрыва своих орудий и тщетных попыток уже в пешем строю вырваться из кольца окружения под Витебском вместе с остатками 53-го армейского корпуса дивизион был разгромлен, став очередной жертвой упрямой тактики Гитлера — стараться любой ценой удержать уже потерянные позиции³. И лишь совсем немногим удалось вырваться из кольца окружения, грозящего смертью или пленом. Например, капитан Краатц, командир 3-й батареи 137-го артиллерийского полка,

¹ Рассказ Франца Грабнера в журнале «Бергманн-Эхо» (служившего раньше во взводе связи 448-го пехотного полка).

² При передаче ему 10-й батареи 246-го артиллерийского полка и части орудий 1-й батареи 137-го артиллерийского полка.

³ При этом в том числе погибли майор Кляйн, командир дивизиона, и капитан Ламанн, командир 11-й батареи 246-го артиллерийского полка (ранее командир 2-й батареи 137-го артиллерийского полка).

позднее командир 12-й батареи 246-го артиллерийского полка, после неопиcуемых мытарств, преодолев пешком 700 километров, 10 августа 1944 года пересек линию фронта на границе Восточной Пруссии. Подобный переход совершили и трое ездовых¹ из его батареи.

Окружение под Витебском закончилось многолетним пребыванием в плену и для части штаба *саперного батальона 137-й дивизии*, который в начале 1944 года оказался там вместе с майором Браунсбергером, назначенным командиром саперного батальона полевой дивизии люфтваффе.

Батальон связи 137-й дивизии в декабре 1943 года был переведен в Эстонию и Латвию, в тыловой район группы армий «Север»², и подчинен 513-му полку связи особого назначения для эксплуатации коммутационных пунктов и охраны линий связи от партизан. В середине 1944 года после присоединения третьей роты он был преобразован в 1416-й корпусной батальон связи 16-го армейского корпуса. Обе старые роты связи до самого конца войны сохранили в качестве отличительного нарукавного знака горняцкий молоток — эмблему 137-й пехотной дивизии. Вместе со всей группой армий «Север» они попали в плен, из которого выжившие вернулись на родину только в конце 1947 года.

Пусть же наше повествование об испытаниях, выпавших на долю 137-й пехотной дивизии на Восточном фронте, увенчают несколько стихотворных строк, посвященных тому роду войск, который дал имя дивизии, который понес наибольшие потери и на долю которого выпали наибольшие трудности, то есть пехоте.

СТРЕЛКОВАЯ РОТА

Горстка верных товарищей
Уже давно не в полном составе,
С ними несколько новобранцев,
Но они пока еще не в счет.
Мундир изодран в клочья,
Продрогли все до костей,
Унесенные мощным течением
В этот бурный поток.

¹ Обер-ефрейторы Бергманн, Тице и Шлавитц (по сообщению Краатца).

² По сообщению Генриха Ауффенфельдта и Рудольфа Корнхофера.

В битвах и опасностях
Закаленные и огрубевшие,
Горстка тех, кто годами
Проливал кровь и терпел нужду;
Она держит в своих руках
Стрелку на весах судьбы,
Бьется без стенаний и жалоб
До последнего человека.

*Лейтенант Бергманн,
Кохем-на-Мозеле
(прислано К. Фогль-Бадером,
448-й пехотный полк)*

28 декабря 1943 года отдельные подразделения старой 137-й пехотной дивизии, которым завидовали их товарищи, вынужденные проводить в России уже третью зиму, отправились по железной дороге из Мозыря на Запад, главным образом во Францию, некоторые из них кружным путем через Голландию. Полевой госпиталь 137-й дивизии, а позднее и дивизионная военно-почтовая станция попали в Венгрию.

На Запад были переброшены следующие подразделения: *части штаба дивизии, штабов 137-го артиллерийского полка и 447-го гренадерского полка; главные силы подразделений и частей снабжения; сверхтабельные обозы; воинский персонал, который был не нужен в новых формированиях на Восточном фронте, прежде всего военнослужащие 1905 года рождения и старше.*

Большинство боевых частей, переведенных во Францию, вошло в состав 277-й народно-гренадерской дивизии¹. Генерал-майор Мальманн, который за два года до этого несколько недель командовал 137-й пехотной дивизией, державшей оборону на реке Попольта, направил их на юг Франции.

В январе 1944 года штаб дивизии радушно принял в городе Безансон своего первого начальника оперативного отдела подполковника Генерального штаба Мейер-Детринга, который к тому времени был назначен начальником разведки главнокомандующего группой армий «Запад». Части штаба дивизии были включены в состав штаба 271-й пехотной дивизии. А другие (начальник медико-санитарной службы дивизии, военные свя-

¹ Из дневника Шварца: остатки 137-го артиллерийского полка (без двух дивизионов) получили 9 января 1944 года приказ отбыть из Мозыря в Каркасон (Франция).

щенники, интендант, военный трибунал), штаб командира подразделений снабжения 137-й дивизии и скотобойная рота были направлены в танковую учебную дивизию (фронт вторжения¹ — Венгрия-Зауэрланд).

Автотранспортная рота 137-й дивизии попала в 353-ю пехотную дивизию, та часть санитарно-транспортной роты, которая не была направлена на доукомплектование 251-й санитарно-транспортной роты на Восточном фронте, попала в 276-ю пехотную дивизию (1-я армия).

Рота снабжения 137-й дивизии стала ротой снабжения 84-й пехотной дивизии², после того как еще до 9 января 1944 года небольшая группа из кадрового состава роты уладила последние дела по ликвидации 137-й пехотной дивизии в районе западнее Мозыря.

¹ Там погибли майор Дерффлингер и майор медицинской службы доктор Шмидт.

² Из дневника Шварца.

Глава 18

ТОВАРИЩЕСТВО ДИВИЗИИ БЕРГМАННА (137-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ)

1956—1962 годы

«Когда мы, бывшие солдаты, более или менее пострадавшие на фронте, которым повезло пережить ад последней войны, живыми вернулись к своим близким на родину, то оказались людьми второго сорта, которых мало ценила общественность. Каждый из нас должен был начинать с самого начала, чтобы заработать на пропитание себе и своей семье. В последующие годы очень многие из нас хотя бы иногда вспоминали прошедшие времена — когда носили простой мундир солдата и пережили много веселых и радостных часов в кругу своих товарищей в гарнизонах, а позднее испытали все тяготы и невзгоды войны.

Поговорка: «Два сапога — пара!» как нельзя лучше подходит к солдатской жизни. Мы сообща жили, пели, пили, все вместе молились, сражались и проливали кровь, прикрывали друг друга во время грозных сражений, поддерживали и помогали, такова настоящая солдатская дружба. Уже было стократно доказано, что такая дружба связывает людей во времени и пространстве гораздо крепче, чем сталь и бетон.

Многим из нас часто приходила в голову мысль: как было бы хорошо хотя бы на несколько часов снова собраться в кругу фронтовых друзей, обменяться воспоминаниями. Но где же они все? Кто это знает? Видимо, это никогда не случится! Все прошло! Забудь об этом!

Точно так же думал и я сам. Тем большим было мое удивление, когда в 1956 году я получил письмо: вечер встречи бывших военнослужащих 44-й, 137-й пехотных дивизий и т. д., 19 августа в Петценкирхене!¹ Подписано Зеппом Затльбергером².

¹ Нижняя Австрия. (Примеч. пер.)

² Бывший обер-фельдфебель 3-го и затем 1-го батальонов 449-го пехотного полка (в 1938 году добровольно поступил на военную службу в 12-ю роту 132-го пехотного полка 44-й пехотной дивизии).

Я, как и многие другие фронтовые товарищи, с радостью последовал этому призыву. Все, кто тогда был на этом вечере, помнят, сколько радостных сцен встреч старых фронтовых друзей мы видели.

Этот день 19 августа 1956 года стал днем рождения нашего дивизионного товарищества. С фанатичным рвением, не считаясь с расходами, пренебрегая профессией и не заботясь о здоровье, посвятил всего себя наш глашатай, Зепп Затльбергер, этой встрече и созданию, совершенствованию, а также организации товарищества 137-й дивизии. При этом его энергично поддержал штаб верных помощников».

Эти слова руководителя товарищества Франца Хофера¹, прозвучавшие на рабочем заседании в Амштеттине (Нижняя Австрия) 30 октября 1960 года, приведены в начале главы, которая вкратце должна показать, что память о старой дивизии продолжает жить в наших сердцах. Уже на первой большой встрече в Велсе в 1957 году выяснилось, что не желание послушать военные марши и просто вместе провести досуг заставило собраться здесь фронтовых друзей, преодолев границы между нашими странами. Напротив, в каждом вновь ожили воспоминания о той энергии, которая исходила от настоящего товарищества или общества. Такое товарищество редко встретишь в борьбе за существование повседневной жизни, но оно тысячекратно выдержало испытание лишениями во время войны. Оставшиеся в живых собирались вместе для того, чтобы согреться теплом настоящей мужской дружбы, чтобы раздуть его в благотворное пламя любви к людям доброй воли.

Конечно, дню основания дивизионного товарищества 19 августа 1956 года предшествовала не только инициатива кого-то одного, но и долгие размышления и кропотливая работа многих других однополчан. Разумеется, до заключения Австрийского государственного договора 15 мая 1955 года во время советской оккупации нижнеавстрийской родины нашей дивизии не было возможности такого товарищеского объединения.

Когда я² 1 декабря 1938 года в возрасте 17 с половиной лет добровольно поступил на военную службу, то в последующие годы узнал такое воинское товарищество, которое хотелось бы сохра-

¹ Подполковник в отставке, бывший командир 2-го батальона 449-пехотного полка.

² Рассказ Зеппа Затльбергера.

нить и до преклонного возраста. Желание сохранить этот неповторимый дух товарищества и тесной взаимосвязи, существовавший во вновь сформированной 137-й пехотной дивизии, в составе которой я прослужил как кадровый обер-фельдфебель до 1943 года, заставило меня вскоре после окончания войны задуматься о том, как собрать на вечер встречи всех оставшихся в живых военнослужащих этой дивизии, на долю которой выпали такие тяжкие испытания. Весной 1956 года я проявил инициативу и с головой окунулся в предварительную подготовку организации первого вечера встречи однополчан, которая состоялась 19 августа в Петценкирхене. К этому времени удалось раздобыть совсем немного адресов фронтовых товарищей. Большим подспорьем оказался для меня список домашних адресов многих однополчан из 449-го пехотного полка, по которым я рассылал фотографии, сделанные мной во время войны.

Свою роль сыграли и яркие плакаты, сообщавшие о возрождении нашего «горняцкого молотка» — эмблемы 137-й пехотной дивизии. На этот первый вечер встречи военнослужащих нашей дивизии прибыли только те из них, кто проживал в Австрии. Изю всех австрийских земель бывшие пехотинцы спешили в долину ярмарочной коммуны Эрлауф...

Рождение нашего дивизионного товарищества удалось на славу, и все собравшиеся фронтовые товарищи были едины во мнении, что дружбу, возникшую в годы войны, надо продолжать и развивать.

30 марта 1957 года в Вене состоялось учредительное собрание по случаю основания дивизионного товарищества. На этом собрании было принято решение присвоить ему имя нашего заслуженного командира дивизии генерал-лейтенанта Бергманна, павшего под Калугой. Мы с гордостью носим это имя как живой памятник нашему погибшему генералу.

Последующая переписка с нашим дивизионным священником Вильгельмом Хаусманном позволила получить адреса многих немецких товарищей. Пункт сбора информации в Германии возглавил капитан в отставке Герберт Зигмунд, проживающий в Дуйсбурге, который оказал нам неоценимую помощь при розыске немецких однополчан.

Решающий успех принесло наше рекомендательное письмо, с этим письмом на руках многие товарищи приняли участие в розыске бывших военнослужащих нашей дивизии. Наша адресная картотека пополнялась почти ежедневно, и к весне 1957 года мы отыскивали уже 1700 человек.

18 мая 1957 года на заседании рабочего штаба была достигнута предварительная договоренность о дивизионной встрече 1957 года, которая была назначена на 17 и 18 августа в городе народных праздников Велсе. Из-за финансовых соображений мы отказались от идеи организовать такую встречу самостоятельно и были вынуждены пойти на объединение нашей встречи с общенациональной встречей Союза товариществ Верхней Австрии...

В это время моя канцелярия напоминала командный пункт полка, и поток входящей и исходящей корреспонденции достиг внушительных размеров. Снова и снова я получал письма своих фронтовых товарищей с просьбой разрешить пригласить на встречу того или иного фронтовика. Вследствие этого я неделями был прикован к письменному столу. Мне не оставалось ничего другого, как до окончания встречи приостановить деятельность своей фирмы по продаже домашнего скота. Наряду с рассылкой приглашений и плакатов я занимался и расклейкой афиш, касающихся нашей встречи. Так в один из дней я расклеил плакаты вдоль федеральной автотрассы от Санкт-Пёльтена до самого Велса.

Из этих истоков благодаря неустанной деятельности Затльбергера возникла живая организация. Так смелая идея была претворена в жизнь.

Руководителем товарищества стал Франц Хофер. Руководство товарищества представляет интересы дивизионного товарищества как юридического лица в отношениях с другими юридическими лицами и организациями.

Рабочий штаб под руководством Зеппа Затльбергера осуществляет всю организационную работу. Его адрес: Петценкирхен, 50 (Нижняя Австрия).

Пункт сбора информации в Германии: Герберт Зигмунд, Дуйсбург, Густав-Адольф-штрассе, 57.

Такая очень трудоемкая деятельность, не являющаяся основной для группы товарищей, и прежде всего лично для Затльбергера, дала уже следующие результаты:

а) Занесение в картотеку адресов 2700 боевых товарищей.

б) Подготовка и проведение встреч членов товарищества 19 августа 1956 года в Петценкирхене, Нижняя Австрия (две тысячи участников); 17 и 18 августа 1957 года в Велсе, Верхняя Австрия, совместно с другими товариществами и союзами (10 тысяч участников), 11—13 сентября 1959 года в Кремсе-на-Дунае совместно с 44-й пехотной дивизией (четыре тысячи участников);

с 24 по 26 августа 1962 года в Кремсе-на-Дунае заседание рабочего штаба.

в) Прояснение судьбы 67 без вести пропавших военнослужащих по запросу Красного Креста благодаря помощи всех товарищей, принимавших участие в этих встречах.

г) Организация сбора средств для сына одного из товарищей, который болен детским параличом.

д) Издание журнала «Бергманн-Эхо», который выходит с апреля 1958 года тиражом 3500 экземпляров (максимальный тираж). До декабря 1961 года вышло восемь номеров.

е) Изготовление знака дивизионного товарищества.

ж) И наконец, деятельность рабочего штаба явилась важнейшей предпосылкой создания этой истории 137-й пехотной дивизии.

Поэтому, само собой разумеется, возникла потребность вручить создателю дивизионного товарищества Зеппу Затльбергеру за всю его неутомимую деятельность какой-нибудь зримый знак нашей благодарности.

«Сегодня у меня, как руководителя нашего товарищества, почетная миссия от имени всех бывших военнослужащих дивизии вручить тебе, дорогой Зепп, этот перстень», —

этими словами Франц Хофер закончил свою приветственную речь 30 октября 1960 года.

В соответствии с законодательными актами Австрийской Республики в конце 1961 года товарищество было зарегистрировано как объединение, поскольку многие из наших боевых товарищей были выходцами из первых австрийских вооруженных сил федерации. С начала 1962 года официальное название товарищества звучит так: «Товарищество дивизии Бергманна (137-й пехотной дивизии) и военнослужащих 3-й дивизии бывших австрийских вооруженных сил федерации, Петценкирхен, Нижняя Австрия».

Руководителем товарищества является Франц Хофер, старшим распорядителем Зепп Затльбергер.

Приложения

Перечень приложений

1. Награждения Рыцарским крестом
2. Замещение должностей командиров и офицеров штаба
3. Структура 137-й пехотной дивизии военного времени, 1940—1942
4. Структура 137-й пехотной дивизии военного времени, 1943
5. Вышестоящие командные инстанции 137-й пехотной дивизии во время Восточной кампании
6. Первая страница приказа по 449-му пехотному полку о наступлении за Буг (17.06.1941)
7. Приказ фюрера и приказ по части от 19.12.1941
8. Приказ командования по 4-й армии от 16.01.1942
9. Обращение с немецкими военнопленными, 1943
10. Движение личного состава и потери пехотного батальона за первые девять месяцев Восточной кампании
11. Приказ по 137-й пехотной дивизии о расходе боеприпасов

Приложение 1

НАГРАЖДЕНИЯ РЫЦАРСКИМ КРЕСТОМ

В период существования *137-й пехотной дивизии* и воинских формирований-преемников получили:

Дубовые листья к Рыцарскому кресту Железного креста

Карл Хайнц Ноак, обер-лейтенант, противотанковый батальон — 17.01.1942

Карл Хайнц Йегер, майор, командир 448-го гренадерского полка — март 1945

Рыцарский крест Железного креста

Пауль Брухер, лейтенант, 447-й пехотный полк — 1942

Алоис Леркиндер, фельдфебель, 447-й пехотный полк — 08.04.1943

Эрвин Кох, майор, командир 2-го батальона 447-го гренадерского полка — 07.06.1943

Ганс Камеке, генерал-лейтенант, командир 137-й пехотной дивизии — 10.10.1943

Даты обозначают день награждения.

В перечень включены только те награжденные, в отношении которых удалось получить точные данные.

Приложение 2

ЗАМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ КОМАНДИРОВ И ОФИЦЕРОВ ШТАБА

Исполнение обязанностей продолжительностью менее четырех недель упомянуто только во время важных боевых действий. В каждом случае называется самое высокое воинское звание, которое имел названный офицер в этой должности.

Условные знаки и сокращения:

+ — погиб

р — ранен

б — болен

У. к. — уполномочен командовать

И. о. — исполняющий обязанности

? — неизвестно или информация неточна

137-я пехотная дивизия

	Генерал-лейтенант	<i>Бергманн</i>	05.10.1940—21.12.1941	+
И. о.	Полковник	<i>Гейне</i>	21.12.1941—30.12.1941	
И. о.	Полковник	<i>Муль</i>	30.12.1941—06.01.1942	
	Генерал-майор	<i>Камеке</i>	07.01.1942—02.02.1942	р
И. о.	Полковник	<i>Гейне</i>	02.02.1942—16.02.1942	
У. к.	Полковник	<i>Мальманн</i>	17.02.1942 — конец апреля 1942	
	Генерал-лейтенант	<i>Камеке</i>	01.05.1942—15.10.1943	+
У. к.	Генерал-майор	<i>фон Найндорфф</i>	16.10.1943—09.12.1943	

9 декабря 1943 года 137-я пехотная дивизия была расформирована.

447-й пехотный (гренадерский) полк

	Полковник	<i>фон Чаммер унд Остен</i>	05.10.1940 — январь 1941	
	Полковник	<i>Мундорфф</i>	январь 1941— 30.03.1942	б
И. о.	Подполковник	<i>Мюк</i>	31.03.1942—19.06.1942	

	Полковник	<i>Мундорфф</i>	20.06.1942 — октябрь 1943	
--	-----------	-----------------	---------------------------	--

9 декабря 1943 года 447-й гренадерский полк был расформирован.

1-й батальон

	Подполковник	<i>Шлэйзингер</i>	05.10.1940—06.08.1941	р
И. о.	Капитан	<i>Штробль</i>	15.07.1941—21.07.1941	+
	Майор	<i>Зибет</i>	10.08.1941—22.09.1941	
	Майор запаса	<i>Шойрен</i>	23.09.1941—11.02.1942	б
И. о.	Капитан	<i>Кох</i>	12.02.1942—31.03.1942	
	Майор запаса	<i>Шойрен</i>	01.04.1942—06.03.1943	б
	Капитан	<i>Вёльм</i>	07.03.1943—?	

9 декабря 1943 года остатки батальона переданы в 447-ю полковую группу.

2-й батальон

	Майор	<i>Руксер</i>	05.10.1940—14.11.1941	р
	Майор	<i>Кох</i>	14.11.1941—11.02.1942	

11 февраля 1942 года батальон был расформирован, вновь сформирован в июне 1942 года.

	Майор	<i>Кох</i>	июнь 1942—31.07.1943	
	Капитан	<i>Шнайдер</i>	01.08.1943—?	

9 декабря 1943 года остатки батальона переведены в 447-ю полковую группу.

3-й батальон

	Майор	<i>Цивкович</i>	05.10.1940—07.10.1941	б
И. о.	Обер-лейтенант	<i>Кале</i>	08.10.1941—13.10.1941	
	Капитан	<i>Шмидтхальс</i>	14.10.1941—14.11.1941	+

14 ноября 1941 года остатки батальона подчинены 1-му батальону 447-го пехотного полка; 24 ноября 1941 года 3-й батальон был расформирован.

447-я полковая группа (численностью в один батальон)

	Майор	<i>Фрай</i>	09.12.1943—06.07.1944	р
И. о.	Обер-лейтенант запаса	<i>Онезорге</i>	июль 1944	
	Майор	<i>Бекамп</i>	август 1944— 30.09.1944	

1 октября 1944 года переименован в 2-й батальон 448-го гренадерского полка (см. там).

448-й пехотный (гренадерский) полк

	Полковник	<i>фон Хольведе</i>	05.10.1940—18.03.1941	
	Полковник	<i>Фибиг</i>	18.03.1941—31.10.1942	
	Полковник	<i>фон Ширмайстер</i>	01.11.1942 — октябрь 1943	

9 декабря 1943 года переименован в *137-ю дивизионную группу* (численностью в один полк), 1 октября 1944 года возвращено старое название — 448-й гренадерский полк.

	Подполковник	<i>Марбах</i>	ноябрь 1943 — ноябрь 1944	
	Подполковник	<i>Айлерс</i>	ноябрь 1944— 22.12.1944	
И. о.	Майор	<i>Бекамп</i>	22.12.1944—16.01.1945	+
	Майор запаса	<i>Шульце-Хаген</i>	17.01.1945—10.02.1945	р
	Майор	<i>Йегер</i>	10.02.1945—28.02.1945	
	Капитан	? (из школы боевого применения сухопутных войск 9-й армии)		

1-й батальон

	Подполковник	<i>Вукич</i>	05.10.1940—22.08.1941	б
--	--------------	--------------	-----------------------	---

	Майор	<i>Штайскаль</i>	22.08.1941—22.07.1942	
И. о.	Капитан	<i>Бартель</i>	08.05.1942—05.06.1942	

23 июля 1942 года 1-й батальон был объединен с 3-м батальоном 448-го пехотного полка. В результате переименования полка в 448-ю полковую группу вновь возрожден 1 октября 1944 года.

	Капитан	<i>Биллиг</i>	01.10.1944—16.01.1945	р
	Обер-лейтенант	<i>Шмидт</i>	16.01.1945—?	
	Обер-лейтенант	<i>Урль</i>	февраль 1945	р

2-й батальон

	Майор	<i>фон Ширмайстер</i>	05.10.1940—30.09.1942	
	Капитан	<i>Экхардт</i>	01.10.1942 — январь 1943	
	Майор	<i>Шверин</i>	январь 1943 — 09.12.1943	

9 декабря 1943 года остатки батальона переведены в 448-ю полковую группу. После переименования 447-й полковой группы 2-й батальон был вновь возрожден 1 октября 1944 года.

	Майор	<i>Бекамп</i>	01.10.1944—16.01.1945	+
	Обер-лейтенант запаса	<i>Онезорге</i>	16.01.1945—15.02.1945	р
	Обер-лейтенант	<i>Лека</i>	15.02.1945— ?	+

3-й батальон

	Майор	<i>Шриттвизер</i>	05.10.1940—20.07.1941	р
И. о.	Капитан	<i>Пайрль</i>	20.07.1941—31.08.1941	р
И. о.	Обер-лейтенант	<i>Мюллер</i>	31.08.1941—05.09.1941	+
	Капитан	<i>Рюец</i>	05.09.1941 — конец ноября 1941	р
	Майор	<i>Мюк</i>	24.12.1941—30.03.1942	
И. о.	Капитан	<i>Карреништайн</i>	апрель 1942 — май 1942	

И. о.	Капитан	<i>Зигмунд</i>	20.05.1942—22.07.1942	
	Майор	<i>Штайскаль</i>	23.07.1942—05.10.1942	
И. о.	Капитан	<i>Бартель</i>	06.10.1942—?	
	Капитан	<i>Зигмунд</i>	?—15.03.1943	р

3-й батальон был расформирован в сентябре 1943 года.

448-я полковая группа (численностью в один батальон)

	Майор	<i>Шверин</i>	09.12.1943—28.07.1944	+
	Капитан	<i>Биллиг</i>	28.07.1944—01.10.1944	

1 октября 1944 года 448-я полковая группа была переименована в 1-й батальон 448-го гренадерского полка (см. там).

449-й пехотный полк

	Полковник	<i>Айзенштук</i>	05.10.1940—15.02.1941	
	Полковник	<i>Ноак</i>	15.02.1941—07.10.1941	
	Полковник	<i>Маак</i>	07.10.1941—13.11.1941	+
И. о.	Подполковник	<i>фон Рёмер</i>	13.11.1941—01.12.1941	
	Полковник	<i>Гейне</i>	01.12.1941—31.10.1942	
И. о.	Майор запаса	<i>Шойрен</i>	01.11.1942—27.01.1943	

27 января 1943 года 449-й пехотный полк был расформирован.

1-й батальон

	Майор	<i>Шольц</i>	05.10.1940—06.10.1941	
	Капитан	<i>Биондино</i>	06.10.1941—16.11.1941	+

16 ноября 1941 года 1-й батальон был расформирован, остатки батальона объединены с 2-м батальоном 449-го пехотного полка, в период с 22 апреля по август 1942 года сформирован заново.

	Капитан запаса	<i>Хайсс</i>	05.07.1942—?	
--	----------------	--------------	--------------	--

С 27 января 1943 года 1-й батальон был подчинен 447-му гренадерскому полку.

9 декабря 1943 года остатки батальона были включены в 447-ю полковую группу.

2-й батальон

	Майор	<i>Хофер</i>	05.10.1940—18.11.1941	р
И. о.	Обер-лейтенант	<i>Ханнапель</i>	18.11.1941—15.12.1941 06.01.1942—06.02.1942	р
	Подполковник	<i>Шрибер</i>	15.12.1941—06.01.1942	б
	Капитан	<i>Малкс</i>	07.02.1942—21.02.1942	
	Майор	<i>Кашевски</i>	21.02.1942—05.03.1942	б
	Капитан	<i>Фрай</i>	06.03.1942—08.12.1943	
И. о.	Капитан	<i>Ханнапель</i>	27.04.1942 — май 1942	
И. о.	Капитан запаса	<i>Хайсс</i>	май 1942—05.07.1942	

С 27 января 1943 года в подчинении 448-го гренадерского полка. 9 декабря 1943 года остатки батальона переведены в 448-ю полковую группу.

3-й батальон

	Майор	<i>Витт</i>	05.10.1940—29.06.1941	р
	Капитан	<i>Бауэр</i>	30.06.1941—25.07.1941	р
И. о.	Обер-лейтенант	<i>Малкс</i>	25.07.1941—05.08.1941	
	Майор	<i>Кашевски</i>	05.08.1941—21.02.1942	

21 февраля 1942 года 3-й батальон был расформирован, остатки батальона объединены с 2-м батальоном 449-го пехотного полка.

Мотопехотный батальон 137-й дивизии,

часто называемый батальоном дивизионного подчинения, был образован 28.01.1943¹.

	Капитан	<i>Ханнапель</i>	февраль 1943—?	+
--	---------	------------------	----------------	---

¹ Согласно приказу по дивизии от 28 января 1943 года (источник: Вальтер Шик).

Мотопехотный батальон был расформирован 9 декабря 1943 года.

137-й артиллерийский полк

	Полковник	<i>Кистнер</i>	05.10.1940—23.01.1942 02.09.1941—09.09.1941	р
	Полковник	<i>фон Калиновски</i>	23.01.1942—01.12.1943	
И. о.	Майор запаса	<i>Доктор Айзенбергер</i>	28.12.1942—12.02.1943	

137-й артиллерийский полк был расформирован 3 декабря 1943 года.

1-й дивизион

	Майор	<i>Дикхофф</i>	05.10.1940—09.05.1942	
	Подполковник	<i>Гавлена</i>	10.05.1942—09.12.1943	
	Майор	<i>Кляйн</i>	09.12.1943—25.06.1944	+

С 15 февраля 1944 года подчинен 246-му артиллерийскому полку 246-й пехотной дивизии в качестве 4-го дивизиона, в период с 26 по 29 июня 1944 года разгромлен в Витебске.

2-й дивизион

	Подполковник	<i>Доллингер</i>	05.10.1940—17.08.1942	
	Майор	<i>Мах</i>	18.08.1942—15.10.1943	б
	Капитан	<i>Линдмайер</i>	15.10.1943—09.12.1943	

Расформирован 3 декабря 1943 года, остатки дивизиона объединены с 1-м дивизионом 137-го артиллерийского полка.

3-й дивизион

	Майор	<i>Кюльманн</i>	05.10.1940—01.09.1941	б
	Майор	<i>Райндль</i>	01.09.1941—31.12.1942	

С февраля по июль 1942 года майор Райндль адъютант дивизии, в это время дивизион был разделен.

	Капитан	<i>Фридрикс</i>	ноябрь 1942—08.03.1943	
	Майор	<i>Кляйн</i>	08.03.1943 — середина октября 1943	

В середине октября 1943 года расформирован, 7-я батарея подчинена 4-му дивизиону 137-го артиллерийского полка.

4-й дивизион

	Майор запаса	<i>Доктор Айзенбергер</i>	05.10.1940—22.07.1943	
	Капитан	<i>Нурнай</i>	август 1943 — декабрь 1943	

4-й дивизион был расформирован 9 декабря 1943 года.

Разведывательный батальон 137-й дивизии

	Ротмистр запаса	<i>фон Зандерслебен</i>	05.10.1940 — декабрь 1940	
	Майор	<i>фон Вагнер</i>	декабрь 1940 — лето 1942	

С августа 1942 переведен в состав быстрого батальона 137-й дивизии, с января 1943 года в составе мотопехотного батальона 137-й дивизии.

Истребительно-противотанковый батальон 137-й дивизии

С августа 1942 года и по январь 1943 года был объединен с разведывательным батальоном дивизии в быстрый батальон.

	Майор	<i>Вуппер</i>	05.10.1940—29.06.1941	+
	Капитан	<i>Леманн</i>	29.06.1941—09.07.1941	+
	Подполковник	<i>фон Рёмер</i>	09.07.1941 — лето 1942	
И. о.	Обер-лейтенант	<i>Баннах</i>	13.11.1941—01.12.1941	
	Капитан	<i>Заутерлето</i>	1942—09.12.1943	

9 декабря 1943 года преобразован в 744-й истребительно-противотанковый батальон.

	Капитан	<i>Заутер</i>	?	
--	---------	---------------	---	--

Саперный батальон 137-й дивизии

	Капитан запаса	<i>Мюллер-Штайнфарт</i>	05.10.1940—30.08.1941	б
	Майор запаса	<i>Браунсбергер</i>	30.08.1941—09.12.1943	

Саперный батальон был расформирован 9 декабря 1943 года.

Батальон связи 137-й дивизии

	Майор	<i>Фукс</i>	05.10.1940—25.08.1941	
	Капитан запаса	<i>Циммерманн</i>	25.08.1941—31.12.1942	
	Майор запаса	<i>Майер</i>	01.01.1943—30.12.1943	
	Капитан	<i>Шмидт-Юлен</i>	30.12.1943—11.08.1944	
	Майор	<i>Кёстлин</i>	11.08.1944—09.05.1945	

С середины 1944 года преобразован в 1416-й корпусной батальон связи.

Полевой запасный батальон 137-й дивизии

Июнь—сентябрь 1941 года

	Майор	<i>Зибет</i>	июнь 1941—09.08.1941	
--	-------	--------------	----------------------	--

Полевой учебный батальон 137-й дивизии

Лето 1942—1943 год

	Капитан	<i>Каррештайн</i>	июнь 1942 — октябрь 1942	р
И. о.	Капитан	<i>Бон</i>	конец августа 1942 — начало октября 1942	
И. о.	Обер-лейтенант	<i>Краксбергер</i>	октябрь 1942 — февраль 1943	

Начальник службы снабжения 137-й дивизии

С лета 1942 года: командир подразделений и частей снабжения дивизии.

	Капитан запаса	<i>Хоффманн</i>	05.10.1940—23.12.1941	+
И. о.	Капитан запаса	<i>Дерффлингер</i>	23.12.1941 — середина января 1942	
	Майор запаса	<i>Князь Фюрстенберг</i>	середина января 1942—31.07.1942	
	Майор запаса	<i>Дерффлингер</i>	01.08.1942—09.12.1943	

Служба снабжения дивизии была расформирована 9 декабря 1943 года.

Полевой госпиталь 137-й дивизии

	Подполковник медицинской службы	<i>Доктор Циммер</i>	1940 — июль 1942	
	Майор медицинской службы	<i>Доктор Ровер</i>	июль 1942—1945	
И. о.		<i>Доктор Фридманн</i>	1944	

1-я санитарная рота 137-й дивизии

	Майор медицинской службы запаса	<i>Доктор Гесс</i>	1940—07.04.1942	
	Майор медицинской службы	<i>Доктор Вольф Шмидт</i>	07.07.1942 — начало 1943	

2-я санитарная рота 137-й дивизии

	Майор медицинской службы	<i>Доктор Бургер</i>	1940—1942?	
--	--------------------------	----------------------	------------	--

Штаб дивизии

Ia (начальник оперативного отдела)

	Подполковник Генерального штаба	<i>Мейер-Детринг</i>	05.10.40—31.05.42	
	Подполковник Генерального штаба	<i>Рефиор</i>	01.06.42—09.12.43	

Ив (второй офицер Генерального штаба, квартирмейстер)

	Капитан, прикомандированный к Генеральному штабу	<i>Хюбнер</i>	февраль 1941 — октябрь 1941	
	Майор Генерального штаба	<i>Мюллер</i>	октябрь 1941—01.07.1942	
	Майор Генерального штаба	<i>фон Веберштедт</i>	01.07.42 — ноябрь 1942	
И. о.	Капитан запаса	<i>Ниманн</i>	ноябрь 1942 — февраль 1943	
И. о.	Капитан	<i>Боссельманн</i>	февраль 1943 — март 1943	
	Майор запаса	<i>Бринкманн</i>	март 1943—09.12.1943	

Ис (начальник разведки)

	Капитан запаса	<i>Бринкманн</i>	февраль 1941 — март 1943	
	Обер-лейтенант запаса	<i>Вернитц</i>	март 1943 — декабрь 1943	

IIa (адъютант дивизии)

	Майор	<i>фон Адриани</i>	05.10.1940 — декабрь 1940	
	Ротмистр запаса	<i>Крон</i>	декабрь 1940 — август 1941	б
	Майор	<i>Князь фон Урах</i>	август 1941—09.10.1941	
	Майор	<i>Нойбахер</i>	10.10.1941—29.01.1942	б
	Майор	<i>Райндль</i>	29.01.1942—13.06.1942	
	Майор	<i>Нойбахер</i>	13.06.1942—28.02.1943	
И. о.	Капитан	<i>Фридрикс</i>	08.03.1943 — май 1943	
	Капитан	<i>Нойманн</i>	май 1943 — октябрь 1943?	
	Капитан	<i>Малкс</i>	октябрь 1943 — декабрь 1943?	

III (военный судья)

	Военный судья	<i>Доктор Зехорц</i>	1940 — середина 1942	
	Военный судья	<i>Доктор Шварцманн</i>	1942—1943	

IVa (интендант дивизии)

	Майор интендантской службы	<i>Шварте</i>	05.10.1940—09.12.1943	
--	----------------------------	---------------	-----------------------	--

IVb (врач дивизии)

	Полковник медицинской службы	<i>Доктор фон дер Штайн</i>	05.10.1940 — начало 1943	
	Майор медицинской службы	<i>Доктор Шмидт</i>	начало 1943—09.12.1943	

IVc (ветеринар дивизии)

	Подполковник ветеринарной службы	<i>Доктор Брюстле</i>	05.10.1940—09.12.1943	
--	----------------------------------	-----------------------	-----------------------	--

V (инженер дивизии)

	Военный инженер	<i>Вальтер</i>	1943	
--	-----------------	----------------	------	--

Католический дивизионный священник

	Военный священник	<i>Пастор Амлатц</i>	1940—27.06.1941	р
	Военный священник	<i>Пастор Хаусманн</i>	28.06.1941—09.12.1943	

Евангелический дивизионный священник

	Военный священник	<i>Пастор Либе</i>	1940—1943	
--	-------------------	--------------------	-----------	--

Штаб дивизии расформирован 9 декабря 1943 года.

Приложение 3

СТРУКТУРА 137-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ, 1940—1942

Штаб дивизии Топографическое отделение Военный оркестр Дивизионный отряд полевой жандармерии		
447-й пехотный полк Штабная рота 1-й батальон 2-й батальон 3-й батальон Кавалерийский взвод 13-я рота (пехотных орудий) 14-я (истребительно-противотанковая) рота (моторизованная)	448-й пехотный полк Штабная рота 1-й батальон 2-й батальон 3-й батальон Кавалерийский взвод 13-я рота (пехотных орудий) 14-я (истребительно-противотанковая) рота (моторизованная)	449-й пехотный полк Штабная рота 1-й батальон 2-й батальон 3-й батальон Кавалерийский взвод 13-я рота (пехотных орудий) 14-я (истребительно-противотанковая) рота (моторизованная)
Разведывательный батальон (частично моторизованный)	Истребительно-противотанковый батальон (моторизованный)	137-й артиллерийский полк 1-й дивизион 2-й дивизион 3-й дивизион 4-й (тяжелый) дивизион (в батареях по 4 орудия)
Саперный батальон (частично моторизованный)	Батальон связи (частично моторизованный)	Полевой запасный батальон
Управление продовольственного снабжения дивизии (моторизованное)	1-я санитарная рота 2-я санитарная рота (моторизованная) 1-й санитарно-транспортный взвод 2-й санитарно-транспортный взвод Полевой госпиталь (моторизованный)	Ветеринарная рота
Скотобойная рота (моторизованная)		
Хлебопекарная рота (моторизованная)		
Начальник службы снабжения дивизии Рота снабжения (моторизованная)	Дивизионная военно-почтовая станция (моторизованная)	

<p>С 1-й по 3-ю малые автотранспортные колонны С 4-го по 9-й транс- портные взводы на конной тяге 10-я транспортная колонна с горючим и смазочными материалами Ремонтная рота</p>	
---	--

Приложение 4

СТРУКТУРА 137-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ, 1943

Штаб дивизии Топографическое отделение Военный оркестр Дивизионный отряд полевой жандармерии		
447-й гренадерский полк Штабная рота 1-й батальон 2-й батальон 1-й батальон/449-го гренадерского полка Кавалерийский взвод 13-я рота (пехотных орудий) 14-я (истребительно-противотанковая) рота (моторизованная)	448-й гренадерский полк Штабная рота 2-й батальон 3-й батальон 2-й батальон/449-го гренадерского полка Кавалерийский взвод 13-я рота (пехотных орудий) 14-я (истребительно-противотанковая) рота (моторизованная)	
Мотопехотный батальон	Истребительно-противотанковый батальон (моторизованный)	137-й артиллерийский полк Штабная батарея 1-й дивизион 2-й дивизион 3-й дивизион 4-й (тяжелый) дивизион (в батареях по 3 орудия)
Саперный батальон (частично моторизованный)	Батальон связи (частично моторизованный)	Полевой запасный батальон
Управление продовольственного снабжения дивизии (моторизованное)	1-я санитарная рота 2-я санитарная рота (моторизованная) Санитарно-транспортная рота Полевой госпиталь (моторизованный)	Ветеринарная рота
Командир подразделений и частей снабжения дивизии Рота снабжения (частично моторизованная) Автотранспортная рота С 4-го по 9-й транспортные взводы на конной тяге Ремонтная рота	Дивизионная военно-почтовая станция (моторизованная)	

Приложение 5

ВЫШЕСТОЯЩИЕ КОМАНДНЫЕ ИНСТАНЦИИ 137-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ВО ВРЕМЯ ВОСТОЧНОЙ КАМПАНИИ

Дата		Армейский корпус	Армия
с	по		
22.06.41	08.07.41	9-й (Гейер)	4-я (фон Клюге)
08.07.41 23.07.41 31.07.41	23.07.41 31.07.41 18.08.41	9-й (Гейер) 9-й (Гейер) 9-й (Гейер)	2-я (барон фон Вейхс) 4-я танк. (фон Клюге) Армейская группа Гудериана (позднее 2-я танк.)
18.08.41	10.10.41	9-й (Гейер)	4-я (фон Клюге)
10.10.41	28.10.41	559-й тыловой район армии (комендант фон Унру)	4-я (фон Клюге)
28.10.41	07.11.41	—	4-я (фон Клюге)
07.11.41	03.12.41	13-й (Фельбер)	4-я (фон Клюге)
03.12.41	08.12.41	—	4-я (фон Клюге)
08.12.41	—	12-й (Шрот)	4-я (фон Клюге)
09.12.41	—	—	4-я (фон Клюге)
10.12.41 14.12.41 01.02.42	14.12.41 31.01.42 16.02.42	13-й (Фельбер) 43-й (Хейнрици) 57-й танковый (Кирхнер)	4-я (Кюблер) 4-я (Хейнрици)
16.02.42 13.02.43 01.04.43	11.02.43 01.04.43 начало августа 43	43-й (Бреннеке) 47-й танковый (Лемельзен) 20-й (барон фон Роман)	2-я танковая (Рудольф Шмидт) 9-я (Модель)
Начало августа	22.09.43	20-й (барон фон Роман)	2-я (Вайс)
22.09.43	09.12.43	46-й танковый (Гольник)	2-я (Вайс)

Приложение 6
ПРИКАЗ ПО 449-МУ ПЕХОТНОМУ ПОЛКУ
О НАСТУПЛЕНИИ

449-й пехотный полк
Оперативный отдел
№ 27/41 сов. секретно

Штаб полка, 17.06.1941

14 экземпляров
2-й экземпляр

Может быть передан только офицером.
Приказ по полку о наступлении через Буг.

1) Положение противника:

По полученным до сих пор данным перед фронтом дивизии находится примерно один пехотный полк русской стрелковой дивизии.

Оборонительные сооружения на восточном берегу, за исключением одного фортификационного сооружения значительных размеров в 1 километре восточнее населенного пункта Путковице, представляют собой, по-видимому, мелкие оборонительные объекты частично из бетона, частично из дерева (блиндажи).

Сосредоточенные здесь в настоящее время силы русских недостаточны для длительной обороны фронта на Буге.

2) 137-я пехотная дивизия форсирует Буг в день «Б» в «Х» часов на переправе между населенным пунктом Вырув-Клаштур и островом в 500 метрах северо-западнее деревни Бужыски, прорывает русские укрепления на высотной отметке между группой домов в 2 километрах севернее населенного пункта Милево (Путковице-Нагурне) и населенным пунктом Следзянув и продолжает наступление сначала до рубежа Милковице-Мадки-Секерки (исключая).

3) 449-й пехотный полк форсирует Буг в день «Б» в «Х» часов на переправе между населенными пунктами Вырув-Клаштур (включая) и Молозев (исключая) и продолжает наступление сначала до дороги Милево—Путковице—Надольне.

1-я цель наступления: Гребень высоты в 1 километре северо-восточнее населенного пункта Хутковице и восточная опушка перелеска строго на северо-восток от деревни Вежхуца-Надбужна.

2-я цель наступления: Лисово и местность по обе стороны от деревни.

- 4) Для наступления через Буг исходные позиции занимают:
справа: 3-й батальон;
слева: 2-й батальон.

В резерве позади 3-го батальона находится 1-й батальон.

Границы:

Справа с 292-й дивизией: южная окраина Балки — южная окраина (507-й пехотный полк) Тшеканов — южная окраина Вырув-Клаштур — северная окраина Хутковице — (Путковице-Нагурне) (включительно) — южная окраина Милковице — Мадки — северная окраина Цецеле.

Слева с 448-м полком: точка 142 (1 км севернее Лужки) — (3-й батальон) южная окраина Молозев — северная окраина Путковице-Надольне — южная окраина Путковице-Нагурне — северная окраина Милковице-Янки — юго-восточный угол Брыки.

Приложение 7

ПРИКАЗ ФЮРЕРА И ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО СУХОПУТНЫМИ ВОЙСКАМИ

Солдаты сухопутных войск и войск СС!

Освободительная борьба нашего народа приближается к своему апогею. Нам предстоят решающие битвы всемирного значения.

Основное бремя борьбы лежит на плечах сухопутных войск. Поэтому с сегодняшнего дня я взял на себя командование сухопутными войсками.

Как солдат многих сражений мировой войны, я самым тесным образом связан с вами в стремлении к победе.

Ставка фюрера, 19.12.1941

Подписано:

Адольф Гитлер

ПРИКАЗ СУХОПУТНЫМ ВОЙСКАМ

Солдаты! В момент предстоящих величайших сражений с сегодняшнего дня фюрер взял на себя лично командование сухопутными войсками, которые несут на своих плечах основное бремя борьбы. Одновременно он удовлетворил высказанную мною некоторое время тому назад просьбу освободить меня от командования сухопутными войсками из-за проблем с сердцем. Солдаты! Почти четыре года я, как ваш главнокомандующий, возглавлял самые лучшие сухопутные войска в мире. Эти годы охватывают множество важнейших исторических событий для Германии и величайших военных успехов для сухопутных войск. С гордостью и благодарностью я вспоминаю это время. Я горжусь вашими достижениями и благодарю вас за вашу верность. Великие задачи уже решены, важнейшие, решающие битвы еще предстоят. Я убежден, что с ними вы тоже справитесь. Фюрер приведет нас к победе. Тверда как сталь наша воля, вперед устремлен наш взор, все ради Германии.

Подписано:
19.12.1941

фон Браухич

Приложение 8
ПРИКАЗ КОМАНДОВАНИЯ ПО 4-Й АРМИИ
ОТ 16.01.1942¹

С занятием позиции на рубеже рек Угра и Шаня прекращается отход армии на Восточном фронте. За достигнутые до сих пор успехи я выражаю всем войскам свою полную признательность.

Теперь каждый солдат должен проникнуться мыслью, что пришло время окончательно остановить русских. Командование армии позаботится о том, чтобы были закрыты еще существующие бреши между соседними подразделениями и окончательно устранена угроза армии с тыла.

Непременным условием выполнения этих заданий является безусловное удержание оборонительного рубежа на реках Угра и Шаня.

Новые силы и свежее пополнение уже на подходе. В обозримом будущем они поступят во все возрастающем количестве в воинские подразделения, ведущие тяжелые оборонительные бои на Восточном фронте, и смогут облегчить их положение.

Подписано:

Кюблер

¹ Копия с оригинала (Шауп). Уже через несколько часов после поступления этого приказа в войска вышел новый приказ на отход.

Приложение 9

ОБРАЩЕНИЕ С НЕМЕЦКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ, 1943

137-я пехотная дивизия¹

Начальник разведки

Относительно: обращения с немецкими военнопленными.

Новые данные о противоречащих международному праву расстрелах немецких военнопленных:

1. Во время боев в районе города Дмитриев-Льговский в плен к русским попали четыре немецких солдата. По сведениям из достоверных источников, они были расстреляны.

2. Один из военнослужащих 2-й армии, сбежавший из русского плена, дал следующие показания: 29 января 1943 года во время боев вместе примерно с тысячей других бойцов в плен к русским попал рядовой пехоты Лист одного из гренадерских полков 2-й армии. Военнопленных разделили на группы по 200—300 человек. Как только стемнело, группу, в которую попал рядовой Лист, заставили снять маскировочные костюмы, построили в четыре ряда у подножия холма, и 20 красноармейцев расстреляли немецких военнопленных из пулеметов и автоматов с расстояния 50 метров. Вместе с десятью другими солдатами вермахта рядовому Листу удалось скрыться за холмом и бежать.

Каждый солдат германской армии должен знать об этом, чтобы понимать, какая судьба ожидает его при попадании в плен к русским.

Необходимо соответствующим образом проинформировать личный состав подразделений.

За командира дивизии:

первый офицер Генерального штаба *Бринкманн, капитан*

¹ Копия с оригинала (Шауп).

Приложение 10

ДВИЖЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА И ПОТЕРИ ПЕХОТНОГО БАТАЛЬОНА ЗА ПЕРВЫЕ ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ ВОСТОЧНОЙ КАМПАНИИ¹

I. Численный состав (без медицинского персонала и обоза снабжения) по состоянию на 22.06.1941

12 офицеров 140 лошадей

1 государственный служащий

111 унтер-офицеров

637 рядовых

761

II. Численный состав (включая тяжелый обоз) по состоянию на 31.03.42

6 офицеров

1 государственный служащий

65 унтер-офицеров

295 рядовых

367

III. Потери с 22.06.1941 по 31.03.1942

Погибли в бою	2 офицера	38 унтер-офицеров	140 рядовых
Жертвы несчастного случая со смертельным исходом	—	—	3 рядовых
Пропали без вести	—	3 унтер-офицера	28 рядовых
Ранены в бою	11 офицеров	78 унтер-офицеров	395 рядовых
Больны	2 офицера	20 унтер-офицеров	204 рядовых
Всего	15 офицеров	139 унтер-офицеров	770 рядовых
Итого	—	—	924

¹ Согласно записям в дневнике майора Штайскаля, командира 1-го батальона 448-го пехотного полка.

Приложение 11

ПРИКАЗ ПО 137-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ О РАСХОДЕ БОЕПРИПАСОВ

137-я пехотная дивизия

Командный пункт дивизии, 19.08.1941

Оперативный отдел

Не хранить на передовой!

Впечатления от первых двух дней введения дивизии в действие на Ельнинском выступе побуждают меня внести ясность по следующим вопросам:

1. В настоящее время обеспечение дивизии боеприпасами выполнено в полном объеме, кроме того, у нас имеются некоторые сверхнормативные запасы. Но само собой разумеется, что при удалении от исходной базы на тысячу километров подвоз боеприпасов с нее не может быть неограниченно большим. Поэтому разумное и продуманное использование боеприпасов (как в пехоте, так и в артиллерии) на сегодняшней позиции является трудной, но жизненно важной задачей всех командиров.

2. В последнее время резко возросло число вызовов артиллерийского огня (особенно заградительного) со стороны пехоты. Если при русских атаках численностью до роты и менее постоянно будет открываться артиллерийский огонь, то у нас не хватит боеприпасов для отражения действительно сильных атак противника. Такие атаки небольшими силами пехота вполне в состоянии без труда отразить имеющимися у нее собственными средствами, если из каждого вида оружия не будет вестись стрельба на слишком большом удалении, когда каждый вид оружия будет применяться на самом эффективном для него расстоянии. Внезапный огонь из автоматов, пулеметов и тяжелого оружия, открытый с близкого расстояния, как в моральном, так и во всех других отношениях будет гораздо эффективнее, чем неприцельный огонь по площадям.

3. Не каждое скопление или передвижение противника, а тем более противник, выполняющий земляные работы, являются достойной целью для нашей артиллерии. То, что командиру взвода по вполне понятным причинам кажется «крупным скоплением», еще долго не будет представлять серьезной опасности для его батальона. Поэтому я требую, чтобы уже командиры рот и батальонов критически подходили к донесениям подобного

рода и чтобы их личный состав больше доверял собственному оружию батальона при отражении атак противника. Успехи дивизии, достигнутые в проведенных боях, в полной мере оправдывают это доверие.

4. Ответный огонь по каким-либо целям в ближнем тылу, по населенным пунктам и т. п. является бессмысленным, а в нашем положении даже преступным. Мы не можем оказать русским большую услугу, чем перед их крупномасштабным наступлением расстрелять весь свой боезапас.

5. Поэтому я приказываю:

а) из пехотного оружия всех видов следует открывать огонь только на таком расстоянии, которое является для каждого вида оружия самым благоприятным;

б) вызывать артиллерийский огонь имеют право только командиры батальонов. От них я требую, чтобы они вызывали артиллерийский огонь только в том случае, если убеждены, что не смогут собственными силами остановить противника до переднего края обороны;

в) я запрещаю вести любую ответную стрельбу.

Я ожидаю, что все офицеры с пониманием отнесутся к этим мерам, целью которых является только благо самих подразделений, и настоятельно и в полном объеме доведут их до личного состава.

Бергманн

Литература

Гаккенхольц Герман. Разгром группы армий «Центр» летом 1944 // Ежеквартальный журнал современной истории. 1955. № 3. С. 310 и следующие. Штутгарт.

Гейер, генерал. 9-й корпус в Восточной кампании. Частное издание. 1942.

Гудериан Гейнц. Воспоминания солдата. Курт Фовинкель. Гейдельберг, 1951.

Гшёнф Рудольф. Мой путь с 45-й пехотной дивизией. Верхняя Австрия, Ландсферлаг, Линц, 1955.

Дамс Х.Г. Вторая мировая война. Райнер Вундерлих ферлаг. Тюбинген, 1960.

Клозе Пауль. И дорога без конца (559-й гренадерский полк). Бендер. Дармштадт, 1958.

Меркер Людвиг. Журнал боевых действий 78-й ударной дивизии. Тюбинген, 1957.

Мюллер-Хиллебранд Буркхард. Сухопутные войска 1939—1945. Т. 2. Миттлер и Сын. Франкфурт-на-Майне, 1956.

Нитц Гюнтер. 292-я пехотная дивизия. Бернгард и Грэфе, 1957.

Рейнгардт Гельмут. Высадки русского воздушного десанта в тылу германской группы армий «Центр» в первые месяцы 1942 года // Вервиссеншафтliche рундшау. Вып. 8. 1958. № 7.

Рендулич Лотар. Сражения, победы, поражения. Ферлаг «Вельзермюль». Велс-Гейдельберг, 1952.

Фон Кнобельсдорфф Отто. История нижнесаксонской 19-й танковой дивизии. Подцун-ферлаг. Бад-Наухайм, 1956.

Фон Типпельскирх Курт. Вторая мировая война. Атенойм ферлаг. 2-е изд. Бонн, 1956.

Хинрикс Г. Советское военное командование во Второй мировой войне. Historical Division USAREUR.

Хосбах Фридрих. Пехота в Восточной кампании 1941/42 (31-я пехотная дивизия, 82-й пехотный полк). Гибель и Ёльшлзгель. Остероде/Гарц, 1951.

Ширмер/Винер. Фельдграу. Вып. 3. 1955.

Шмидт Юлиус. 29-я дивизия. Подцун-ферлаг. Бад-Наухайм, 1960.

Якобсен Г.А. 1939—1945. Вторая мировая война в хрониках и документах. Дармштадт, 1959.

Якобсен Г.А., Ровер Ю. Решающие сражения Второй мировой войны. Бернгард и Грэфе. Франкфурт, 1960.

Оглавление

Предисловие	5
<i>Глава 1.</i> От Дуная до Буга, 5 октября 1940 — 21 июня 1941 года	9
<i>Глава 2.</i> Белостокско-Минское сражение, 22 июня — 9 июля 1941 года	17
<i>Глава 3.</i> Смоленское сражение, 10—31 июля 1941 года	37
<i>Глава 4.</i> Битва под Рославлем и оборонительные бои на Десне, 1—18 августа 1941 года	59
<i>Глава 5.</i> Оборонительные бои на Ельнинском выступе, 19 августа — 1 октября 1941 года	72
<i>Глава 6.</i> Сражение под Вязьмой, 2—9 октября 1941 года	92
<i>Глава 7.</i> Охранение района боевых действий и бои с партизанами, 10 октября — 6 ноября 1941 года	100
<i>Глава 8.</i> Наступление на Москву. Бои между реками Протва и Нара, 7 ноября — 5 декабря 1941 года	110
<i>Глава 9.</i> Зимнее наступление русских на группу армий «Центр», 6 декабря 1941 — 20 января 1942 года	121
<i>Глава 10.</i> Зимнее сражение под Юхновом, 21 января — 18 апреля 1942 года	153
<i>Глава 11.</i> Позиционные бои в зоне действия группы армий «Центр» (позиция на реке Попольта), 19 апреля 1942 — 12 февраля 1943 года	178
<i>Глава 12.</i> Зимнее сражение в районе юго-западнее Орла, 13 февраля — 25 марта 1943 года	196
<i>Глава 13.</i> Оборонительные бои на реке Усожа и на заградительной позиции «Хаген», 26 марта — 25 августа 1943 года	214
<i>Глава 14.</i> Битва за Севск, 26 августа — 2 сентября 1943 года	221

<i>Глава 15. Отступление за Десну и оборонительные бои на берегах Днепра и Припяти, 3 сентября — 9 декабря 1943 года</i>	228
<i>Глава 16. Снабжение дивизии, 1941—1943 годы</i>	248
<i>Глава 17. Подразделения 137-й пехотной дивизии после ее расформирования, 10 декабря 1943 года — 9 мая 1945 года</i>	290
<i>Глава 18. Товарищество дивизии Бергманна (137-й пехотной дивизии), 1956—1962 годы</i>	315
Приложения	320
Литература	346

Мейер-Детринг Вильгельм
137-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ
1940—1945

Ответственный редактор *А.В. Безугольный*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Ответственный корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать 14.06.2013.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.
Уч.-изд. л. 21,44 + вклейка = 24, 57.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 4662.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Мартин Гарайс

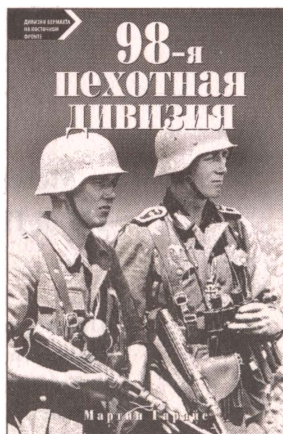
98-я пехотная дивизия

В ваших руках книга, открывающая новую серию «Дивизии вермахта на Восточном фронте». Эта серия призвана не только и не столько познакомить читателя с историей соединений вермахта периода Второй мировой войны, хотя сама по себе она очень интересна. Главная задача, которую ставит перед собой издатель, — внести новое слово в историографию Великой Отечественной войны. Не секрет, что в этой области до сих пор остается немало пробелов.

98-я пехотная дивизия — типичное пехотное соединение вермахта, прошедшее долгий и нелегкий боевой путь, начиная с довольно простой кампании во Франции и заканчивая трагическими страницами разгрома в Крыму весной 1944 г., а затем пленением союзными войсками в Италии. Пешим маршем дивизия отмеряла тысячи километров чужой земли, обильно полив ее немецкой кровью. Автор книги бывший командир дивизии генерал Мартин Гарайс тем не менее не задается вопросом, что же делал немецкий солдат в далеких землях, где ему были совсем не рады.

Привыкший за последние десятилетия к некоторой романтизации вермахта, читатель немало удивится, узнав о том, что с самых первых дней войны с Советским Союзом немцы уяснили, что легкая прогулка закончилась, что уже в августе 1941 г. немецкая пехота несла тяжелейшие потери, что 98-я дивизия (как и многие другие пехотные дивизии вермахта) сменила из-за потерь несколько составов и только без вести пропавшими в ее списках числилось более 4 тысяч человек. Советский солдат, которого М. Гарайс называет обобщающе «большевиком» и понимает как безликую серую массу, тем не менее не раз вызывает если не восхищение, то удивление автора своей стойкостью, упорством и самопожертвованием.

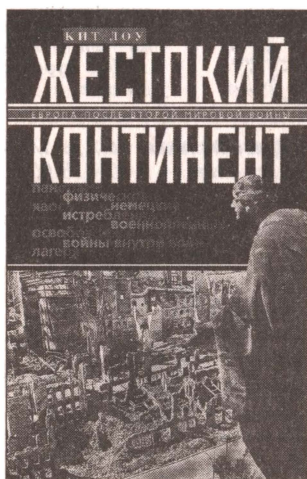
Книга рассчитана на историков и широкий круг читателей.

КИТ ЛОУ

ЖЕСТОКИЙ КОНТИНЕНТ

ЕВРОПА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война, самая разрушительная в истории человечества, не только razорила народы, но и посеяла недоверие между странами. И то, что Европа сумела выбраться из послевоенной разрухи и стать процветающим толерантным обществом, выглядит настоящим чудом. Историки, политики и экономисты отмечали, что окончание войны стало не только концом репрессий и насилия, но и духовным, нравственным и экономическим возрождением целого континента. В своей книге Кит Лоу совершил попытку пролить свет на истинные, иногда ужасающие события, происходящие в послевоенной Европе, и на то влияние, которое они оказали на ее дальнейшее развитие.

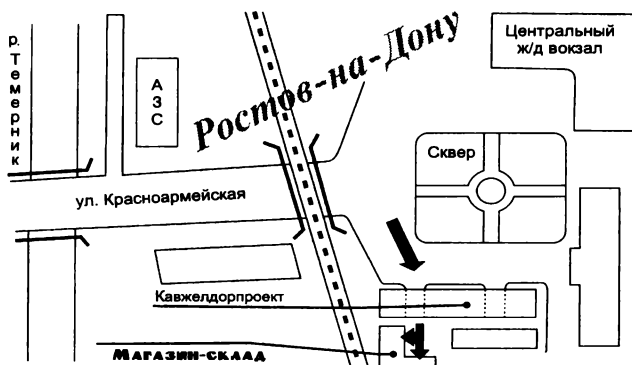
Переплет, формат 130×206 мм, объем 480 с.

Фирменные магазины «Издательства Центрполиграф»

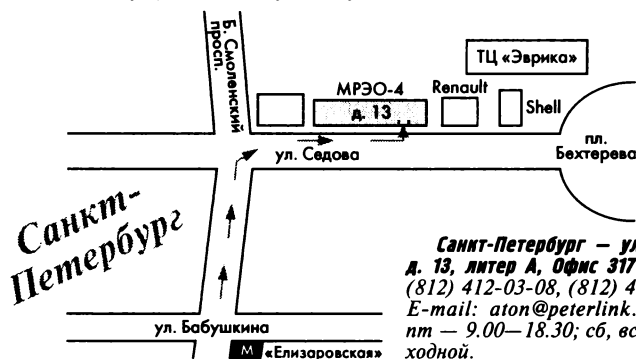

Москва – ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: (495) 684-49-89, мелкооптовый отдел – тел. (495) 684-49-68; пн–пт – 10.00–19.00, сб – 10.00–17.00, курьерская доставка книг по Москве.

Ростов-на-Дону – Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн–пт – 9.00–18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН»

Санкт-Петербург – ул. Седова, д. 13, литер А, Офис 317-А, тел.: (812) 412-03-08, (812) 412-79-13. E-mail: aton@peterlink.ru. Пн–пт – 9.00–18.30; сб, вскр – выходной.

История 137-й пехотной дивизии вермахта типична для многих пехотных соединений, составлявших основу германских сухопутных сил на Восточном фронте. С первого дня войны с Советским Союзом дивизия, укомплектованная изначально в основном австрийцами, принимала активное участие во многих решающих операциях Восточной кампании: в Белостокско-Минском и Смоленском сражениях, боях под Вязьмой и Рославлем, Орлом и Севском. После разгрома немецких войск на Курской дуге 137-я дивизия вела тяжелые оборонительные бои на Десне, Днепре и Припяти. С октября 1943 г. поредевшая дивизия существовала в форме боевой группы, а в декабре 1943 г. и вовсе была расформирована ввиду небоеспособности. Символично, что дивизия закончила свой боевой путь там, откуда она отправилась за легкой (как считали многие немецкие генералы) победой в Россию — в районе польского города Седлице. После расформирования отдельные ее подразделения воевали в составе других соединений до своего горького конца в мае 1945 г.

За написание истории 137-й дивизии еще в конце 1950-х гг. взялся В. Мейер-Детринг, бывший начальник оперативного отдела штаба дивизии, прошедший с ней боевой путь от Буга до Калуги. Он использовал не только официальные боевые донесения и приказы той поры, журналы боевых действий отдельных подразделений дивизии, но и обширный корпус личных дневников офицеров, унтер-офицеров и рядовых, которые принимали участие в Восточной кампании в рядах 137-й дивизии. Эти записи помогли дополнить анализ событий с точки зрения командования дивизии личными впечатлениями простого солдата и офицера. Для наглядности автор использовал большое количество схем отдельных боев и сражений, а также десятки фотографий военной поры. Наверняка эта книга вызовет интерес не только у историков и специалистов, но и у простых читателей, интересующихся военной историей.

ISBN 978-5-227-04611-6

ЦЕНТРОЛИГРАФ®